

От автора международного бестселлера
«Дочь Рейха»

ЛУИЗА ФЕЙН

ТАЙНОЕ ДИТЯ

РОМАН

A woman in a red dress and a child are standing on a stone balcony, looking out at a dramatic sunset sky. The scene is framed by a decorative balustrade. In the foreground, there are vibrant pink flowers.

Эта книга разобьет вам сердце,
заставит усомниться в человечестве,
а затем вернет вам надежду.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

Annotation

1920-е годы. Англия. Элино́р Хэ́милтон – счастливая жена и мать очаровательной четырехлетней девочки Мейбл. Эдвард Хэ́милтон – известный психолог, активно продвигающий идеи евгеники, призванной бороться с наследственными заболеваниями ради общественного блага. Но когда Мейбл ставят диагноз «эпилепсия», все в семье идет прахом. Болезнь Мейбл необходимо скрыть, иначе дело всей жизни Эдварда окажется под угрозой. Обнаружив, что муж утаивает от нее важную научную информацию, Элино́р пересматривает свои взгляды на генетическую неполноценность, и ее прежняя вера в непогрешимость мужа рушится. Встревоженная, расстроенная, не способная больше мириться с ситуацией, она берет дело в свои руки...

Впервые на русском языке!

-
- [Луиза Фейн](#)
 -
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [I](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [II](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [III](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
- [IV](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [V](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [VI](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [VII](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [VIII](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [IX](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
- [Послесловие автора](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Луиза Фейн

Тайное дитя

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Милли, Джошу и Лотти

*Образованный человек – это бездельник,
убивающий время на познание. Берегитесь его
ложного знания; оно еще опаснее невежества.*

Джордж Бернард Шоу

Этот роман был навеян личным опытом автора по воспитанию ребенка, страдающего эпилепсией. Вообразив себя живущей веком раньше, в эпоху, когда верили в ущербную науку, а сама эта эпоха была сформирована ксенофобией, предрассудками и страхом, автор надеется привлечь внимание к подходам и клише, которые живы и по сей день и продолжают влиять на наше общество и язык.

Часть первая
Июль 1928 года

Глава 1

Элино́р

Мейбл крепко держится за руку Элино́р. Их рессорная двуколка быстро катится по проселочной дороге. Из-под копыт Дилли в знойный июльский воздух взлетают облачка пыли. По обеим сторонам дороги, словно часовые, стоят деревья. Их ветви нависают над дорогой и изгибаются подобно аркам собора, образуя прохладный зеленый купол, который защищает маленького пони и сидящих в двуколке от нещадного послеполуденного солнца.

– Быстрее! – хихикает Мейбл, глядя сияющими глазами на мать. – Пусть Дилли бежит быстрее!

Девочка оглядывается на дорогу и весело смеется. Ей нравится, что ветер играет ее локонами, почти прозрачными на солнце, а сама она возбужденно подпрыгивает на сиденье рядом с матерью.

Элино́р натягивает поводья. Те похрустывают. Ветер доносит слабый запах конского пота. Для такой жары пони бежит достаточно резво. Они так и так приедут намного раньше времени, чтобы встретить лондонский поезд, прибывающий в 16:25.

– Мейбл, Дилли не может бежать быстрее, – отвечает Элино́р. – Сейчас слишком жарко. И потом, она уже довольно старая. Было бы некрасиво ее перенапрягать.

Гнедые бока Дилли потемнели от пота, но она по-прежнему бежит быстро, добросовестно подчиняясь командам Элино́р. Уши лошадки наострены, голова поднята, словно и она вместе с хозяйкой радуется возвращению Роуз. Элино́р захлестывает счастье. Она думает, как поделится с сестрой замечательной новостью, и представляет реакцию Роуз. Даже Эдвард пока об этом не знает.

Мейбл надувает губки и отпускает руку матери:

– А сколько Дилли лет?

– Где-то около тринадцати.

– И она старая?

– Пожалуй, для пони это средний возраст.

– Мама, а тебе сколько лет?

– Мейбл, неприлично спрашивать у леди о ее возрасте, – смеется Элино́р, наклоняется и целует дочку в макушку. – Но тебе я скажу, только пусть это останется нашей тайной, – говорит она, похлопывая себя по переносице и делая суровое лицо.

Мейбл кивает. Личико малышки тоже принимает серьезное выражение.

– Мне двадцать семь. В общем-то, почти двадцать восемь, – удивленно добавляет Элино́р.

Когда же она успела достичь этого уже не юного возраста? Всего год назад ей было двадцать; во всяком случае, так говорят ее ощущения. И почему в двадцать восемь кажешься гораздо старше, чем в двадцать семь? А там и до тридцати рукой подать, сокрушенно сознаёт она. Тридцать лет для женщины – это старость? Мужчина такого возраста считается только-только входящим в расцвет сил, но женщина...

– Какая же ты старая! – восклицает Мейбл. – Значит, ты скоро умрешь, как Пэтч? Мама, но ты же не умрешь, правда?

– Боже мой, конечно же нет! Дорогая, люди живут намного дольше собак и пони. На самом деле для человека я еще очень, очень молодая.

Мейбл заметно успокаивается и задает новый вопрос:

– А тете Роуз тоже двадцать семь?

– Тете Роуз всего восемнадцать и вскоре исполнится девятнадцать, – отвечает Элино́р. – Она получила хорошее образование, достаточно попутешествовала и превратилась в смышленную юную леди, которой твой папа постарается найти обаятельного богатого мужа.

Элино́р закусывает губу. Пожалуй, она сказала много лишнего. Дочка, не понимая смысла слов, по обыкновению перескажет их совсем не тем, кому это надлежит знать. Она бросает взгляд на Мейбл. Та сосредоточенно смотрит на дорогу. Малышка совсем замерла; скорее всего, обдумывает новую порцию вопросов, рождающихся в ее четырехлетнем уме. В нарядном платьице, украшенном желтыми и розовыми цветочками, она выглядит как картинка. Элино́р согласилась с Мейбл: только в таком платье и ехать на станцию встречать тетю Роуз.

Мейбл поворачивается и поднимает взгляд на Элинора. В глазах малышки – непонятная темнота. Элинора уже несколько раз замечала эту почти неуловимую темноту, которую она склонна приписать своему воображению. Через мгновение темнота исчезает, и личико Мейбл вновь озаряется.

– Можно, мы споем песенку? – улыбаясь, спрашивает Мейбл.

– Чудесная мысль, – кивает Элинора.

– Мама, а что мы будем петь?

– Давай подумаем...

Элинора набирает в легкие побольше воздуха и, подчиняясь ритму цокающих копыт Дилли, начинает раскачиваться и петь. Мейбл быстро присоединяется к ней и тоже раскачивается, выводя припев:

Боже, ну что там могло приключиться? Что же могло с ним такого случиться? Боже, ну что там могло приключиться? С ярмарки Джонни пора б воротиться.

Лент синих охалку купить обещал он. Лент синих атласных купить обещал он. Лент синих охалку купить обещал он, Чтоб в мои дивные косы вплетать...

Всех слов и порядок куплетов Элинора не помнит, а потому придумывает на ходу. Мейбл, похоже, совсем не возражает и радостно, хотя и нестройно подтягивает во всю мощь своего голоса. Дилли шевелит ушами.

Яблок зеленых купить обещал он. Сочных, хрустящих купить обещал он. Яблок зеленых купить обещал он, Чтоб ими могла я себя услаждать [1].

Деревья расступаются. Теперь дорога тянется вдоль поля. У канавы, почти у самой обочины, лениво бродят косматые коровы и телята галловейской породы, помахивая хвостами над своими круглыми и такими же косматыми задами. Поперек туловища у них тянется белая полоса. Обвислые животы елозят по высокой траве. Головы опущены, что неудивительно для столь жаркой погоды. Над ними выются тучи насекомых. Проезжая мимо, Элинора энергично отмахивается от докучливых кровососов. Впереди над дорогой дрожит слепополуденное марево. За полем сквозь кроны деревьев проглядывает островерхий купол далекой церкви.

– Почти доехали, – говорит она Мейбл.

Дочка продолжает напевать себе: «Боже, ну что там могло приключиться?» Эту строчку она повторяет снова и снова, выдерживая небольшие паузы.

В конце поля дорога делает поворот. Появляется здание станции, напротив которого стоит паб «Белый олень». Далее, взбираясь на склон холма и уходя за пределы видимости, раскинулась деревня Мейфилд – типично английская деревня, живописная, утопающая в зелени, с непременным полем для крокета, утиным прудом и майским деревом. Исторические деревянные каркасные дома – некоторые строились еще во времена Тюдоров – тянутся волнами вокруг зеленого сердца деревни, а сама она органично вписывается в красоту холмов Суррея.

Элинор натягивает поводья, и неизменно послушная Дилли замедляет шаг. До поезда остается еще больше десяти минут.

– Тпру! – командует Элинор.

Пони и двуколка останавливаются. Элинор сходит на землю и, не отпуская поводьев, ведет Дилли к поилке за пабом. Пони долго пьет воду, шумно втягивая ее сквозь металлический мундштук. Затем Дилли трет мордой о плечо Элинор, едва не лишая хозяйку равновесия.

– Что, девочка моя, зачесалось?

В ответ Дилли фыркает, вызывая смех Мейбл. Элинор ласково треплет пони по шее и отводит под тень раскидистого бука, что растет вблизи паба. Дилли опускает голову и упирается в ствол задней ногой.

Элинор ссаживает Мейбл с двуколки, чтобы дочка размяла ноги на дорожке. Пока они ждут поезда, Элинор наблюдает за малышкой. Та с восторгом разглядывает жука, затем тянется к пестрому камешку, не переставая щебетать сама с собой. Один или два раза Мейбл прерывает свое щебетание и замирает. Кажется, будто она что-то вспомнила... Потом, через секунду-другую, продолжает исследовать окружающий мир.

– Добрый день, миссис Хэмилтон, – слышится с другого края дороги.

Это Тед, местный почтальон. Помахав ей рукой, он подходит к почтовому ящику за станцией.

– Ну и жаркий сегодня денек! – добавляет Тед, доставая из кармана ключи.

– Не то слово!

Элино́р проводит по лбу рукой в перчатке, словно показывая почтальону, что вот-вот расплавится от жары.

Дверца почтового ящика со скрипом открывается, заслоняя голову Теда, который вытряхивает письма в подставленную сумку.

Элино́р лениво наблюдает за Тедом, мыслями уносясь к совсем уж скорому возвращению сестры домой. Как же она соскучилась по младшей сестренке! Роуз – это все, что осталось у Элино́р от детства и прежней семьи, и импульсивное желание держать сестру подле себя, в безопасности, становится почти невыносимым. Возможно, из-за того, что оба их брата погибли на войне, а затем один за другим трагически расстались с жизнью родители, Элино́р, естественно, боится выпускать сестру из поля зрения. Ей понадобилось проявить изрядное великодушие, чтобы позволить Роуз надолго отправиться в Париж. До появления Эдварда они с Роуз были совсем одни в целом мире.

Эдвард так заботливо относится к Роуз. Дорогой Эдвард, какой же ношей явились они с сестрой для него! Женившись, он взял на себя гораздо больше, нежели заботу о жене. И Роуз, конечно же, должна поскорее найти себе мужа и освободить Эдварда от ответственности за двух женщин, особенно когда ожидается пополнение семейства. Рука Элино́р ложится на живот, а глаза перемещаются на Мейбл, которая сидит на корточках под деревом и собирает прутики. Элино́р пытается представить сестру под руку с обаятельным молодым человеком, и грудь сдавливает от острого ощущения потери.

Она встряхивает головой. Нельзя и дальше удерживать Роуз подле себя. К тому же сестра имеет полное право на семейное счастье. Элино́р представляет, какой была бы ее жизнь без Эдварда, и испытывает легкую дурноту.

Первая встреча с Эдвардом глубоко врезалась ей в память. Воспоминание живо рисует ей то время, и у Элино́р перехватывает дыхание, совсем как восемь лет назад, в 1920-м. Широкие плечи под ладно сидящей формой, медали, украшающие грудь. Едва взглянув на них, Элино́р увидела Военный крест, присуждаемый за особую храбрость. Вошедший был высокого роста. Элино́р тогда работала секретаршей в Военном министерстве. Сидя за пишущей машинкой, она смотрела, как мужчина опустился на стул возле кабинета бригадного генерала, и думала, за какие подвиги его могли наградить

этим орденом. Проникающие в душу глаза, задержавшиеся на ней чуть дольше, чем положено капитану, явившемуся для демобилизации. Элино́р помнит, какое впечатление он произвел на нее. В груди что-то жарко запульсировало; слова, которые она печатала, расплавились и потекли по странице. У нее по сей день сохранились ощущение ласкового весеннего ветерка, дувшего из открытого окна, и шум уличного движения по Хорс-Гардс-авеню. Его пристальный взгляд буквально давил на нее, когда она, с покрасневшими щеками, безуспешно пыталась сосредоточиться на работе. Краешком глаза Элино́р видела, как из нагрудного кармана капитан достал записную книжку и авторучку, затем, наморщив лоб в раздумье, начал писать. «Может, он поэт?» – подумалось ей тогда. Или подготавливается к беседе с генералом.

– «Яблок зеленых купить обещал он», – вдруг затягивает Мейбл, глядя на Элино́р. – Мама, я правильно пою эту песню?

– Да, дорогая, – рассеянно бормочет Элино́р.

Когда Эдвард скрылся за дверью кабинета бригадного генерала, Элино́р обнаружила, что у нее сильно бьется сердце, на коже выступил пот, а дыхание стало хриплым. Через какое-то время он снова выйдет в приемную. Сознавая это, Элино́р поправила волосы, разгладила блузку и пощипала себя за щеки для появления румянца. Ей показалось, будто прошел не один час, прежде чем он вышел. Элино́р сознавала всю нелепость положения. Ну кто она? Обыкновенная девушка-секретарша. А он военный, мужчина намного старше ее. Должно быть, ему лет тридцать или даже все тридцать пять. Ей же всего девятнадцать! Вдобавок еще и сирота с сестрой на руках. Такой умный, уверенный в себе, храбрый и обаятельный мужчина, как он, не найдет в ней ничего интересного.

Он вышел, повернулся.

– Удачи вам во всем, – сказал бригадный генерал и так энергично пожал Эдварду руку, что у самого задрожали усы.

«Он из временных джентльменов», – догадалась Элино́р. Так называли тех, кого во время войны призывали на офицерскую службу. Теперь он демобилизовался и вернется к своей прежней профессии. «К какой?» – задавалась вопросом Элино́р, не в силах отвести взгляд от бравого капитана, который вот-вот покинет приемную. Прежде чем надеть фуражку, он повернулся к ее столу. Его лицо озарила теплая,

удивительная улыбка. Проходя мимо, он положил возле машинки сложенную записку. Бригадный генерал, конечно же, ничего не заметил, поскольку явно думал о сотнях других временных джентльменов, которых ему предстояло демобилизовать в ближайшие дни.

Сегодня, в шесть вечера, я буду в кафе «Брю» на углу Уайтхол-плейс. Не могли бы Вы встретиться со мной за чашкой чая? Смеею Вас заверить: мое приглашение является чисто профессиональным.

Искренне Ваш, Эдвард Хэмилтон

После чтения записки у Элинора снова забилося сердце.

Лязгая ключами, Тед запирает почтовый ящик и пристраивает разбухшую сумку в корзину на велосипедном руле. Он поворачивается к Элинору, прикладывает руку к фуражке, словно хочет проститься, но вдруг бросает взгляд за ее спину и громко вскрикивает. Руки почтальона выпускают руль, велосипед шумно падает на землю, письма вываливаются из сумки. Глаза Теда широко распахнуты, рот открыт от изумления. Он указывает на что-то, происходящее под деревом.

Элинора в недоумении оборачивается.

Мейбл! Собранные прутики разлетелись в стороны. Дочь сидит на пыльной земле, лицо искажено гримасой, глаза ввалились. Подбородок малышки опускается на грудь, потом еще раз, ее ручки дергаются.

От ужаса ноги Элинора словно приросли к земле. Ее дочь выглядит одержимой, милое выражение лица исчезло, сменившись отвратительной гримасой. Первым очухивается Тед. Он медленно идет к Элинору, протягивая руки.

– Что с ней такое? – спрашивает почтальон. – Что происходит?..

Его слова выводят Элинора из ступора, и она бросается к дочке.

– Мейбл! – Она подхватывает малышку на руки.

Та не реагирует.

– Мейбл! – вскрикивает Элинора.

«Что же с ней творится?» – в страхе думает Элинора. Кажется, прежняя Мейбл куда-то исчезла, а ее тело заняло странное существо. У

Элино́р гудит в голове, паника сжимает ей горло. Она дает Мейбл пощечину. Сильную. Она готова на что угодно, только бы прогнать с лица дочери эту дьявольскую гримасу, это запредельное выражение глаз.

– Может, за доктором сбежать? – слышит она голос Теда, ощущая его руку на плече.

И вдруг лицо Мейбл становится прежним. Глаза останавливаются на Элино́р: затуманенные, полные замешательства. Сердце Элино́р отчаянно бьется, она прерывисто дышит. Земля содрогается у нее под ногами.

– Все хорошо, – шепчет она Мейбл на ушко. – Все в порядке, – повторяет она, отряхивая пыль с волос и платья дочери.

– Миссис Хэмилтон?

Элино́р поднимает голову и видит встревоженное лицо Теда.

– Я спросил, может, за доктором сбежать?

Элино́р вновь поворачивается к дочери, которая засунула в рот большой палец и сосредоточенно его сосет.

– Не надо, – отвечает она, а в голове нет ни одной четкой мысли, почему малышке не нужен врач. – С ней все в порядке. Даже не знаю, что это было. Она...

– Ку-и-и! Элино́р!

Это Роуз.

У Элино́р дрожат ноги. Она выпрямляется и поворачивается в сторону младшей сестры, которая уже покинула перрон и теперь поднимается к ним по склону холма. Роуз широко улыбается из-под гибких полей соломенной шляпки: розовощекая и такая красивая. Образец совершенства. Сестра быстро идет в их сторону и машет рукой. В другой руке она держит чемодан.

Мейбл ерзает в материнских руках и указывает на Роуз.

Элино́р вновь поворачивается к Теду:

– Не беспокойтесь. Мейбл хорошо себя чувствует. Вчера она легла спать позже обычного. Да и устала на жаре, пока ехали сюда. Вот и решила устроить нам маленькое представление. Вы же знаете детей! Мне так неловко, что у вас выпали письма. Мы вам поможем их собрать.

– Я и сам соберу, – отвечает Тед. – Ну раз с вашей малышкой все в порядке...

Судя по его лицу, сам он в этом сомневается.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – повторяет Элинон. – Мейбл в полном порядке. И незачем... совершенно незачем рассказывать об этом кому бы то ни было.

Тед кивает и наклоняется за упавшим велосипедом. Он прислоняет своего железного коня к дереву и принимается собирать разлетевшиеся письма.

– Уже забыл, – говорит он, быстро улыбнувшись Элинон.

Роуз переходит улицу. Последние ярды она пробегает и, бросив чемодан, устремляется к старшей сестре. Шелестит ткань ее красивого хлопчатобумажного платья. От Роуз пахнет цветами. Смеясь, она заключает Элинон в объятия. Мейбл протискивается между ними. Паровозный свисток, доносящийся со станции, заставляет их разомкнуть руки. Над паровозом взвивается облако пара. Уши Элинон наполняются натужным лязгом вагонов трогającego поезда. Мейбл слишком тяжелая, и Элинон осторожно опускает дочку на землю.

– Ох, Роуз! До чего же я рада тебя видеть! Даже не слышала, как подошел поезд!

– И я рада, моя дражайшая Элинон. А как там моя любимая племянка? – Роуз нежно щиплет щеки Мейбл, и девочка застенчиво прячет голову в подол материнского платья. – Как же ты выросла! – Роуз поворачивается к Теду, продолжающему собирать рассыпавшиеся письма. – Что у вас случилось? Вам помочь?

– Благодарю вас, все в порядке. – Он склоняется над почтовой сумкой. – Пострадал от собственной оплошности. Рад вашему возвращению, мисс Кармайкл. Сколько же вы отсутствовали?

– Целых девять месяцев! – со смехом отвечает она. – Можете поверить?

– Добро пожаловать в родные края, – говорит Тед, собирая последние письма. – Ладно, двинусь дальше.

– Да. Тед, спасибо за помощь.

– Надеюсь, с ней все в порядке, – еще раз произносит почтальон и озабоченно косится на Мейбл. – Прекрасного дня вам обеим.

– Счастливо, Тед!

Он перекидывает длинную ногу через велосипедную раму, сгибает колени, чтобы не задеть выпирающую сумку с почтой, и уезжает.

Элино́р отстраняется, разглядывая сестру.

– Как ты замечательно выглядишь! – с улыбкой говорит она.

Роуз пополнела. Она буквально пышет здоровьем. Ее голубые глаза лучатся, на щеках румянец. Эдвард без труда найдет ей подходящего мужа.

Элино́р наклоняется за чемоданом, оставленным сестрой.

– Забирайся в двуколку, и едем домой. Полагаю, миссис Беллами уже приготовила нам торт «Виктория» с начинкой из клубничного джема. Как ты любишь, Мейбл. И Роуз тоже.

Малышка облизывает губы и чешет живот.

– Вкуснятина, – говорит она. Ее недавняя оторопь прошла столь же быстро, как и появилась. – Я люблю клубничный джем.

Совершенно нормальная детская речь. Никаких запинок. Может, ужасный эпизод ей просто привиделся? Не будь рядом Теда, она бы убедила себя в этом.

– Я тоже люблю клубничное варенье. – Роуз улыбается племяннице. – Видишь? У нас с тобой одинаковые вкусы.

Мейбл вкладывает свои пальчики в обтянутую перчаткой ладонь тетки.

– Как здорово вернуться домой! – восклицает Роуз, усаживаясь в двуколку.

Элино́р трогает поводья. Дилли разворачивается и пускается в обратный путь к Брук-Энду. Мейбл усаживается между матерью и теткой.

– После путешествий тебе понадобится заново привыкать к тихой старой Англии, – говорит Элино́р.

– Конечно, но я скучала по родным местам. И по тебе, дорогая Элли. Прежде мы если и расставались, то всего на несколько недель. – Она улыбается. – Однако... Париж и в самом деле удивителен. Как щедро было со стороны Эдварда отпустить меня в путешествие!

– И тебе оно пошло на пользу? – с напускной серьезностью спрашивает Элино́р. – Ты превратилась в шикарную говорливую парижанку? Эдварду захочется увидеть результаты его щедрости.

– Придется отдать себя на его суд, – смеется Роуз.

Отдохнувшая Дилли пускается рысью. Элино́р смотрит на профиль сестры. Роуз и в самом деле вся светится. Месяцы,

проведенные в Париже, и недели путешествия по Италии явно пошли ей на пользу.

Сестры умолкают, убаюканные негромким цокотом копыт Дилли, чья гладкая шкура то озаряется светом, то тускнеет при переходе от открытых участков дороги к затененным. Меж тем солнце постепенно клонится к закату.

Теперь, когда Роуз сидит рядом, тайна Элиноор бурлит и поднимается, словно горячий воздух. Ей не удержать это в себе. Она чувствует, что поступит очень даже правильно, если поделится первым делом с Роуз.

– Роуз... – шепчет Элиноор над головой Мейбл. – У меня есть новость.

Глаза Роуз понимающе округляются.

– Ого! В самом деле? И каков... Слушай, ты хорошо себя чувствуешь?

Лоб сестры тревожно морщится. Неудивительно, что после трех выкидышей она встречает новость с некоторой настороженностью.

Элиноор чувствует, что ее глаза наполняются слезами, и тоже улыбается:

– Три месяца. На этот раз врач уверен. Н-но мне никак не побороть страх. Я даже Эдварду еще не говорила. Не хочу искушать судьбу.

Роуз тянется к Элиноор и крепко сжимает ее плечи:

– Раз врач говорит, что все будет в порядке... Что ж, тогда это замечательная новость. В прошлые разы ты не могла преодолеть двухмесячный рубеж. Или два с половиной.

– Да, знаю. И тем не менее... Трудно не волноваться.

– Конечно, – соглашается Роуз. – Это вполне понятно. Но ты должна следить за собой. Никаких волнений и чрезмерных нагрузок. – Она грозит сестре пальцем.

– Постараюсь.

– Мама, а что такое волнения и чрезмерные нагрузки?

Мейбл во все глаза смотрит на мать, надеясь включиться во взрослый разговор.

– Это значит, что мама не должна слишком уставать и расстраиваться.

– А почему?

– Позже поговорим, – шепчет сестре Элино́р и наклоняется к Мейбл. – Просто маме нельзя слишком уставать и допускать, чтобы у нее болела голова.

– У меня голова болит, – заявляет Мейбл.

– Слушай, а что произошло перед самым моим появлением? – Роуз явно пытается сменить тему разговора. – Почему Тед тебя спрашивал, все ли в порядке с малышкой?

– Это... – Элино́р чувствует, как радость медленно покидает ее, словно воздух из развязанного воздушного шарика. – Просто Мейбл...

Что ж это было? Ей не подобрать слов для описания случившегося.

– Так, ничего особенного, – наконец произносит Элино́р, глядя на дочку. На лице малышки ни малейших тревожных признаков. – С ней все в порядке.

Дилли минует каменные столбы ворот, за которыми тянется широкая дорога, ведущая к широкому эдвардианскому фасаду Брук-Энда. День с его яркими красками погас. Элино́р охватывает тягостное чувство. Оно накрывает ее, словно нежданное влажное облако.

Глава 2

Эдвард

Поезд, который должен был прийти в Мейфилд в 18:40, опоздал. Эдвард выходит из вагона и сразу погружается в липкий воздух. Помахивая портфелем, он идет к ожидающему его автомобилю. «Никак гроза собирается?» – думает он. Обычно здесь, среди сочной зелени Суррейских холмов, царит прохлада и можно забыть про духоту, дым, копоть и сутолоку Лондона. За городом человек может дышать в полном смысле слова.

Но этим вечером рубашка Эдварда намертво прилипла к спине. Пот катится у него по вискам. Подмышки тоже все мокрые. Он торопливо снимает пиджак и вешает на согнутую руку.

Завидев Эдварда, Уилсон приветливо машет ему рукой. Шофер курит, прислонясь к капоту «санбима». При виде своей новой машины сердце Эдварда наполняется ликованием. Кремовый корпус автомобиля сверкает. Салон, отделанный черным, современный и удобный. В выходные они вдвоем с Элинор отправятся кататься. Эдвард улыбается, представляя поездку: ветер, ударяющий им в лицо, волосы жены, аккуратно уложенные под шляпкой, которую она придерживает одной рукой, чтобы не унесло. Прохожие, разинув рот, смотрят им вслед.

– Добрый вечер, сэр, – здоровается Уилсон, гася окурок и прикладывая два пальца к своей шоферской фуражке.

Эдвард проводит рукой по блестящей поверхности машины, открывает пассажирскую дверь, легко взбирается на подножку и оказывается в салоне.

Уилсон заводит мотор, и машина оживает.

– Успешная была неделя, сэр? – весело спрашивает Уилсон, мастерски вырывая за пределы станции.

Эдварду еще нужно приноровиться к управлению машиной. Уилсон умеет водить ее плавно, а когда руль оказывается в руках Эдварда, она взбрыкивает, как норовистая лошадь. Только вместо недовольного ржания машина протестующее скрежещет и верещит.

– Да. Отличная неделя. – Эдвард откидывается на спинку. – Очень успешная.

Машина уже едет по дороге к дому. Возникает многозначительная пауза, словно Уилсон ждет объяснений, почему хозяин целую неделю провел в лондонской квартире. Обычно Эдвард старается на буднях хотя бы дважды побывать дома.

– Я прочитал серию полуденных лекций в Куинс-Холле, – сообщает Эдвард; Уилсон молчит. – Вы знаете это место на Лангем-плейс?

– Конечно, сэр. Это концертный зал.

– Вот-вот. Там я и выступал. Большое престижное заведение.

– Рад слышать, сэр, что ваши выступления прошли успешно. А тема была интересной?

– «Наследственность и поток жизни».

– О-о... обширная тема, надо сказать. Слушателей много было?

– Самое приятное, Уилсон, что да. Каждый день – аншлаг!

– Вы теперь, сэр, стали знаменитостью, – улыбается Уилсон.

Эдвард задается вопросом, не перешел ли Уилсон границу, отделяющую искреннее восхищение от сарказма. Он решает принять слова шофера за чистую монету.

– В основном приходили такие же ученые, как я. Но помимо них было много и других слушателей. Лекции стали событием международного масштаба. Съехались специалисты со всего земного шара, желающие побольше узнать о евгенике. Америка. Франция. Скандинавия. Германия. Присутствовали члены парламента и министры.

Каждый день приносил успех. Осмелится ли он сказать – триумф? Среди слушателей было не менее пяти членов парламента, а также весьма известные в обществе леди и джентльмены, настолько воодушевленные его рассказом, что они организовали залоговый фонд и вступили в Евгеническое общество.

Эдвард поворачивается к окну и смотрит на окрестные поля в надежде, что вопросы прекратятся. Кому хочется вести учтивую беседу со своим шофером?

– Мне надо хорошенько отдохнуть за выходные, – говорит он, вздыхая. – Нынешний вечер знаменует собой конец напряженной, изматывающей недели.

– Конечно, сэр.

Эдвард отдирает рубашку, прилипшую к груди.

– Как думаете, вечером будет гроза?

Лучше всего сменить тему разговора. Уилсон родился в сельской местности. Такие люди – «соль земли» – чувствуют изменения погоды. Например, их садовник Гарсон предсказывает дождь за сутки. Даже повариха миссис Беллами знает, какая погода будет завтра – солнечная или дождливая. Свои прогнозы она делает, поглядывая на розовую кайму облаков вечером или рано утром, а также по поведению коров – лежат те на земле или стоят.

На прямом участке дороги Уилсон прибавляет скорость. Он управляет машиной с такой легкостью, что мотор «санбима» вздрагивает от наслаждения.

– Я бы сказал, сэр, что да, – отвечает Уилсон, вынужденный говорить громче из-за возросшего шума мотора. – Эта невыносимая жара когда-нибудь должна закончиться. Земля растрескалась. Хороший ливень пойдет ей только на пользу.

– Поверьте, в городе еще хуже.

Ветер приятно овеивает разгоряченную кожу Эдварда. Кажется, что ее протирают прохладной мокрой тряпкой.

А впереди уже показались ворота Брук-Энда. Как быстро! От станции до дома не более двух миль. На мгновение Эдвардом овладевает безумное желание сказать Уилсону, чтобы ехал дальше, чтобы не кончалась эта освобождающая, детская радость, охватившая его. Радость от самого пребывания здесь, от быстрой езды на новом автомобиле, когда ветер треплет волосы и свежий деревенский воздух наполняет легкие.

По мнению очень и очень многих, Брук-Энд считается большим домом. Конечно, это не величественный особняк, но просторная, элегантная четырехэтажная вилла, возраст которой едва насчитывает двадцать лет. Достойная резиденция для уважаемого члена верхнего среднего класса, у которого растет семья, а еще быстрее растет репутация эксперта в области психологии и образования. Своего рода визитная карточка. Ученому человеку куда больше подходит современное жилище. Вне всякого сомнения, Эдвард мог бы выбрать особняк с богатой историей, пожелай он этого. Как только состоялась

его помолвка с Элино́р, он сразу же занялся активными поисками подходящего загородного дома для будущей жены. Он хотел подарить ей самое лучшее в пределах своих возможностей, особенно после всего, через что ей пришлось пройти, и учитывая ее происхождение из добропорядочной профессиональной семьи. Ее отец был финансистом лондонского Сити. Элино́р росла в достатке, пока гибель ее братьев на войне, а затем и смерть отца не привели семью к стремительному обнищанию, заставив Элино́р вместе с матерью искать работу.

Пять лет назад хватало поместий, продающихся дешево, но персональные банкиры Эдварда Коулрой и Мак, владеющие одноименным банком, отговорили его от подобного приобретения. Их финансовое чутье, их предвидение относительно британской экономики и возрастающего налогового бремени, которое придется нести состоятельным землевладельцам, оправдались.

Пусть аристократия распродает свои родовые гнезда и вкладывает деньги во что угодно. Эдвард счастлив, что не повесил на себя их налоговые гири, не говоря уже о социальной и экономической ответственности, от которой все они торопятся освободиться. Нет, Эдвард благодарит себя за мудрость, позволившую ему не попасться в эту ловушку. Возможно, некоторые считают его нуворишем или, как однажды назвал его Бартон Лейтон, состоятельным выскочкой. Дело не в этом. Владеет он старинным поместьем или нет, люди из светского общества все равно будут высокомерно морщить на него свои аристократические носы. Но в отличие от Бартона, постоянно стенающего о расходах, которые приходится нести, чтобы удержать его Мейфилд-Мэнор от обрушения, Брук-Энд требует минимум ухода, зато достаточно просторен, расположен в прекрасном месте и имеет современные удобства. И потом, Элино́р, вышедшая из куда более высокого социального слоя, нежели Эдвард, вполне удовлетворена их домом. Во всяком случае, он не слышал от нее ни одной жалобы.

– Добрый вечер, сэ́р, – здорова́ется с ним у входа горничная Элис.

– И вам, Элис, добрый вечер, – отве́чает он, заметив, что ее круглое веснушчатое лицо раскраснелось от волнения.

– Сегодня миссис Хэмилтон ездилa на станцию встречать мисс Кармайкл! – выпаливает горничная. – Как здорово, что она вернулась! Уже успела рассказать нам о своем путешествии по Италии. Я

заслушалась. А по-французски она говорит как настоящая француженка.

– В самом деле? И что же она вам говорила?

– Понятия не имею. Она вполне могла сказать, что я английская королева. Но звучало так красиво. Просто музыка.

– Так-так, – снисходительно улыбается Эдвард. – А где наши дамы сейчас?

– Наверное, передеваются к обеду. Его подадут через пятнадцать минут.

– Превосходно. Мне как раз хватит времени умыться и переодеться.

Поднимаясь по лестнице, он замечает, насколько пуст дом без собаки. Без собаки в доме нет уюта. После кончины Пэтча прошло больше месяца. Надо поискать замену.

– Дорогой!

Вот и она, стоящая с простертыми руками на площадке. Элинор. Его прекрасная жена.

Эдвард пробегает оставшиеся ступеньки, подхватывает жену и заключает в объятия.

– Как же я по тебе соскучился! – говорит он, вдыхая аромат ландышей, исходящий от Элинор.

Он поднимает ее и начинает кружить, отчего она вскрикивает и хихикает:

– Эдвард! Отпусти меня!

– Ни за что!

– Уфф! У меня голова кружится! Нас могут увидеть!

– Ну и пусть, – смеется он, опуская ее на пол.

– Иди умойся и переоденься, – с улыбкой говорит Элинор. – Ты пропах Лондоном.

– Да неужели? И на что похож этот запах?

– На запах старых башмаков! – смеется она. – Смой его и побрызгайся одеколоном, который я тебе подарила на день рождения. Это сразу исправит положение! – Послав мужу воздушный поцелуй, Элинор устремляется вниз. – Нужно переговорить с миссис Беллами, пока она не угробила суп!

Во время обеда слышатся первые раскаты грома, заглушая стук посуды и звон рюмок.

– Неужели гром? – Роуз смотрит через плечо в окно на сад, тонущий в сумерках. – У нас в Венеции была просто ужасная гроза. Струи дождя были толщиной с ковровые прутья на лестнице. Я не сомневалась, что всех нас смоеет, если вначале мы не станем жертвами молнии. Наш смешной маленький пансион находился на самом верхнем этаже ветхого старого дома. – Роуз подбирает крошку хлеба и отправляет в рот, жуя и надувая щеки, как мышь. – Чтобы успокоить наши нервы, престарелой хозяйке пришлось налить мадам Мартен и нам с Клариссой несколько бокалов «Москаделло». Слышали бы вы, как мы пищали! – добавляет Роуз и смеется, вспоминая тот эпизод.

– Здесь ты в полной безопасности, – говорит Элинора. – И причин для успокоения нервов нет.

Она делает большой глоток воды, подкрепляя свои слова.

Роуз лишь пожимает плечами и отправляет в рот еще одну хлебную крошку.

Эдвард мысленно делает вывод: теперь, когда Роуз вернулась, он сможет почаще удаляться в свой кабинет, дабы избежать довлеющего женского общества. Он вовсе не против женского общества как такового, но, когда нарушено равновесие, у мужчины должен быть свой укромный уголок. Женитьба на Элинора означала, что ему придется заботиться не только о жене. Круг его обязанностей оказался гораздо шире, и Эдвард охотно и с радостью пошел на это. Роуз превратилась в обаятельную девушку. Несомненно, она станет для кого-то достойной женой.

В окно начинает барабанить дождь. Гром грохочет все ближе.

– Если к воскресенью погода улучшится, как насчет пикника на речном берегу? – спрашивает Эдвард, шумно втягивая воздух. – Надо же отпраздновать благополучное возвращение Роуз. – Он улыбается ей и поднимает рюмку.

Сияющая Роуз поднимает свою. Потом опускает и подносит к губам суповую ложку. Эдвард внимательно наблюдает за ней. Такая же сияющая и полная энергии, она, завершив обучение, умоляла Элинора отпустить ее в Париж для усовершенствования во французском языке. Эту идею ей внушил преподаватель Блофилдской школы для юных леди, который долго распинался перед Элинора, говоря, что у ее

младшей сестры особый талант к иностранным языкам и было бы непростительно зарыть этот талант в землю. Сама Роуз была исполнена решимости.

Эдвард делает глоток кларета.

Роуз и в самом деле привлекательная девушка, хотя довольно упрямая и излишне самоуверенная. Конечно, ей не тягаться со старшей сестрой по части привлекательности. Стоит Элинор войти в чью-то гостиную, к ней и сейчас обращаются взгляды собравшихся. Если Элинор склонна к излишним размышлениям и готова нести на своих плечах тяготы всего мира, Роуз обладает несомненной *joie de vivre* – жизнерадостностью, которая компенсирует особенности ее характера. Отправляясь в путешествие, она была совсем худосочной, но теперь ее фигура обрела приятную женственность. Элегантная современная стрижка. Похоже, жизнь в Париже сделала ее *à la mode*^[2].

– Эдвард, ты наверняка ее знаешь, – говорит Роуз, возвращая Эдварда к застольной беседе. – Элли, ты же с ней знакома? – (Элинор кивает.) – Мой тебе совет, – продолжает Роуз, – не вздумай это читать! Жуть полнейшая! Скучища, старомодность. И каких, черт побери, женщин она там выставляет! Ну как может столь образованная женщина вроде нее написать книгу о жалких созданиях! Что же касается ее мужских персонажей, лучше меня не спрашивайте!

– О ком речь? – интересуется Эдвард. – О какой книге?

– О «Творении любви», написанной Мэри Кармайкл. Псевдоним заставил меня прочесть ее книгу. Не кажется ли вам, что это просто совпадение?

– Чей псевдоним? – Эдвард обращается к жене за подсказкой.

– Мэри Стоупс, – вздыхает Элинор. – Знаешь, Роуз, ее роман «Творение любви», который она писала несколько лет, был по чистой случайности разгромлен критикой.

– Поделом, – отвечает Роуз. – Мне думается, когда ты в следующий раз ее увидишь, непременно отсоветуй ей писать романы.

– Мы с ней не в тех отношениях. Я не ее издательница и встречалась с ней только по работе Эдварда.

– Кто-то должен ей сказать, – бурчит под нос Роуз.

Элинор хмуро смотрит на сестру:

– Возможно, у нее куда лучше получаются нехудожественные книги. В этом году вышла еще одна, которая должна вызвать

восхищение, а не жесткую критику. Книга называется «Продление страсти» и является продолжением ее предыдущей книги «Любовь в замужестве» и касается интимных отношений и...

– Да, Элинон. Думаю, мы понимаем важность этой темы. Но не для разговоров за обеденным столом. – Эдвард ерзает на стуле, сознавая, что в столовой он единственный мужчина. – И потом, не следует забывать, сколько полезного делает эта женщина для мира. Она прикладывает столько усилий, чтобы планирование семьи стало доступным для тех, кто наименее приспособлен к обзаведению потомством. По-моему, это гораздо важнее ее рассуждений о том, что должно или не должно происходить между мужем и женой.

– То-то и оно! – восклицает Роуз, ударяя по столу левой рукой. – Она феминистка, человек прогрессивных взглядов, а ее роман посвящен совершенно заурядным супружеским парам.

– Феминистка? – удивляется Эдвард. – В таком случае полагаю...

– Если тебе хочется почитать что-нибудь свеженькое и непохожее на ее занудство, – перебивает его Роуз, – я бы посоветовала «Колодец одиночества» Холл. Куда более рискованная вещь! Это о паре лесб...

– Роуз! – шипит Элинон, и обе прыскают со смеху.

В это время в столовой появляется Элис.

Воротник рубашки чрезмерно сдавливает Эдварду шею. В столовой вдруг делается невыносимо жарко. Что Роуз знает о сексуальных извращениях? Нет, пора искать этой девице мужа. Элис молча убирает его пустую суповую тарелку и ставит другую, с кусочками жареной курицы.

– Желаете картошки? – предлагает Элис, вернувшись с миской и сервировочными ложками.

Эдвард кивает. Служанка кладет ему несколько маленьких, идеально круглых свежих картофелин, щедро смазанных маслом. Он добавляет себе из миски порцию зеленой фасоли и морковь.

– Давайте на следующие выходные позовем гостей из Лондона. Как раз есть повод – возвращение Роуз.

Роуз и Элинон обе замолкают и смотрят на него.

– Эдвард, я думала, ты не любишь приглашать гостей сюда. – Элинон пристально глядит на мужа. – Обычно ты говоришь, что сбегашь в Брук-Энд от людей.

– В общем-то, да... Обычно так оно и есть. Но не пора ли нам ввести Роуз в приличное общество?

Глаза Элино́р вспыхивают под светом электрической люстры. Какие же они удивительно манящие. В этом свете они кажутся почти фиолетовыми. Эдвард в тысячный раз спрашивает себя: как ему удалось заполучить в жены столь редкое создание? Каким счастливец оказался он, придя тогда в Военное министерство оформлять демобилизацию и встретив ее за секретарским столом. Он приложил все усилия, чтобы заинтересовать ее работой у него. В записке он написал, что приглашение является чисто профессиональным. Здесь он немного слукавил, хотя, как потом выяснилось, Элино́р стала просто блестящей ассистенткой в его работе. Так продолжалось три года, пока наконец он не набрался смелости и не сделал ей предложение. По правде говоря, он ее не заслуживает, но он давно научился выталкивать подобные мысли из головы.

Роуз бросает вилку. Никак и глаза выпучила?

– У меня предостаточно друзей, – возражает она. – Я не хочу, чтобы меня знакомили с какими-то напыщенными...

– Тебе нужен муж, – перебивает ее Эдвард, и она умолкает.

Если он вынужден брать на себя роль отца Роуз, как Элино́р взяла роль матери, пусть будет так. В свои сорок три он по возрасту действительно годится ей в отцы, хотя эта роль ему явно не подходит. Но Роуз должна понять, что не может вечно развлекаться, странствуя между Парижем, Венецией, Римом и Лондоном. Ее необходимо выдать замуж, что пойдет ей на пользу, а это, в свою очередь, благотворно скажется и на нем, если она найдет себе кого-то.

– Думаю, поздновато приглашать лондонских гостей на следующие выходные. Если хочешь, давай соберем местных на теннисную вечеринку, – рассудительно предлагает Элино́р. – Естественно, Лейтонов. А как насчет Тейлоров и Блайз-Этерингтонов? Или лучше Миллеров? Роуз, ты бы хотела поиграть в теннис с Айрис Миллер и дочерьми Барта Лейтона?

– Да! Теннисная вечеринка – это было бы здорово. Может, и Кларисса выберется из Лондона?

– Почему бы нет, – соглашается Элино́р. – Я могла бы пригласить и Софи с Генри. Но при условии, что ты не будешь безостановочно говорить об Италии и нагонять на гостей тоску.

– В Италии нет ничего тоскливого.

– Для тех, кто там побывал.

Дождь еще сильнее барабанит по оконным стеклам. Гром подобрался совсем близко. Элис убирает тарелки после десерта. В этот момент ослепительная вспышка молнии озаряет сад. Электричество мигает и гаснет. И тут же оглушительно и неожиданно гремит гром. Женщины с криком бросаются к окну. Новая вспышка озаряет не только сад, но и окрестные поля.

Элис отпрявляется за газовыми лампами и приносит две. Следом за ней входит мисс О'Коннелл, няня Мейбл, держа на руках дрожащую от страха малышку.

– Простите за вторжение, сэр, – говорит мисс О'Коннелл, и губы ее кривятся, будто ей неприятно это говорить. – Ребенок никак не угомонится. А тут еще эта гроза, свет погас и все такое. Кричала, что хочет к маме. Пришлось принести ее сюда.

В певучем ирландском акценте мисс О'Коннелл есть что-то гипнотическое. Ее негромкий голос не вяжется с ее обликом. Она женщина крупная. «Крепкокостная», – слышится Эдварду голос покойной матери, когда он смотрит на няню. Широкая талия, внушительный бюст, курносый нос и изогнутые брови.

– Ничего страшного, мисс О'Коннелл, – отвечает Элинора.

Она встает из-за стола и подходит, собираясь взять дочь на руки.

Полное имя няни – Грейс О'Коннелл. «Тоже странно», – думает Эдвард. Чего-чего, а грациозности^[3] мисс О'Коннелл лишена напрочь.

– Я сейчас ее успокою и уложу спать. А вы можете поужинать.

На лице няни написано облегчение. Напряжение спадает с ее лица, губы складываются в улыбку. Повернувшись, она уходит из столовой.

Мейбл цепляется за мать и озирается своими огромными синечерными глазами.

– Привет, малышка, – говорит Эдвард, тянется через стол и гладит дочь по волосам, мягким и тонким, как шелковые нити. – Гром не причинит тебе вреда. Это всего лишь шум.

– А няня говорит, что это Бог на небесах гневается на плохих людей. Он кричит на них и замахивается большим-пребольшим молотом, если внутри тебя есть зло, как у меня иногда бывает, – говорит Мейбл, продолжая дрожать. – Это Бог погасил свет.

– Мейбл, какую чепуху ты повторяешь?! – возмущается Эдвард. – И о чем только думает эта няня, заполняя твою головку подобной ерундой!

Элино́р кривит губы и качает головой.

– Мама, я что, плохая? – спрашивает Мейбл. – Это из-за меня свет погас?

– Нет, Мейбл! Ни в коем случае. – Элино́р выразительно смотрит на мужа и берет пухлую ручонку дочери. – Папа прав. Гром – это всего лишь звук молнии, мелькнувшей на небе. Он не сделает тебе ничего плохого. Утром я серьезно поговорю с няней, чтобы больше тебя не пугала.

– И зачем только она пугает бедняжку Мейбл? – включается в разговор Роуз.

Неожиданно гром грохочет снова. Мейбл зажимает уши и громко вопит. От молний в столовой на мгновение становится светло, как днем.

– Пойдем, я уложу тебя в кроватку, – осторожно предлагает Элино́р, опуская дочь на пол.

– Давай я ее уложу, – вызывается Роуз; она берет лампу и ведет Мейбл к двери. – Обещаю: завтра свет починят. А я положу тебя в теплую кроватку, где до тебя не доберется никакой гром, и посижу с тобой, пока ты не уснешь. Хочешь послушать сказку? Или спеть тебе колыбельную? Чего ты больше хочешь?

– Колыбельную, – отвечает довольная Мейбл, позволяя увести себя из столовой.

Гроза выдохлась. Эдвард курит на террасе. Во влажном воздухе терпко пахнет землей. К запаху земли примешивается сильный пряный аромат жасмина, кусты которого растут под террасой. Ливень смыл жаркий липкий воздух. Дневной зной сменился приятной прохладой. Роуз и Элино́р уже легли, и Эдвард наслаждается покоем и уединением.

Докурив сигарету, он поднимается по лестнице и тихонько стучится в дверь комнаты Элино́р. Недельная разлука, скопившееся электричество, высвобожденное грозой, а также потребность отвлечься только усилили желание Эдварда.

На ней кремовая ночная сорочка без рукавов. Ткань сорочки дразняще прозрачная.

– Дорогая, – говорит он, обнимая ее, и его ладони скользят по шелковистой коже, – я так по тебе соскучился!

Он приподнимает ей подбородок, чтобы видеть лицо, и целует в теплые податливые губы. Элинон отвечает коротким поцелуем, затем отталкивает мужа, но при этом улыбается. Ее щеки пылают.

– Эдвард! – Она стискивает его руку. – Я целую неделю жаждала поговорить с тобой наедине.

Он вновь тянется к ней, крепко прижимает и легонечко, как она любит, целует в шею. Но жена отталкивает его, и он смеется этой странной игре, которую она затеяла.

– Нет, – твердо произносит Элинон, выворачиваясь из его объятий. – Ты должен выслушать. Садись.

Она подводит мужа к кровати, где он садится, прижимаясь к ней, и гладит его по руке.

– У меня есть самая замечательная новость. – Элинон кокетливо смотрит на него из-под ресниц, покусывая губу.

– Давай говори, – смеется он, отводя прядку волос с ее щеки. – Не держи меня в напряжении.

– А сам догадаться не можешь?

Он затаивает дыхание:

– Смею ли я надеяться?

– Да. Я всерьез считаю, что на этот раз мы сумеем!

– Ты уже побывала у врача?

– Побывала. Он уверен, что я нахожусь на четвертом месяце. У меня отвратительное самочувствие, и он считает это очень хорошим знаком. Невероятно! Чем сильнее тошнота, тем лучше.

– И ты все это время молчала.

– Не хотела давать тебе неоправданных надежд и искушать судьбу. И потом, я сама только на этой неделе окончательно уверилась, что беременна.

Эдвард целует ее. Нежно, с благодарностью. И Элинон его не отталкивает.

– Я знаю, мы давно не... Но врач сказал, по соображениям безопасности мне нужно избегать... Ну ты понимаешь. Потому что те

три раза... Эдвард, надеюсь, ты не возражаешь? Прости, пожалуйста. Я бы не хотела рисковать.

Возражает ли он? Конечно возражает.

– Я даже не мечтал, – говорит он и осторожно касается ее живота. – Ребенок – самое важное. Это поистине замечательная новость. – Он пристально заглядывает ей в глаза. – Я счастливее любого мужчины на свете. Честное слово. – Сейчас он действительно сказал правду. – Ты должна отдыхать.

Эдвард вздыхает и гладит ее по коленке. В неярком свете газовой лампы она красивее, чем прежде. У него щемит сердце.

– Эдвард, оставайся.

– Нет. Тебе будет лучше спать одной. Я прекрасно посплю у себя в комнате, – лжет он.

Когда Элинора рядом, у него не бывает плохих снов. Но сейчас самое правильное – обеспечить ей надлежащий отдых. После рождения Мейбл у Элиноры было три выкидыша на сроке около двух месяцев. Потеря каждого ребенка становилась для нее чудовищным ударом. У Эдварда все сжимается внутри при мысли, что трагедия могла бы повториться, особенно по его вине. «Пусть этот ребенок удержится в чреве, – думает он. – Пусть это будет мальчик. Здоровый мальчик».

Возможно, рождение здорового сына навсегда избавит его от дурных снов и разгонит докучливые тени.

Разрешите представиться. А может, мы уже знакомы? Такое вполне возможно. Болезней вроде меня трудно избежать. До поры до времени я прячусь в тени, чтобы в один прекрасный день проявиться. Это начинается с легкого прикосновения. Оно – словно перышко, словно едва уловимое касание крылышка мотылька или такое же едва уловимое дыхание новорожденного. Затем, подобно разворачивающемуся листу, я набираю силу и обретаю облик. Я становлюсь незваной гостьей, вползающей через темные расщелины в разуме близкого вам человека.

Поначалу меня отрицают, считая проявлением чего-то другого. Для меня подобное ухищрение является неотъемлемой частью игры.

Вы меня видите?

Вот я, прячущаяся за отсутствующим взглядом, под обвисшей щекой. Рот сам собой раскрывается, и оттуда вытекает струйка слюны.

Наконец вас ударяет понимание, что это такое, и вы осознаёте: это я – Эпилепсия!

Потом вы хмуритесь. Кривите губы, наклоняете голову. Вас охватывает ужас.

Вы сочувственно дотрагиваетесь до руки вашего близкого; этот жест красноречивее тысячи горестных слов. Вы сжимаетесь и съеживаетесь; вы ощущаете необходимость держаться подальше, на случай если это заразно.

Вы стыдитесь, а затем пытаетесь это скрыть.

Далее, каким бы ни был вред, причиненный мною, вы причиняете гораздо худший вред. О да, с вашими умными мозгами и диковинными моральными принципами, вы, люди, мыслите себя выше животных, но в действительности вас разрывает на части не что иное, как ваша бесчеловечность.

Я понимаю, что движет вами. Никто не знает вас лучше меня, ибо мы идем рука об руку, как бы вы ни старались упорядочить мир и избавиться от меня. Рука об руку, хотя вы постоянно готовы выдернуть свою. От Достоевского до Гершвина; от Цезаря до Жанны

д'Арк и Винсента ван Гога; от безвестных простолюдинов до королей и королевских детей. Не ищите в этом какой-то смысл. Вы не найдете утешительных причин. Мне все равно, богаты вы или бедны, молоды или стары, гений вы или простак. Выбор остается за мной.

Так кто же я такая, это порождение разума, которого вы так боитесь?

Я – антипорядок. Я – хаос. Я – нарушение привычности и беспокойство. Я – сила обмана. Непонятный шум. Станный вкус на языке. Яркая пульсация света. Запах адского пламени, калейдоскоп красок. Я нечто призрачное, сочетающее в себе ясность и распад. Вы увидите меня в подергивании руки, в резко опущенном подбородке. В искривленном рте, в судороге конечностей. В ощущении треснувшей головы и нескончаемого падения. Я здесь, за этими пустыми мертвыми глазами, за этим отрешенным выражением. Я суть кошмаров, уничтожительница памяти. Я одновременно вдохновение и галлюцинация. Создание и разрушение. Стоит мне выпустить наружу мою силу, как ваш упорядоченный мир трещит по швам.

Но одно, друг мой, остается неизменным. Какую бы проделку я ни учинила, она ничто по сравнению с глупостью вашего вмешательства.

Идемте. Позвольте мне показать, куда способны завести ваши самонадеянность и глупость.

Глава 3

Элино́р

– Вы, случайно, не видели Роуз? – спрашивает у прислуги Элино́р, переходя из комнаты в комнату.

Солнце уже высоко в небе, а Роуз куда-то запропастилась.

После утренней прогулки на автомобиле с Эдвардом у Элино́р подкашиваются ноги и сводит живот. Он много чего умеет делать хорошо, однако вождение машины не входит в этот перечень. Одно дело, когда за рулем сидит Уилсон, и совсем другое, если руль оказывается в руках Эдварда.

В кухне миссис Беллами почти закончила ощипывать курицу. Куриная тушка лежит на столе: розовая и чем-то похожая на пупырчатого младенца. Элино́р чувствует тошноту. Она быстро отворачивается и наливает себе стакан воды с лимонным соком.

– Она ненадолго забрела сюда после завтрака. Искала, чего бы пожевать, – говорит миссис Беллами, вытирая руки о фартук. – С тех пор я ее не видела.

Повариха вздыхает, раскидывает руки и отводит их в стороны, будто снимает напряжение в саднящих плечах. Должно быть, ощипывание кур – занятие утомительное. На столе высится груда красных и золотистых перьев. Самые тонкие плавно слетают на пол, подхваченные ветерком, что дует из открытой задней двери.

– Смотрите, какая тощая курица, – говорит повариха. – Придется посылать Берти еще за одной. У этой не хватит мяса, чтобы нынче вечером накормить столько ртов. И о чем он только думал, притащив мне этого жалкого курчонка? Мало мне хлопот, так еще и электричество выключилось. – Миссис Беллами угрюмо смотрит на погасшие лампочки, свисающие с потолка. – Может, вы знаете, когда его починят?

– Полагаю, генератором уже занимаются. Еще немного, и свет появится, – отвечает Элино́р и снова смотрит на курицу. – Миссис Беллами, мне думается, этого мяса вполне хватит.

– Если не хватит, по заливку получит не кто-то, а я, – фыркает миссис Беллами.

В словах поварихи ощущается ирония. Уместная ли, этого Элино́р не знает. Если уж на то пошло, миссис Беллами сама нуждается в откармливании. Обычно поварихи бывают пухленькими и кругленькими, однако миссис Беллами целиком состоит из острых углов и жил. И ее сходство с ошипанной курицей, лежащей на столе, отнюдь не мимолетное.

– Поступайте, как считаете нужным, – непринужденно отвечает Элино́р. Ее голос легок, как ветерок, шевелящий волосы на затылке. Она старается не думать о другой курице, которой тоже свернут шею. – Я должна разыскать Роуз...

Она покидает кухню, унося недопитый стакан. Лучше не смотреть на то, что творится за кулисами приготовления пищи. Если слишком задумываться об этом, поневоле склонишься к вегетарианству. А это не ее стезя; во всяком случае, не сейчас, в ее положении. Может, потом, когда она родит.

Элино́р останавливается в коридоре, глотая воду. Резкий вкус лимона успокаивает подступающую к горлу тошноту. Солнце струится сквозь витражные окна по обеим сторонам входной двери, отбрасывая разноцветные отражения на стены и сверкающий дубовый паркет. Рядом громко тикают напольные часы, вселяя в нее уверенность.

Утром, когда они катались, Эдвард отчитал ее. Мягко и подоброму, но смысл его слов был четок: она должна побольше отдыхать и заботиться о себе и ребенке. За что, как ей кажется, он платит мисс О'Коннелл? Няня должна вплотную заниматься своими обязанностями, а Элино́р то и дело берет эти обязанности на себя.

Она задумывается о себе, о том, в кого превратилась. Из-за Мейбл перестала посещать лондонские званые обеды и вечеринки. Когда-то она была совсем другой. Она устроилась на работу в Военное министерство, чтобы зарабатывать на жизнь, но работа ей очень нравилась. Ей нравилась хлопотная конторская жизнь, ощущение того, что она занимается чем-то полезным и участвует в чем-то большем, нежели домашние дела. Работа у Эдварда оказалась еще лучше. Она разделяла его страсть к научным исследованиям, и ее ощущение полезности только возросло. Но после замужества работу пришлось оставить. Элино́р вспоминает те дни и вдруг чувствует, что тоскует по ним. Она любила работать у Эдварда, сводить воедино все

многосторонние данные его исследований, находиться в гуще всего этого, находиться рядом с ним с утра до вечера, и так каждый день.

А ведь ее жизнь могла бы потечь совсем в другом русле, не прояви она тогда смелость и не откликнись на предложение о встрече, изложенное в оставленной им записке. Когда в указанное время она вошла в кафе «Брю», то чувствовала себя бесстыдницей. Эдвард сидел за столиком у окна. Увидев ее, он улыбнулся и приветливо помахал рукой, но, невзирая на это, она была готова повернуться и выбежать из зала. Однако его непринужденный разговор и уверенность вскоре заставили Элинон забыть о себе. Он оказался обворожительным, умным мужчиной. Она впервые видела перед собой психолога. Настоящего ученого. Она охотно слушала все, о чем он рассказывал, делясь своими знаниями. Элинон покорили его уверенность, сила и стремление изменить мир. Он искал себе ассистента – человека молодого и сообразительного. Мужчина или женщина – это роли не играло. Эдвард рассказал, что согласно результатам проделанных им исследований женщины по умственным способностям ничем не отличаются от мужчин. Это противоречило традиционно мужским воззрениям на женщин. Эдвард искал подходящую кандидатуру, о чем рассказал бригадному генералу. Тот сообщил, что с окончанием демобилизации его кабинет закроется. Следовательно, предположил Эдвард, Элинон так и так придется искать новую работу. Генерал хорошо отзывался о ней. «Может, ее заинтересует ваше предложение?» – спросил он Эдварда... Элинон практически сразу рассказала Эдварду, что у нее есть младшая сестра. Сможет ли она зарабатывать столько, чтобы хватило на них обеих? Через полгода она уже сидела за столом в университетском кабинете Эдварда. О жалованье она могла не беспокоиться: Эдвард платил ей вдвое больше, чем получали ассистенты. Вряд ли ей встретился бы более понимающий и заботливый работодатель.

Разумеется, она вполне довольна своей нынешней жизнью. Что может быть лучше, чем смотреть, как Мейбл с няней играют на лужайке, а ты сидишь на террасе, читая очередной роман Агаты Кристи? И тем не менее часть ее существа до сих пор скучает по важным делам, где требуется сообразительность. Скучает по занятости на работе, по ланчам в «Савой гриле», по шампанскому, которое она пила в «Рице» с Софи и сливками лондонского общества.

– Роуз! – зовет она, подняв голову к верхним этажам дома и надеясь услышать голос сестры.

Неужели эта девица до сих пор валяется в постели? Поднимаясь по лестнице, Элинон вспоминает себя в девятнадцать лет. Вспоминает время, когда она так уставала, что могла все субботнее утро пролежать в кровати. Ее утомление было вызвано не работой, а очередным балом, когда они с Софи задерживались далеко за полночь, танцуя с молодыми людьми в «Хаммерсмит-Пале».

Так продолжалось, пока в 1920 году ее жизнь не изменилась навсегда.

– Роуз! – уже не зовет, а кричит Элинон, чувствуя нарастающее раздражение.

Поднявшись на самый верх, она мысленно дает себе клятву сегодня же написать Софи. Та наверняка знакома с достойными молодыми людьми.

Элинон врывается к комнате Роуз... Вот где, оказывается, ее сестра! Роуз сидит спиной к двери, склонившись над письменным столом. По-прежнему в ночной сорочке, даже не удосужившись одеться!

– Вот ты где, дорогая! Скоро время ланча, а ты еще не покидала своей комнаты, – говорит Элинон, так и не сумев удержаться от упрека.

Роуз поворачивается, смотрит на сестру. В голубых глазах мелькает чувство вины.

– Прости, пожалуйста! Ты меня ждала? Я хотела написать письмо...

– Но это твое первое утро после возвращения! Неужели ты успела соскучиться по девушкам из школы мадам Пикар?

В голове Элинон проносятся образы: Роуз, жившая в одной комнате с Клариссой, лица других девушек. Дружеские отношения, веселые проделки – свобода молодых незамужних девиц, когда еще можно резвиться и жить в свое удовольствие. Она представляет их прогулки по Парижу, походы в магазины и модные кафе...

Роуз вновь поворачивается к столу, собирает листы, заполненные аккуратным почерком, и кладет их на лист промокательной бумаги чистой стороной вверх.

– Какое длинное у тебя письмо, дорогая, – говорит Элинон, подходя к столу и касаясь плеча сестры. – И кому же ты пишешь?

– Подруге, – беззаботно отвечает Роуз.

– Не таись. – Элино́р со смехом щиплет сестру за плечо. – Выкладывай! Если хочешь, мы вместе с Клариссой пригласим сюда и твою новую подругу.

– Видишь ли...

Роуз прикрывает страницы рукой, словно боясь, что Элино́р перевернет их и прочтет. Что же такое она прячет?

– Роуз!

– Послушай, Элино́р! Скоро ты так и так все узнаешь. Мне известно, что у Эдварда есть планы на мой счет. Это ужасно нелепо...

– Что именно? Что нелепо?

– Эдвард хочет выдать меня замуж, словно какую-нибудь обременительную дочку из романа Джейн Остин. Но сейчас, между прочим, двадцатые годы двадцатого века, и хотя я знаю, каким невероятно щедрым он был по отношению ко мне и все такое, я попросту не хочу выходить замуж. Во всяком случае сейчас, – порывисто добавляет она. – Вначале я хочу пожить самостоятельной жизнью. Мне всего девятнадцать. Я хочу работать в городе, как и ты когда-то. Замужество вынудило тебя бросить работу. Я не хочу повторять твой путь. Я хочу развлекаться. Строить карьеру. Мой французский требует применения. Сама знаешь, я сейчас говорю гораздо свободнее, чем до отъезда. Вдобавок я сносно говорю по-итальянски. Я подумываю о журналистике...

– О журналистике, – повторяет Элино́р, хватаясь за спинку кровати.

– И... В общем... я встретила одного человека. У нас завязались отношения.

– Ну что за глупости ты городишь! – смеется Элино́р. – Как ты могла кого-то встретить? Все эти месяцы ты находилась в школе. С другими девушками! Ты путешествовала с Клариссой и мадам Мартен, в обязанности которой входило приглядывать за тобой. Ты никак не могла кого-то встретить.

– И тем не менее встретила. Мне незачем тебе врать.

– Кого же?

– Прости, Элли, но ты ведешь себя как мать. А ты мне не мать. Ты моя сестра и должна быть на моей стороне.

– Роуз, нет никаких сторон. Я старше и опытнее тебя!

– Так знай: я встретила самого удивительного человека и полюбила его.

С губ Элинон срывается возглас удивления. Взгляд Роуз пристален и упрям. На щеках вновь появляется румянец. Это вовсе не признак хорошего здоровья. Ни в коем случае. Это румянец любви. Счастья. Как же она раньше не заметила?

– Но это же прекрасно! Тогда почему ты только что заявляла о нежелании выходить замуж?

– Я и сейчас могу повторить. Но это не значит, что я не хочу создать отношения.

Улыбка на губах Элинон меркнет.

– Смотря какие отношения, – хрипло замечает она.

– Серьезные. Если хочешь знать, мы с ним в любовных отношениях.

– Боже милостивый!

– Его зовут Марсель Дево. Француз. Ох, Элли, он чертовски обаятелен! Невероятно умный, симпатичный. Мне такие еще не встречались!

– Любовники. – Элинон присаживается на краешек кровати. – Роуз, как ты могла? Надеюсь, вы с ним помолвлены? И позволь узнать, чем именно месье Дево зарабатывает себе на жизнь?

– Он художник и философ. Пишет и все такое. Он часть парижского авангарда, – говорит Роуз, и ее лицо озаряется гордостью. – И он совершенно нищ. Ни гроша за душой. Потому-то, Элли, мне и требуется работа. Тогда я смогу его поддерживать, пока он не добьется успеха. Знаю, я очень многим обязана Эдварду. Я ни в коем случае не жду, что он и дальше будет тратить на меня. Я и так стоила ему изрядно. Элли, ты должна помочь мне в одном. Ты должна растолковать Эдварду, что я не собираюсь выходить замуж за кого-либо из его богатых друзей!

Элинон лежит. Ее голова покоится на двух подушках, заботливо принесенных из машины после их пикника на природе. Это мило с его стороны, но он трясется и кудахчет над ней так, словно она хрупкая расписная скорлупка яйца. Пока ребенок оставался ее тайной, такая забота была приятна вдвойне, ибо тогда Элинон могла целиком отнести ее на свой счет. А теперь всем есть до нее дело. Эдварду с его

повышенным вниманием. Миссис Беллами, говорящей, что ей можно, а чего нельзя есть. Роуз, которая запрещает поднимать даже самую легкую корзинку. Лучше бы все они оставили ее в покое. Она и Личинка, как она назвала ребенка, великолепно обойдутся без чьего-либо вмешательства. Премного благодарна.

Солнце приятно согревает ей лицо. День выдался погожий и, слава богу, попрохладнее после вчерашней грозы, прогнавшей знойный воздух. Перед ней луг, пестрящий цветами и стеблями желтеющей травы. Луг находится на вершине холма, чьи склоны круто спускаются к лесу и извилистой реке. Та протекает гораздо ниже, скрытая деревьями. Элинор закрывает глаза. Она лежит на покрывале. Ее тело приятно расслаблено. Эдвард отошел к машине покурить вместе с Уилсоном, а Роуз с Мейбл гуляют по лугу. Когда Эдвард вернется, она сообщит ему новость. Подобные новости лучше преподносить мужу, когда он плотно закусил и после выкуренной сигареты находится в более благодушном состоянии. Шелестит ветерок. Откуда-то слышатся пронзительные крики черного дрозда, мелодичные трели дрозда обыкновенного и громкое воронье карканье. Полному блаженству Элинор мешает взрывная новость, которую Роуз обрушила на нее утром.

Как, черт побери, она скажет об этом Эдварду?! Внутри поднимается гнев на глупость сестры. Элинор резко открывает глаза. И о чем только думала Роуз, спутываясь с безденежным французом? Какая наивность думать, будто она сможет содержать двоих. Наверняка ее сестрица нарвалась на ничтожество, жадное до денег. Он воспользовался житейской неопытностью английской девушки из благополучной семьи. Может, он слышал про Эдварда и рассчитывает поживиться чужими деньгами? И неужели этому Марселю не будет унижительно жить за счет работающей женщины? Он явно из среды социалистов-революционеров, и Роуз соблазнил только затем, чтобы жить за ее счет, а самому баловаться живописью. Революция у французов в крови, и это отнюдь не преувеличение. Элинор вздрагивает при мысли, что Роуз может родить от него детей, испортив породу.

При мысли о грязных руках Марселя, лапающих Роуз, Элинор прошибает пот. Где же была мадам Мартен, так называемая компаньонка? Элинор решает, что обязательно напишет жалобу на нее

и на школу мадам Пикар. Бедняжка Эдвард, ухлопавший столько денег на непутевую свояченицу! Наверное, можно потребовать частичного возврата денег. Имело ли смысл готовить Роуз к достойному замужеству, если ее занесло на кривую дорожку и она угробила свою репутацию? Ни один уважающий себя мужчина теперь не захочет знакомиться с ней. Роуз превратилась в «бракованный товар»... если только не удастся все это умело скрыть. Надо спросить совета у Софи, которая нынче именуется леди Грант-Паркер. Правила для современных девушек уже иные. Так часто говорит ей Софи, понимаясь подмигивая. Нужно просто быть осмотрительной. Мужчины всегда вели себя подобным образом. Жалкие лицемеры – вот они кто в подавляющем большинстве. Возможно, случившееся с Роуз еще не окончательная катастрофа.

Элинор приподнимается на локтях. К ней, взявшись за руки, бредут сквозь высокую траву Мейбл и Роуз. Мейбл держит поднятый сачок; лицо малышки предельно сосредоточенно. Элинор улыбается. Картинка летних красот. Роуз опускается на корточки и что-то настойчиво шепчет Мейбл, указывая вперед. Мелькают кремовые крылышки. В нескольких футах от них порхает бабочка. Мейбл бросается ее ловить, отчаянно размахивая сачком, и конечно же выпускает. Малышка падает в траву и хохочет.

– Бабочка! Возвращайся! – кричит Мейбл.

Роуз помогает ей встать.

– Не переживай! В следующий раз тебе повезет, маленькая леди. Чтобы ловить бабочек, нужно подкрадываться к ним тихо и незаметно. Шум вспугнет твою добычу, – смеется Роуз, видя, как Мейбл досадливо топает ножкой.

– Мне не поймать ни одной!

– Ты обязательно поймашь. Терпение. Это все, что тебе требуется. – Роуз нежно щиплет племянницу за щеку. – Идем, моя маленькая охотница. Думаю, мы с тобой заслужили по стаканчику лимонада.

Они усаживаются возле Элинор, и она наливает из термоса два стакана белесого лимонада, точнее, подслащенной воды с лимонным соком, после чего подает их Мейбл и Роуз.

– Впору освежиться, – говорит Роуз. – Спасибо.

– Тебе понравилась прогулка? – спрашивает Элинор у дочери.

– Мы не поймали ни одной бабочки, – надув губы, обиженно отвечает Мейбл.

Сачок летит в траву.

– Не расстраивайся. – Элинон гладит малышку по коленке. – Бабочки любят свободу. Они так красиво порхают над лугом. Смотри! Видишь красного адмирала?

Она указывает на пролетающую крупную коричневую бабочку с красными полосками. Это место называют Лугом бабочек. Их здесь полным-полно, пока трава еще растет и в ней вспыхивают огоньки цветов. К концу августа это великолепие скосят.

– Да. Точно адмирал. – Роза смотрит на воздушные пируэты бабочки. – Ты до сих пор сердисься на меня?

– Я не готова обсуждать это сейчас, – быстро отвечает Элинон, глядя на Мейбл. – Не хочу портить замечательный день. Как только Эдвард узнает...

Роуз вздыхает, сбрасывает шляпку и драматично ложится на спину.

– Честное слово, Элли, ты становишься все более дремуче-старомодной и несносной.

– Роуз! – не выдерживает Элинон.

Мейбл дергается и роняет стакан с лимонадом. Жидкость попадает ей на платье, стакан откатывается в траву. Голова Мейбл наклоняется и тут же запрокидывается. Ее глаза закатываются, дыхание становится резким и прерывистым, а рот искривлен. Ее голова снова дергается.

– Мейбл! – кричит Роуз, отодвигаясь и придерживая подол юбки, чтобы не замочить в лужице, появившейся сбоку от Мейбл.

Мейбл не реагирует.

Элинон встает, вытаскивает Мейбл из лужи и промокает влажную ткань салфеткой.

– Это ты виновата! – бросает она Роуз.

– Ничего подобного! Ты своим криком испугала бедняжку.

Роуз садится, хватая тряпку, которой была прикрыта корзина для пикника, и собирает растекающуюся липкую лужицу.

Мейбл очумело озирается по сторонам:

– Она ушла?

– Кто она, дорогая?

Элино́р крепко держит Мейбл, ощущая вес дочери. Мейбл изгибается, словно у нее нет сил держать голову прямо. По ее платицу, от живота к коленкам, тянется темная мокрая полоса. Придется вернуться, чтобы переодеть ребенка. Как же она сглупила, дав мисс О'Коннелл выходной. А ведь няня хотела поехать с ними. Тогда можно было бы отослать ее домой вместе с Мейбл и не портить замечательный день.

– Леди с огненными волосами, – отвечает малышка, оглядываясь по сторонам. В ее глазах странная пустота. – От нее так смешно пахнет.

Элино́р вопросительно смотрит на Роуз. Сестра пожимает плечами.

– Крошка моя, я не понимаю, о ком ты говоришь, – отвечает Элино́р. – Нас здесь только двое: Роуз и я. Идем, я отведу тебя домой и переодену.

Мейбл осматривает себя и словно удивляется, увидев липкую полосу, оставленную пролитым лимонадом.

– Спать хочу, – зевает малышка.

Роуз перестает вытирать остатки лужицы и пристально смотрит на Мейбл:

– Элли, тебе не кажется, что с ней творится что-то странное?

– Что именно? – спрашивает Элино́р. Мейбл прижалась головкой к материнской груди. Ее глазенки сверкают. – Произошла досадная оплошность. Вдобавок она устала от прогулки, только и всего.

– Ты уверена? – Роуз смотрит на сестру, озабоченно морща лоб. – У нее были такие странные глаза. Зрачки большие и совсем черные. Это длилось считанные секунды, однако... На эти секунды она словно исчезла. Ты это заметила?

– Нет, – сухо отвечает Элино́р. – Я вообще не понимаю, о чем ты. Послушай, если Мейбл устала, она заснет где угодно. Не стоит переживать из-за такой мелочи. Дорогая, ты же хорошо себя чувствуешь? – спрашивает она у дочери.

Элино́р слегка встряхивает ребенка, не давая уснуть, затем опускает на траву. Ножки Мейбл подгибаются, но она тут же выпрямляется и встает, прислонившись к ногам матери.

– Роуз... – Элино́р поворачивается к сестре. – Ты останешься здесь, иначе Эдвард не узнает, куда мы исчезли. Скажешь ему, что

Мейбл облилась лимонадом и я повела ее домой переодеваться. Пусть Уилсон захватит корзину и все остальное и привезет домой на машине. Дома встретимся. Идем, Мейбл. Шевели ножками.

– Давай я схожу за машиной. Зачем Мейбл идти пешком? – гнет свое Роуз. – Возможно, она простыла и у нее поднимается температура. Эти ее странные слова про огненные волосы...

– Хватит суетиться! – шипит Элино́р.

Внутри у нее возник тугой узел, не желающий развязываться. Она столько недель ждала возвращения Роуз. Этот пикник должен был пройти идеально: сестры снова оказались вместе. Элино́р смотрит на Мейбл, потом тянет ее за руку, и они пускаются в путь.

Они поднимаются по крутому склону холма и выходят на тропинку, что вьется по лесу вдоль заднего фасада Брук-Энда. Идти совсем недалеко, однако Мейбл еле переставляет ноги.

– Понесешь меня? – спрашивает дочка, поднимая руки.

Элино́р вздыхает:

– Ты стала слишком большой и тяжелой. Давай я понесу тебя на закорках.

Элино́р приседает. Мейбл взбирается на материнскую спину. Элино́р идет по широкой тропке, петляющей между деревьями. Мейбл ударяется о ее спину, словно мешок. Сквозь листву просвечивает солнце. Ветерок шевелит листья, заставляя солнечные лучики танцевать. Боковым зрением Элино́р улавливает какое-то мелькание. Она замирает на месте и всматривается в пространство между серебристых стволов. Ее сердце сильно колотится. Она затаивает дыхание. Хлопают крылья, изгибается ветка. Кто-то шуршит в подлеске. Нет тут ничего страшного. Элино́р выдыхает и идет дальше, прибавив шагу. Ее чувства обострены до предела. Тени всегда ее пугали.

Элино́р устало взбирается по склону лужайки, ведущей к дому. Липкое пятно на платье Мейбл запачкало и ее одежду. Перед глазами вновь встает ужасающе дергающаяся головка Мейбл. Вспоминаются слова встревоженного Теда и недавние вопросы Роуз насчет того, все ли с малышкой в порядке. Усилием воли Элино́р решительно прогоняет эти мысли.

Теплая ванна и крепкий сон – и ее малышка моментально поправится.

Глава 4

Эдвард

– Она должна выпутаться из этой дурацкой истории! – заявляет Эдвард тоном, не терпящим возражений. – Действовать нужно быстро, решительно, пока не стряслось настоящей беды. – Он стоит перед зеркалом, расставив ноги, поправляет воротник рубашки, затем вдевает туда запонки. – Нам определенно повезло, что эти «отношения» возникли в Париже, а не в Лондоне. Меньше вероятности, что все это выплеснется наружу.

Элинор находится в его комнате. Она сидит в кресле, покачивая ногой. На ней простое, но элегантное темно-синее платье из льна. Беременность еще не изменила ее фигуру. Лицо Элинор бледно, пальцы теребят длинную нитку речного жемчуга. Это ожерелье Эдвард привез ей из Германии, куда ездил на конференцию в Билефельд.

– Что у них вообще за отношения? – спрашивает Эдвард, и Элинор ловит его взгляд в зеркале. – Они помолвлены?

– Очень сомневаюсь. Но она собирается жить вместе с ним. Поддерживать его.

– Что значит «поддерживать»?

Эдвард сохраняет спокойный тон. Уравновешенность, несмотря на то что внутри зудит раздражение. Элинор незачем это видеть. Особенно сейчас. Она и так выглядит встревоженной. Он не вправе показывать ей свое недовольство. Это лишь добавит ей напряжения и беспокойства.

– Чистое безумие, – отвечает Элинор. – Она думает, что сумеет найти работу. И знаешь какую? Работу журналистки. Роуз намерена его содержать, пока он движется к славе художника и еще кого-то там. По ее словам, он из хорошей семьи. Возможно, даже богатой. Но он, видите ли, чертов социалист, а потому повернулся спиной к буржуазному достатку. Он считает жизненно необходимым переходить на плановую экономику, как в России. Капитализм умер и все такое. Материальные блага совсем ничего не значат. Достаточно любви. Она заявляет, что они будут счастливы при минимальном достатке.

Эдвард фыркает:

– Легко говорить, когда ей доступны все виды современного комфорта. Подозреваю, она думает так: если мы познакомимся с ее дружкой, мы, как и она, подпадем под его очарование и я обеспечу их уютным pied-à-terre^[4]. Пусть пересмотрит свои мечтания.

– Эдвард, не будь к ней слишком жесток! Боюсь, этим мы только вытолкнем ее из дому.

Эдвард застегивает последнюю запонку и снова фыркает:

– Вашим сестринским отношениям ничего не угрожает. Послушай, это же ее первый романтический всплеск. Первая любовь! Она ничего не знает. Верь мне, это долго не продлится.

Он тянется за черным галстуком-бабочкой, умалчивая о том, что они оба и так знают: он первая и единственная любовь Элинора. Ей незачем знать о его прошлых любовных романах, немногочисленных и несколько хаотичных.

Он завязывает галстук. Пожалуй, стоит завести себе камердинера. Не будет ли слишком обременительно? Такая идея уже посещала Эдварда, но Элинора скажет, что он прекрасно может одеваться сам. Это повлечет за собой дополнительные расходы. К тому же хорошего камердинера чертовски трудно найти. Нынче, когда у тебя нет ни статуса, ни титула, рассчитывать на достойную прислугу не приходится.

– Так что же нам делать?

– А вот что, – отвечает Эдвард, надевая пиджак. – Мы немедленно напишем этому месье Дево и потребуем прекратить всю эту чепуху. Элис уже относилась почту или оставила до понедельника?

– Письма лежат на столе в холле. В понедельник она с утра их понесет.

– Прекрасно. Я без труда узнаю его адрес. Оставь это дело мне. Меньше всего ты должна волноваться о подобных вещах, особенно сейчас...

Он смотрит на пока еще плоский живот жены, едва отваживаясь верить в реальность беременности. Как могла Роуз обрушить свой груз на плечи сестры в такой момент, когда вся жизнь Элинора должна состоять из счастья и удовольствий?

– Я намерен недвусмысленно заявить ему, что они оба не получат от меня ни пенни. Очень сомневаюсь, что его семья обрадуется такой перспективе. Думаю, они ошеломлены не меньше нашего. Когда он

узнает, что на денежки рассчитывать не приходится, это сразу охладит его страсть. Я уверен.

– А если не охладит? – тихим, нетвердым голосом спрашивает Элино́р.

– Тогда мне думается, нам придется предложить ему некоторую сумму в качестве отступного.

– Но что, если Роуз говорит правду и ему в самом деле плевать на деньги?

Эдвард вздыхает. Опять «что, если».

– Уверен, что нет. – Он подходит к жене и, желая успокоить, кладет ей руку на плечо. – Поверь мне, Элино́р, за деньги можно купить что угодно. Надо только знать цену.

Эдвард поднимает ее с кресла, заглядывает в глаза, отводит выбившуюся прядку со лба. Его снедает отчаянное желание оградить Элино́р от всех жестокостей жизни. Она и так немало выстрадала. Но она сильна и умна. Судьба ее не сломала.

– Почти что угодно, – отвечает она на слова мужа.

– Ты права.

– Эдвард, я искренне надеюсь, что это не будет для тебя слишком разорительным. Мне так неловко за всю эту историю.

Элино́р поднимает глаза на мужа. В них блещут слезы. Вид у нее совсем несчастный.

Эдвард берет ее лицо в ладони.

– Дорогая, ты ни в чем не виновата. Ты проявляла максимальную заботу о сестре. Все эти восемь лет ты заменяла Роуз и мать и отца. Пусть эта история тебя не тревожит. Я сам разберусь с Роуз и с этим Марселем. Обещаю. – Он гладит жену по щеке. – Сейчас тебе нужно целиком сосредоточиться на ребенке. Наши гости поди заждались. – Он целует ее в лоб. – Если мы в ближайшие минуты не спустимся, миссис Беллами начнет вздыхать об испорченном ужине. Мы же не хотим навлечь на себя гнев миссис Беллами, правда?

Эдвард и Элино́р спускаются в гостиную. Роуз уже там и занимает гостей. Их соседи – Бартон и Лиззи Лейтон – приехали вместе со своими старшими дочерьми Шарлоттой и Лилли. Хвала небесам, что две младшие остались дома под надзором гувернантки. Здесь же присутствуют именитые американские гости – Гарри Лафлин и его

жена Пэнси. Эдвард пригласил двух одаренных студентов-психологов – Лесли Херншоу и Питера Рейнхарта. Херншоу и Рейнхарт успели познакомиться с девушками, и все пятеро уединились в углу гостиной. Завершают список гостей Мэри Стоупс и ее муж Хамфри, занятые поисками жилья в здешних местах.

– Всем добрый вечер, – здоровается Эдвард. – Прошу меня простить великодушно за опоздание.

– Не нужно извинений, друг мой, – широко улыбается Гарри и обменивается с хозяином теплым, крепким рукопожатием.

Лафлин почти лыс. Остатки его светлых волос аккуратно зачесаны. Лысина делает его старше прожитых сорока восьми лет.

– Нам здесь не дают скучать, – добавляет он, поднимая стакан.

Пэнси кивает и улыбается:

– Мы познакомились с вашими замечательными соседями.

Говоря о соседях (естественно, за глаза), Эдвард обычно употребляет другие прилагательные. Бартон, как всегда, ораторствует.

– Мы тоже провели электричество на нижнем этаже, – басит он, – и это, должен вам сказать, обошлось нам в кругленькую сумму. – Он хмурится. Его лысая голова блестит под ожившим электрическим светом. – Тратиться на верхние не стали. Мы же там только спим, – добавляет он и фыркает.

Бартон на десять лет старше Эдварда. Потерю волос на голове он компенсирует увеличивающейся растительностью на лице. Жалобы на дороговизну всего – излюбленная тема разговоров Лейтонов, что неудивительно при таком количестве дочерей и постоянно сокращающихся доходах.

– Не говори ерунды, – возражает мужу Элизабет Лейтон, настаивающая, чтобы все ее звали Лиззи.

Она поворачивается сначала к Пэнси, затем к Эдварду и Элиноор. Лиззи весело и громко смеется, словно ее муж только что на редкость остроумно пошутил. Эдвард не представляет, каково жить с такими родителями, не умеющими просто говорить, а произносящими каждую фразу с оглушительной громкостью. Он вдруг проникается сочувствием к их дочерям.

– Мы, конечно же, должны провести электричество и на верхние этажи, – продолжает Лиззи. – Нынче электричество есть у всех. – Ее пышная грудь колыхается под атласной блузкой в такт запальчиво

произносимым словам. – Вы согласны, что электричество есть у всех? – Она оглядывает собравшихся. Ее глаза умоляют о поддержке. – Что люди о нас подумают, если мы ограничимся электрификацией только первого этажа?

– Истинная правда, – подхватывает Пэнси, глаза которой все больше округляются при взгляде на Лиззи. – Да и можно ли вообще сейчас прожить без электричества?

– Особенно в английских нагромождениях ветшающих камней, именуемых у вас замками! – смеется Гарри и поворачивается к Мэри и Хамфри. – А вы? У вас тоже есть какое-нибудь древнее обиталище в этих краях?

– Пока нет, – без улыбки отвечает Мэри. – Но сегодня мы осматривали весьма привлекательный дом в Доркинге. Помнишь, Хамфри?

Муж послушно кивает. Везде, где Мэри говорит во весь голос, брызжа кипучей энергией, Хамфри остается молчаливым наблюдателем.

– Не желаете ли выпить, сэр? – спрашивает дворецкий Фолкс, проскальзывая между гостями.

– Да, Фолкс. С вашего позволения, глоток того прекрасного «Гленфиддиха», – отвечает Бартон, улыбаясь во весь рот. – То, что вы подавали, когда мы были здесь в прошлый раз. С мягким привкусом леса. Налейте побольше. Только не надо добавлять лед или еще что-нибудь. Напиток прекрасен сам по себе.

Он вновь усаживается в любимое кресло Эдварда. Невысокого роста, коренастый, в прежние годы он, пожалуй, был бы незаменимым игроком в регби. Однако Бартон питает слабость не к спорту, а к маленьким радостям жизни. Он напоминает Эдварду лошадь, выпущенную на весеннее пастбище. Всякий раз, когда он встречается с соседом, брюшко Бартона становится еще круглее, а борода – еще длиннее.

– Да, сэр, – отвечает Фолкс. – А что желает мадам?

– Мне джин с тоником, – говорит Лиззи; она на полфута выше мужа; женщина она доброжелательная, но несколько глуповатая и склонная к излишним эмоциям. – Положите в стакан ломтик лимона и налейте двойную порцию тоника.

Эдвард смотрит, как она сопровождает разговор энергичной жестикуляцией. Она сетует Пэнси на тяготы жизни в двух мирах, когда у твоих друзей есть самые современные удобства, а твой расточительный муж предпочитает жить в прошлом.

Закончив монолог, Лиззи широко улыбается собравшимся:

– Скажите, Эдвард, как вам удалось познакомиться со столь замечательными американцами? Бартон общается исключительно со старыми консервативными англичанами. Встреча с иностранцами подобна живительной струе!

Ее слова встречают вежливым смехом.

– У нас с Гарри есть общие научные интересы, – поясняет Эдвард. – Особенно в сфере евгеники. Гарри – один из ведущих американских экспертов в области этой новой захватывающей науки.

Лиззи выгибает брови дугой.

– Как это впечатляет! – Она с энтузиазмом встряхивает головой. – Правда, Бартон?

– А что это за зверь такой – евгеника? – недоуменно спрашивает Бартон.

Эдвард отвечает без запинки, поскольку уже неоднократно отвечал на подобные вопросы непосвященных.

– Попросту говоря, это наука, порожденная дарвиновской теорией, согласно которой выживают наиболее приспособленные. Целью Евгенического движения является улучшение человеческой породы посредством увеличивающегося воспроизведения в людях наиболее желательных качеств и одновременно подавления наименее желательных: например, наследственных болезней, умственной отсталости и так далее.

– А в этом есть здравый смысл, – изрекает Бартон и, склонив голову, размышляет над услышанным.

– Но зачем вас потянуло влезать во все это? – спрашивает Лиззи и морщит нос, словно они обсуждают нечто отвратительное. – Эдвард, я думала, вы занимаетесь чем-то важным по части психологии или образования.

– Я и занимаюсь, – смеется он, – но все эти вещи взаимосвязаны. К тому же... – он оглядывается на Элинора, которая отвечает едва заметным одобрительным кивком, – у нас есть весьма личные причины для глубокого интереса к этой работе. Мы с Элинором оба

желаем, чтобы с улиц исчезли опасные ничтожества, дабы избежать трагедий вроде той, что случилась с матерью моей дорогой жены.

Воцаряется неловкое молчание.

– Конечно, – торопливо произносит Лиззи. – Я это хорошо понимаю. Но у вас непростая задача. Как вы собираетесь ее решать?

– Один из способов – регулирование рождаемости, – отвечает Мэри Стоупс, подходя ближе к Эдварду.

– Миссис Стоупс, я почти забыл, – улыбается Гарри. – Мисс Сэнгер действительно просила передать вам от нее привет.

– Хм... – бормочет Мэри, кривя губы. Не секрет, что Мэри и мисс Сэнгер находятся отнюдь не в приятельских отношениях. – Благодарю, – наконец произносит она.

Мэри, которой под пятьдесят, и не думает сбавлять темп своей жизни. Эдвард примирительно ей улыбается.

– Вряд ли сыщется больший сторонник любых отрицательных моделей евгеники, чем миссис Стоупс, – говорит он собравшимся. – Она неутомимо стремится обуздать чрезмерную рождаемость в низших слоях населения и у отсталых народов. Идеальным решением, по ее мнению, была бы принудительная стерилизация. А пока миссис Стоупс потратилась на расширение своей клиники, где любая женщина, признанная дефектной, может бесплатно получить противозачаточные средства.

По мнению Эдварда, под эту категорию подпадает любая женщина из бедных слоев.

– Ах, Эдвард! Вы слишком добры, – смеется Мэри. – Надеюсь, у мисс Сэнгер все в порядке? – спрашивает она у Гарри. – Ей сейчас в Нью-Йорке приходится вести настоящие битвы. Я сочувствую ей. – Мэри вновь поворачивается к Эдварду. – Слышала, сестра вашей жены интересуется журналистикой. У меня есть предложение. Как насчет работы в моем бюллетене «Новости контроля над рождаемостью»? Ее помощь была бы очень кстати. Я просто с ног сбиваюсь.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, – отвечает Эдвард и оглядывается на стайку хихикающих девушек в другом конце гостиной.

У него почему-то возникает ощущение, что они смеются над книгой Мэри. Роуз весьма жестоко высказывалась и о книге, и об авторе. Эдварду даже на минуту не представить Роуз работающей у

Мэри – женщины твердых, если не сказать крайних взглядов на проблемы сдерживания роста населения. Что-то подсказывает ему, что небеса явно не одобряют такой союз.

– Мы с Элинор весьма надеемся отговорить Роуз от этого занятия, – продолжает он. – Мне жаль вас разочаровывать, однако сомневаюсь, что Элинор готова отпустить сестру в свободное плавание по лондонским улицам. Роуз – девушка, получившая преимущественно домашнее воспитание. В Европе ее повсюду сопровождала компаньонка. В обозримом будущем она останется жить с нами. Сами понимаете, каждый день ездить отсюда на работу в Лондон далековато. И ее самостоятельная жизнь в каком-нибудь задрипанном лондонском пансионате – тем более не выход. Мне бы этого очень не хотелось.

Мэри пожимает плечами, залпом выпивая свой джин с тоником.

– Это просто идея. Предложение остается в силе... на случай, если вы передумаете.

– Нас буквально сживают со свету, – ворчит Бартон, обращаясь ко всем, кто готов его слушать. – Не осталось ничего святого. Сам наш образ жизни и тот под угрозой. Богатство. Нынче это слово считается непристойным. Мне надо бы признать себя побежденным. Распродать все, что имею, пока еще не поздно. Переехать в Америку. Или в Индию. Или на континент.

– Пф! Европейские страны находятся в худшем положении, чем мы, – шумно выдыхает Эдвард. – Особенно Франция, – добавляет он сквозь зубы. – А дела Германии еще хуже.

– А у вас в Америке положение лучше? – спрашивает Лиззи.

Гарри покачивается на каблуках.

– Экономика, конечно, не моя стезя, – с расстановкой произносит он, – но думаю, не погрешу против правды, если скажу, что с самой войны в нашей стране начался экономический бум, тогда как Англия и Европа увязали в застое. Мы нация устремленных. Там, откуда я родом, слово «богатство» не является непристойным. Но нас, американцев, конечно же, волнует положение в Европе и у наших ближайших союзников. Мы крайне заинтересованы во всесторонней защите нашей демократической капиталистической системы от вполне реальной угрозы коммунистической революции. Мы это понимаем.

– Слышала? – спрашивает Бартон, глядя на Лиззи. – Разве я не говорил то же самое? Достаточно заглянуть в газеты!

– Я думаю, мы все искренне заинтересованы в том же, – соглашается Эдвард. – Возникшие проблемы многогранны и конечно же требуют коллективного решения. – Он поворачивается к Гарри. – Британская экономика находится в застое, поскольку при растущей безработице и снижении заработной платы людям не хватает денег на те или иные товары. Отсюда падение спроса. Добавьте к этому сокращение нашего экспорта, за что надо сказать спасибо мистеру Черчиллю. В двадцать пятом году он совершил колоссальную ошибку, решив повернуть время вспять и вернуться к довоенному уровню!

– Каким образом? – спрашивает Гарри.

– Он вернул фунт к золотому стандарту при смехотворно высоком обменном курсе. Здесь я готов согласиться с Кейнсом, который говорит, что привязка стоимости нашей валюты к золоту – варварский пережиток. Но я, как и Гарри, не экономист. Моя специальность связана с тем, что является куда более многообещающим и ценным для всех нас.

– С чем? – спрашивает Лиззи, наклоняясь вперед. – Эдвард, ваша работа всегда такая загадочная. Пожалуйста, расскажите!

– В том, чем занимается Эдвард, нет ничего загадочного, – смеется Элинор, подмигивая мужу. – О его работе чуть ли не каждый день пишут в газетах.

Эдвард улыбается жене, затем поворачивается к Лиззи.

– Я занимаюсь человеческим разумом, – с пафосом произносит он, для большего эффекта постукивая себя по лбу. – Это ключ к судьбам каждого из нас. И конечно же, моя сфера деятельности тесно связана с тем, о чем мы говорили ранее, – с евристикой и улучшением разума. Это поистине захватывающая тема.

Мэри выходит вперед и включается в разговор, размахивая пустым бокалом. Она говорит, как проповедник перед прихожанами, начав издали:

– Как явствует из недавних слов Гарри, мы – наша раса – подошли к критическому, поворотному моменту. Кажется, мы уже достигли предела человеческого интеллекта, в результате чего сама наша цивилизация оказалась под угрозой. Мы можем ничего не делать и позволить ей катиться вниз. Или же именно сейчас предпринять необходимые действия и остановить неизбежный застой. Спасти цивилизацию от почти явного саморазрушения.

– Боже мой! – восклицает Лиззи, переминаясь с ноги на ногу и торопливо глотая джин с тоником. – Какие жуткие крайности! Как мы можем достичь предела человеческого интеллекта? Эдвард, вы же здоровый человек. Неужели вы согласны с... – Лиззи смотрит на Мэри, такую плоскую и внешне заурядную по сравнению с ее собственными пышными формами. – С ней, – произносит Лиззи, кривя губы и морща нос.

– Боюсь, что да, – отвечает Эдвард предельно серьезным тоном, каким читает свои лекции. – Мы стоим перед печальным фактом. С одной стороны, бесконтрольно высокая рождаемость, особенно в самом низшем слое населения, которая плодит физически и умственно неполноценных, преступников, алкоголиков, эпилептиков и так далее. С другой – низкая рождаемость среди наиболее пригодных к деторождению, интеллектуально высокоразвитых людей. Это привело к возникновению дисбаланса. Если не вмешаться, становится предельно очевидным, что такое положение вещей приведет нас к катастрофическому будущему.

Мэри кивает.

– Если вы думаете, что ваши нынешние налоги чрезмерно высоки, – говорит она, качнув стаканом в сторону Бартона, – в будущем они станут разрушительными. Можете представить, во сколько обойдутся орды дефективных, которых нам придется содержать? Этот факт уже вынуждает молодых женатых мужчин из профессиональных классов оставаться бездетными. Они не могут позволить себе детей вследствие ноши, которую низшие слои общества возлагают на плечи общества.

– Боже, как все это мрачно! – произносит Бартон, угрюмо глядя в стакан. – Конец цивилизации. Думаю, мы мало чем можем этому помешать.

– Все цивилизации приходят к концу, – говорит Гарри. – Греки, римляне, другие. Боюсь, это вовсе не преувеличение. Западная либеральная демократия медленно, но верно движется к закату. Коммунизм, плановая экономика, автократии, которые расцветают по всему миру... Корень всех этих бед – дисбаланс между упомянутыми слоями населения. Кто-то скажет, что уже слишком поздно спасти нашу умирающую демократию. Но я остаюсь оптимистом. Мы не должны сдаваться без боя. Согласны?

– Фолкс, будьте любезны, еще порцию – угрюмо бубнит Бартон.

– А вот вы, Гарри. Какова ваша роль во всем этом? – спрашивает Лиззи.

– Я являюсь директором Евгенического архива в Институте Карнеги. Наши с Эдвардом научные интересы... добавим сюда и миссис Стоупс, во многом совпадают. Долгое время мы работали параллельно. Мы оба психологи, специалисты в области образования и заинтересованы прежде всего в улучшении здоровья и благосостояния наших народов.

– И что же привело вас в Англию? – спрашивает Лиззи, во все глаза глядя на американца и жадно ловя каждое его слово.

– Как уже сказал Эдвард, темы нашей работы перекрывают друг друга. Делясь знаниями и работая сообща в новой, развивающейся научной сфере евгеники, мы можем дать толчок этому движению в Европе. Здесь наши интересы целиком совпадают. Давайте смотреть правде в глаза: сейчас, как никогда, нам необходим быстрый и решительный прогресс.

Гарри пьет воду, хмуро глядя, как дворецкий наполняет виски стакан Бартона.

– Если хотите знать, я искренне ратую за создание мирового правительства, чтобы все, что представляет международный интерес, решалось бы на самом высоком уровне с участием всех богатых стран.

– И как бы это работало? – спрашивает Элинора.

– По образцу Лиги наций и конституции Соединенных Штатов. Естественно, доминирующая роль в этом правительстве принадлежала бы Европе и Северной Америке, – поясняет Гарри. – Но ключевым моментом в этой битве была бы защита расовой чистоты; в особенности чистоты нордической расы – самой идеальной из всех рас. С этой целью мы финансируем исследования в Германии. После завершения наших дел в Лондоне мы с Пэнси отправимся в Мюнхен, в Институт кайзера Вильгельма. Состоятельные люди Америки рассматривают филантропию как своего рода обязанность. Обязанность возвращать. Надеюсь, вы это понимаете. – Он поворачивается к Бартону. – А чем занимаетесь вы, сэр?

– Я? – с громким хохотом переспрашивает Бартон. – У меня нет профессии! Я из числа тех, кого в нашей стране называют джентльменами. Вымирающая порода... Я должен был бы жить за счет

плодов моей земли, но нынче это становится все труднее из-за богатых выскочек вроде Эдварда.

– Бартон, я человек науки, – вздыхает Эдвард, делая упор на последнем слове и пытаясь заглушить раздражение, вызванное отношением соседа.

Аристократический снобизм Бартона по поводу происхождения Эдварда вряд ли когда-нибудь утихнет. Отец Эдварда был из тех, о ком говорят «выбился в люди». Смешливый, необычайно деятельный Джеймс Хэмилтон был сыном даремского шахтера, о чем Бартон даже не подозревает, а Эдвард не намерен распространяться. Чтобы стать инженером-строителем, отец Эдварда учился на вечернем отделении колледжа. Это был инженер от Бога. Его работа по прокладке региональных железных дорог и строительству мостов принесла ему немалое состояние, которое Эдвард, его единственный сын, получил в наследство. Не что иное, как отцовские деньги позволили Эдварду заниматься наукой и исследованиями, направленными на благо всего человечества. И тем не менее... Эдварда окружает ореол «новых денег». Американцы воспринимают это с восторгом, а английская аристократия – с разной степенью презрения и подозрительности.

– Отраднее то, что в нынешнем году у нас обильный приплод фазанов, – продолжает Бартон, и его лицо немного проясняется. – По сути, их тысячи. Достойный способ получить дополнительный доход. В противном случае от лесных массивов не было бы никакого толку. Приспособляемость, друг мой. Она помогает нам выживать. На охотничьих угодьях нынче можно неплохо заработать. Те, кто ублажает прихоти лондонцев... простите мне такое выражение... устраивают у себя охотничьи забавы.

– Раз уж мы заговорили о забавах, – подхватывает Элинора, – в следующее воскресенье мы с Эдвардом планируем устроить теннисное состязание. К нам на выходные приедет Кларисса, лучшая подруга Роуз. Был бы неплохой повод отпраздновать возвращение Роуз.

– Какая замечательная идея! – восклицает Лиззи.

– Даже Мейбл смогла бы присоединиться к общему веселью, – замечает Эдвард и вопросительно смотрит на жену.

Та кивает.

– Мейбл обожает наряжаться к праздникам. Всего четыре, а уже разбирается в моде, – смеется Элинора.

– Слушайте, чуть не забыла! – снова восклицает Лиззи. – Не желает ли Мейбл щеночка? Я тут подумала: должно быть, малышка тоскует по дорогому старине Пэтчу. Голди, ретриверша нашего егеря, родила пятерых щенят. Одного он оставил себе, и еще одного я обещала нашим девочкам. Не хотите ли и вы? Щенки чистопородные. Уверена, мы без труда найдем желающих их взять.

– Эдвард, как ты?

Он видит, что жена готова взять щенка. У него теплеет на сердце при мысли о том, сколько радости принесет щенок их дому. Скорее всего, миссис Беллами не обрадуется, но, если уж на то пошло, повараху трудно чем-то обрадовать.

– Согласен. Как говорят, без собаки и дом не дом, – говорит Эдвард.

В этот момент в гостиную торопливо входит миссис Фолкс и сообщает, что обед готов.

Возможно, новый щенок отведет и мысли Роуз от этого француза.

II

Вы называете это войной.

Я предпочитаю другое слово: игра.

Почему? Да потому, что здесь власть принадлежит мне. Я словно кошка, играющая с беспомощным грызуном. Несмотря на годы ваших исследований и основательность научных заведений, несмотря на ваш научный прогресс и понимание законов природы, вы меня пока не победили. Если мне захочется подразнить и помучить вас, я так и сделаю. Я уже это делаю. Ваши жалкие, неуклюжие попытки избавиться от меня сводятся к высокомерию и ложной самоуверенности. О, как это меня развлекает!

Мы с вами играем тысячи лет подряд, и игра никогда мне не наскучит. Посмотрели бы вы на себя. Вы переполнены страхом, предрассудками и религиозным рвением, считая, будто от меня легко отмахнуться, посчитав чем-то другим.

Между нами идет нечестная игра. Или война. Или называйте это, как вам угодно. Но как и в забавах кошки с маленькой невинной мышкой, это лишь половина развлечения! Обожаю вовлекать вас в веселый танец, где я по собственному выбору то исчезаю, то появляюсь.

Могу ли я нести ответственность за то, что какого-то человека нет рядом? За вспышку света, диковинное облако в солнечный день? За оборванную фразу, пустой взгляд? Разве из-за меня вы что-то поставили не туда и теперь не можете найти? Вина ли я в своем появлении? Неужели это из-за меня кто-то обжег руку, рассек губу, сильно ударил голову, сломал ребро? Разве из-за меня ваш близкий человек впал в замешательство, истерику или агрессию? Или в этом повинен кто-то совершенно другой?

Вам этого не узнать, ибо я гений уловок, обмана и неразберихи.

Давайте по-честному: вы скорее предпочтете объяснить странное поведение дорогого вам человека чем угодно, только не моим вмешательством. Скажете, что это рука Бога или самого дьявола, чародейство или колдовство.

И тем не менее, невзирая на все заклинания, сожжения, утопления и пытки, невзирая на заточение и изгнание из общества, стерилизацию и эвтаназию... я по-прежнему здесь!

Знали бы вы, как меня устраивают эти ваши настойчивые поиски света в темноте.

Итак, друзья мои, теперь вы знаете: у меня появилась новая игрушка. Свежая добыча. Податливая, юная, открытая видениям и ощущениям.

Вы и не заподозрите, что за странностями маленькой девочки скрываюсь я.

Вы засмеетесь и отмахнетесь. В этой извращенной игре я прячусь, а вы не торопитесь меня искать.

Ведь я же мастерица менять обличье, и в этом-то вся прелесть игры.

Глава 5

Элино́р

Стол в холле украшает ваза с розами из собственного сада. Элино́р добавляет последние штрихи к букету, когда снаружи вдруг доносится громкий и резкий звук автомобильного клаксона. Она вздрагивает и едва не опрокидывает вазу на пол.

Ее лицо расплывается в широкой улыбке. Она настежь распахивает входную дверь.

– Кто же это...

Софи награждает ее белозубой улыбкой. Подругу едва видно из-за руля громадного автомобиля. Муж, сидящий рядом, замер. Его лицо слегка позеленело.

– И как тебе, дорогая, мое новое авто? – спрашивает Софи, перекрикивая рокот мотора. – «Мерседес-бенц», не что-нибудь. Подарок от Генри на день рождения, – добавляет она, поглаживая мужа по голове, будто лабрадора.

– Элино́р! – улыбается Генри и приветственно поднимает руку. – Слава богу, добрались! Моя жена гонит с бешеной скоростью. Ох уж эти женщины-шоферы! Из-за них дороги стали опасными. Надо запретить им водить машину.

– Покатался бы ты с Эдвардом, – бормочет себе под нос Элино́р, улыбаясь и маша гостям.

Лорд Генри Грант-Паркер выпрыгивает из машины и неспешно обходит ее, чтобы открыть дверь жене. Его движения исполнены легкости и изящества. Это принадлежит ему по праву рождения, как и всем выходцам из его класса. Обходительность, утонченность и уверенность в собственном превосходстве подавались им вместе с молоком на завтрак.

Софи снимает шоферские перчатки и развязывает ленту, удерживавшую ее шляпу на голове. Она посылает воздушный поцелуй подруге.

– И ты вела эту громадину из самого Лондона? – спрашивает Элино́р, глядя на невероятно длинный, элегантный серебристый

корпус автомобиля. Ей он кажется напичканным опасностью. – Какая же ты смелая!

– Мне это нравится. Вождение неплохо встряхивает. Правда, пришлось сидеть на подушке, иначе бы я ничего не увидела. Да и эти чертовы педали нажимать тяжеловато. Зато я обожаю, когда все торопятся убраться с дороги, видя, как я с грохотом мчусь прямо на них. Вот такие шутки! И потом, Генри нравится ехать пассажиром. Правда, дорогой? Мы что же, прибыли первыми? А кто еще сегодня будет?

– Замечательный день для тенниса, – говорит Генри, широко раскидывая руки. – Эдвард, полагаю, уже на корте. Решил поупражняться с утра пораньше?

Он улыбается и взмахивает воображаемой ракеткой.

– Нет, он...

– Ты посмотри на себя! – восклицает Софи, беря Элинора под руку, и они входят в дом. – Прячешься в этом чертовом захолустье! Тебя целую вечность не было на пятничных суаре. Почему? Никак, дражайшая подруга, ты меня избегаешь?

– Нет! Дело в...

– А где твоя младшая сестрица? Вернулась из своих странствий?

– Да, Роуз вернулась. Мне нужно с тобой поговорить о ней.

– Умираю от желания услышать, как ей жилось в Париже. И про Италию тоже. Где она там побывала? В Риме? Во Флоренции? Ей обязательно нужно было повидать Флоренцию и Сиену – мои любимейшие города. Генри, не отставай...

Роуз и ее красивая, словно фея, подруга Кларисса забрели на кухню и о чем-то просят миссис Беллами. Та уперла руки в бока и отчаянно мотает головой.

– Я не готовлю никакой иностранной дребедени. Желаете таких кушаний – отправляйтесь в Лондон. Там полно дорогих ресторанов, где это готовят. Я свое поварское ремесло уважаю и готовлю настоящую английскую пищу, – твердо заявляет повариха.

– Но у Клариссы...

– Вот вы где! – Элинора впархивает на кухню и выразительно смотрит на Роуз.

«Немедленно прекрати!» – говорит ее взгляд. Сердить миссис Беллами ни в коем случае нельзя, иначе все прочувствуют на себе ее дурной характер. Не далее как в прошлом месяце им пришлось целую неделю есть пережаренное, сухое, пересоленное мясо и водянистые овощи. Причина – неуместное замечание Эдварда.

– Роуз, Кларисса, выйдите на террасу и поздоровайтесь с лордом и леди Грант-Паркер.

Кларисса стреляет своими большими глазами в сторону Генри и закусывает губу.

– Миссис Беллами, пожалуйста, попросите Элис принести нам кувшин лимонада и стаканы. И шампанское со льдом. А как восхитительно пахнет ваш ланч, – говорит Элино́р, награждая повариху самой теплой и благодарной улыбкой.

Гости собираются на задней террасе под голубым небом и облаками, напоминающими взбитые сливки. Внизу простирается лужайка для крокета и розовый сад Элино́р. Дальше начинается главная лужайка, тянущаяся по пологому склону к теннисным кортам и кустам рододендрона. В беседке, увитой глицинией, Фолкс и Берти уже почти накрыли стол для ланча, который будет подан сюда после тенниса.

– Так что ты хотела мне сказать насчет Роуз? – спрашивает Софи, покачивая бокалом с шампанским.

Убедившись, что их никто не слышит, Элино́р наклоняется к уху подруги и рассказывает ей о Марселе, французском любовнике сестры, о недовольстве Эдварда и дурацком желании Роуз стать журналисткой и содержать этого француза, пока он возвращает в себе художника.

– Весьма декадентская история, – комментирует Софи, прикрывает глаза и искоса смотрит на Элино́р, потом затягивается сигаретой. – Но мне в нем что-то понравилось. Обаятельный, сексуальный француз? Малость банально, однако... Уверена, он довольно скоро ей наскучит. Мы можем найти не менее обаятельного англичанина, который ее переманит. Дорогая, предоставь это мне. Кстати, почему бы вам обеим не приехать ко мне в следующие выходные? Я бы могла познакомить твою сестру кое с кем.

– Ой, я не смогу поехать. Не могу оставить Мейбл.

– Почему бы нет? Я оставляю двух своих спиногрызов при каждой возможности.

Элино́р и не ждет особо тесных отношений между Софи и ее сыновьями Себастьяном и Фредди. Та же прохладность, что в отношениях подруги с ее матерью. Элино́р дружит с Софи еще с довоенных времен, когда они учились в закрытой школе. Мать Софи она видела один или два раза во время каникул: холодную, пугающего вида матрону. Неизменными спутницами в детстве и отрочестве Софи были горничная, няня и компаньонка.

– Когда они вырастут и станут поучтивее, – продолжает Софи, – быть может, я стану проводить с ними побольше времени. Ничего, закрытая школа их укротит. Превратит из необузданных зверенышей в дрессированных, воспитанных юношей. А сейчас чем меньше я их вижу, тем лучше. Три и два года – поистине утомительный возраст, – со смехом заключает Софи.

Элино́р делает глубокий вдох.

– Софи, я вновь беременна. Этого ребенка я ни в коем случае не должна потерять, – говорит она, обходя тему Мейбл.

– Угораздило же тебя!

– Вообще-то, уместнее было бы меня поздравить.

– Это само собой. Можешь считать, что поздравила. И в то же время тебе не повезло. Сказывается на фигуре. Я целых девять месяцев отвратительно себя чувствовала. – Софи поднимает фужер. – За твою удачу, подружка. И за старые добрые времена, – улыбается она. – Как Эдвард? – Щурясь, Софи смотрит в сторону кортов, куда направляется первая партия игроков.

– Работает даже дома, – вздыхает Элино́р. – Занят под завязку. Помоему, он тащит на себе непомерный груз. Вынужден всю неделю проводить в лондонской квартире.

– Да? – Софи внимательно смотрит на Элино́р и слегка хмурится. – Знаешь, а тебе стоит постоянно навещать к нему на Блумсбери. Делать ему сюрпризы. Держать его в напряжении. Мужчина, на всю неделю оставленный в городе, подвержен разнообразным искушениям.

– Эдвард на такое не способен, – смеется Элино́р. – Не тот типаж.

– Все мужчины одинакового типажа. Можешь мне верить, Элино́р.

Элино́р смотрит в сторону Генри, губы которого почти касаются уха шаловливой, хихикающей Клариссы. Элино́р моргает и смотрит снова. Нет, ей не показалось, Генри и Кларисса флиртуют в открытую. Почему он так себя ведет, зная, что жена рядом? Увидев, куда смотрит Элино́р, Софи раздувает бледные ноздри.

– Очередное маленькое развлечение Генри, – говорит она, глубоко затягиваясь сигаретой.

Софи в белом шелковом платье, отороченном кружевами, выглядит образцом изысканности. Красавицей ее не назовешь, но она изящна и элегантна. По всему видно, что Брук-Энд не место для нее. Она слишком лощеная, слишком величественная для мировосприятия этого сельского жилища среднего класса, если, конечно, у дома есть мировосприятие. Разумеется, Брук-Энд не похож на большой загородный дом Генри в Глостершире. Там все дышит высокомерием. Там глаз постоянно натывается на драгоценные предметы старины, заставляющие посетителей охать и ахать. Брук-Энд – дом не для показа, а для жизни. Его пространство наполнено деревом янтарного цвета и уютными диванами. На кофейных столиках громоздятся книги, упрашивающие, чтобы их прочли. В маленькой гостиной стоит мольберт с незаконченным изображением сада. Элино́р так и не соберется его дописать. Повсюду валяются осколки и обломки – это Мейбл познаёт мир. Элино́р такой беспорядок ничуть не раздражает. Она знает, что к концу дня мисс О’Коннелл все уберет.

Генри обнимает Клариссу за талию. Элино́р становится не по себе. Каково Софи это видеть? Ведь ее публично унижают. Бедняжка Софи, она пьет свою горькую чашу сполна. В прошлом лорд Генри Грант-Паркер считался завидным женихом, пока не остановил свой выбор на ней. Газеты ее обожают. Леди Грант-Паркер считается законодательницей моды и стиля. Во время лондонского сезона ее фотографии постоянно появляются на страницах светской хроники. Она посещает скачки и спортивные состязания, появляясь в новых нарядах: от Шанель – на Королевских скачках в Аскоте, от Скиапарелли – на автогонках в Гудвуде, от Ланван – на регате в Хенли. Другие женщины хотят все, что есть у Софи. Кажется, и ее мужа тоже. Испытывая омерзение, Элино́р отворачивается.

– Давай спустимся вниз и посмотрим на теннисистов, – предлагает Софи; она сидит прямая, как струна, с высоко поднятой

головой.

– Хорошая мысль.

Элино́р берет Софи за руку, надеясь выразить ей поддержку. Глазами она ищет среди гостей Роуз и замечает сестру разговаривающую с дочерьми Лейтонов. Элино́р подзывает Роуз к себе.

– Ты не прогуляешься с Софи к кортам? Я обещала Мейбл, что приведу ее на взрослое торжество. Я скоро вернусь, – добавляет Элино́р, обращаясь к подруге.

Элино́р спешит в дом и поднимается в детскую. Перед мысленным взором продолжают мелькать отвратительные сцены: Генри, флиртующий с Клариссой, девушкой почти вдвое моложе его. Какой позор! А сама Кларисса? Родителям нужно внимательнее следить за дочерью, не то она превратится в такой же «бракованный товар», как Роуз. Боже мой, Роуз! И как она могла? Куда ни глянь – повсюду натыкаешься на половую распущенность. Элино́р вздрагивает, радуясь, что проделки Роуз хотя бы неизвестны обществу. Элино́р приложит все силы, чтобы сохранить это в тайне.

– Вот ты где!

Элино́р улыбается Мейбл, играющей на полу в островке солнечного света. В руках у дочери тряпичная кукла Пруденс, которую малышка держит за ноги. Кукольные волосы из желтой шерсти свисают вниз.

– Мама! – Мейбл встает с пола. – Должна тебе сказать, Пруденс очень плохо себя вела. Я ей сказала: «Ты плохая, совсем плохая куколка! У тебя внутри живет дьявол, и потому ты такая плохая».

– Да ну? Уверена, внутри Пруденс нет никакого дьявола.

И откуда только ребенок набрался этой чепухи?

– Есть, – с недетской серьезностью возражает Мейбл. – Потому я и держу ее вниз головой, чтобы дьявол из нее выпал. Понимаешь?

– Понимаю.

Мейбл бросается в объятия матери. От малышки слегка пахнет теплым молоком и сладковатой лавандой.

– Хочешь пойти со мной и посмотреть, как леди и джентльмены играют в теннис?

Элино́р ставит Мейбл на пол и опускается на корточки, чтобы их лица были вровень друг с другом.

– А мне можно поиграть?

– Не в этот раз, дорогая. Ты еще слишком маленькая.

– У-у. – Мейбл выпячивает нижнюю губу и хмурится. – Это нечестно!

– Мейбл, нельзя разговаривать так с мамой! – заявляет мисс О’Коннелл; лицо няни сурово, а сама она убирает выстиранное белье девочки в шкаф. – Извинись, иначе ты вообще не увидишь тенниса!

– Извини, мама, – бормочет Мейбл, щеки которой мигом краснеют.

Элино́р оглядывается на няню. Похоже, та сегодня чрезмерно строга.

– Тише, – говорит она, сжимая пухлые ручонки Мейбл и улыбаясь. Пусть знает, что мама, в отличие от строгой мисс О’Коннелл, на нее не сердится. – Мы с тобой поиграем в теннис в другой раз. Так ты хочешь пойти со мной и посмотреть состязания? Но ты должна обещать, что будешь хорошей девочкой и не станешь никому мешать.

Мейбл энергично кивает, а мисс О’Коннелл твердым голосом говорит:

– Когда тебе всего четыре года, кажется, что теннисные состязания длятся целую вечность. Через некоторое время я приведу Мейбл на корт, а у вас будет время пообщаться с гостями, как и надлежит каждой хорошей хозяйке.

В груди Элино́р что-то надламывается. Несносная женщина! Будет ее учить, как себя вести на своем же приеме.

– Няня, я возьму ее с собой, – не менее твердо отвечает Элино́р. – Она перекусит с нами, а если устанет, я отведу ее к вам. – Элино́р приветливо улыбается мисс О’Коннелл. – Идем, Мейбл.

Выйдя из детской, мать и дочь видят на площадке Эдварда, успевшего надеть теннисный костюм.

– Папа! – Мейбл берет его за руку, и они спускаются, оба считая ступеньки.

Они доходят до границы верхней лужайки и сада. Мейбл бросается играть в прятки, прячась за кустами и шток-розами и громко смеясь всякий раз, когда Эдвард ее находит. Элино́р улыбается. Солнце согревает ей плечи. Со стороны корта слышны глухие удары ракеток по мячу, перемежаемые смехом и криком.

Неожиданно Эдвард опускается на корточки перед Мейбл. Малышка замерла, точно статуя, протянув руку и указывая на что-то невидимое. У Элинор сердце уходит в пятки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – произносит Эдвард. Он смотрит туда, куда указывает пальчик дочери. – Какая леди с огненными волосами? Я никого не вижу. Думаю, ты просто перепутала. Ты хотела сказать «с рыжими волосами». Так мы называем этот цвет волос.

– Мне она не нравится, – говорит Мейбл, и Элинор становится не по себе.

Ни в доме, ни среди гостей нет рыжеволосых женщин.

– Мейбл, здесь нет никакой леди. – Эдвард выпрямляется и протягивает дочке руку. Она протягивает свою, но другой рукой продолжает указывать в пространство между кустами. – Если ты будешь себя хорошо вести, мама, быть может, позволит тебе съесть кусок медового кекса, испеченного миссис Беллами.

Мейбл чмокает губами. И вдруг, словно сраженная пулей, падает, растягивается на траве и извивается всем телом.

– Элинор! – вскрикивает Эдвард.

Ее разум соображает медленно и как-то отстраненно, словно она смотрит на происходящее сквозь пелену тумана или из-за занавески. Она убеждала себя, что случаи на станции и на пикнике не означают ничего страшного. И вот – третий раз. Теперь уже не отмахнешься. Элинор видит, как Эдвард дает Мейбл быструю и сильную пощечину, словно намеревается разбудить. Поначалу малышка не реагирует, затем открывает затуманенные глаза.

– С нашим ребенком что-то происходит! – Эдвард ошеломленно глядит на жену. – Как ты думаешь, не заболела ли она чем-нибудь?

Элинор качает головой и опускается на корточки рядом с Эдвардом. Оба смотрят на дочь.

– Эдвард, – тихо начинает она, – это уже не в первый раз. Я и раньше видела ее в таком состоянии.

– Что-о? Почему мне не сказала? Элинор, когда это началось? Сколько раз ты это видела, черт побери?!

– Я думала, быть может... быть может, в этом нет ничего особенного.

Малышка поворачивается и смотрит на мать. Глаза девочки принимают осмысленное выражение.

– Мама, – слегка дрожа, произносит она и протягивает ручки.

Элино́р опускается на траву и сажает дочь на колени. Она выдерживает взгляд Эдварда. Оба думают одинаково.

– Я отведу ее в дом, – дрожащим голосом говорит Элино́р. – Попрошу мисс О’Коннелл уложить ее на пару часов в кровать.

– Это было бы лучше всего. – Эдвард смотрит на Элино́р; его лицо напряжено до предела, отчего ее сердце готово разорваться. – Нам нельзя никому об этом рассказывать. – (Она тупо кивает.) – До тех пор, пока мы... не проконсультируемся.

– Я... я скажу мисс О’Коннелл и гостям, что Мейбл споткнулась, упала и ударилась головой. – Элино́р отводит волосы, закрывающие глаза Мейбл. – Теперь ей надо отдохнуть.

– До сих пор не понимаю, почему ты мне сразу не сказала, – тихо говорит Эдвард.

– Я боялась. К тому же у нашей малышки живое воображение. Думала, она чрезмерно утомилась. Отдохнет, и все пройдет. Я не хотела обращаться к врачу из-за...

Эдвард кивает:

– А мисс О’Коннелл упоминала о чем-нибудь подобном?

– Нет, ни разу, – отвечает Элино́р.

– Возможно, мы напрасно беспокоимся, – скупно улыбается Эдвард.

– Эдвард! – громогласно зовет его с корта Бартон. – Нам нужен четвертый!

– Иду! – отвечает Эдвард.

– Включайся в игру, – говорит Элино́р, сдерживая дрожь в голосе. – По пути домой я раздобуду для Мейбл кусок медового кекса. Может, все дело в голоде. Она же с самого утра ничего не ела! Это моя вина. Надо было сказать мисс О’Коннелл, чтобы заранее ее покормила...

Эдвард касается колена жены:

– Элино́р, не вини себя. Возможно, ты права. Кекс – это хорошо. Сладкое ей сейчас пойдет на пользу.

Она смотрит, как муж уходит на корты. Всего раз он оборачивается и машет ей. Элино́р понимает: надо побыстрее увести

Мейбл, пока гости не начали задавать вопросы. Софи ждет, что они продолжат разговор, но ей сейчас не до беседы. Элино́р чувствует навалившееся утомление.

Она крепко прижимает дочь к себе и качает, пока голова малышки не упирается ей в грудь. Через мгновение Мейбл уже спит. Ее розовые губки раскрыты, глаза слегка подрагивают под сомкнутыми веками. Ее кожа персиково-кремового цвета гладкая и нежная. Недавняя бледность сменилась легким румянцем. Элино́р никогда не наскучит смотреть на это личико, знакомое, как свое собственное.

Глава 6

Эдвард

Банк «Коулрой и Мак» находится в доме номер 24 по улице Чипсайд. Неприметное здание, беленые стены снаружи и добротная темная отделка тиковым деревом изнутри. Скромный банк, не чета финансовым гигантам акционерных обществ, но зато здесь особое отношение к каждому клиенту. Специализированный банк для состоятельных людей; для тех, кому важно знать, что их деньги находятся в хороших, надежных руках; где задают мало вопросов, но делают все, дабы как можно полнее учесть интересы клиента. Вкладчиком «Коулроя и Мака» был и отец Эдварда, храня здесь свое состояние, нажитое нелегким трудом. Стараниями банкиров деньги Хэмилтона-старшего значительно умножились в основном за счет вложений в стремительно развивающиеся отрасли американской экономики – электротехническую и сталелитейную. Сейчас владельцы банка с такой же проникательностью стараются приумножить деньги Эдварда посредством операций на финансовом рынке.

– Я не люблю рисковать, – неоднократно заявлял мистеру Коулрою Эдвард, когда тот заводил разговор о спекуляциях на фондовой бирже.

– Нынче все занимаются подобными спекуляциями, – отвечал ему мистер Коулрой. – Прекрасный способ сделать быстрые деньги.

Однако Эдвард упорно не поддавался на искушение.

– У меня достаточно денег, – не раз говорил он мистеру Коулрою, – и я хочу, чтобы все оставалось по-прежнему.

Любое рискованное предложение его нервировало.

– Как вам будет угодно, – бормотал мистер Коулрой, соглашаясь на апробированные вложения в надежные компании и государственные облигации и оставляя спекуляции волатильными ценными бумагами, фьючерсами и опционами для более смелых душ, нежели его клиент.

Мистер Коулрой наверняка родился и вырос в обеспеченной семье, где не волновались из-за нехватки денег. Поэтому он не знал и вряд ли мог понять, что у Эдварда есть все основания думать по-другому. Об этом, пусть и весьма скупом, писал Джеймс Джойс в своем

«Улиссе». Отец писателя был одним из тех, кто проделал путь из низов наверх исключительно за счет собственного трудолюбия и упорства.

В двенадцать лет отца Эдварда отправили работать на шахту. Жалованье доставалось ему нелегко, и к каждому пенни он относился с такой заботой и почтением, что это вызвало бы глубокое восхищение у дядюшки Скруджа. Такое же внимательное, трепетное отношение к деньгам укоренилось и в Эдварде. Он не шел ни на какие риски и не допускал, чтобы деньги утекли сквозь пальцы, ибо слишком хорошо понимал витающую над ним возможность обеднеть.

Благодаря природному уму и неустанному труду отец накопил достаточно денег. Семья жила скромно, занимая небольшой домик и довольствуясь простой одеждой, простой пищей и простой мебелью. В детстве Эдвард был счастлив, ибо не знал иной жизни. Единственной статьей расходов, на которые отец не скупился, было образование сына и намерение поднять Эдварда выше уровня рабочего класса.

Однако реакция новых соучеников Эдварда на его незнатное происхождение была жестокой. Он быстро начал стыдиться своих «неотесанных» родителей и «жалкого домишки». С тех пор он делал все возможное, только бы скрыть свое происхождение, компенсируя историю семьи резкими выступлениями против низших слоев общества, чтобы ни у кого не закралось сомнений насчет его принадлежности к верхушке среднего класса. Даже Элинор не знала, сколь скромно начиналась его жизнь, а если бы знала – ни за что не вышла бы за него. В этом он уверен. Пусть ее семья и пережила тяжелые времена из-за гибели братьев и смерти родителей, но все они выходцы из добропорядочного сословия.

Он же был аномалией. Яркой искрой среди пепла и копоти низших классов.

– Доброе утро, мистер Хэмилтон, – здоровается с ним секретарша средних лет.

Ее седые волосы убраны в аккуратный узел. Невысокого роста, она кажется совсем маленькой за своим громадным письменным столом. Его узнают в лицо. От этого в груди разливается приятное тепло.

– У вас назначена встреча? – спрашивает она, водя пальцем по четко выписанным строчкам увесистого настольного календаря в солидном кожаном переплете.

– Доброе утро. Нет, сегодня у меня никаких встреч. Я зашел снять деньги.

– Конечно. – Секретарша поднимает на него глаза и улыбается. – Проходите.

Она открывает массивную дверь и вводит Эдварда в помещение, где сидят несколько клерков, склонившихся над конторскими книгами. Опять эта тупая, пульсирующая головная боль. Как же она ему мешает. Едва ли стоит ей удивляться. Он постоянно страдает от головных болей. Сгустки боли ударяют ему в череп. Помимо этой напасти он отвратительно спит по ночам. Минувшей ночью, что часто бывает накануне таких дней, как этот, он практически глаз не сомкнул. А теперь, после теннисных состязаний на выходных, к череде его обычных забот добавилась тревога за Мейбл. К своему удивлению, он обнаруживает, что молится Богу, в которого больше не верит, и просит, чтобы увиденное оказалось не более чем случайностью.

Секретарша подводит его к кассиру.

– Передаю вас в надежные руки мистера Джонса, – с улыбкой говорит она и возвращается за свой громадный стол.

Джонс порывисто встает, сдвигая в сторону бумаги, с которыми работал, тянется через стол, чтобы пожать Эдварду руку, и роняет авторучку.

– Добрый день, мистер Хэмилтон. Надеюсь, ваша семья в добром здравии? Желаете получить обычную сумму? – спрашивает кассир, нагибаясь за ручкой, успевшей закатиться за стул.

Характер у Джонса нервный. Он еще совсем молод, но уже успел приобрести землистый цвет лица. Он одет в мятый костюм с тонким галстуком. Одному дьяволу известно, чего он так нервничает при встрече с Эдвардом. Эта процедура повторяется ежемесячно. Пора бы привыкнуть. Эдвард видит, что у парня подрагивает рука, когда он косым почерком выводит на чеке сумму. Эдварду остается лишь подписать чек. Может, парень думает, что эти регулярные крупные суммы наличными имеют криминальный подтекст? Эдвард внутренне усмехается нелепой мысли. Он хорошо известен в обществе. Достаточно сказать, что его часто цитируют по радио, в передачах Британской вещательной корпорации. Его репутация безупречна.

– Прошу немного подождать, – говорит Джонс, берет чек и скрывается за другой дверью, чтобы принести деньги.

В комнате тихо. Поскрипывает чье-то перо. Один из клерков елозит на стуле, а другой откашливается.

Эдвард откидывается на спинку стула и подносит к глазам часы. В висках пульсирует боль. Он начинает массировать затекшие мышцы шеи и плеч. Половина одиннадцатого. Есть время прогуляться. Все лучше, чем трястись в грязной, душной подземке. Приятная прогулка вдоль реки – как раз то, что надо. Возможно, свежий воздух избавит его от проклятой головной боли.

Он представляет, как Элинор звонит доктору Харгривсу, о чем они договорились в тот день. Боже, ему срочно нужна сигарета! Он достает из пиджака портсигар, раскрывает его и вытаскивает сигарету. В день консультации он обещал приехать домой, хотя его неделя под завязку забита встречами, лекциями и письмами. Эдвард чиркает спичкой и закуривает. Его ладони липкие от пота. Он затягивается, проглатывает дым. Приток никотина успокаивает его.

Хлопает дверь, заставляя Эдварда подпрыгнуть. Вернулся Джонс.

– Ну вот и я, мистер Хэмилтон, сэр. Прошу извинить за ожидание.

Кассир возвращается на свое место, пододвигает Эдварду пепельницу и, тяжело дыша, отсчитывает фунтовые купюры.

– Вся сумма, – объявляет он, кладя последнюю купюру. – Двадцать шесть фунтов.

– Отлично. Благодарю вас, Джонс.

Он тушит сигарету, берет деньги и кладет в большой конверт, специально принесенный для этой цели. Конверт он опускает в свой тонкий портфель. Затем встает и крепко пожимает руку кассира своими холодными, липкими пальцами.

– До встречи в следующем месяце, Джонс, – говорит Эдвард, надевая шляпу. – Удачного вам дня. До свидания.

Коротко улыбнувшись, он возвращается в приемную.

Завидев Эдварда, швейцар кивает и распахивает дверь. Эдвард выходит на улицу и делает глубокий, затяжной вдох. Его сердце равномерно бьется, в ушах тоже стучит. Головная боль еще сильнее сдавливает виски.

Улица полна легковых автомобилей, грузовиков, велосипедов и неуместно выглядящих здесь конных повозок. Машины громко сигналижат, люди кричат. Уличное движение почти замерло. Подходя к берегу Темзы, Эдвард видит, что и река запружена транспортом. Баржи

везут уголь, бревна и различные товары. Рядом с ними плывут парусные суда, пыхтят буксирчики, проносятся прогулочные катера, неспешно движутся рыбацьи лодки. Лондон стал местом обитания громадной массы людей, превратился в кипящий котел, где перемешались богатство и бедность, высшие слои и низы, мозги и мускулы. Весь город лихорадочно старается оставить позади ужасы войны и на всех парах несется... к чему? К чему-то лучшему или, наоборот, к худшему? Куда бы ни привел этот курс, Эдвард, наряду со всеми, несется в общем потоке, не в силах противиться кипучей энергии Лондона.

Он прибавляет шаг и задумывается о прошлом. Его мысли мрачны. По-настоящему освободиться от прошлого невозможно. Груз прошлого, его хватка, как бы сам Эдвард и этот прекрасный город ни противились, медленно, но верно будут их всех душить, пока, один за одним, это сломленное поколение в молчаливом крике не сойдет на нет.

Только тогда наступит настоящий мир...

Вайолет ждет в условленном месте, на скамейке за железнодорожной станцией Блэкфрайерс. Здесь они встречаются в летние месяцы. Зимой излюбленным местом их встреч является паб «Голова королевы», где можно погреться у камина и где Эдвард обычно пьет кофе, а Вайолет – джин с лаймом. Эдвард предпочитает летние встречи. Сидишь с ней рядом на скамейке, смотришь на прохожих и не видишь ее глаз.

Заметив его, Вайолет пытается встать.

– Доброе утро, капитан... в смысле, мистер Хэмилтон.

– Пожалуйста, не вставайте, – протестует Эдвард и поднимает руки, подкрепляя свой протест.

Ощущая неловкость, он останавливается перед скамейкой. Вайолет – худощавая тонкокостная женщина неопределенного возраста. Он знает, что ей около тридцати, но, судя по обвислой коже вокруг рта и глаз, ей могло быть и больше. Ее длинные пепельно-каштановые волосы туго закручены на затылке. Одежда скорее практичная, нежели модная. Но лицо у нее приятное, с правильными чертами. Эдвард всегда теряется и не знает, как правильно себя вести. Ограничиться рукопожатием? Или поцеловать в щеку?

– Как дела? – вместо этого спрашивает он и, избегая любых прикосновений, садится рядом.

– Неплохо, сэр, – отвечает она. – А ваши? Как ваша семья?

Эдвард чувствует взгляд Вайолет, скользящий по его дорогой одежде, до блеска начищенным ботинкам и, наконец, по его лицу с резкими чертами. Он так и не может заставить себя посмотреть на нее. Пока не может. Вместо этого он смотрит перед собой, игнорируя постоянный стук в висках. Он разглядывает окрестный пейзаж. Лондонские платаны густо покрыты чудесной листвой. На другой стороне улицы человек продает розы из ведра. Одну розу он держит в руке, протягивая прохожим: «Полдюжины роз всего за шесть пенсов!» Рядом с поребриком расположился газетный лоток. Со скамейки Эдварду видны крупные заголовки газет.

ВОЗДУШНЫЕ НАЛЕТЫ НА ЛОНДОН. Последняя атака минувшей ночью закончилась пожаром истребителя. Министерство вынуждено признать: учебный налет выявил пробелы в противовоздушной обороне Лондона.

БЕЗРАБОТИЦА РАСТЕТ! На 30 июля зарегистрировано 1 354 000 безработных.

СТАБИЛИЗАЦИЯ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Цель переговоров – расширить рыночную схему пяти графств, чтобы остановить снижение цен и решить вопрос с излишками угля на рынке.

Более всего Эдварда интересует самый верхний заголовок. «Воздушные налеты». Уже несколько ночей подряд в Лондоне устраивают учебные воздушные тревоги, имитируя налеты на город. Подготовка к новой войне, когда и через десять лет после конца прошлой страна до сих пор залечивает свои раны. Эдвард помнит тогдашние обещания: эта война положит конец всем войнам. Но, увы, обещания, подобно людям и древним книгам, столь же хрупки и рассыпаются в прах. У Эдварда учащается пульс. Он отводит глаза от лотка, выпихивая мрачные мысли на задворки сознания.

Он смотрит на спутницу и вспоминает, что не ответил на ее вопрос.

– Благодарю, Вайолет, у меня все в порядке. – Он замолкает, думая, уместно ли делиться с этой женщиной своей радостью. – Я снова буду отцом, – все-таки признается он.

Нужно поддерживать разговор, избегая неловких пауз.

– Мои поздравления, сэр. Рада за вас. Гляжу, вы нынче стали таким занятым. Пару раз видела ваше имя в газетах. Только хоть убей, чтобы я поняла, о чем там речь. – Она шаркает ногами. – Тут такое дело... Я ж тоже беременна. Пятым, – с сопением добавляет она.

Эдвард поворачивается в ее сторону и понимает: подходя к скамейке, он не заметил округлившейся фигуры Вайолет.

– И так столько ртов кормить. А тут еще моего Боба снова поперли с работы, – хмуро добавляет она. – Уж как я надеюсь, что этот будет последним... – Она умолкает.

Замешательство, возникшее после ее слов, только крепнет.

– Но вы же знаете: есть способы. – Эдвард чувствует, что краснеет, однако продолжает. Это важная тема, и такие, как он, не должны проявлять щепетильность и стыдливо молчать. – Об этом написана целая книга. Называется «Любовь в замужестве».

– Не привыкла я книжки читать. Сами понимаете, времени нет.

– Конечно. Но вышло так, что я хорошо знаком с автором книги. У нее есть клиника, клиника для матерей. Здесь, в Центральном Лондоне. Стоупс ее фамилия. Мэри Стоупс. Она помогает женщинам вроде вас. Я могу написать сопроводительное письмо.

– Не потяну я такие расходы, – говорит Вайолет.

Эдвард видит, как она сразу съеживается, опускает голову. Пальцы на коленях беспокойно шевелятся.

– Нет-нет, – торопливо продолжает Эдвард. – Клиника бесплатная для всех замужних женщин. Мэри способна помочь вам методами... – Ему не придумать, как бы поделикатнее выразиться.

На лекции или в клинической среде он бы употребил привычные слова «противозачаточные средства», «контроль рождаемости» или даже, если среди аудитории находились американцы, – «планирование семьи». Но сейчас, сидя с Вайолет на залитой солнцем скамейке, он сознает всю щекотливость подобного разговора.

– Я с большим удовольствием напишу вам сопроводительное письмо, – повторяет он. – По моему мнению, пятеро детей – это более

чем достаточно для семьи с ограниченными средствами. – Он закусывает губу. – Я имел в виду...

– Это очень любезно в вашей стороны, капитан... мистер... сэр, – перебивает его Вайолет, щеки которой стали пунцово-красными. – Я... в общем... запишу-ка я, как ее зовут, и адресок.

– Конечно.

В их разговоре возникает пауза.

– И тем не менее мои искренние поздравления в связи с прибавлением семейства, – наконец говорит Эдвард. – К каждому ребенку нужно относиться как к сокровищу.

Он говорит медленно, сознавая, что у него напряжена челюсть. Потом замолкает, чтобы снять напряжение. Когда ты вынужден общаться с людьми вроде Вайолет, такие слова кажутся правильными и уместными. Говоря же о подобных ей в общем смысле, гораздо легче говорить о катастрофе многодетности для семей с низким достатком и низкой рождаемостью среди тех, чей достаток позволяет иметь много детей. Состоятельным людям, как говорится, сам Бог велел... Эта пауза длится дольше предыдущей. Оба знают, куда обязательно повернет их разговор.

– Ну и как он? – спрашивает Эдвард.

Вайолет мотает головой и фыркает:

– Неважнецки.

– Печально слышать.

– У него то вверх, то вниз. Сами знаете. Сейчас на самом дне. Совсем отчаялся. Разуверился в себе. В этом вся закавыка. Надо его чем-то взбодрить. Навестили бы его, глядишь...

– У меня нет времени! – Голос Эдварда звучит жестче, чем ему хотелось бы. Он откашливается. – Точнее, нет времени в данный момент. Я чертовски занят! Читаю лекции, пропагандируя свою недавнюю книгу. Хватает и дел в клинике. Но главное мое занятие – исследования. В университете и в совете графства Лондонского округа. Вдобавок я еще и семейный человек. По выходным... Меня жаждут видеть дома. Маленький ребенок, второй на подходе. Моя жена Элинор... Она бы очень удивилась...

– Конечно, – торопливо соглашается Вайолет и продолжает с извиняющимися интонациями: – Понимаю. Вы такой важный человек. И чего я только напридумала...

– Все в порядке. Я бы с большим удовольствием заглянул к вам. Но, увы, не сейчас.

За все пять лет своей семейной жизни он так и не нашел времени.

– Тревожусь я за него, вот в чем дело, – говорит Вайолет, и у нее дрожит голос. – А вскоре мне вообще будет никуда не выбраться. Месяца через два рожать. Я езжу каждое воскресенье, после церкви, хотя с трудом наскребаю на поезд.

– Это... Это очень любезно с вашей стороны, Вайолет, – мягким голосом произносит Эдвард.

И наконец он поворачивается к ней. У нее такие же красивые глаза, потрясшие его еще в первую их встречу, но выглядит она сейчас намного старше. Кажется, что груз забот незаметно, по капельке, лишал ее привлекательности, пока не погасил сияние молодости. В уголках глаз появились «гусиные лапки», на лбу пролегли морщины. Губы утратили былую полноту и сочность. Он отворачивается.

Эдвард мысленно ищет, о чем бы еще поговорить. Найти бы нейтральную тему, чтобы их разговор продолжался. Ему хочется оттянуть унизительный финал их встречи. Но мозг отупел от головной боли и недосыпания. Эдвард произносит несколько банальных фраз о погоде и возросшем уличном движении в Лондоне.

Наконец он собирается с духом, кладет на колени портфель и достает плотный коричневый конверт. Наступил момент, ради которого они здесь встречаются.

– Итак, моя дорогая...

Он кладет конверт в ее теплую руку, накрывая ее пальцы своими, липкими от пота. Так легче. Передача наличных. Это невозможно проследить. Ни у кого не возникнет вопросов.

– Вот пособие на этот месяц.

– Премного благодарна, сэр.

Вайолет быстро убирает конверт в сумочку, защелкивает ее и крепко, до белизны костяшек, стискивает ручки.

– Может, добавить к этой сумме? – помешкав, спрашивает он. – Нелишним будет для ваших малышей.

– Нет, капитан... мистер Хэмилтон. Вы и так очень щедры. – Она выпрямляет спину. – Благотворительности нам не надо. Мы справимся. Но все равно спасибо.

Он встает и протягивает Вайолет руку. Несколько секунд она смотрит на него, затем протягивает свою и с его помощью встает со скамейки. В животе Эдварда возникает знакомое бурление, появляющееся всякий раз, когда они встречаются. Его охватывает неудержимое желание повернуться и убежать, чтобы никогда больше не встречаться и не видеть благодарности в ее глазах. Но он встретится с ней снова, поскольку должен. Эта цепь навсегда будет связывать его с постыдным прошлым.

– Мне уже надо быть в другом месте, – помолчав, говорит он. – Всего наилучшего вам и вашей семье. До следующей встречи, – добавляет он, надевая шляпу.

– Да, сэр. До следующей встречи. Благодарю вас от всего сердца! – Вайолет похлопывает по сумочке.

Эдвард быстро уходит.

Эдвард обводит глазами ряд бледных лиц, взирающих на него в душной комнате на четвертом этаже Вестминстерского дворца, где проводятся заседания комитета.

– Говорю вам, здесь представлены все данные. Наука не может лгать. – Он постукивает ладонью по толстой пачке отчетов о своих последних исследованиях в области образования.

Об их результатах он докладывает членам комитета, учрежденного Министерством образования. В школьных классах постоянно возрастает число умственно неполноценных детей, и попытки обучать их порождают проблемы, решить которые и пытается этот комитет.

– У меня есть дополнительные материалы по исследованиям, проведенным в Америке известным ученым Карлом Бригамом. Он наблюдает аналогичное снижение уровня умственных способностей. Что же касается Америки, там, как мне говорили, снижение умственных способностей вызвано иной причиной – главным образом возросшей иммиграцией и интеграцией в американское общество людей из менее развитых рас. Работы Бригама привели к принятию закона по ограничению иммиграции, а также к осуществлению успешной политики стерилизации и изоляции. Это дает гарантию, что дефектные гены не проникнут в наследственность будущих поколений. Если наша великая нация намерена остановить упадок, подобные меры

являются жизненно необходимыми. Я бы даже сказал, не упадок, а гибель, учитывая нашу долгосрочную политику. Вряд ли мои слова являются таким уж преувеличением.

В комнате жарко и душно. Ветерок, проникающий с Темзы в открытое окно, слишком слаб. Эдвард с большим удовольствием снял бы пиджак по примеру нескольких слушателей, но на официальной встрече он не позволяет себе таких вольностей. Он пытается не замечать пота, текущего по спине. У него вспотели подмышки и сгибы локтей.

– Прошу прощения, но я не уверен, что все это имеет отношение к обсуждаемым вопросам. – Артур Вуд, председатель комитета, барабанит пальцами по столу. – Профессор Хэмилтон, я думал, мы здесь собрались для обсуждения политики в сфере образования.

Ну почему эти люди не видят, что все взаимосвязано? Что этих проблем у нас не было бы вообще, если бы... Эдвард вздыхает и медленным, размеренным голосом объясняет:

– Боюсь, мистер Вуд, это имеет самое прямое отношение к нашей теме. Если мы будем заниматься только симптомами болезни в нашем обществе – о них я еще буду говорить, – мы не создадим надлежащего лечения. Вы согласны, джентльмены? Нет, мы должны вырвать с корнем саму болезнь. К великому сожалению, уровень рождаемости у тех, кого, за неимением лучшего термина, я называю низшими слоями, значительно превосходит рождаемость у деятельных и высокоразвитых членов общества.

Он делает паузу. Пусть собравшиеся усвоят этот факт.

– Наука неопровержимо доказала, что склонность к алкоголизму, преступности, сексуальным извращениям, слабоумию, насилию, эпилепсии, депрессиям, сексуальным отклонениям и так далее является унаследованными тенденциями, передаваемыми из поколения в поколение через дефектную зародышевую плазму в наших генах. Но самым важным, в том числе и для нашей дискуссии, является следующее. Ознакомившись с этими отчетами, вы увидите, что умственные способности как таковые на сто процентов передаются человеку от его родителей. Каждый без исключения ребенок рождается с определенным умственным потенциалом, который не изменить никаким образованием.

Эдвард смотрит на вялые лица слушателей и откашливается.

– Джентльмены, как только вы изучите представленные отчеты, – он снова постукивает по стопке бумаг, – уверен, вы согласитесь, что на основе всего, что нам известно о передаче умственных способностей по наследству, мы должны полностью пересмотреть нашу систему образования.

– Каким образом? – спрашивает Вуд, прекращая барабанить по столу и откидываясь на спинку стула.

Эдвард улыбается самой снисходительной из его арсенала улыбок:

– Вначале позволю себе сослаться на мою работу «Проверка умственного развития в школах», опубликованную несколько лет назад. Уверен, вы непременно с ней познакомитесь. Говоря вкратце, я ратую за системные изменения в наших школах. Мы должны провести общенациональную проверку всех детей, достигших одиннадцатилетнего возраста, и на основе положений, которые я отстаиваю в упомянутой книге, выделить самых одаренных. Таких детей можно собрать в самые лучшие специализированные школы, где они будут находиться в обществе одаренных сверстников и благотворно развиваться. Те же, кто из-за своего рождения никогда не сможет достичь уровня, необходимого для карьеры ученого или руководителя, будут получать базовое образование с уклоном в практическую сферу. Эти дети не станут высококлассными специалистами. Они пополнят ряды рабочих, которые непременно понадобятся нашей стране, если мы собираемся строить здоровое будущее.

– А умственно отсталые дети? – спрашивает Вуд.

– Дети с легкими умственными отклонениями будут учиться в обычных массовых школах, чтобы приобрести ту или иную низкую квалификацию. И совсем иной подход необходим к детям с серьезными умственными дефектами. Тех, кто подпадает под категорию идиотов, имбецилов и слабоумных, не поддающихся никакому обучению, необходимо сразу же помещать под пристальную общественную опеку и контроль. Дети, чьи умственные способности находятся на самом низшем уровне, должны содержаться в особых заведениях или колониях, организуемых местными властями. Это позволит удалить их с улиц и, что еще важнее, предотвратить любой риск деторождения и передачи дефектных генов.

– О каком числе дефективных мы говорим, профессор Хэмилтон? – спрашивает седовласый джентльмен с обеспокоенным лицом, чью фамилию Эдвард никак не может запомнить. – Расходы на их содержание наверняка окажутся непомерно высокими.

– Пока мы не проведем общенациональную проверку, я не располагаю никакими цифрами.

– Но я всегда считал, что смысл проверки умственного развития детей направлен на то, чтобы оказать дополнительную поддержку в обучении и помочь тем, кто отстает от сверстников, – не сдастся джентльмен. – Это вполне можно осуществить в рамках существующей системы школьного образования. А проверять, чтобы выявить слабейших и изолировать их в предлагаемых заведениях... Ведь такая же изоляция рекомендуется и для одаренных. Принесет ли это благо в масштабах страны? Я что-то сомневаюсь.

Говоря, джентльмен изгибает свою кустистую бровь. Зрелище довольно комичное, и Эдвард сдерживает желание рассмеяться.

– Если вкратце, боюсь, подобные надежды весьма устарели, – терпеливо объясняет Эдвард. – Здесь содержатся наши доказательства. – Он снова указывает на свои бумаги. – Они и множество других недавних исследований показывают, что воспитание и образование лишь в ничтожной степени влияют на умственные способности. Самые лучшие педагогические методики, полноценное питание и любые другие блага, изливаемые на умственно отсталых, не сделают их ни на йоту умнее. Следовательно, любое вложение средств в надежде развить интеллект таких детей – это пустая трата денег. Я предлагаю осуществить проверку умственных способностей всех детей, достигших одиннадцати лет, поскольку к этому возрасту их умственное развитие уже вполне поддается оценке. Результаты проверки подскажут нам, каким должно быть дальнейшее обучение того или иного ребенка. Мы как нация не можем себе позволить неоправданную трату ресурсов, особенно сейчас, когда безработица стремительно растет, а зарплаты неумолимо снижаются, что, конечно же, уменьшает налоговые поступления. Однако, – добавляет Эдвард, – через поколение стоимость этих расходов естественным образом понизится, если мы сведем к нулю рождаемость у слабоумных.

Собравшиеся за столом ерзают на стульях и вполголоса переговариваются. Эдвард подносит к губам стакан с водой.

– Простите, профессор Хэмилтон, – говорит ему джентльмен с кустистыми бровями, – я и несколько моих коллег – (те утвердительно кивают) – сомневаемся в достаточности доказательств, подкрепляющих ваши изыскания. Изменение всей нашей системы образования, насильственная изоляция умственно отсталых детей и начало программы по стерилизации кажутся нам необычайно рискованной игрой с отсутствием неоспоримых доказательств в пользу ваших утверждений. – Не получив ответа Эдварда, он продолжает: – Например, насколько достоверны упомянутые проверки для одиннадцатилетних? Откуда ваша уверенность, что результаты обусловлены природными умственными способностями, а не обучением этих детей?

На Эдварда устремлены двенадцать пар глаз. Затаив дыхание, аудитория ждет его ответа. В нем поднимается раздражение от неспособности собравшихся понимать очевидные вещи.

– Прежде чем отметить мои рекомендации, предлагаю внимательно прочитать представленные доказательства. Это лишь один небольшой шаг среди более значительных шагов, которые мы, как общество, должны сделать, чтобы улучшить жизнь каждого из нас и обеспечить будущее процветание. У нас попросту нет времени на проведение новых детальных исследований, когда действия, которые мы должны осуществить, предельно понятны уже сейчас.

– Однако, – упорствует Бровастый, – если вы и ваши друзья-евгенисты окажетесь неправы, негативные последствия для очень многих детей и их семей будут неизмеримыми! Подобные концепции, профессор Хэмилтон, для многих просто неприемлемы, – добавляет он, и его лицо принимает серьезное выражение.

Эдвард открывает рот, приготовившись ответить, но тут вмешивается Вуд, подняв руки:

– Джентльмены, думаю, нашей дискуссии угрожает еще больший уход в сторону от текущих вопросов. Давайте не забывать, что нашему комитету поручено обсуждение одной лишь политики в сфере образования. Предлагаю прочесть доказательства, представленные уважаемым профессором, а после собраться еще раз.

Участники одобрительно кивают, хотя до ушей Эдварда долетают бормотания Бровастого, обращенные к соседу. Этого джентльмена

заботит неопровержимость доказательств. Эдвард игнорирует его и собирается завершить выступление.

– Итак, джентльмены... – Он улыбается собравшимся, а на самом деле ему уже невыносимо находиться в этой тесной душной комнате. – Если у вас больше нет вопросов, позвольте откланяться. Меня ждут на деловом ланче. Когда вы прочтете мои отчеты, прошу вас сообщить об этом. Если мне будет позволено, – он смотрит на Вуда, – я бы хотел, чтобы, перед тем как представить Министерству образования рекомендации, разработанные вашим комитетом, вы проконсультировались со мной. Полагаю, что эти предложения, равно как и другие, которые я сейчас разрабатываю для Министерства здравоохранения, должны осуществляться совместно. Если кому-то из вас захочется узнать побольше, сошлюсь на мою недавнюю книгу «Преступность среди несовершеннолетних и криминальный склад ума». Она уже вышла из печати и продается во всех приличных книжных магазинах. Думаю, вы найдете ее весьма поучительной.

Последняя фраза адресована Бровастому, сидящему с каменным лицом.

Несколько участников вежливо смеются и одобрительно кивают.

– От имени нашего комитета позвольте поблагодарить вас, профессор Хэмилтон, за то, что любезно согласились прийти и представить нам свои изыскания, – говорит Вуд. – Как всегда, вы приносите вести с передового рубежа науки, расширяющие наши представления. Мы искренне признательны вам за потраченное время и терпение.

Эдвард воодушевлен аплодисментами, теплотой восхищенных взглядов и одобрительными кивками многих участников встречи.

Глава 7

Элино́р

– Дорогая, доедай кашу, – просит Элино́р.

Мейбл крутит ложкой в глубокой тарелке и тихо разговаривает с Пруденс, примостившейся на подлокотнике ее стула.

– Пруденс говорит, что она ест только совсем сладкую кашу.

– Но кашу положили тебе, а не Пруденс, – замечает Элино́р. – Съешь быстренько. А то няня скоро уведет тебя играть, и ты останешься голодной.

– Я люблю то, что любит Пруденс, – заявляет Мейбл, ударяя ногой по ножке стула и выпячивая нижнюю губу.

– Боже мой, Элли, да положи ты ребенку еще ложку сахара. – Роуз вздыхает и подмигивает Мейбл. – Тетя Роуз согласна с Пруденс: чем больше сахара, тем лучше.

Элино́р выразительно смотрит на Роуз. Но ее решимость прошла, и она посыпает сахарным песком быстро остывающий завтрак Мейбл.

– Похоже, я тут одна против троих, – говорит она. – Но если у тебя выпадут все зубы, виновата будет не тетя Роуз и не Пруденс.

– Спасибо, мама.

Широко улыбаясь, Мейбл зачерпывает ложку каши, вначале подносит ко рту куклы, затем быстро проглатывает.

Элино́р намазывает тост джемом, в котором полно яблочной кожуры. Боковым зрением она отмечает пустующий стул Эдварда. Муж теперь приезжает домой только на выходные. Связано ли его постоянное отсутствие только с работой? Может, Софи известно то, о чем не знает она? А может, есть другие причины, по которым он избегает Брук-Энд? Она смотрит на дочь. Мейбл сосредоточенно объедает верхний, подслащенный слой каши.

Раздается негромкий стук в дверь.

– Доброе утро, миссис Хэмилтон. Мейбл уже позавтракала? – спрашивает мисс О'Коннелл.

Лицо у няни хмурое и угрюмое.

– Доброе утро. Думаю, да. – Элино́р поворачивается к Мейбл. – Дорогая, вытри салфеткой ротик. Мисс О'Коннелл, вы хорошо себя

чувствуете? У вас несколько усталый вид.

– Это пройдет, – отвечает няня, губы которой плотно сжаты.

Что-то не верится. Под глазами мисс О’Коннелл темнеют круги.

Мейбл слезает со стула.

– Пожелай маме хорошего дня.

– Хорошего тебя дня, мама, – тихо говорит Мейбл и вслед за мисс О’Коннелл выходит из комнаты, шаркая ногами по ковру.

Что это с ними обеими?

– Ну и что ты думаешь? – спрашивает Роуз.

Элинора что-то хмыкает.

– Элли, ты слышала мой вопрос? – Сестра с лязгом бросает нож на тарелку.

– Ой, прости! Унеслась в мыслях.

– Я говорила, что в Лондоне есть курсы усовершенствования стенографисток. Я бы хотела туда поступить. Нужно освежить навыки. Я рассказала об этом Софи. Поскольку школа Питмана находится на Саутгемптон-Роу, она сказала, что три месяца, пока идут занятия, я могу пожить у нее. Естественно, на выходные я буду приезжать в Брук-Энд, как и Эдвард.

Роуз смотрит на сестру, ожидая ее реакции. Но мысли Элиноры далеки от темы разговора, далеки от столовой, Брук-Энда и планов Роуз. Элинора глубоко погрузилась в себя и пытается понять странное, неясное ощущение, возникшее у нее под ложечкой. Ощущение усиливается. Она ждет, пока оно превратится во что-то реальное. Но ощущение упрямо остается размытым, и ей не ухватить его смысл. Она заставляет себя вернуться к действительности.

– Роуз, – осторожно начинает она, – я не возражаю против твоего поступления на курсы. Конечно, жить у Софи несравненно лучше, чем в каком-нибудь пансионе. Я понимаю твое желание работать. До замужества я и сама с большим удовольствием работала. Но...

– Но – что?

– Но неужели ты мечтаешь о работе секретарши? Или намерена поискать нечто более подходящее для девушки твоего происхождения? Журналистика – чисто мужская вотчина и уж явно не для таких, как ты. Я бы очень беспокоилась о твоей безопасности и репутации.

Роуз закатывает глаза:

– Уверена, мама одобрила бы мой выбор.

Элино́р смотрит на решительное лицо Роуз и думает, что́ на самом деле сказала бы их мать. Их прежняя мать, какой она была до Трагедий. Так Элино́р привыкла называть последующие события. Она плохо помнит их мать до войны: ту счастливую, беззаботную, жизнерадостную женщину. А Роуз? Сестра помнит еще меньше. Роуз было всего четыре года, когда разразилась война. Семь, когда на этой войне, с разницей в несколько недель, погибли оба их старших брата. Роуз видела, как медленно и мучительно умирал их отец, легкие которого были поражены отравляющим газом. Месяц за месяцем он сражался за право дышать. И, словно всего этого было недостаточно для юной жизни, когда Роуз было десять лет, однажды утром их мать ушла на работу и не вернулась. Трагедии. Будучи не в состоянии справиться со столь сильным горем и потрясением, они с Элино́р сплели свою версию воспоминаний о родителях и братьях, где было больше фантазий, чем реальности. Реальные воспоминания сохранились только у Элино́р, и те отрывочные. Их она держит при себе, не делаясь с сестрой.

– Она бы хотела мне счастья, – упрямо заявляет Роуз.

– Но не любой ценой, – возражает Элино́р. – Мама хотела, чтобы ты не причиняла себе вреда. Как видишь, для твоей жизни в Европе мы наняли весьма дорогостоящую компаньонку, но и она не уберегла тебя от беды.

– Так вот, оказывается, в чем дело? Ты до сих пор злишься на меня за то, что я полюбила Марсе́ля!

– Я... – Элино́р закусывает губу. – Мы с Эдвардом считаем, что ты могла бы найти лучшую...

– «Мы с Эдвардом»? Элли, ты перестала думать самостоятельно. – Роуз повышает голос, ее щеки покраснели. – Не ему решать, в кого мне влюбляться.

– Роуз! После всего, что он сделал для нас? Для тебя. – Элино́р чувствует, как ее грудь наполняется гневом. – Ты прекрасно знаешь, почему Эдвард так поступил. Могли ли мы позволить тебе отправиться в самостоятельную жизнь и выйти замуж за безденежного, как ты сама же говорила, француза, с которым ты едва знакома? – Элино́р замолкает и, затаив дыхание, гневно смотрит на сестру.

Роуз отвечает ей бунтарским взглядом. Девушке хватает здравого смысла промолчать.

– И потом, – переведев дух, продолжает Элинор, – ты прекрасно знаешь, чем вызваны мои опасения. Памятью о страшной беде, случившейся с нашей дорогой мамой. – У нее дрожит голос. – Потому что я и не хочу, чтобы ты работала в Лондоне. Ты не можешь постоянно жить у Софи. Рано или поздно ты переберешься в какой-нибудь отвратительный пансион. А мужчины охотятся за одинокими женщинами, которые темными вечерами возвращаются домой. Роуз, пойми меня правильно. Дело не в моем нежелании, чтобы ты работала. Мне работа доставляла удовольствие, хотя я и была вынуждена работать, а у тебя такой необходимости нет. Я волнуюсь за тебя. Жить одной, работать в газетах... Это так рискованно и совершенно неправильно. – В горле Элинор появляется комок, и она устало опускается на стул.

Черная тень материнской смерти заставляет их замолчать. Кажется, что в кухне пахнуло морозным дыханием зимы.

– Послушай, пока это всего-навсего курсы. Мне не предлагают ничего более опасного, чем сидение за пишущей машинкой, – нарушает молчание Роуз. – Обещаю тебе, я не стану одна разгуливать по лондонским закоулкам. – Роуз умоляюще смотрит на сестру.

Вряд ли Роуз помнит. Должно быть, разум заблокировал ей память о том ужасном февральском дне 1920 года. Но Элинор, которой тогда было девятнадцать, этот день крепко врезался в память, и ей никогда не забыть ужаса случившегося.

Первой, кто на рассвете обнаружил их мать, была старая будильщица Мэри. Она ходила по улочкам Сохо и, поднося трубку к губам, стреляла сухим горохом по окнам верхних этажей, будя рабочих. Боковым зрением старуха заметила в грязи подол светлого платья, разметавшийся, словно крылья мертвой бабочки. Было это в узком глухом переулке. Остекленевшие глаза, холодная, как мрамор, кожа, ссадины и глубокие пурпурные отметины на шее... Мэри хватило беглого взгляда, чтобы понять: эта женщина рассталась с жизнью не по своей воле.

В тот же день к сестрам явились двое бородатых полицейских. Со вчерашнего вечера, когда мать не вернулась домой, Элинор и Роуз не находили себе места. Старший из двоих, тщательно выбирая слова, рассказал о случившемся. Вчера из рабочего дома бежал опасный бродяга, а их мать, оказавшись не в том месте и не в то время, имела

несчастье столкнуться с преступным типом, когда возвращалась домой и решила сократить путь.

Элино́р смотрела на дверь, которую едва успела закрыть за полицейскими, и думала, что скажет своей десятилетней сестре. Подавляя слезы и не позволяя панике разрастаться внутри, она повернулась к бледной, молчаливой Роуз, застывшей от шока. «Мы справимся», – сказала она, сжимая худенькие руки сестры. Мысленно Элино́р составляла письмо к их черствым, холодным тетке и дяде – единственным родственникам, жившим в Эдинбурге. «У меня хорошая работа, и я найду способ поддерживать нас обеих», – сказала она Роуз, добавив к мысленному письму, что для них не представляется возможным переехать жить на север. Да и вряд ли тетка с дядей горели желанием принять под свою крышу племянниц. Нежелание было обоюдным.

В тот день Элино́р лишилась последних остатков детской наивности. В ее груди вспыхнуло пламя ненависти к проклятым низшим слоям, особенно к обладавшим преступными наклонностями. Необходимо что-то делать с этим отродьем, бродящим по улицам и терроризирующим невинных женщин. Эта ненависть привела ее в Евгеническое общество, где она встретила людей, разделявших ее представления о безопасном будущем, свободном от бродяг всех мастей.

– Элли, – говорит успокоившаяся Роуз, – знаю, ты волнуешься за меня. Знаю, как ты обо мне заботишься, и я это очень ценю. Но, – она берет сестру за руку, – тебе придется отпустить меня в самостоятельную жизнь. Я всерьез намерена стать журналисткой. Да, это нелегко. Большинство газет не захотят иметь со мной дело. Но у нас, женщин, есть избирательное право. Значит, мы, женщины, способны делать гораздо больше, чем прежде. Я по-настоящему хочу заниматься серьезным делом. Очень-преочень хочу. Курсы открываются второго сентября. Софи говорит, что я могу жить у нее, сколько пожелаю, и она будет только рада моему обществу. Ну что плохого может со мной случиться в ее доме? Она предлагала познакомить меня с Роджером Фраем и Клайвом Беллом. Ты наверняка слышала их имена. Они искусствоведы. Если я смогу у них работать, хотя бы на первых порах, это было бы чертовски полезно для... – Роуз кусает губы, не давая сорваться с них имени Марсель.

Элино́р решает тоже не упоминать француза.

– И еще Софи знакома с Леонардом Вулфом! – продолжает Роуз, в голосе которой появляется возбуждение. – Понимаешь, она говорила, что он смог бы найти мне работу в «Хогарт пресс». Конечно, это не газета, но для начала подойдет. Софи говорит, что мне нужно мыслить широко. Главное, она знакома со всеми нужными людьми.

– Мэри Стоупс предлагала тебе работу в «Новостях контроля над рождаемостью», – говорит Элино́р, вспоминая разговор на званом обеде. – Там тебе даже не понадобились бы курсы.

Она не добавляет, что для сестры было бы куда благотворнее работать среди женщин, а не среди мужчин.

– Ни в коем случае, – наморщив нос, отвечает Роуз. – Пойми меня правильно. Я не против контроля над рождаемостью. Но я не выношу эту женщину. Элино́р, даже ты должна признать, что она придерживается крайних взглядов. Она ненавидит всех: от евреев до итальянцев и даже французов. И боже упаси, если ты окажешься беден! Честное слово, Элли, не представляю, как вы с Эдвардом ее терпите.

– Вообще-то, я...

– Софи считает мою учебу на курсах хорошей идеей, и она мне поможет, – гнет свое Роуз. – С ней мне вполне безопасно. Элли, ну пожалуйста!

Элино́р улыбается. Милая Софи. Возможно, она попытается направить Роуз к занятию, более подходящему для девушки ее класса и социального статуса. Работа в издательстве была бы предпочтительнее. Там сестра оказалась бы среди достойных и добропорядочных мужчин. Софи не подведет Роуз. По всему видно, что Роуз не собирается отказываться от задуманного.

– Ладно, будь по-твоему. Но только если ты поселишься у Софи и она будет точно знать, где ты находишься в то или иное время, а также...

Слышится резкий стук в дверь.

– Миссис Хэмилтон, мне нужно с вами поговорить, – заявляет мисс О'Коннелл, входя в столовую вместе с Мейбл, которую она крепко держит за руку.

Няня отсутствовала не более четверти часа!

– Разговор не может обождать до ланча?

– Никак не может, миссис Хэмилтон. Я должна сообщить вам неприятную новость, – упрямо и непреклонно добавляет она.

Все смотрят на Мейбл. Побледневшая малышка сосредоточенно сосет большой палец и жмется к подолу мисс О’Коннелл.

– Да вынь же ты наконец палец изо рта! – шипит няня, нагибается и насильно вытаскивает палец.

Роуз встает со стула и протягивает руку ошеломленному ребенку:

– Идем, Мейбл. Выйдем наружу, подышим свежим воздухом. Пошли.

Мейбл послушно берет руку Роуз. Ее кукла Пруденс зажата под мышкой. Мейбл порывается вновь засунуть палец в рот, но передумывает и опускает руку.

– Тетя Роуз, мне спать хочется.

– Тогда пойдем и посидим в патио. Там ты вздремнешь, – слышит Элинор слова сестры, и дверь столовой со щелчком закрывается за ними.

– Итак, в чем дело? – Элинор поворачивается к няне. – Что случилось?

Мисс О’Коннелл стоит прямая как палка. Подбородок выпячен, пальцы беспокойно шевелятся.

– Садитесь. – Элинор указывает на стул напротив. – Вы меня нервируете.

Мисс О’Коннелл облизывает губы. Она тяжело дышит. Ее грудь вздымается и опадает. У нее перехватывает дыхание.

– Миссис Хэмилтон, я очень извиняюсь, что не предупредила заранее! – выпаливает мисс О’Коннелл, – но я подаю прошение об увольнении. Свой срок я отработаю...

Элинор пристально смотрит на нее. Внутри нарастает предчувствие чего-то ужасного, о чем она вот-вот услышит. Всего недели две назад они говорили о втором ребенке, который родится в начале следующего года. Тогда мисс О’Коннелл утверждала, что ей легко управляться с Мейбл.

Элинор откашливается:

– Н-но я и понятия не имела, что вы чем-то недовольны. Вы бы раньше высказали свои претензии! Мы, со своей стороны, очень довольны вашей работой. Если вопрос упирается в деньги, уверена, и

это можно решить. Конечно, с появлением новорожденного хлопот прибавится. Я переговорю с Эдвардом. Нас очень огорчит, если...

– Миссис Хэмилтон, дело не в моем жалованье. – Мисс О’Коннелл выглядит так, будто ее ужалила оса. – Вы были добры ко мне. Брук-Энд – чудесное место...

– Пожалуйста, не уходите от нас!

Элино́р ненавистна эта интонация просительницы, это отчаяние в ее голосе.

– Дело в ребенке. В Мейбл. Мне с ней не справиться. – Няня раскачивается на стуле; лицо совсем бледное.

– Что она натворила?

– Ничего она не натворила, миссис Хэмилтон. Думаю, вы знаете, что́ я имею в виду. Дело в том, какая она сама.

– Мисс О’Коннелл, я не понимаю, о чем вы, – упорствует Элино́р. Возможно, если всем им притворяться и дальше, это не превратится в реальность. – Ну и кто же она?

– Помилуй меня, Боже! – перекрестившись, восклицает няня. – Вы ее мать. Знаю, как вам тяжело принять такое. Я думала, вы сами заметите. Вы же такая внимательная мать. – Мисс О’Коннелл выпрямляется, берет себя в руки и выпученными глазами смотрит на Элино́р. Зрелище не из приятных. – Девочка одержима, – по-лисьи оскалив зубы, продолжает она хриплым шепотом. – Дьявол забрал ее в свои когти.

Услышав это, Элино́р невольно открывает рот.

– Это правда. – Няня энергично кивает. – Загляните ей в глаза. Там темнота. Можете и дальше не обращать внимания, если вам так угодно. Но в нее вселился дьявол. И это жутко. – (У Элино́р холодеет внутри.) – У нее начались припадки, самые настоящие, длящиеся долго. Каждый день. Вы не могли их не заметить. Последний случился сразу после завтрака. Миссис Хэмилтон, я не могу приглядывать за ней. Честное слово, не могу. Еще немного – и у нее появится пена на губах. Мне так кажется...

– Да как вы смеете?! – взрывается Элино́р.

Она сердито смотрит на няню. Мисс О’Коннелл – католичка. Элино́р не является верующей, хотя и ничуть не возражает против веры няни. Эдвард – ученый и потому находится в весьма противоречивых отношениях с Богом. Он не говорит об этом, но она

знает о внутренней битве, которую муж ведет с Богом. В этой битве его логика ученого вообще противится концепции некоего высшего существа. Эдвард винит Бога (если тот существует) за ужасы войны. И в этой битве обвинения чередуются с раскаянием.

Зато мисс О'Коннелл глубоко религиозна. Элинор знает: каждый вечер перед сном няня читает Библию. До сих пор Элинор никогда не возражала против ее верований. И вдруг эта несусветная чепуха. Элинор вдруг вспоминает, как однажды Мейбл держала Пруденс вниз головой, чтобы дьявол вылез из куклы.

– Это были вы! – восклицает Элинор. – Это вы внушали Мейбл, что у нее внутри дьявол. Что она плохая!

– Так то сущая правда, миссис Хэмилтон, как бы тяжело вам ни было ее принять. – Мисс О'Коннелл взмахивает руками, ее щеки покрываются пурпурными пятнами. – У девочки бывают видения. Она видит какую-то женщину с огненными волосами. Она говорит с этой невидимой огненноволосой женщиной. Понимаете? Та женщина и дьявол – одно и то же! Она взаправду разговаривает, когда я никого не вижу. Меня это пугает, миссис Хэмилтон. Мейбл нагоняет на меня такого страха, что я спать не могу.

Комната качается. Элинор вцепляется в подлокотник стула и пытается успокоиться. Женщина с огненными волосами. Перед мысленным взором проносятся картины с Мейбл. Элинор едва отваживается думать об этом, но она точно знает, что имеет в виду мисс О'Коннелл, говоря о темноте в глазах ее дочери. Она видела это многократно, но всякий раз относилась за счет своего воображения. И потом, эти странные спотыкания и падения. Элинор обещала мужу вызвать доктора Харгривса, но так и не заставила себя это сделать. Женщина с огненными волосами. Кто же она такая, черт побери?! Элинор становится зябко.

Было куда легче игнорировать это, надеяться и молиться, что состояние Мейбл выправится само по себе. Но чем бы ни страдала ее дочь, гадкие, оскорбительные слова мисс О'Коннелл со всей их отвратительной силой хлещут Элинор по лицу. Ее пульс учащается, в ушах слышен шум крови. Однако хуже всего страх другого рода: а вдруг няня выдаст эту страшную тайну? Вдруг кому-нибудь расскажет?

Этого нельзя допустить!

Она поворачивается к насуспенной мисс О'Коннелл.

– С Мейбл все в полном порядке. – Голос Элинон врезается в воздух, как нож. Пусть только няня посмеет болтать! Элинон с Эдвардом постараются, чтобы ее больше не взяли ни в одну приличную семью. – Как вы смеете заявлять, что у моей малышки припадки! Вас нанимали заботиться о нашей дочери, а не сочинять дурацкие сказки о вселившемся дьяволе. Вы вбивали эту чушь ей в голову. Пугали ее. Скорее всего, это ваша вина. Ребенок напуган!

– Нет, миссис Хэмилтон. Я не...

– Убирайтесь! – От гнева голос Элинон звучит ниже обычного. – Прочь из моего дома! Мейбл – чудесная, невинная, здоровая четырехлетняя девочка. Вам понятно? А дьявол – это вы, мисс О'Коннелл. Это вы больны и нуждаетесь в помощи. – Гнев Элинон вырывается наружу, как кипящая вода, расцепляя ледяную хватку страха. Мать, ребенку которой угрожают, может реагировать только так. – Никакого положенного срока вы отрабатывать не будете. Я больше не доверю вам свою дочь. Вы должны покинуть наш дом немедленно!

Элинон пытается встать. Она с головы до пят охвачена дрожью. Шоковое состояние вместе с отвратительными словами, вырвавшимися из нее, не лучшим образом могут сказаться на ребенке в ее чреве. Она должна защищать свою Личинку. Взять себя в руки. Успокоиться. Но ужас, гнев и замешательство не затихают. «Расспроси ее, – требует тихий внутренний голос. – Ты же знаешь, что она права! Расспроси во всех подробностях. Собери их воедино и обдумай, как быть дальше». Но вопросы не срываются с ее губ. Элинон продолжает молчать и тяжело дышать, глядя, как мисс О'Коннелл сжимается под напором ее гнева.

Каждая клетка в теле Элинон хочет бежать к Мейбл, подхватить на руки, крепко обнять и защитить. «Я всегда буду оберегать тебя от любых напастей, мое драгоценное сокровище». Элинон вспоминает, что шептала эти слова в ушко Мейбл, когда та родилась. Она качала крошечное тельце и ласково шептала. Нельзя было оставлять ее сокровище с этой женщиной. Нельзя было поддаваться уговорам Эдварда, считавшего, что их ребенку с первого дня нужна няня. Она сама могла бы прекрасно позаботиться о дочери. Им было бы так хорошо вдвоем.

– Как вам угодно, – говорит мисс О’Коннелл, одеревенело поворачиваясь к двери. – Только бесполезно прятать голову в песок и не замечать очевидного. Нет бóльших слепцов, чем те, кто не желает видеть, – язвительно добавляет няня и направляется к двери.

– С кем вы говорили об этом? – кричит ей вслед Элино́р, в мозгу которой громоздятся ужасные мысли о возможном раскрытии тайны.

Если тайну можно сохранить, тогда, наверное, еще не все потеряно.

К этому времени по щекам Элино́р текут горячие слезы. В горле стоит ком, не давая говорить.

Мисс О’Коннелл останавливается и поворачивается к ней:

– Не бойтесь, миссис Хэ́милтон. Я не сказала ни одной душе. Свои мысли и подозрения я держу при себе. Вот так. Но, кроме меня, это видит вся домашняя прислуга. Я уж не говорю про окрестных жителей.

Элино́р вздыхает. Из нее словно выпустили воздух. Она вдруг чувствует себя старой и усталой. Что бы ни было с Мейбл, можно ли это сохранить в тайне? Как она могла потерять самообладание? Элино́р опускается на стул. Няня все равно уволится, но нельзя увольнять ее с такой поспешностью. И нельзя было кричать на мисс О’Коннелл. Теперь, чего доброго, та обозлится и расскажет газетчикам. Что тогда случится с Эдвардом? С Эдвардом, боже ты мой!

Она поднимает глаза на мисс О’Коннелл. Няня стоит, держась за дверную ручку. Вид у нее неуверенный и смущенный. Элино́р видит подрагивающую руку няни, и ее сердце смягчается. Мисс О’Коннелл появилась в их доме вскоре после рождения Мейбл, и вплоть до сегодняшнего дня все было прекрасно. Воздух столовой наэлектризован. Мисс О’Коннелл ждет, когда Элино́р заговорит.

– Простите, – наконец произносит Элино́р. – Я погорячилась. Я не должна была так себя вести, но сказанное вами меня просто шокировало. Понимаете?

Рука няни соскальзывает с ручки.

– Понимаю, – отвечает она, и ее лицо обмякает, будто она сознаёт, что их короткая ссора закончилась обоюдным поражением. – Не волнуйтесь, миссис Хэ́милтон. Я никому ничего не скажу. Я свое ремесло знаю. Я работала в разных семьях и никогда ничего не

выносила за порог. Таково мое правило, и я его ни разу не нарушила. Можете мне верить.

Обе чувствуют неловкость создавшегося положения.

– Мисс О’Коннелл, я хочу исправить свою оплошность, – устало говорит Элино́р. – Я ценю вашу... откровенность относительно Мейбл. Я заплачу вам за весь месяц и, естественно, дам превосходные рекомендации. – Элино́р делает паузу. – Я также добавлю к этим деньгам премиальные в размере недельного жалованья, которые вы обычно получали на Рождество.

– Спасибо, миссис Хэмилтон, – склонив голову, произносит мисс О’Коннелл. – Премного благодарна. Сейчас соберусь и поеду к сестре в Шефердс-Буш. Поживу у нее, поищу новое место. А может, на время вернусь в Ирландию. Мамочка моя совсем старая стала. Хворает.

– Мне жаль, мисс О’Коннелл, что все это кончается таким образом.

– Мне тоже жаль, – говорит няня, поворачивая ручку и открывая дверь. – Я была в восторге от малютки Мейбл, честное слово. Но, миссис Хэмилтон, – ее голос становится умоляющим, – ваша дочь нуждается в помощи. В ней завелась какая-то гниль, и это вне всякого сомнения. Чем раньше вы признаете правду, тем лучше для всех вас.

Мисс О’Коннелл уходит, и буквально сразу в столовую возвращаются Роуз и Мейбл. Малышка выглядит лучше, на щеках хотя бы появился румянец. Едва взглянув на Элино́р, Роуз бросается к сестре.

– Что тут в вас произошло?

Элино́р обмякает в объятиях сестры, совершенно не представляя, как ей быть дальше.

Глава 8

Эдвард

В восьмом часу вечера на пороге появляется извиняющийся доктор с кожаным саквояжем в руке.

– Простите, пришлось задержаться на ферме Стэндон. Ждал, пока приедет «скорая помощь». В доильном отделении пострадала скотница. – Он качает головой и протягивает Эдварду руку. – Не повезло бедняге.

– Спасибо, что приехали. И примите мои извинения за добавленные хлопоты.

Он пропускает доктора в переднюю, где тот отдает Элис шляпу и шарф.

– И кто же из вас мой пациент?

– Мейбл, – коротко отвечает Эдвард, ведет врача в гостиную и плотно закрывает дверь. – Вначале я должен переговорить с вами наедине. – Эдвард указывает на стул, предлагая сесть, но оба продолжают стоять. Эдвард теребит манжеты. – Мне пришлось спешно приехать из Лондона. Жену я нашел в истерическом состоянии, а потому буду вам признателен, если вы осмотрите и ее.

Доктор молчит. Эдвард воспринимает это как просьбу продолжать.

– По словам няни, которая сегодня уволилась, у нашей дочери наблюдаются странные... проявления. Какие-то видения, разговоры с несуществующими людьми. – Он делает короткую паузу. – Элинор мне говорила, что замечала у Мейбл странные движения рта, глаз и подбородка. Элинор очень расстроена поспешностью, с какой няня покинула наш дом, а также смехотворными утверждениями, будто наш ребенок одержим. – Эдвард закатывает глаза и невесело смеется. – Добавлю, что няня – рьяная католичка, склонная к мелодрамам и диковинным суевериям.

– Что ж... – Доктор Харгривс морщит лоб. – Я бы предпочел взглянуть на Мейбл.

Он делает шаг к двери. Эдвард берется за ручку, загораживая путь.

– Я могу рассчитывать на вашу предусмотрительность и сохранение полной конфиденциальности относительно этого дела?

Доктор Харгривс твердо смотрит Эдварду в глаза:

– Можете не сомневаться.

– Благодарю.

Эдвард открывает дверь, и они вдвоем молча поднимаются в детскую.

Доктор Харгривс – спокойный человек средних лет с седеющими висками. Четыре года назад холодным мартовским утром он принимал у Элиноর роды. Эдвард вспоминает, как он впервые увидел свою дочь: крошечную, краснолицую и орущую. Она потрясала кулачками, а из открытого ротика высовывался язычок. Доктор тогда улыбался, считая ее гнев на мир хорошим знаком.

– В этой малышке неукротимый дух, – сказал он, осторожно передавая ребенка в неуклюжие руки Эдварда.

Эдвард стал ее нежно укачивать, и все вопли чудесным образом утихли. Взгляд ее темно-синих глаз блуждал по сторонам и наконец встретился со взглядом отца. С того момента Эдвард был покорен.

Они подходят к дверям детской. Тяжесть в груди Эдварда нарастает.

Элинор держит Мейбл на коленях. Малышка сосредоточенно сосет большой палец. Мисс О’Коннелл безуспешно пыталась отучить ее от этой привычки. «Фу! Пальчики грязные. Так делают только младенцы», – отчитывала она девочку, насильно вытаскивая палец изо рта своей подопечной.

При виде жены и дочери у Эдварда учащается сердцебиение. Мейбл сидит в ночной рубашке, внимательно глядя на книгу, которую ей читает Элинор. Идеальная сцена. Трудно представить стычку, произошедшую между мисс О’Коннелл и Элинор, о чем жена со слезами на глазах поведала ему сразу же, как он переступил порог. Элинор несвойственно теряет самообладание.

Доктор Харгривс подходит к матери и дочери и широко улыбается:

– Добрый вечер, маленькая леди. Ты меня помнишь?

Мейбл устремляет на него большие синие глаза и качает головой.

– Я доктор Харгривс. Меня не удивляет, что ты меня не помнишь. Прошло больше года с тех пор, как я приезжал к тебе. А сейчас я хочу

немножечко тебя осмотреть. Ты не возражаешь?

Мейбл смотрит на отца. Эдвард ободряюще кивает.

– Хорошо, – отвечает Мейбл, извлекая изо рта мокрый, блестящий от слюны палец.

– Вот и чудесно. Я попрошу тебя присесть на краешек кровати.

Он похлопывает по покрывалу, ставит туда саквояж, открывает и достает стетоскоп.

Пока доктор слушает ее сердечко, проверяет рефлексы, осматривает уши и глаза, Мейбл сидит тихо. К процедуре осмотра она относится со вниманием. Когда доходит черед до горла, она послушно открывает рот и говорит «а-а-а-а».

Доктор Харгривс сидит перед ней на корточках, скрестив руки на груди, и задает вопросы. Сколько ей лет? Есть ли у нее друзья и подруги? Может ли она сосчитать до десяти и обратно? Какие звуки издают свиньи, утки, коровы, собаки и кошки? Где живут лягушки? Вопросы продолжают. На каждый Мейбл отвечает без запинки.

Наконец он выпрямляется и говорит:

– Отлично, Мейбл. Ты на редкость терпеливая пациентка. Должно быть, ты устала. Ведь тебе, полагаю, уже давно пора спать.

Мейбл отвечает ему застенчивой улыбкой.

– Можно мне вас на пару слов? – спрашивает доктор Харгривс у Элинора и предлагает отойти к окну, чтобы Мейбл не слышала их разговор.

Эдвард присаживается на кровать рядом с Мейбл.

– Здравствуй, принцесса, – говорит он, глядя ее шелковистые волосы.

– Здравствуй, папа. – Дочь смотрит на него доверчивыми глазами. – Зачем доктор пришел меня осматривать?

– Хотел убедиться, что у тебя отличное здоровье.

– А-а. А где няня?

– Разве мама тебе не сказала? – (Мейбл качает головой.) – Ей понадобилось уехать к своей маме, поскольку та неважно себя чувствует.

– Когда она вернется?

– Не знаю. Возможно, у тебя появится новая няня.

– Я не хочу новую няню. Я хочу маму.

– Твоя мама, принцесса, всегда с тобой, – смеется Эдвард. – У тебя будет и мама, и новая няня. Мама слишком занята, чтобы постоянно присматривать за тобой.

– Я больше всего люблю маму, потом тебя, а потом Элис. Нет, сначала Дилли, потом Элис. Раньше я любила Пэтча больше других, но он умер, и я уже не могу его любить. Папа, а давай заведем новую собачку, – просит Мейбл, хватая пухлыми пальчиками отцовский рукав.

Доктор Харгривс и Элинор возвращаются после разговора у окна.

– Я сейчас тебя уложу, – говорит Элинор дочери, а затем обращается к Эдварду: – Я скоро спущусь.

Она снимает покрывало и отгибает край одеяла. Мейбл забирается в кровать. Эдвард смотрит, как жена натягивает одеяло до подбородка Мейбл и плотно подтыкает со всех сторон. Потом она присаживается на кровать и нежно гладит светлые волосы дочери. У него сжимается сердце.

В гостиной задвинуты шторы, включен свет, пылает огонь в камине. Эдвард наливает доктору Харгривсу в бокал кларета. Когда приходит Элинор, он наливает и ей.

Врач откашливается.

– Физически Мейбл вполне здорова, – говорит он серьезным тоном; лицо у доктора Харгривса тоже серьезное, непринужденной улыбки – как не бывало. – Но я должен перейти непосредственно к делу. Сообразно описанным вами симптомам, я имею достаточно оснований подозревать, что у Мейбл одна из разновидностей эпилепсии. Среди детей такое встречается часто.

Эдвард перехватывает взгляд Элинор. В глазах жены он видит страх и потрясение, аналогичные его собственным.

– Но ведь не тяжелая форма! – восклицает Элинор. – С годами у нее это пройдет?

Доктор Харгривс проводит рукой по волосам:

– Этого я не знаю. Возможно. Я пока не заметил у нее каких-либо признаков умственного повреждения. Конечно, я не экс...

– Что значит «пока»? – резко спрашивает Эдвард.

– Смотрите. – Голос врача звучит мягко, примирительно. – Есть вероятность, что у вашей малышки ничего серьезного. Мейбл вся

светится радостью, но я должен быть честен с вами. Симптомы, которые вы мне описали, они... из числа нетипичных. И ее галлюцинации – эта женщина с огненными волосами... Я слышал о подобных вещах, но еще ни разу не видел у столь маленького ребенка. Что это значит и какое воздействие окажет на ее растущий мозг, наконец, каким будет окончательный исход... я сказать не могу.

Внутри Эдварда нарастает тошнота. В напрасной попытке ее заглушить он делает большой глоток вина.

Элинор крутит на пальце обручальное кольцо, глядя то на мужа, то на врача.

– Но ни у Эдварда, ни у меня нет... – она едва заставляет себя произнести ненавистное слово, – эпилепсии. То есть это не наследственное. Тогда как у нее могла развиваться эта болезнь?

– Может, эпилепсия встречалась у кого-нибудь из ваших родственников – теток, дядьев, братьев, сестер, бабушек и дедушек?

Супруги энергично мотают головой, отрицая предположение врача.

– В моей семье этого точно не было, – говорит Эдвард.

– И в моей тоже! – подхватывает Элинор. – Вы же знаете, доктор, что детям свойственно придумывать себе друзей. У Роуз в детстве была невидимая подружка по имени Лавендер. – Элинор смеется, вспоминая то время. – Год или два эта Лавендер повсюду сопровождала Роуз. Кажется, сестра тогда была в возрасте Мейбл. Пожалуй, даже старше. Ей было пять или шесть.

– Да, но такие воображаемые друзья порождаются сознательным разумом. Судя по вашим рассказам, эта леди с огненными волосами появилась из ее подсознания. Сдается мне, что это, вкупе с другими симптомами, указывает на необычный тип эпилепсии. Как часто у вашей дочери имеют место эти... эпизоды?

– Не могу сказать с полной уверенностью, однако их частота нарастает. Возможно, каждый день. Дважды в день, а то и больше.

Элинор морщится. Края век заливают краска.

Доктор Харгривс кивает. Его обычная улыбка пропала. Эдвард сосредоточенно смотрит в свой бокал. Ему всегда нравился рубиновый цвет кларета. Но привычного комфортного состояния нет. Вино на его языке ощущается безвкусным, как вода.

– Хорошо, – говорит он, оставляя недопитый бокал и вскакивая на ноги. – Что мы можем сделать? На дворе – двадцатый век. Наверняка существуют какие-то средства. Я имею в виду, это нарушение не может быть неизлечимым. И оно никак не может быть эпилепсией. Мейбл никак не могла унаследовать эпилепсию. В наших семьях такая болезнь не наблюдалась. Чем бы ни являлось это нарушение, мы разгадаем загадку. Я не пожалею денег и оплачу любое необходимое лечение.

Он закуривает сигарету, протягивая портсигар и врачу, но тот отказывается.

– Согласен, есть ряд состояний, похожих на эпилепсию. Но это, боюсь, совсем из другой области медицины, о которой я имею лишь общие представления, – деликатно отвечает доктор Харгривс. – Завтра я прямо с утра напишу своему знакомому врачу. Он практикует на Харли-стрит. О нестандартных нарушениях детского ума ему известно куда больше, чем мне. У него прекрасная репутация. Настоятельно рекомендую показать Мейбл ему, и чем раньше, тем лучше. Лучше вырвать это на уровне ростка, пока болезнь не успела пустить корни. Разумеется, я напишу ему, что, учитывая ваше положение в обществе, вопрос должен решаться строго конфиденциальным образом. Можете быть уверены, профессор Хэмилтон. А до вашего визита к нему предлагаю ежедневно делать подробные записи всех симптомов. Вести, так сказать, дневник наблюдений.

Воцаряется гнетущая тишина. О чем еще говорить? Разум Эдварда находится в оцепенении. Он знает: потом там возникнет миллион вопросов, но сейчас он, словно валуном, придавлен шоком. Все усилия кажутся бессмысленными.

– Надо ли запретить Мейбл играть на открытом воздухе? – тихо спрашивает Элинор. – У нас теперь все должно происходить по-другому?

– Нет, – качает головой доктор Харгривс. – Вы очень заботливые родители. Сейчас я могу лишь посоветовать вам обратиться к лучшему специалисту в этой области. – Он смотрит на Элинор. – А вам, миссис Хэмилтон, необходимо всячески заботиться о себе. Ни в коем случае не допускайте чрезмерных волнений и беспокойств. Вы же не хотите причинить вред ребенку в вашем чреве? Рекомендую вам поскорее найти подходящую кандидатуру и сменить ту странную няню. Вид у

вас совсем изможденный. Ваш муж очень просил осмотреть и вас. Он хочет убедиться, что с вами все в порядке.

– Доктор Харгривс, прошу вас, только не сейчас. Я просто устала, и только.

– Хорошо. Тогда отдыхайте, а утром я заеду вас проведать. – Он допивает кларет и, наконец улыбнувшись, пожимает Эдварду руку. – Завтра же напишу мистеру Силвертону – тому самому неврологу, о котором говорил.

– Это очень любезно с вашей стороны. Спасибо, – благодарит врача Элинон и порывается встать.

– Не надо меня провожать. Я сам найду дверь.

После ухода врача тишина в гостиной становится невыносимой. Часы на каминной полке тикают все громче. Элинон отупело смотрит в пространство.

Эпилепсия. Это слово наполняет Эдварда невыразимым ужасом. Такого попросту не может быть. Никак не может.

– Эгей! – Звонкий голос Лиззи Лейтон, донесшийся из холла, заставляет супругов подпрыгнуть. – Есть тут кто?

– Я выйду, – говорит Эдвард, замечая покрасневшие глаза и бледные щеки Элинон.

Проходя мимо, он ободряюще сжимает ей плечо.

В пустом холле стоит принаряженная, улыбающаяся Лиззи. Ее переполняет кипучая энергия, заставляя пританцовывать на месте. Эдварду такое даже не представить. Сделав над собой усилие, он нацепляет приветливую улыбку. Под мышкой соседка держит что-то, завернутое в одеяло.

– Ах, Эдвард! – Голос Лиззи чрезмерно громок, и эхо раздается по всему холлу. – Я вошла через заднюю дверь. Думала, встречу миссис Беллами, но кухня оказалась пуста.

– Должно быть, она... – Он осекается и чешет в затылке. Он потерял представление о времени. Голова гудит от усталости. – Понятия не имею.

– Не суть важно. Элинон, наверное, отдыхает? А малышка Мейбл уже спит? Конечно, ей пора спать. Вы не сердитесь, что я нагрязнула в такую поздноту? Мы с Бартоном собрались к Чёрчам на ужин. – Эдвард молча слушает; Лиззи на мгновение умолкает, затем добавляет: – Как бы то ни было, я больше не захотела ждать ни дня!

Сверток в руках Лиззи отчаянно дергается, взвизгивает и скулит.

– Тише ты! – Лиззи легонько шлепает по свертку. – Весь сюрприз испортил!

Она вздыхает и разворачивает одеяло, в которое был завернут толстенький бледно-желтый щенок ретривера с черным носом и розовым языком. Он выкарабкивается из рук Лиззи, плюхается на пол и, покачиваясь, словно пьяный, бредет по холлу, обнюхивая незнакомое пространство и виляя обрубок хвоста.

– Правда, милашка? – спрашивает Лиззи, глядя, как щенок косолапит по полу. – Мейбл будет его обожать. Жаль, я не увижу ее глазенок, когда ей покажут мой подарок. – Лиззи заливается смехом. – Мы решили избавиться от щенячьего поголовья. Сегодня я споткнулась об одного из этих малышей. Могла бы здорово шмякнуться, не окажись на пути шезлонга. Он уберег меня от падения... Заболталась я. Бартон мне кишки выпустит, если я задержусь еще хоть на минуту.

Она выпархивает из парадной двери, возле которой стоит машина. Эдвард машет туманной фигуре внутри автомобиля, полагая, что это Бартон, окутанный темнотой, начинающейся сразу за лучами фар. Машина отъезжает. Эдвард поворачивается и смотрит на щенка, который уже немного освоился и оставил на полу лужицу.

Он забыл спросить Лиззи, есть ли у этого создания имя. Ничего, утром Мейбл сама придумает имя подарку соседки.

Возможно, щенок всем поднимет настроение.

III

Кажется, мое присутствие обнаружено. Значит, так тому и быть. Вы меня не испугаете. Итак, мы переходим к следующей банальной фазе в нашей запутанной игре. В этой части вы по-прежнему думаете, будто можете меня переиграть. Но я-то знаю, что нет.

Вроде бы это давным-давно должно мне наскучить. Но я продолжаю забавляться. Каждый раз.

Итак, маленькая девочка! Я поиграю с ней, как кошка играет с мышью, делая вид, что отпускает свою жертву на свободу.

Но эта малышка такая чудесная. Редкий экземпляр. Я дарю ей самое лучшее из своего арсенала.

Как Жанне д'Арк, я дарю ей видения.

Ведь я же энергия. Электричество. Это все, из чего я состою, если меня разломать. И чего же там бояться? Если бы только вы попытались расширить ваш ум. Немногие выдающиеся люди воспринимают меня как вдохновение. Откровение. Даже Божоявление. Художники, писатели, прорицатели, вожди. Конечно же, они не признаются в этом. Они меня стыдятся. Это вы делаете их такими. Да-да, вы с вашими суждениями и вашим невежеством.

Но эта малышка. Она мне не сопротивляется. Я вольна играть с ней, открывать ее разум необузданности моего воображения.

Таким образом я позволяю электричеству вырваться наружу и опрокидывать обычные шаблоны детского разума. Вовне летят аритмичные искры. Я посылаю их в путь по дороге ее нервной системы. Со скоростью света несутся они по ее позвоночнику и к мышечным волокнам, скрытым под ее нежной бледной кожей. Мышцы сокращаются, отчего морщится ее нос и кривится рот. Ручонка тянется, словно хочет схватить воздух. Девочка цепляется за подоконник и ныряет в себя, пытаясь разобраться в моем вмешательстве.

А что же вы? Вы себя ведете как обычно. Вы стоите и смотрите. Ваши побелевшие лица превратились в маски ужаса. Вы

наблюдаете, как руки ребенка падают, словно плети, и ее рот наполовину открывается.

Подобно ружейному выстрелу, раздавшемуся в тишине летнего дня, я сполна выпускаю свою силу. Моя личина исчезла, и я больше не пытаюсь скрываться. Девочка делает резкий вдох, я закрываю ей рот и закатываю ей глаза. Ее голова падает вперед, упираясь подбородком в грудь, словно кланяясь хозяйке. Пульсации моей энергии снова и снова запрокидывают ей голову. Моя сила сковывает ей ручки и ножки и подбрасывает в воздух, заставляя ударяться головой о стену и падать на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Моя сила стремительно налетает и так же стремительно отступает.

Девочка сворачивается клубочком и засыпает на руках у плачущей матери. Ей тепло и уютно.

Моя игрушка опустошена, и я ухожу.

Часть вторая
Январь 1929 года

Глава 9

Элино́р

Этим утром Элино́р проснулась рано. Теперь, когда ребенок в ее животе подрос, спать стало тяжелее. По ночам Личинка становится очень беспокойной: ударяет в материнский живот и крутится внутри. Эдвард уехал в Нью-Йорк на конференцию, и Элино́р чувствует себя невероятно одинокой. Мысленно она возвращается к разговору, состоявшемуся у них перед отъездом.

– Ты действительно не возражаешь против моей поездки? – спросил он в то воскресное утро, когда они лежали в постели.

В кровать жены Эдвард забрался среди ночи: озябший и дрожащий. Она поняла: ему опять приснился кошмарный сон. В ее объятиях он наконец успокоился и заснул. Оба проснулись поздно.

– Конечно не возражаю, – бодрым тоном ответила Элино́р. – Это ведь очень важная конференция по евгенике.

– Исключительно важная. Таких конференций не проводилось с двадцать третьего года, – подтвердил он. – Соберутся представители во всего мира.

– Тогда ты должен ехать. Ты согласился участвовать, когда еще ничего не знал о Личинке. К тому же ты возвратишься за пару недель до рождения нашего малыша. По моим расчетам так оно и будет, – твердо заявила она.

Элино́р терзают невеселые мысли о муже. Он и будучи в Англии все меньше и меньше времени проводит дома. У нее складывается ощущение, что Эдвард приезжает на выходные в Брук-Энд лишь потому, что должен. Но даже дома он постоянно возится с Байроном – этим чертовым щенком. Он предназначался для Мейбл, но стал собакой Эдварда; вплоть до того, что муж сам выбрал ему имя, отвергнув все предложения Мейбл как нелепые. «Элино́р, неужели ты не понимаешь? Пса нужно дрессировать». Чем настойчивее она пытается сблизиться, тем заметнее Эдвард отстраняется. «Любой мужчина подвержен интрижкам на стороне». Эти слова, лениво произнесенные всезнающей Софи, до сих пор звучат в ушах Элино́р. Она гонит прочь все мысленные картины, подсовываемые ей

воображением: Эдвард в нью-йоркском отеле, убажжаемый какой-нибудь пылкой женщиной.

А сама Элино́р тем временем все больше становится затворницей, ограничивая свое пространство стенами Брук-Энда. Гости ее страшат, ведь они могут узнать о припадках Мейбл. Оставить дочь целиком под присмотром новой няни, строгой, высокомерной мисс Картрайт-Джонс, найденной Эдвардом, она не решается. Пару месяцев назад мистер Силвертон, невролог, рекомендованный доктором Харгривсом, подтвердил у малышки эпилепсию, причем неизвестного типа. Он начал лечить Мейбл солями бромида, которые до сих пор не дали никаких улучшений. За это время Элино́р с дочерью дважды побывали у Силвертона, а припадки только учащались. Беспомощной, отчаявшейся Элино́р остается лишь смотреть, как Мейбл бьется в неудержимых конвульсиях. В их последний приезд мистер Силвертон признался, что сомневается в результативности повышения дозы, однако все же придется увеличить дозу до максимума и лишь потом заявлять о неэффективности лекарства. Мейбл ненавидит эти таблетки, от которых у нее болит живот и начинается рвота.

Хорошо еще Роуз вернулась домой, закончив свои стенографические курсы. Без нее Элино́р было бы совсем одиноко. Вчера за обедом она рассказала сестре о последней встрече с мистером Силвертоном. От плохих новостей глаза Роуз наполнились слезами.

– Я чувствовала, доктор не питает особых надежд на выздоровление, – призналась Элино́р. – Говорит, это один из самых тяжелых случаев, с какими он сталкивался.

– Боже мой, нет! Медицина наверняка может что-то сделать.

Так Роуз говорила всякий раз, когда заходил разговор о Мейбл. Элино́р покачала головой, ощутив знакомую боль в животе. Она не знала, как долго еще способна выдерживать эти терзания, и в тысячный раз задавалась вопросом, насколько все это может повредить Личинке. Дальше сестры сидели молча, потеряв всякий аппетит.

– Элли, я беспокоюсь за тебя, – призналась Роуз, пристально разглядывая сестру. – Ты выглядишь такой усталой и... печальной.

– Это пройдет, – невесело рассмеялась Элино́р.

– Тебе нужно с кем-нибудь поговорить об этом.

– Вот я и говорю с тобой.

– Конечно. Но не только со мной. Как насчет Софи? Жаль, что не позволяешь мне рассказать ей. Она бы в лепешку разбилась, чтобы тебе помочь.

– Нет! – отчаянно замотала головой Элино́р. – Тебе известно, как к этому отнесется Эдвард, если узнает, что мы кому-то рассказали!

– Но прислуга знает.

– Нам пришлось сказать прислуге, чтобы держали язык за зубами. Они искренне огорчены случившимся и знают, что тайна Мейбл не должна выйти за стены Брук-Энда. Кроме них и нас, только Лейтоны знают. Лиззи и так догадывалась. Эта женщина поистине обладает шестым чувством. Она заглянула в один из крайне тяжелых дней, и мне не оставалось иного, как рассказать ей. Как-никак, они наши ближайшие соседи и все равно рано или поздно докопались бы. Но им целиком можно доверять... Роуз, пожалуйста, давай сменим тему. Меня уже тошнит от беспокойства. Лучше расскажи, чем ты занималась в Лондоне.

Лицо Роуз немного просветлело. Она стала рассказывать сестре о том, как наткнулась в Лондоне на художественную галерею, и ненароком проговорила, что об этой галерее узнала из письма Марселя.

– Но Эдвард запретил ему общаться с тобой! – воскликнула потрясенная Элино́р.

Губы Роуз дрогнули.

– Неужели ты всерьез считаешь, что Марсель меня бросит, поскольку так велит ему Эдвард?

– Ты хочешь сказать, что продолжаешь поддерживать с ним отношения?

– Да, Элли. Прости, но мы продолжаем переписываться.

– И что теперь? – Элино́р поперхнулась своим вопросом.

Как ко всему этому отнесется Эдвард, когда вернется из Нью-Йорка? Эдвард и так считал затею Роуз с курсами безумием и удивлялся, что Элино́р согласилась. Роуз получила возможность возобновить переписку. Элино́р удивляется себе. У нее что, нет других поводов для беспокойства? Ребенок вот-вот родится, плюс неотступная тень болезни Мейбл.

– И что же теперь будет с твоими планами найти работу?

– Элли, да успокойся ты. Я же с ним не помолвлена. У нас и разговора такого не было. Если тебя волнуют мои планы, сообщаю: я по-прежнему намерена стать журналисткой. Я не могу сидеть и смотреть, как моя жизнь утекает сквозь пальцы.

Сестры умолкли, пристально глядя друг на друга. Элинон, конечно же, поняла язвительность последней фразы.

– Хочешь сказать, что моя жизнь утекает сквозь пальцы? – бросила она Роуз.

– Нет! – Роуз сдернула с шеи салфетку и швырнула на пол. – Элинон, ты тут вообще ни при чем! – Выпалив это, она пулей вылетела из столовой.

Утром в голове Элинон по-прежнему крутится ссора с Роуз. Ей вдруг захотелось выйти за пределы дома, и она отправилась на раннюю прогулку. Сейчас, поплотнее застегнув пальто, она начинает сомневаться в разумности своего решения. Она стоит на вершине мелового утеса, далеко от дома, и обжигающе холодный ветер прибывает к ногам полы пальто. Она поворачивает к дому. Снежные иглы больно колот лицо. Она тяжело ступает навстречу ветру.

Элинон не покидает ужасное чувство: едва вернется Эдвард, Роуз мигом отправится в Лондон и найдет работу в первой сомнительной газетенке, которая попадется ей на Флит-стрит. Сама идея сделаться журналисткой слишком грязна и отвратительна. Она липким комом застревает у Элинон в горле. Эта работа имеет такой же неприятный привкус, как работа полицейского, тюремного надзирателя или машиниста поезда. Элинон представляет Роуз бродящей по лондонским закоулкам с блокнотом и ручкой наготове и заводящей знакомство с проститутками, алкоголиками и мелкими воришками. А тем временем этот француз Марсель вползает в ее постель и подбирается к банковскому счету Эдварда.

Элинон вздрагивает. Как же ей не хватает материнского совета! Она ловит себя на том, что в эти дни все чаще думает о матери. Ей мучительно хочется, чтобы мать оказалась рядом. Следом поднимается знакомая волна гнева на мерзавца, столь жестоко отнявшего у матери жизнь. Этот гнев особенно силен сейчас, когда потребность в материнском присутствии остра, как никогда. Элинон искренне надеется, что убийца матери страдает каждый день своей никчемной жизни в отвратительной тюрьме, куда его затолкали после суда.

Она прячет руки под выступающим животом, который с каждым шагом становится тяжелее. Нельзя было уходить так далеко. Завтра она ограничит свои прогулки пределами дома. Ее охватывает волна слабости, угрожая опрокинуть. Эдвард должен вернуться через десять дней. До рождения ребенка остается всего четыре недели. Ей не дожидаться, когда наступит тот благословенный день.

Тропка петляет по лесу, пока не превращается в слякотную дорожку, тянущуюся по берегу реки. Элинор идет по этой дорожке. Ее ботинки скользят и проваливаются, а ноги все больше промокают. Рядом неторопливо течет река. Из-за высокого содержания железа в местных почвах вода имеет ржавый цвет. Звук текущей воды не слышно. Элинор переходит реку по узкому шаткому мосту, озябшими и онемевшими пальцами цепляясь за деревянные перила. Ее шаги становятся мучительно медленными. На мгновение мелькает мысль: не прилечь ли на рыхлую землю под большим деревом. Но там слишком холодно и сыро, и она сомневается, что потом сумеет встать.

Боль в животе усиливается. Элинор невероятно устала. Она насквозь промокла и настолько озябла, что у нее начинают стучать зубы. Почему ноги кажутся резиновыми? Элинор перестает их чувствовать и думает, хватит ли у них крепости донести ее до Брук-Энда. Идти и не останавливаться. Идти дальше.

Ее дыхание становится хриплым и прерывистым. Она подавляет бесполезные слезы.

К тому времени, когда она добирается до садовых ворот, вспышки боли становятся регулярными и жестокими. Каждая вынуждает ее останавливаться, сгибаться, насколько позволяет живот, и ждать, когда боль утихнет, а потом продолжать свой медленный, натужный путь по саду. И вдруг ее осеняет: схватки! Вот это что. Хотя ребенок ожидался только через месяц, она уверена: это не что иное, как схватки. Окоченев от холода, она добирается домой и вдруг оказывается среди женщин, которые вопят все разом. Роуз, миссис Фолкс, миссис Беллами и Элис.

– Где вы были, миссис Хэмилтон?

– Мы извелись от волнений!

– Вы же насквозь промокли. Боже, вы только посмотрите на себя!

Дрожите всем телом...

– Элли, как тебе такое взбрело в голову? Могла бы сказать, что хочешь перед завтраком прогуляться в вихрях метели. Здравомыслящие люди, владеющие своими чувствами, обычно так и поступают.

– Что скажет профессор Хэмилтон?

– Элис, будьте любезны, приготовьте горячую ванну. Миссис Фолкс, пожалуйста, пошлите за доктором. Элли, тебе больно?

Даже миссис Беллами выглядит почти довольной, видя, что Элино́р вернулась. Повариха всовывает ей в руки чашку горячего сладкого чая, бормоча о людских сумасбродствах.

Когда зубы Элино́р перестают стучать, она просит ни при каких обстоятельствах не рассказывать Эдварду о ее прогулке. Она не хочет его волновать. И конечно, пусть попросят доктора приехать поскорее!

Напольные часы отбивают три часа ночи. Вместе с последней вспышкой обжигающей боли Элино́р выталкивает в мир новорожденного мальчика. Доктор Харгривс объявляет, что ребенок весит несколько меньше требуемого, но вполне здоров. Акушерка обмывает младенца, плотно пеленает и передает, словно тряпичную куклу, в руки Элино́р. Младенец весь в пятнах, красный; его личико морщится, как у крошечного древнего человечка. Он открывает глазенки и пытается сосредоточить взгляд на лице Элино́р.

– Привет, Личинка, – улыбается она сыну. – Я очень рада с тобой познакомиться.

Взгляд младенца застывает на ее рте. Он надувает губки, словно пытаясь ей подражать. На головке топорщатся завитки каштановых волос, все еще влажных после купания.

Элино́р смотрит на доктора Харгривса, который велел акушерке собрать послед и сжечь. Это тоже должно способствовать здоровью ребенка.

– С ним действительно все в порядке? – хрипло спрашивает Элино́р, у которой почему-то саднит горло. – Нет никаких признаков... – Ей не произнести проклятое слово. – Никаких нарушений?

– Совсем никаких.

Доктор благожелательно улыбается ей, глядя поверх младенческой головы.

– Вы уверены, что он вполне здоров? – умоляет Элино́р, снова отказываясь упоминать Мейбл.

– Честное слово, он в превосходной форме, – уверяет ее врач, сжимая руку. – Судя по его виду, младенец родился не на месяц, а лишь на две недели раньше срока. Как вы понимаете, даты родов не поддаются точным расчетам. Но конечно, он родился преждевременно.

Элино́р кивает, глотая комок в горле. Мейбл тоже родилась совершенно здоровой. Кто знает, какое будущее ждет этого ребенка?

– У вас нет никаких причин для страха. – Доктор Харгривс по-прежнему держит руку Элино́р. – Мы понятия не имеем, что могло вызвать нарушения у Мейбл. Вы можете этого даже не помнить. Скажем, ударились головой, чего-то сильно испугались. Причиной могла стать и болезнь, перенесенная в раннем детстве. Все говорит в пользу того, что ваш сын будет совершенно здоровым. – Врач отпускает ее руку. – Попросить Фолкса отправить профессору телеграмму?

– Да, пожалуйста, – соглашается Элино́р, опуская голову на подушку.

– Вам следует поспать.

– Но не могли бы вы сначала послать сюда Роуз? Уверена, ей захочется увидеть племянника.

– Конечно. – Доктор Харгривс касается ее руки и уходит.

Наконец-то она остается наедине с Личинкой, которого держит на руках. Разумеется, нужно будет выбрать сыну подходящее имя. Не оставлять же за ним это, хотя сейчас оно вполне подходит для сморщенного комочка жизни. Элино́р смотрит на ребенка и ждет, когда ее захлестнет волной любви к нему. Так было при рождении Мейбл. Она меняет позу, не сводя глаз с успевшего заснуть сына. Но она... ничего не чувствует. Полное отсутствие эмоций. Совсем ничего. В открытую дверь комнаты доносится музыка из гостиной. Роуз завела граммофон. Звучит песня Фэтса Уоллера «Squeeze Me». Элино́р слышит голос доктора Харгривса. «Мисс Кармайл, рад сообщить, что у вас появился здоровый племянник». До ее ушей долетает смех и взволнованный разговор.

«Это придет», – твердит себе Элино́р, подавляя неожиданный всплеск паники в животе. Любовь невозможно ощутить волевым

усилием. Она сильно утомлена. Минувший день был таким долгим и трудным. Нужно хорошо выспаться, и ее чувства изменятся.

Из гостиной по-прежнему доносится сладкий, вкрадчивый голос Фэтса Уоллера, поющего о маленьком Купидоне. Дразняще-нежная мажорная мелодия не поднимает Элиноর настроения.

– Элли, дорогая, отлично сработано!

Роуз влетает в комнату и присаживается на кровать. Она целует сестру в лоб, затем переводит взгляд на колыбель. Ее лицо расплывается при виде спящего Личинки, тепло укутанного от январского холода. На мгновение Элинор кажется, что все будет в порядке, но она тут же вспоминает о беде с Мейбл, к которой добавляется зримое отсутствие Эдварда. Ее накрывает сумраком, словно покрывалом свежевывавшего снега.

– Какой красивый, – шепчет Роуз. – Такой крошечный и такой совершенный.

Она улыбается и с предельной нежностью проводит по щечке младенца. Потом снова подходит к кровати, обнимает Элинор и мягкими прохладными губами целует горячую щеку сестры.

– Элли, дорогая, – говорит Роуз, усаживаясь рядом с Элинор. – Мне так неловко из-за позавчерашнего вечера. Ты же знаешь, я восхищаюсь тобой и люблю тебя больше, чем кого-либо.

Элинор касается ее руки и вновь откидывается на подушку, закрывая усталые глаза.

– Знаю. Я тоже очень тебя люблю. И мне неловко. Но я очень за тебя волнуюсь. Все только потому, что я слишком о тебе забочусь...

– Знаю, Элли. Потому я и хотела сказать: пожалуйста, не волнуйся. В смысле, из-за Марселя. Мы переписываемся, и не более того. Мы не собираемся жениться, а то, что я наговорила позавчера, несерьезно. Я просто была сердита. У меня нет намерений видаться с ним. Знаешь, я очень хочу стать журналисткой. Моя парижская мечта только окрепла после учебы в Лондоне. О такой работе наша мама не могла и мечтать. Но нынче нам, женщинам, это доступно. Мы можем. Мы должны. Брак с Марселем помешал бы осуществлению моей мечты. Понимаешь? – Роуз смеется. – Тебе не о чем беспокоиться. Куда важнее сосредоточиться на Мейбл и новорожденном сыне. Они для тебя важнее всего.

– Да, – соглашается Элино́р, продолжая думать о том, что считать бoльшим злом: Марселя или карьеру журналистки. Возможно, Марселя. – Так оно и есть.

Обе некоторое время молчат.

– Элли, я больше не хочу стычек с Эдвардом. Ты можешь не говорить ему о письмах? Это всего лишь письма. Пожалуйста.

– Хорошо, не скажу, если ты обещаешь, что это правда.

– Обещаю, – отвечает Роуз и снова целует сестру в лоб. – А сейчас тебе просто необходимо поспать.

Элино́р просыпается от криков младенца, раздающихся из колыбели. Из щелей между занавесками льется солнечный свет. Элино́р берет сына на руки, осторожно укачивает. Младенец успокаивается и снова засыпает. Она раздвигает занавески и ненадолго задерживается возле холодного окна, глядя на заднюю лужайку, успевшую покрыться тонким слоем снега.

– Знаешь, мы и в самом деле не ожидали увидеть тебя так рано, – говорит она, всматриваясь в личико сына.

Набросив на плечи платок, она возвращается в теплую постель и звонит, чтобы ей принесли чай.

Вместо Элис в комнату входит заспанная, всклокоченная Роуз с подносом, на котором лежат тосты, вареное яйцо и стоит большая кружка чая.

– Доброе утро, – улыбается сестра. – Отняла в коридоре у Элис. Не знаю, кому из нас больше хотелось взглянуть на маленького парнишку, но, как видишь, я победила! Как вы оба? – шепотом спрашивает она.

Элино́р тоже улыбается.

– Мы хорошо, хотя немного уставшие и помятые!

– Конечно. – Роуз ставит поднос на тумбочку, наклоняется и берет младенца из рук Элино́р. Она обнимает племянника, смотрит на него глазами, полными обожания. – Вскоре подъедут доктор Харгривс с акушеркой и осмотрят вас обоих, – помолчав, говорит она. – Но прежде чем они появятся, одной маленькой девочке не терпится познакомиться с ее крошечным братиком!

– Веди ее сюда, – говорит Элино́р.

Она садится на постели и переставляет поднос на колени.

Роуз осторожно возвращает спящего младенца в колыбель, уходит и через несколько минут приводит Мейбл. Светлые локоны девочки растрепались. Большие глаза кажутся темными. Одна рука сжата в кулак, а в другой, как всегда, болтается Пруденс.

– Малыш там? – спрашивает Мейбл, указывая на колыбель. – А почему он не в детской, не вместе со мной?

– Подрастет немного и переберется в детскую, – отвечает Роуз.

– Дорогая, присаживайся, – зовет Элинол, указывая на место рядом с собой.

Роуз помогает Мейбл забраться на кровать. Девочка залезает под одеяло и берет с подноса тонкий тост.

– После того как доктор Харгривс и акушерка тебя осмотрят, мне связаться с няней? Ведь она должна была появиться сразу после рождения ребенка. Я скажу, что он родился раньше срока, и спрошу, не может ли она немедленно приступить к своим обязанностям. Тогда ты хотя бы сможешь высыпаться.

– Спасибо, Роуз.

Мейбл задумчиво жует хлеб, одновременно поглаживая Пруденс по шерстяным волосам.

– Где малыш? – спрашивает она, глядя на Элинол.

– Мы же тебе сказали: он здесь. – Элинол указывает на колыбель.

– Хочешь на него взглянуть? Давай я тебя подниму, – предлагает Роуз.

Мейбл энергично кивает. Роуз берет ее на руки. Вдвоем они склоняются над колыбелью и благоговейно смотрят на личико спящего младенца. Затем Роуз возвращает девочку на кровать к Элинол.

– Как его зовут? – спрашивает Мейбл.

– У него пока нет имени, – говорит Элинол. – Мы обязательно выберем ему имя, но вначале нужно дождаться папиного возвращения. Как ты думаешь?

– Папа, – повторяет Мейбл. – Папа, папа. – Она проверяет звучание этого слова, как будто успела забыть отца. – А как младенец здесь оказался?

Мейбл поворачивается к матери и не видит, как та и Роуз переглядываются.

– Нам его принес добрый аист. Это такая большая птица. Принес завернутым в одеяло и положил в саду под кустом крыжовника, –

объясняет Элино́р. – Что ты об этом думаешь?

У Мейбл округляются глаза. Элино́р улыбается:

– Вот так, по волшебству, он здесь появился! Тебе нравится братик?

Мейбл задумывается.

– Пока не знаю, – честно отвечает она. – Но как он здесь оказался? – повторяет она свой вопрос.

– Видишь ли... – начинает Элино́р. – Обо всем этом ты узнаешь, когда вырастешь. А сейчас я хочу, чтобы ты была для него хорошей старшей сестрой. Сможешь?

– Да, – кивает Мейбл и, помолчав, добавляет: – Он тоже может играть с Пруденс.

Она поднимает куклу. В горле Элино́р встает комок. Она чувствует подступающие слезы. Мейбл засовывает в рот большой палец.

– Это очень любезно с твоей стороны, – справившись с собой, отвечает Элино́р. – Ты очень хорошая и добрая.

Ей хочется, чтобы Роуз увела дочь. Хочется успеть выплакаться до прихода доктора и акушерки.

Глава 10

Эдвард

Семьдесят девятая улица с ее дождем и ветром остается за дверями. Эдвард и Леонард Дарвин входят под своды просторного атриума Американского музея естественной истории. Атриум встречает их кипучей энергией и гулом голосов. Эдвард вытирает платком мокрый лоб и приглаживает волосы.

– Куда же я дел свою речь?.. – Леонард хлопает себя по всем карманам. Сейчас он выглядит на все свои семьдесят восемь. – Проклятье! Должно быть, оставил в отеле!

– Уж кто-кто, а вы, Леонард, сумеете сказать необходимые слова и без бумажки. Я в этом уверен. Расслабьтесь. Вы же здесь почетный гость. Они будут жадно ловить каждое ваше слово.

– Надеюсь, дружище Хэмилтон, вы правы.

– Ага! Вот и вы, джентльмены. Майор Дарвин, профессор Хэмилтон, добро пожаловать!

К ним энергичными шагами направляется Чарльз Давенпорт, высокий, худощавый, элегантно одетый. У него роскошные густые усы и забавная седая бородка клинышком. Его светлые цепкие глаза кажутся значительно моложе их хозяина. Он крепко пожимает руки обоим гостям.

– Рад, очень рад видеть вас обоих. С Дарвином я давно знаком. А о вашей работе, мистер Хэмилтон, я столько слышал от Гарри Лафлина, что чувствую, будто мы уже познакомились.

– Называйте меня просто Эдвард.

– Давайте поищем спокойный уголок и выпьем кофе. Я хочу вас кое с кем познакомить.

Давенпорт ведет гостей через шумное, суетливое пространство атриума, где рабочие заканчивают установку стендов и витрин. Через час – открытие. В дальнем конце вдруг вспыхивают лампочки, освещая большой транспарант. «Международная федерация евгенических организаций. Евгенический конгресс 1929 года», – горделиво возвещают его буквы.

Эдвард следует за двумя отцами-основателями движения. Дарвин – почетный президент Британского евгенического общества, а Давенпорт – президент Международной федерации евгенических организаций. Миновав атриум, он попадает в конференц-зал. Там уже находятся четверо, может, пятеро мужчин и две женщины, пьют кофе и оживленно разговаривают.

Все они собрались возле стенда, на котором вывешено расписание трехдневной конференции, поэтажный план экспозиций и отпечатанный на машинке список из примерно трехсот представителей, приехавших сюда из Европы, Латинской Америки и даже из Японии.

Гарри Лафлин улыбается и машет Эдварду:

– Желаете кофе?

– С удовольствием.

– Эдвард, а вы знакомы с Младшим?

– С кем с кем?

Эдвард смотрит на смутно знакомого, высокого, коротко стриженного широкоплечего человека средних лет. При чем тут приставка «младший»?

– Это ласковое прозвище, – поясняет Младший. – И чтобы отличать меня от отца. Джон Рокфеллер к вашим услугам.

Они обмениваются рукопожатием. Рука у Младшего теплая и твердая.

– А-а, – спохватывается Эдвард и закрывает рот. – Ну конечно. Теперь я вас узнал. Я... э-э... никак не думал, что вы лично посетите конгресс. Естественно, я хорошо осведомлен о вашей всесторонней поддержке и обо всем, что делает ваш фонд для расширения евгенического движения.

– Боюсь, я не смогу присутствовать на открытии. Но мне кажется, настало время объявить о расширении нашего финансирования исследований. Вы посетите лабораторию в Колд-Спринг-Харборе? Экскурсия намечена на воскресенье. Мы сотрудничаем с Институтом Карнеги по целому ряду проектов. Мы считаем своим долгом ставить филантропию во главу угла всех наших действий. Было бы здорово, если бы как можно больше зарубежных делегатов смогло приехать туда и познакомиться с нашей работой. Надеюсь, это способствовало бы расширению международного сотрудничества. Мы ведем

переговоры с немецким Институтом кайзера Вильгельма по финансированию обширных расовых исследований, проводимых там. Меня просто завораживает эта теория улучшения расы. Фактически она является жизненно важной. Только представьте, какие блага она нам сулит. Возможность навсегда избавиться от некоторых болезней, улучшить умственное развитие, предотвратить врожденные дефекты и уродства. Вы согласны, что ее потенциал чрезвычайно велик? – (Эдвард видит, что Младший всерьез воодушевлен достижимым будущим.) – В данный момент мы особенно заинтересованы в исследовании близнецов. Можно столько узнать в плане природы, противостоящей влиянию воспитания и образования. А чем занимаетесь вы, Эдвард? – спрашивает этот великий человек.

– Психологией, а также политикой в области образования и проверкой умственных способностей. Но мы с женой уже давно являемся членами Евгенического общества. Согласен, работа общества поистине воодушевляет. Я искренне заинтересован делать все, что в моих силах, для поддержки движения в Англии. Я стремлюсь, чтобы политика нашего правительства в ряде сфер ориентировалась на идеи евгеники, как вы это с большим успехом делаете в Америке. Потому-то я и оказался здесь. К сожалению, в Англии... Достаточно сказать, что у нас есть те, кто не согласен или не понимает возможных благ, которые мы могли бы получить в масштабе страны. Некоторые считают принудительную стерилизацию или изоляцию неполноценных неправильными и даже жестокими мерами. На индивидуальном уровне... да, конечно, это весомый аргумент, но для всеобщего блага?.. Не мне вам это объяснять, – со смехом добавляет он.

– Это точно. – Младший тоже смеется. – Но и у нас есть несогласные. Церковь, либералы...

– Ах да. Эта затасканная идея. Обвинение, что государство своей властью подавляет права индивидуума.

– Послушайте, противники будут существовать всегда. Однако предельно важно, что блага, предлагаемые евгеникой, имеют строго обоснованное научное подтверждение. По-моему, было бы глупо затягивать осуществление нашей политики. Мы должны быть дерзкими. Трудный выбор для всеобщего блага. Так, Эдвард?

– Да. Абсолютно согласен.

– Был рад с вами познакомиться, – говорит Младший, слегка наклоняя голову, – а теперь вы должны меня извинить. Прежде чем отсюда уйти, я должен переговорить еще кое с кем. Гарри составит вам компанию на все время конференции. Международное сотрудничество – надежный способ ускорить процесс. Гарри, вы согласны?

– Целиком и полностью, сэр!

Рокфеллер хлопает Гарри по спине.

– Вы слышали о деле «Бак против Белла»^[5]? Летом двадцать седьмого оно прогремело на всю страну. Выигрышем процесса мы обязаны Гарри. Это решение позволило многим штатам сдвинуть с мертвой точки их собственные программы стерилизации. Жизненно важная работа по исправлению генофонда. Он настоящая природная сила, – добавляет Младший, улыбаясь Гарри. – Мы должны трудиться сообща, чтобы прекратить приток дефектной зародышевой плазмы от низших рас.

– Мир находится в кризисе, – угрюмо произносит Дарвин; его, как и остальных присутствующих, потянуло поближе к Рокфеллеру-младшему, чтобы послушать мудрые слова. – То, что вы делаете у себя в Америке, вызывает огромное восхищение. – (Младший отвечает легкий поклон, словно несет личную ответственность за все это.) – Но по моему мнению, если мы намерены избежать планетарной катастрофы, надо действовать быстро. А мы, особенно в Европе, не больно-то торопимся.

– Это крайняя точка зрения, сэр, – перебивает его чей-то голос.

Все оборачиваются и видят улыбающегося молодого человека. К его нагрудному карману прикреплен бейджик с крупной надписью «ПРЕССА».

– Я Эд Уинслоу из «Дейли ньюс».

На левом плече репортера покоится штатив с фотокамерой.

Дарвин бросает на него испепеляющий взгляд.

– Кто вас пустил? – резко спрашивает мужчина в темном костюме, вставая между журналистом и Рокфеллером.

Уинслоу указывает назад себя, имея в виду некое полновластное лицо. Кто это – сказать невозможно, ибо двери конференц-зала закрыты.

– Я заранее договаривался об интервью и снимке. Мое начальство...

С его лба катятся капельки пота.

– А-а! Ну конечно, «Дейли ньюс», – щелкая пальцами, произносит Давенпорт. – Все верно. Но вы должны были появиться здесь в половине десятого.

– Снаружи образовалось изрядное столпотворение. Что-то вроде демонстрации. Простите, сэр, за небольшое опоздание.

– Возможно, это даже к лучшему, – говорит Давенпорт. – Здесь собрались все, кого стоит сфотографировать.

– За исключением меня, – добавляет Рокфеллер. – Мне пора уходить.

Он машет рукой на прощание и удаляется в сопровождении мужчины в темном костюме, который идет следом.

– Отлично. – Молодой человек ставит штатив и начинает готовить камеру. – Вот вы тут говорили, мистер... Про мировой кризис.

– Дарвин. Леонард Дарвин, – представляется репортеру англичанин. – Можете написать об этом в вашей газете. Пусть сомневающиеся пораскинут мозгами. Из-за стремительного роста населения мы движемся к кризису планетарного масштаба. Мы не можем допустить дальнейшего бесконтрольного роста рождаемости! Это приведет к истощению природных ресурсов, падению экономики, поражению демократии и воцарению автократии. Если и дальше все будет продолжаться так, как сейчас, это кончится страшной войной.

– Но я думаю, – репортер вынимает из кармана блокнот и карандаш, – вы говорите о росте рождаемости у определенных слоев населения.

– Совершенно верно, молодой человек. Именно низшие слои населения, расы, обладающие низшей зародышевой плазмой, и должны быть поставлены под контроль. Если мы этого не сделаем, грядущие поколения будут отличаться снижением умственных способностей, а также большей предрасположенностью к болезням, слабоумию, преступным наклонностям и так далее, и тому подобное.

– Сэр, это же сущее светопреставление, предсказание конца света! Ведь наша великая страна была построена на предприимчивости и изобретательности наших иммигрантов. Согласны? – спрашивает Уилсон, лихорадочно строча в блокноте.

– В общем-то, да, однако иммигранты иммигрантам рознь, – вмешивается Лафлин. – Мы просто отделяем менее желательных от

желательных и в то же время поощряем обладателей лучшего генофонда, которые просто обязаны иметь больше детей. Большое число детей в семьях этих людей необходимо для будущей безопасности нашей расы. К сожалению, эти люди как раз и прибегают к методам планирования семьи.

Лафлин поворачивается и сердито смотрит на высокую женщину средних лет. Та слушает его слова и качает головой.

– Если бы решение целиком зависело от меня, – подхватывает Дарвин, – можете это тоже записать... я бы ввел строгую классовую сегрегацию. Смешение разных слоев недопустимо, иначе будет сохраняться риск постоянного снижения биологического потенциала людей.

– Это же применимо и к межрасовому смешению, – добавляет Давенпорт. – Число детей в семьях низших рас должно быть строго ограничено, тогда как среди высокоразвитых рас следует поощрять многодетные семьи, чтобы в каждой семье рождалось минимум от четырех до шести детей!

Журналист переворачивает страницу и продолжает строчить, сосредоточенно морща лоб.

– И все равно прогресс окажется слишком медленным, – вступает в разговор еще кто-то. – Эвтаназия – вот каким путем необходимо идти. Расходы на институционализацию огромного и продолжающего расти населения непомерно высоки.

Эд Уинслоу перестает строчить и поднимает глаза от блокнота. Его брови исчезают под нависшей прядью волос.

– Эвтаназия?! – восклицает он, подняв руку с карандашом. – Неужели вы всерьез ратуете за нее?

– Для большинства этот шаг оказался бы слишком радикальным, – поспешно заявляет Давенпорт. – Это не входит в нашу нынешнюю стратегию.

Журналист что-то бормочет, качает головой и возвращается к записям.

– А это не что иное, как аргумент в пользу планирования семьи, – раздается женский голос. – Маргарет Сэнгер, – представляется женщина, на которую недавно сердито поглядывал Лафлин.

Ее имя и лицо знакомы Эдварду. Он вдруг вспоминает, что несколько лет назад встречал ее в Лондоне вместе с Мэри Стоупс. Обе

работали в схожих направлениях. Если ему не изменяет память, из-за ее деятельности в сфере контроля рождаемости ей даже пришлось покинуть Нью-Йорк.

– Большинство бедных семей с ограниченными доходами были бы только рады иметь меньше детей, если бы им были доступны соответствующие средства и знания. Это в значительной мере помогло бы нам двигаться к улучшению состава населения.

Давенпорт с подозрением косится на Маргарет Сэнгер. Чувствуется, друзей среди собравшихся у нее немного.

– Но то, что вы проповедуете, опасно, – говорит он. – Практика планирования семьи не сбалансирована. К ней прибегают как раз те, кого мы призываем иметь больше детей. Посмотрите, к чему привел контроль рождаемости у французов! Высшие слои общества обезлюдели!

– Дело совсем не в этом, сэр, – отвечает Сэнгер, возвышая свой голос, чтобы ее было слышно среди общего гула. – Каждая женщина должна обладать правом самостоятельно решать, иметь детей или нет. Как и вы, я горячо выступаю за то, чтобы низшие слои плодились как можно меньше. Вы также знаете, что я поддерживаю стерилизацию тех, кому вообще нельзя иметь детей. Но все меры должны осуществляться без ущерба для женщины. Женщинам необходимо представить право самостоятельно распоряжаться своим телом.

Сэнгер становится все оживленнее. Чашка в ее руке подрагивает, выплескивая кофе на блюдце. Карандаш Уинслоу так и летает по блокнотной странице.

– В выживании нашей расы роль женщин значительно важнее, нежели мужчин, – говорит Дарвин. – Что станет с родом человеческим, – смеется он, – если каждая полноценная, умная, хорошо образованная женщина решит, что она не желает жертвовать своими свободами ради ограничений, накладываемых материнством? Что тогда? – Маргарет открывает рот для ответа, однако Давенпорт хлопает в ладоши. – Боюсь, я вынужден завершить эту оживленную дискуссию. Мне пора произносить вступительную речь, – с улыбкой сообщает он.

– Один момент! – восклицает Уинслоу, поспешно убирая блокнот и карандаш. – Мне нужно сделать снимок!

Группа послушно выстраивается. Уинслоу что-то подкручивает на фотокамере. Ярко вспыхивает магниевая лампочка. Снимок сделан.

Давенпорт отправляется произносить свою речь. Уинслоу следует за ним по пятам, неся на плече штатив.

Эдвард один бродит по главному выставочному залу, отмечая статьи и экспонаты, к которым собирается вернуться позже. «Алкоголизм и наследственность». «Умственные нарушения у близнецов». «Эра сверхчеловека». «Преступность и упадок расы». «Евгеника для школ». «Подводные камни контроля рождаемости». «Специальные заведения, колонии и стерилизация – путь вперед».

Глядя на экспонаты, он с некоторым раздражением отмечает, что Америка ушла далеко вперед в этой гонке за создание высшей расы. Его стране, если она не хочет отстать, нужно поднажать.

Он вдруг ощущает беспричинную усталость и идет в кафетерий, где для восполнения энергии берет себе чашку черного кофе и жареный пончик. Эдвард усаживается в тихом углу. Родной дом кажется ему бесконечно далеким. Как сейчас ему недостает Элинор, сидящей напротив! Она бы добавила в чашку сахара и сливок и, помешивая кофе, говорила бы: «Ох, я знаю, что нельзя себе потворствовать, но вредящее талии благотворно для души. Эдвард, ты согласен?» Он улыбается своим мыслям. Он совсем не беспокоился бы о размере ее талии, особенно сейчас, когда она ждет его ребенка.

Эдвард возносит краткую молитву, чтобы у второго ребенка не обнаружились дефектные гены, как у маленькой бедняжки Мейбл. Мысли о дочери подобны ножу, вонзенному в открытую рану. Мейбл, которую они должны прятать от мира в детской. Мейбл, которая не сможет посещать школу для девочек, куда они собирались отдать ее в этом году. Мейбл, лишенная игр с деревенскими сверстниками, вынужденная довольствоваться обществом своей угрюмой, строгой няни мисс Картрайт-Джонс. Той платят непомерно высокое жалованье, зная, что она будет держать язык за зубами. Какая горькая ирония скрыта во всем этом, учитывая тематику конференции, куда съехалось столько ученых, включая и его. Но одно с другим не связано. Конечно же нет. Мейбл не относится к тем, о ком пойдет речь в докладах и обсуждениях. Люди из низших слоев – это нечто иное. Они уроды и чудовища. Преступники и ничтожества. Подонки, убивающие

невинных женщин вроде матери Элинор и оставляющие после себя годы горя и отчаяния.

– Эдвард!

Он резко вскидывает голову, удивляясь тому, что находится здесь, далеко-далеко от бед Брук-Энда. Это Гарри.

– Вот вы где прячетесь! Вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Просто... заглянул сюда подкрепиться. Не составите мне компанию?

– Там, конечно, шумно. – Гарри кивает в сторону выставочного зала. – Но ведь здорово, правда? Эдвард, я думаю, конференцию ждет большой успех. Люди наконец-то начинают понимать наши идеи. Думаю, мы находимся на пороге новой светлой эры. Пожалуй, я присоединюсь к вам. Официант! Будьте любезны, чашку кофе!

Вечером, вернувшись в свой просторный номер в отеле «Уолдорф-Астория», Эдвард выдыхает из себя все утомление дня. В номере он один, а потому решает принять ванну завтра утром, а сейчас переодеться в шелковую пижаму. На тумбочке стоит графин с бурбоном. Эдвард наливает себе стаканчик «на сон грядущий», делает глоток и чувствует, как напряжение начинает уходить.

Он ложится на кровать, вытягивает длинные ноги и массирует плечи, убирая напряжение и оттуда. В Нью-Йорк он приплыл несколько дней назад и завертелся в нескончаемой череде встреч, завтраков, ланчей, обедов, «тихих баров» и джаз-клубов. Нескончаемая болтовня в облаках табачного дыма, улыбки и слишком много женских коленок, призванных поднять его пошатнувшийся дух. Но здесь, по другую сторону Атлантики, его мысли менее мрачны, нежели в доброй старой Англии. Кипучая энергия, оптимизм людей, встретившихся ему в Нью-Йорке, разительно отличаются от уныния лондонских улиц. Таймс-сквер освещена так, что ночь не отличишь от дня. Высоченное здание компании «Крайслер» и другие небоскребы поднимаются все выше и выше над улицами, запруженными народом. Нью-Йорк – это совершенно другой мир, непохожий на невысокий серый силуэт медлительного, обветшалого и гнилого Лондона.

Этот Лондон считает, что цивилизованный мир находится в свободном падении. Капитализм обречен, и никто, будь то справа или

слева, не может договориться о лекарстве для его лечения. Разумеется, социалисты верят, что плановая экономика остановит распад.

Эдвард вздыхает и залпом допивает содержимое стакана. Американцы нашли ответ, продумав его несравненно лучше британцев. Ответ заключается в радикальных действиях. Там, где англичане увязают в дебатах, американцы предпочитают действовать. Пора быть решительным. Пора взять командование на себя. Перед мысленным взором Эдварда мелькает картина. Он в форме капитана английской армии, покрытой грязью и ужасом. Его солдаты – совсем молодые парни – смотрят на него, дрожа от холода и страха. Они целиком доверяют ему. Эдвард невольно вздрагивает, прогоняет видение, ныряет под одеяло и гасит ночник. Неожиданно он вспоминает про Бартона. Как бы тот чувствовал себя на залитом электричеством Манхэттене? Милый, ограниченный Бартон. Как неуютно было бы ему среди всей этой американской современности.

Эдвард дрожит всем телом. Если бы удалось остановить эти безжалостные волны дрожи, мешающие встать и заслоняющие все здоровые мысли.

Темно, но над головой то и дело появляются вспышки света. Слышится гул. Это не гром. Выстрелы. Где-то поблизости. Пулеметный огонь. Нужно двигаться! Он должен встать и вернуть самообладание, а потом выбираться из этой глинистой жижи, пока его туда не затянуло и он не умер от болезненного удушья.

Он выталкивает туловище из грязи, пока не оказывается возле траншейной стенки в положении полусидя-полулежа. У него не осталось ни капли сил. Волны дрожи стали совсем неистовыми, а он бессилен их остановить. *Не хочу умирать! Не здесь. Не так!* Вдали слышатся повторяющиеся «бум-бум» от падающих бомб. Даже здесь эти звуки оглушают. Небо озаряется ярким оранжевым пламенем. Вновь строчат пулеметы. Их звук отдается у него в черепе и в зубах. Во рту – металлический привкус крови. Противник близко. Слишком близко.

Шум становится невыносимым. Так недолго и рехнуться. Шум проникает ему в уши и голову. Громче, еще громче. Не выдержав, он обхватывает голову руками. Съеживается, натываясь на ноги солдат, сгрудившихся вокруг него. Большинство из них только-только начали

бриться. Они встают, стреляют, наклоняются, чтобы перезарядить винтовку, снова стреляют и снова перезаряжают. Траншея полна криков и воплей. Жидкая глина, камни, град пуль. Здесь не скроешься. Они живые мишени, обреченные на убой.

Пробивается мысль. Воспоминание. Он командир. Это его солдаты. Его парни. Он должен был бы вести их в атаку. Собирая остатки сил, озябшими пальцами он сжимает винтовку, пытаюсь встать. Однако траншею накрывает новой волной огня, и ноги солдата рядом с ним подгибаются. Худощавое тело падает на Эдварда. Он отталкивает тело, и оно откатывается. Его пробивает ужас, когда он видит лицо парня. *Боже мой, да это же рядовой Эйвери! Берт-черт-его-дери-Эйвери! Новобранец. Шестнадцатилетний! Всего шестнадцать лет.* Солдат дергается в судорогах, глаза распахнуты от ужаса, рот широко открыт. Эдвард застывает, шокированный видом крови и кишок, вывалившихся из зияющей раны. Мокрые, белые и красные, они вязнут в глине. Часть оказывается на шинели Эдварда. Эйвери хватается ртом воздух. Затем другой рядовой, имя которого ему никак не вспомнить, хватается Эйвери и крепко держит, пока раненый не перестает дергаться.

«Прости», – произносит Эдвард. Или только думает? Прости.

Какое отвратительное, бесполезное слово!

Рядовой, такой же парень, немногим старше Эйвери, сжимает плечо Эдварда: «Ничего, капитан. Я сейчас угощу поганую немчурку, которая убила Берта». С этими словами он уходит.

Крики, стоны, новая волна огня, новые тела, падающие в траншею. Кто-то дергается в судорогах. Кто-то обделался. Кто-то истекает кровью. Кто-то плачет. Кончится ли это когда-нибудь?

У Эдварда сводит живот. Он должен справиться с собой. Он командир, обязанный спасти своих солдат. Но глина слишком вязкая, и у него нет сил с ней сражаться. Ему не встать. Ему их не спасти. Его затягивает все глубже и глубже. Но это не глина. Его тянут за собой изуродованные куски тел его ребят. Он лежит в их густой, липкой крови. Здесь ее много – целые галлоны, разлившиеся по траншее. Повсюду торчат оторванные руки, ноги и комки внутренностей. Перед ним мелькают лица солдат, полные света и жизни. Они приветливо улыбаются и подмигивают ему... *Ой, сэръ, не пора ли немного поболтать? Не упрямитесь, сэръ, налейте нам по стаканчику! Чудный*

вечер, чтобы покурить на террасе. Так как же ее зовут, сэр? Спорим, там есть на что поглядеть. Лица Батлера и Крауча, Спенсера и юного Дина. Братья-близнецы Миллеры и...

Эдвард просыпается весь в поту. Он ничего не понимает. Где грязь, холод, кровь и дерьмо? Где зловоние мертвых?

Нет, он здесь, лежит в просторной кровати, окруженный скомканными простынями. Занавески отдернуты. Нью-йоркская ночь сверкает фарами проезжающих машин; их лучи ползут по потолку. Мозг, наполовину погруженный в сон, пытается понять, откуда этот отдаленный грохот и треск. Гром? *Но это не ружейный и не пулеметный огонь. Это не гул ордий.* Ощупью он находит шнурок ночника и дрожащими пальцами зажигает свет. Потом смотрит на карманные часы. Шесть часов. Уже и не ночь. Шум за окнами обретает смысл. Эти звуки исходят от утренних дворников и фонарщиков, обслуживающих газовые фонари. Это звуки города, просыпающегося зимним утром.

Эдвард перемещается на край кровати и ждет, когда утихнет ужас кошмарного сна. Бешеные удары сердца замедляются. Он натягивает халат и роняет голову в ладони. Таких ярких кошмаров у него не было уже несколько лет. Он обманывал себя, думая, что все это уже позади. Однако его кошмары никуда не делись. Да и могли ли они исчезнуть? Прошлое живет у него внутри, шевелится и гниет, как ил на дне стоячего пруда.

Оттуда же, изнутри, словно позывы на рвоту, поднимается ненависть к себе.

Он встает на нетвердые ноги. Нужно очиститься, смыть с себя пот и воспоминания.

Он натренировал разум на забвение, но больше всего боится прорывов из бессознательного. Только Элинор способна его успокоить. Нежная, уверенная Элинор. Как бы он сейчас хотел ее видеть.

Стук в дверь окончательно будит его. Кто и за каким чертом вздумал стучаться к нему такую рань?!

Коридорный протягивает телеграмму. У Эдварда вновь колотится сердце. Телеграмма означает только одно – плохую весть. Он дает коридорному на чай и вскрывает конверт.

РЕБЕНОК РОДИЛСЯ РАНЬШЕ СРОКА ТЧК

ЗДОРОВЫЙ МАЛЬЧИК ТЧК
МАТЬ И РЕБЕНОК ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ХОРОШО И
ОТДЫХАЮТ ТЧК
ПОЗДРАВЛЯЮ ТЧК

Д-Р ХАРГРИВС

Ребенок родился раньше срока! Месяцем раньше. Эдвард опускается на кровать. Сердце так и пляшет в груди. В глазах появляются неожиданные слезы. Но все в порядке. Доктор сообщил, что они оба здоровы.

У него мальчик!

Глава 11

Элино́р

МОЯ ДРАЖАЙШАЯ ЭЛИНОР ТЧК
КАКАЯ ЧУДЕСНАЯ НОВОСТЬ ТЧК
ЖАЛЬ ТОЛЬКО ЧТО Я СЕЙЧАС НАХОЖУСЬ ТАК
ДАЛЕКО ТЧК
ИСКРЕННЕ НАДЕЮСЬ ЧТО СТОЛЬ РАННЕЕ
ПОЯВЛЕНИЕ РЕБЕНКА НЕ СКАЗЫВАЕТСЯ НА ЕГО
ЗДОРОВЬЕ ТЧК
ОЧЕНЬ ПО ТЕБЕ СКУЧАЮ ТЧК
НАПИШУ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ТЧК
ТВОЙ ЛЮБЯЩИЙ МУЖ ЭДВАРД

Телеграмма находится на каминной полке Элино́р, прислоненная к одной из многочисленных ваз с цветами. Цветы поступают чуть ли не ежечасно, присылаемые ближними и дальними благожелателями с тех пор, как в «Таймс» появилась заметка о преждевременных родах.

– Миссис Хэмилтон, у нас кончаются вазы! – сокрушенно вздыхает Элис. – За всю жизнь не видела столько цветов!

Она выбегает из комнаты – искать кувшины и другие сосуды, чтобы разместить букеты.

Роуз была вплотную занята написанием благодарственных писем друзьям, знакомым, помощникам, студентам и коллегам Эдварда. Ни она, ни Элино́р не заикались о скором ее возвращении в Лондон, но Элино́р подозревает: наряду с письмами, которые сестра шлет от имени миссис Хэмилтон, Роуз тайком отправляет запросы издателям газет. Элино́р представляет их неряшливыми, в мятых костюмах, сидящими в захламленных кабинетах. Посмеиваясь, они вскрывают и читают письма Роуз, мысленно смакуя все непотребства, которые проделали бы с девятнадцатилетней девушкой.

Сегодня Роуз вместе с Шарлоттой, старшей дочерью Лейтонов, отправились в городок Гилфорд за покупками. Там же девушки перекусят и вдоволь наболтаются. Элино́р приходится одной принимать у себя Софи, которая давно порывалась приехать.

Возможно, Роуз нарочно это подстроила, чтобы подруги смогли пообщаться без ее вмешательства.

После отмокания в ванне и безуспешных попыток влезть в большинство вещей из ее гардероба, Элинон соглашается надеть одно из бесформенных платьев, которые носила во время беременности. Одевшись, она спускается вниз, осторожно неся колыбель. Она словно подгадала: в ворота Брук-Энда на бешеной скорости влетает серебристый «мерседес-бенц».

– Вылитый Эдвард, – провозглашает Софи, всматриваясь в младенца, который хмурится и морщит личико во сне. – Представляю, в какой восторг он придет, когда наконец увидит сына. Как зовут крошку?

– Личинка.

– Ха-ха! – Софи поворачивается к Элинон. – Я спрашиваю о настоящем имени.

– Настоящего имени у него пока нет. Жду возвращения Эдварда, тогда вместе и выберем. Или Эдвард скажет, какое имя нравится ему, и я соглашусь.

– Боже мой! – Софи недовольно морщит нос. – Неужели у вас так?

Она вновь смотрит на ребенка и слегка кривится, словно младенец является средоточием всех недостатков, присущих мужчинам.

– Что-то я не замечаю, – отвечает Элинон, – в нем сходства с Эдвардом. И вообще, почему все считают, что ребенок обязательно должен быть похож на папашу? Если уж на то пошло, мужской вклад в появление малыша длился считанные секунды.

– Дорогая, так генетически запрограммировано, чтобы отец не сомневался в своем отцовстве. Скажем, у меня были сомнения насчет отцовства Себастьяна, но, к счастью, у него характер Генри, так что никто не посмеет усомниться.

– Боже мой, уж не хочешь ли ты сказать...

– Дорогая, – со смехом перебивает ее Софи. – Неужели ты думала, что я позволю одному Генри развлекаться?

Элинон чувствует, как у нее отвисает челюсть.

– Но ты же так расстраивалась из-за его флирта с Клариссой.

– Только потому, что он это делал у меня под носом. Сейчас мне ровным счетом все равно. В этой игре есть свои правила. Первое –

скрытность. Второе – не влюбляться. Мелкие прегрешения легко игнорировать: если никто не знает, никто и не страдает... Надеюсь, у тебя найдется выпить?

– Надо же, – бормочет Элино́р.

Неужели она единственная женщина в Англии, имевшая интимные отношения только с одним партнером – ее супругом? Она вдруг чувствует себя невероятно старой и излишне щепетильной. Осколок Викторианской эпохи. Она звонит в колокольчик, вызывая Элис.

– Значит... Сейчас у тебя тоже какое-нибудь мелкое прегрешение? – спрашивает Элино́р, думая, не в этом ли кроется причина приподнятого настроения Софи.

– Возможно. – Софи подмигивает подруге. – Раз уж мы заговорили о прегрешениях, где наша очаровательная Роуз?

– Уехала с подругой на целый день. Думаю, ей понадобилось сделать перерыв в монотонной домашней жизни.

– Вполне ее понимаю.

– Вот и Элис, – говорит Элино́р, увидев вошедшую служанку. – Софи, что желаешь выпить?

– Что угодно, лишь бы с градусами. Дорогая, выбери сама. – Софи театрально опускается на один из диванов и смотрит в сад.

– Как насчет шерри?

Элис подходит к бару и наливает два бокала шерри.

– Сказать миссис Беллами, что можно подавать ланч?

– Да, пожалуйста, – с улыбкой отвечает Элино́р. – Спасибо, Элис.

Как замечательно вновь находиться на первом этаже, отчасти вернувшись к нормальной жизни. Она не представляет, где Софи добывает энергию и склонность для своих «прегрешений». Роды до сих пор не изгладились из памяти Элино́р, и их последствия по-прежнему ощущаются в теле. Она вспоминает, как рожала Мейбл и какой абсурдной казалась ей мысль снова оказаться в постели с Эдвардом. Она смотрит на сына, розовые щечки которого едва видны из-под вязаного чепчика и одеяла, натянутого до подбородка. Вот зримое подтверждение, что после рождения дочери их интимные отношения с мужем не кончились.

Слегка постучавшись, в гостиную входит мисс Хардинг, няня малыша, два дня назад приехавшая в Брук-Энд из какой-то деревушки

на севере страны. Худенькая зеленоглазая девушка с кукольным лицом, усыпанным веснушками, и курносый носом. Впервые ее увидев, Элино́р подумала, давно ли она сама вышла из детской.

Но облик мисс Хардинг обманчив. Эта девушка решительна и умела. С первых минут появления в доме она начала приучать Личинку к строгому порядку кормления, сна, прогулок и лежания на спине с ручками и ножками, свободными от пеленок. Длинные бессонные ночи измотали Элино́р. Появление мисс Хардинг стало настоящим спасением. Теперь по ночам о ребенке заботится няня. Она делает все, за исключением кормления, но, чтобы покормить сына, Элино́р даже не нужно вставать с кровати. До приезда няни Личинка, суший ангел днем, ночью превращался из ребенка в тирана, требующего есть. Его вопли прекращались, только когда его подносили к груди Элино́р. Материнскую грудь он терзал часами, пока соски не трескались и не начинали кровоточить. Мейбл была совсем другой. В отличие от Личинки, просто идеальным младенцем.

– Молодому человеку пора подышать свежим воздухом, – глядя на часы, объявляет мисс Хардинг. Она достает запеленатого младенца из колыбели и улыбается Элино́р. – Мы вернемся ровно через час, к следующему кормлению.

Няня уносит ребенка, закрыв двери гостиной. Душа Элино́р наполняется ликованием. У нее целый час без Личинки, когда можно насладиться ланчем и взрослым обществом.

– Будем здоровы, – чокаются подруги.

– Мисс Хардинг верит в пользу свежего воздуха для новорожденных и в строгий режим, – говорит Элино́р. – «Прогулки на свежем воздухе необходимы, чтобы ребенок рос счастливым и уравновешенным», – цитирует она слова няни. – И потому она уносит Личинку гулять, как бы холодно ни было. Исключение составляет дождь. Вряд ли она понесет малыша гулять под дождем.

Софи кивает на дверь, за которой скрылась мисс Хардинг:

– Ты не находишь, что под носом Эдварда появилось искушение? Такая смазливенькая милашка...

– Не смей меня. Посмотри на нее. Взрослая девушка, а выглядит как ребенок. С какой стати Эдварду увлекаться ею? Да и она наверняка бы... И потом, почему ты думаешь, что все так помешаны на сексе? Не

все же похожи на тебя, – насмешливо фыркает Элино́р и отпивает глоток шерри.

– Честное слово, Элино́р, порой ты бываешь ужасно наивной.

– Если хочешь знать, Софи, сейчас мне не до шалостей Эдварда. Главное, чтобы няня оставалась в нашем доме и обуздывала маленького тирана в колыбели.

– Полагаю, второй ребенок будет последним? – со смехом спрашивает Софи.

– Эдвард уже что-то бормотал насчет третьего. Хочет восполнить то, что Мейбл...

– Восполнить? При чем тут Мейбл?

Элино́р вздыхает. Трудно постоянно молчать об этом. Правда так и норовит слететь с языка.

– Ни при чем. Просто оговорилась. Идем в столовую и поедим. Я зверски проголодалась.

– Элино́р, что случилось? Это касается Мейбл? Кстати, где она? Раньше она хвостиком ходила за тобой. Такая милая девочка.

– Немного простыла, только и всего, – рассеянно отвечает Элино́р, ведя подругу в столовую.

Она звонит в колокольчик, чтобы подавали ланч.

За столом Элино́р вполуха слушает рассказы Софи о лондонской жизни. Ее разум затуманен усталостью и мыслями о Мейбл. Сейчас ее дочка находится в детской под присмотром мисс Картрайт-Джонс. Мейбл спрятали, чтобы Софи ненароком не увидела ее припадка. Разумеется, Фолкс, миссис Фолкс, Элис и миссис Беллами знают. Даже Берти. Все они молчат. Эдвард побеседовал с каждым, удостоверившись, что за стенами дома о Мейбл не будет сказано ни слова. Прислуга с грустью смотрит на Элино́р и держится уважительно. Даже говорят вполголоса, словно шум по непонятной причине может ей повредить. Ее удивило лишь поведение миссис Беллами. Повариха, вечно недовольная всем и всеми, разразилась слезами, услышав печальную новость о Мейбл.

Софи сыплет именами: Вита, Вирджиния, Оттолина. Судя по всему, они существенно влияют на ее представления о жизни. Элино́р они знакомы лишь по страницам светской хроники в газетах и по обложкам романов на полках, которые она так и не прочла.

– Ей ничего такого не присуще, – смеется Софи. На ее тарелке лежит маленький кусочек ветчины и такая же маленькая порция салата. От картофеля она решительно отказалась. Но и к этой еде подруга не притронулась. Софи делает большой глоток охлажденного «Блан-дю-Шато-Марго». – Вот только я никак не пойму: то ли она действительно так привержена идее творить добро в мире – разоблачительные статьи и все такое, то ли причина всего – ее безоглядная влюбленность в Марселя. Как ты думаешь?

Услышав про Марселя, Элино́р вдруг начинает воспринимать слова подруги.

– Я думаю? О чем?

– О работе, на которую согласилась Роуз. Я сознаю свою частичную ответственность, поскольку это я познакомила ее с Уэббом и приложила некоторые усилия. Но я очень надеюсь, что вы с Эдвардом не станете так уж сильно возражать? Я и не подозревала, что в политике она придерживается столь левых взглядов. Теперь понятно, почему я заговорила о влиянии Марселя?

– Софи, прошу тебя, не говори загадками. Какая работа?

– Боже, эта маленькая хитрюга до сих пор тебе не рассказала? – смеется Софи и прикрывает рукой рот. – Она получила работу в журнале «Нью стейтсмен»! Она будет помогать Чарльзу Ллойд, редактору. Приятный человек, хотя кое в чем и заблуждается. Но ты не должна беспокоиться. Она по-прежнему будет жить у меня. Только так.

– Софи, это... это очень великодушно с твоей стороны. Однако я сбита с толку. Так Роуз виделась с Марселем?

– Да, дорогая. Всего две недели назад. – Софи теребит губы, ее глаза устремлены на Элино́р.

Внутри Элино́р вдруг появляется жаркая волна гнева. Оказывается, у сестры есть от нее секреты, и сейчас подруга их выдает! Подумать только, Роуз утаивала все это от нее! Элино́р делает глубокий вдох, пытаясь сохранить спокойствие.

– Почему я узнаю об этом только сейчас?

– Поверь, я бы рассказала тебе раньше, если бы не твои роды. А потом из головы вылетело. Марсель приезжал в Лондон по какому-то делу и спросил, может ли навестить Роуз на Беркли-сквер. Я не увидела в его просьбе ничего опасного и потому...

– Ты не увидела в этом ничего опасного? – Элинон больше не может сдерживаться. – И ты не сочла нужным поставить меня в известность? Честное слово, Софи, мне нет дела до твоих шатких моральных принципов, но Роуз всего девятнадцать!

– Ничего ужасного не произошло, – машет рукой Софи, явно защищаясь от натиска Элинон. – Он всего лишь приехал на пятничное суаре в качестве моего гостя... Вообще-то, в конце концов он остался на выходные, опять-таки как мой гость.

– Софи! Как ты могла, зная наше отношение к Роуз и ее общению с этим человеком? Ты же считаешься моей подругой. Кому, как не тебе, оберегать Роуз от всяких проходимцев? А ты что сделала?

– Но откуда ты знаешь, что он проходимец? Ты никогда его не видела.

– Софи, достаточно того, что он безденежный французский художник с сомнительным происхождением. Тебе ли не знать, что человеку не прожить на одной любви?

В дверь столовой просовывается голова Элис.

– Миссис Хэмилтон, вы позволите убрать тарелки?

– Не сейчас, Элис. Дайте нам поговорить.

– Конечно. Извините.

Дверь закрывается.

– Я... я оберегала Роуз. И продолжаю оберегать. Я сочла необходимым увидеть этого человека собственными глазами, сделать свои выводы, а не отваживать его, даже с ним не встретившись. Сейчас он беден, а в будущем... И потом, он не совсем безденежный. К тому же встреча проходила в безопасной обстановке моего дома, где твоей сестре ровным счетом ничего не угрожало.

– Не тебе выносить суждения. Держу пари: когда сыновья у тебя вырастут и будут искать себе жен, твои либеральные, богемные взгляды улетучатся. Фу, как же иногда ты умеешь разозлить!

В груди Элинон растет напряжение. Как просто быть свободной и рассуждать о либерализме, взирая на мир с высоты своего положения. Софи застыла. Вилка с ломтиком помидора тоже застыла в поднятой руке.

– Ты и раньше позволяла ей видаться с ним, – вдруг догадывается Элинон. – Да?

Софи наклоняется и смотрит Элинон прямо в глаза.

– Элино́р, – твердым голосом произносит она, – у меня не было намерения тебя расстраивать или действовать за твоей спиной. Поверь, я действительно хотела обсудить с тобой отношения между Роуз и Марселем. Роуз и сама хотела с тобой поговорить. Но ты, дражайшая Элино́р, была отвлечена... одному Богу известно чем, но чем-то. Добавь к этому твою беременность. Естественно, мы ничего не могли сказать Эдварду, поскольку он бы и слушать не захотел... Это было бы просто невозможно. Я решила поступить так, как в подобной ситуации и должна поступать подруга. Словом, я сделала то, что должна была бы сделать ты, а именно: встретиться с этим малым и сделать собственные выводы, то есть подойти к ситуации непредвзято и не выносить суждений о человеке, с которым ты никогда не встречалась, не говорила и которого даже не видела.

Софи возбуждена. Ее щеки становятся розовыми – под цвет ногтей. Но по мнению Элино́р, она ведет себя совершенно несправедливо. Кто бы мог подумать, что Софи – леди Грант-Паркер – попустительствует отношениям Роуз с безвестным французским художником? Кто угодно, только не она. Глаза Элино́р наполняются слезами. Она смахивает слезы, пока Софи их не увидела.

– И что теперь я расскажу Эдварду? – спрашивает Элино́р.

– Не надо ему ничего рассказывать. Тем более что и рассказывать-то нечего.

– Но... Они втайне помолвлены? Они намерены ждать, пока Роуз не исполнится двадцать один год? Или они вообще не собираются вступить в брак?

– Элино́р, дорогая, честное слово, не знаю. По-моему, такие вопросы ты должна обсуждать с Роуз сама. Я всего лишь обеспокоенная подруга, всячески стремящаяся тебе помочь. Если желаешь знать, я не позволяла им оставаться наедине и присутствовала при их встрече как ответственная компаньонка. Марселю отвели комнату подальше от комнаты Роуз. Я пила с ним чай, вино и ликеры и пришла к выводу... В общем, не мне это говорить. – Ее голос звучит резко и отрывисто. Спина Софи прямая, как палка швабры. Она сдергивает с шеи салфетку и кладет на стол. – Все, что могу сказать: замужество ради денег, титула или того и другого... не должно ставиться во главу угла. Нужно принимать во внимание и счастье Роуз.

Элино́р растеряна и не знает, что сказать. Слова Софи звучат жестко. Они ранят. Тиканье часов на каминной полке становится все громче.

– Если тебе предпочтительнее, чтобы я уехала, я уеду, – тихо говорит Софи.

– Наверное, так было бы лучше всего, – отвечает Элино́р, избегая смотреть ей в глаза.

– Прекрасно. – Софи мнет край салфетки, потом открывает рот, намереваясь заговорить, но тут же закрывает.

Элино́р звонит в колокольчик, приглашая Элис за тарелками.

– Выпьешь кофе перед возвращением в Лондон?

– Нет, спасибо.

– Благодарю, что нашла время навестить меня.

– Элино́р, я знаю, ты на меня сердишься, – говорит Софи, глядя Элино́р в глаза. – Ты же знаешь: что бы у тебя ни происходило, ты можешь со мной поделиться.

– Мне нечем делиться. Я просто устала. И огорчена тем, что узнала о Роуз.

– Конечно. Но я уверена: если у тебя появится желание все это обдумать, ты поймешь, что у тебя нет причин сердиться. Элино́р, я всерьез считаю, тебе стоит познакомиться с Марселем. Ради Роуз, дай ему шанс.

Домой Роуз возвращается уже в сумерках, нагруженная сумками. Она в прекрасном настроении. Роуз не знает, что Элино́р проплакала три часа подряд. «Ничего удивительного: послеродовая депрессия, да еще и муж уехал» – так единогласно считают слуги. Желая взбодрить хозяйку, миссис Фолкс посылает Элис наверх с куском кекса и чашкой горячего сладкого чая.

Естественно, Элино́р не может рассказать им правду, а правда заключается в том, что ее слезы никак не связаны с младенцем и отсутствием Эдварда.

Роуз вбегает в гостиную. Ее щеки покраснелись от холода. Она сногшибательна в своем облегающем костюме цвета лососины.

– Я купила тебе подарок. Надеюсь, он поднимет тебе настроение, – заявляет Роуз, с элегантно́й небрежно́стью разматывая шарф и снимая шляпу, которые затем летят на диван.

Элино́р сидит у пылающего камина в кресле Эдварда с чашкой остывающего чая в руке. Старшей сестре не до улыбок. Роуз достает завернутую в бумагу коробочку и протягивает Элино́р.

– Я не настроена получать подарки, – подавленным тоном говорит Элино́р, думая о своем распухшем, покрытом пятнами лице и послеродовом избыточном весе.

– Отлично! – произносит Роуз, не собираясь сдаваться. – Тогда я сама его открою!

Открыв коробочку, она вынимает изящный флакон туалетной воды «Шалимар» фирмы «Герлен», вынимает пробку и распыляет по комнате. Гостиная наполняется ароматом лимона и бергамота.

– Побрызгайся, когда Эдвард вернется, – добавляет она. – Ждать не так уж долго!

– Спасибо, – сухо отвечает Элино́р.

– Тебе не нравится? – спрашивает Роуз, и ее плечи опускаются, а улыбка на лице меркнет.

– Причина совсем не в послеродовой депрессии, – шмыгнув носом, признается Элино́р, комкая в руке мокрый платок.

– Дорогая, я...

– Дело в тебе.

– Я что-то не понимаю. – Роуз присаживается на диван напротив Элино́р. В глазах младшей сестры появляется замешательство.

– Днем приезжала Софи и все мне рассказала. О работе. О визитах Марсе́ля. Почему ты все это скрывала от меня?

Элино́р давится словами, ненавидя крайнюю необходимость выговориться, поднимающуюся изнутри. Ей больно, что ее оставили в стороне от значительных событий, происходящих в жизни Роуз. Они же всегда все рассказывали друг другу. К отчаянию примешивает гнев на Роуз, нарушившую обещание по поводу Марсе́ля.

– А-а... – Роуз опасно смотрит на Элино́р. – Из-вини, – бормочет она. – Я не хотела тебя расстраивать и сердить. Работа буквально свалилась мне на голову. Я собиралась тебе рассказать. Честное слово, собиралась. Но мне не хотелось, чтобы ты думала, будто после возвращения Эдварда я сразу же вернусь в Лондон и...

– Но ты туда вернешься?

– В общем-то, да. Вскоре. Они и так пошли мне навстречу. Я уже должна была бы приступить к работе, но они вошли в мое положение,

поняли, как тебе необходимо мое присутствие, и пока сохраняют место за мной. Элинор, они вовсе не должны были это делать. Я им безумно признательна.

– Согласна, это любезность с их стороны. Но я очень жалею, что ты мне не рассказала. Роуз, я пытаюсь поддерживать тебя во всем.

– Знаю, Элли. Но только не в том, что касается Марсея. – В голосе младшей сестры появляется горечь.

– Да, только не в том, что касается Марсея. Я рассердилась на Софи за молчание. Мы поссорились.

– Ой, Элли! Какая глупость. Неужели ты из-за этого так расстроилась?

– Частично.

– Напрасно ты с ней поссорилась из-за меня. Вам надо помириться. Потому-то я и держала это в секрете!

– Роуз, неужели ты не понимаешь, что меня это задевает?! – восклицает Элинор. – Ты взяла с меня обещание, что я не скажу Эдварду, поскольку дальше переписки у вас не идет. И что мне теперь делать? Он придет в бешенство!

– Вот-вот, Элли! Я считаю вашу позицию несправедливой. Эдвард резко настроен против Марсея, хотя вы оба его ни разу не видели.

Элинор молчит. В горле у нее стоит комок. Она устала плакать. Полено ударяется о каминную решетку, и в дымоход взмывает сноп искр. Пламя разгорается ярче.

– Мне хочется, чтобы ты познакомилась с Марселем. Дай ему шанс.

– Те же слова мне говорила Софи. – Элинор прячет лицо в ладонях и снова начинает плакать. – Ох, Роуз, я на ровном месте сотворила дикий хаос. Софи меня ненавидит, а теперь и ты тоже...

Роуз подбегает к сестре, обнимает и прижимает к себе:

– Элли, старая ты дурочка! Нет у меня к тебе никакой ненависти, да и у Софи тоже. Ты для меня все, и ты это знаешь. И Софи искренне тебя любит, могу поклясться. Тебе и так досталось под завязку. Возможно, в чем-то это связано с послеродовой депрессией, о которой все шушукаются, даже если сама ты этого не признаешь. Слушай, а давай я заведу веселую музыку и принесу тебе горячего чая? Потом попрошу Элис приготовить для тебя горячую ванну, после которой ты

побрызгаешься туалетной водой и почувствуешь себя значительно лучше.

Элино́р кивает, крепче прижимаясь к теплому, успокаивающему телу сестры:

– Пожалуй, я так и сделаю.

– Элли!

– Да?

– Я не говорю, сейчас. Может, через несколько недель, когда ты полностью справишься и перестанешь кормить. Когда Марсель снова приедет в Лондон... Мне хочется, чтобы ты сначала познакомилась с ним, а потом расскажешь Эдварду. Пожалуйста. Мне почему-то думается, что он тебе понравится.

Элино́р отстраняется и смотрит в глаза сестры.

– Возможно, – говорит она со вздохом, потом кладет голову на плечо Роуз. – Попроси меня еще раз, когда я не буду столь усталой.

– Хорошо, – с улыбкой отвечает Роуз и гладит Элино́р по спине. – Этого мне вполне достаточно, – тихо добавляет она. – Пока достаточно.

Глава 12

Эдвард

В ожидании яичницы с беконом Эдвард открывает утренний выпуск «Дейли ньюс». Голова по-прежнему полна мыслей об известии, прилетевшем из дома. Как-то там сейчас Элинор и младенец? Конференция закончилась. Вскоре ее участники разъедутся по своим городам и странам. Перед возвращением Эдварду осталось нанести еще один визит. Его чемоданы уже собраны, и сегодня, ближе к вечеру, от поднимется на борт парохода «Нью-Йорк» и поплывет в Саутгемптон.

В зале ресторана его окружают завтракающие постояльцы; в основном это участники закончившейся конференции. Слышны приглушенные голоса, стук ножей и вилок, позвякивание кофейных чашек. Эдвард откидывается на мягкую спинку стула и жестом просит стоящего поблизости официанта принести еще чашку кофе. Он перелистывает страницы газеты и встряхивает их, выравнивая. Ему встречается статья, подписанная знакомой фамилией. Этого журналиста он видел в день открытия конференции.

Эд Уинслоу

*Завершение работы Международного конгресса по
евгенике*

«За последние два десятилетия новая наука евгеника поднялась из болота предрассудков и насмешек и приобрела твердую научную основу, став важным и признанным социальным фактором», – заявил вчера вечером доктор Чарльз Б. Давенпорт, президент Международного конгресса по евгенике, выступая на завершающем заседании перед 200 генетиками из разных стран, которые собрались под крышей Американского музея естественной истории. Он предсказал, что в течение последующих двадцати лет евгеника упрочит

свои позиции в общественном сознании и превратится в фактор, оказывающий наиболее существенное влияние на развитие человечества. Ту же точку зрения высказали доктор Генри Фэрфилд Осборн и майор Леонард Дарвин.

Похоже, мистер Уинслоу преодолел свой первоначальный скептицизм. Эдвард помнит, с каким недоверием отнесся репортер к словам евгенистов в первый день. Он продолжает читать.

Доктор Генри Фэрфилд Осборн, недавно вернувшийся из поездки по разным странам и континентам, поделился своими наблюдениями и провел анализ назревающего мирового кризиса. По его словам, ситуация упирается в шесть «сверх» – сверхразрушение природных ресурсов; сверхмеханизацию промышленности; сверхразвитие средств транспорта; сверхпроизводство еды и потребительских товаров; сверхуверенность в будущем уровне спроса и предложения и, наконец, в сверхнаселенность планеты, что ведет к постоянной безработице, и это еще меньшее из зол. «Тюрьмы, исправительные заведения, приюты, значительные суммы общественных пожертвований, значительные ассигнования на национальном и местном уровне, мощные всплески человеческой доброты и щедрости – все это паллиативы, оказывающие лишь временное действие, – сказал доктор Осборн. – Они могут на какое-то время замаскировать катаклизм, однако не способны постоянно лечить перечисленные социальные недуги или препятствовать их повторному возникновению. Единственным действенным средством исцеления является улучшение и совершенствование характера человеческой расы, осуществляемые с помощью длительного, продуманного и гуманного отбора тех, кто может быть родителями, подкрепленного гуманными средствами контроля рождаемости. Это является лейтмотивом нынешнего Международного конгресса».

«Прямо в точку», – думает Эдвард. Молодой человек верно передал квинтэссенцию конференции. Похвально с его стороны!

«Евгенический подход распространяется медленно, но уверенно, – сказал доктор Давенпорт, делая обзор успехов евгеники за минувшие годы. – Стерилизация в качестве полезной меры при негативных евгенических показателях уже одобрена в Дании. Англия и Нидерланды рассматривают введение соответствующего законодательства по данной проблеме. Люди все серьезнее стали относиться к выбору брачного партнера, что, как мне думается, отчасти вызвано более активным преподаванием основ евгеники в школах. В Германии консультации по вопросам брака активно появляются по всей стране. У нас есть соответствующий центр в Лос-Анджелесе». Доктор Давенпорт сказал, что смотрит на будущее с оптимизмом. Он уверен, что молодежь при заключении браков будет не только руководствоваться инстинктами, но и все более осознанно подходить к выбору спутника или спутницы жизни, что обеспечит рождение физически и умственно полноценного потомства, обладающего прекрасными чертами характера. «Могут ли исследования в области евгеники указать путь для создания сверхчеловека и сверхгосударства? – продолжал доктор Давенпорт. – Прогресс пойдет медленно. Человек – неподходящий субъект для экспериментов. Еще труднее убедить его применить к себе установленные принципы. Но я думаю, мы вполне оправданно верим, что будущее принесет нам точные знания о биологии человека, а воспитание и образование установят желаемые нормы».

«Лучше не скажешь», – думает Эдвард, глядя на текст статьи. Он складывает газету и смотрит на часы. Боже, неужели пора? Только бы не опоздать. Наверное, автобусы уже стоят. Сегодня он вместе с другими зарубежными делегатами поедет на Лонг-Айленд, в Колд-Спринг-Харбор, где находится Евгенический архив. Так называется этот исследовательский центр, имеющий твердую финансовую основу и щедро финансируемый богатыми меценатами вроде Карнеги и Мэри

Гарриман. Он стал пристанищем американских евгенистов и, возможно, всего западного мира. Здесь проводятся самые передовые исследования, собираются данные, читаются лекции. Разумеется, работа центра простирается гораздо дальше генетики человека. Большие успехи достигнуты также и в сфере улучшения пород животных.

Эдвард сворачивает газету и вместе с другими спешит в холл отеля. Его мозг полон мыслей об устройстве аналогичного центра в Лондоне. Вчера за выпивкой Дарвин вскользь упомянул, что за свою работу Эдвард может быть удостоен рыцарского звания. Если он приложит все усилия для создания центра, вопрос можно будет считать решенным. Он с ликованием мысленно произносит: «Сэр и леди Хэмилтон». Леди Хэмилтон? Он внутренне усмехается, представляя, как изумится Элинор, услышав свой титул и вспомнив одну из знаменитых дам прошлого, носившую такой же титул и фамилию^[6]. Он, не жалея сил, сражается с деградацией человечества и в своей сфере делает то же, что делал вице-адмирал Нельсон, воюя с французами и испанцами.

Колд-Спринг-Харбор оказывается весьма красивым местом. Несколько строений окружают большой дом, обшитый досками. По словам шофера, это и есть здание Евгенического архива, а также жилище директора Гарри Лафлина и его жены Пэнси. Центр стоит на холме, окруженном деревьями, лицом к заливу. Снаружи холодно, и даже очень, но присыпанные снегом деревья и возвышенность приятно оживляют пейзаж. Со стороны залива дует порывистый ветер, ударяя прямо в лицо. Эдвард морщится и вытирает слезящиеся глаза.

– Летом здесь наверняка чудесно, – замечает кто-то из экскурсантов. – Но в январе холод пробирает до костей!

Эдвард пытается представить это место летом. Дует совсем другой ветер – теплый и приятный. Деревья густо покрыты листвой. На голубом зеркале залива покачиваются лодки. Перед глазами мелькает картина: Элинор и их многочисленные будущие дети живут в этих местах. Не Мейбл. О ней он старается не думать. Они могли бы построить здесь красивый дом в американском стиле. Летом они бы плавали на парусной лодке. Здесь он бы сделал себе имя. Он бы куда теснее сотрудничал с Лафлином и Давенпортом, привлекая финансы

Карнеги или Рокфеллера. Конечно, клеветники и очернители есть и здесь, но их голоса звучат несравнимо тише, а их влияние меньше. Эдвард делает глубокий вдох. Здесь он бы навсегда распрощался со своим прошлым, и не было ни тайных встреч с Вайолет, ни чувства вины. Но как быть с Мейбл? Это единственная клякса на белом листе.

– Эдвард! Добро пожаловать! – К нему быстрыми шагами подходит Гарри, сопровождаемый женой и еще одним мужчиной. Гарри тепло пожимает его руку. – Рад видеть вас в наших краях. Кстати, вы знакомы с Хайнцем Крацем, исследователем из Гейдельбергского университета? – (Коренастый, лысеющий немец слегка кланяется Эдварду.) – Наши немецкие друзья очень интересуются нашей работой. Идемте, покажу вам наше хозяйство. Кстати, вы помните Пэнси?

– Конечно, – отвечает Эдвард, целуя жену Гарри в щеку.

Гарри подробно рассказывает о некоторых своих достижениях, горделиво красующихся на стенах кабинетов.

– Это мой эталон родословной. Эдвард, вы его наверняка оцените. Взгляните вот сюда... – (Эталон показывает исключительно высокие семейные характеристики родословной Галтонов-Дарвинов-Веджвудов.) – А теперь сравните их данные вот с этими. – Гарри указывает на стенд, находящийся рядом с безупречной родословной Дарвинов. – Здесь представлены отвратительные снимки несчастных семей с различными умственными и физическими нарушениями, а также снимки представителей низших рас. – Мы широко используем эти фотографии в нашей образовательной программе. Просвещение населения – исключительно важное направление. Так мы побуждаем людей к поиску наилучших брачных партнеров и рождению наилучшего потомства. Снимки убедительнее любых слов и цифр. Они помогают нам завоевывать сердца и умы.

Эдвард внимательно разглядывает фотографии.

– Одних законов недостаточно. Мы также стараемся воодушевить и заинтересовать публику. Мы проводим конкурсы, такие как «Лучший ребенок» и «Оптимальная семья», где выявляем наиболее совершенные с точки зрения евгеники семьи.

– Насколько я понимаю, – включается в разговор Хайнц, который держит руки за спиной, – у вас есть закон, строго ограничивающий иммиграцию нежелательных рас и наций. Я не ошибся?

– Ничуть, – кивает Гарри. – К сожалению, прежде у нас была слишком открытая политика в отношении иммиграции. Но к счастью, в двадцать четвертом году мы приняли «Закон об иммиграции», перегородивший обильный приток евреев и итальянцев. Нынче этот поток уменьшился до тоненькой струйки. Вполне очевидно, что качество американской нации находится под серьезной угрозой из-за обладателей низкокачественных генов, и здесь требовались радикальные меры. Подобно тому, как мы заботимся о чистоте породы скаковых лошадей и улучшаем породу свиней и крупного рогатого скота, мы должны заботиться о чистоте человеческой породы. Нордическая раса – венец творения, и ее смешение с представителями отсталых рас крайне нежелательно. – Он откашливается. – Нельзя отдавать самоотбор на откуп населению. Не мне вам это говорить, – со смехом добавляет он. – Люди, как мы все знаем, весьма враждебно относятся к тому, что является для них наилучшим. И потому мы – знающие и понимающие – должны вмешаться, дабы не допустить взрывного роста неполноценных. – Гарри машет в сторону стенда, где помещены фотографии на редкость уродливых людей. – Поскольку эвтаназия оказалась бы слишком радикальным шагом, неприемлемым для человечества, ответом должна стать принудительная стерилизация, если мы хотим остановить стремительное падение человеческой породы.

– М-да, – хмуро произносит Эдвард. – К сожалению, в нашей стране хватает подозрительно и оппозиционно настроенных, и они есть во всех слоях общества. Причины у всех разные, но одно несомненно: это завело нас в тупик и не дает двигаться вперед. Другие страны: Америка, Германия, – он кивает на Хайнца, – Дания, Швеция, Австралия, Канада и даже ряд стран Дальнего Востока ушли вперед.

– Эдвард, я уже говорил и повторяю: хотите убедить людей в пользе вашего дела – приводите любые убедительные доводы, – говорит Гарри и машет в сторону большой фотографии на стене. Там он запечатлен в зале суда. На снимке улыбающийся Гарри пожимает руку другому человеку. – Это наша прошлогодняя победа в нашумевшем деле «Бак против Белла». – (Эдвард вспоминает, как в первый день конференции Рокфеллер-младший что-то говорил об этом деле.) – Выигранный процесс проложил путь к запуску программ стерилизации по всей стране.

Эдвард вспоминает тот процесс, происходивший летом прошлого года. Власти штата Виргиния попросили Гарри выступить в качестве эксперта. Дело касалось иска, поданного девушкой по имени Кэрри, родившейся в бедной семье. Отец их бросил, и ее мать, оказавшаяся в ужасающей бедности, опустила и повела аморальный образ жизни. Кэрри в раннем возрасте забрали у матери и отдали богатой семье. Она хорошо училась в школе, пока приемные родители не забрали ее оттуда, чтобы она занималась уборкой в их доме и домах соседей. В семнадцать лет она забеременела. По утверждению Кэрри, ее изнасиловал племянник приемных родителей. Узнав об этом, те объявили ее умственно неполноценной и поместили в колонию штата Виргиния для эпилептиков и слабоумных. Очевидно, что повышенная сексуальность девушки, что нередко встречается у умственно отсталых, а также дефектные гены перешли к ней от матери и будут переданы третьему поколению – ребенку Кэрри. Младенца даже не требовалось проверять на умственную отсталость; это не нуждалось в подтверждении. Естественно, место такому ребенку – в соответствующем приюте. Саму Кэрри пришлось бы до конца дней держать в колонии, дабы предотвратить передачу дефектных генов обладателям более чистой родословной, или же подвергнуть стерилизации.

По словам Гарри, ему даже не потребовалось встречаться с Кэрри. Факты говорили сами за себя. Ее заявление об изнасиловании было всего лишь предлогом. За короткое время нахождения вне приюта она вела аморальную жизнь, занималась проституцией и обманывала. По словам Гарри, обращенным к членам суда, Кэрри принадлежала к ленивой, невежественной и никчемной прослойке антисоциальных белых на американском Юге. Стерилизация предотвратит появление нового социально неадекватного и дефектного потомства. Эдварду запомнились слова судьи на том процессе: «Достаточно трех поколений имбецилов». Несмотря на возражения, Кэрри подвергли принудительной стерилизации. Эдвард вдруг вспоминает о Мейбл. Откуда, черт побери, у нее появился дефектный ген, вызвавший эпилепсию?! Явно не с его стороны. Может, в семье Элинор есть какие-то тайны, которые жена скрыла от него?

Через пять дней Эдвард стоит в сумраке комнаты Элинор, где окна плотно зашторены от зимнего холода и сырости. Еще нет семи часов утра, но ему не терпелось увидеть жену и младенца, а потому он не стал ждать. Он зажигает ночник на тумбочке, однако это не будит Элинор.

Она спит, свернувшись под несколькими теплыми одеялами. Ее волосы разметались, лицо наполовину закрыто. Он улыбается, садится рядом и гладит ее по волосам, чтобы разбудить как можно осторожнее. Элинор медленно открывает глаза, словно с крайней неохотой покидая прекрасный мир снов. Эдвард видит, как ее глаза фокусируются на нем, затем его появление проникает в ее сознание, и она возвращается в реальный мир. Лицо озаряется теплой улыбкой. Она поднимает голову. Кожа на щеке сморщена от соприкосновения с подушкой.

– Эдвард! – восклицает она. – Ты вернулся!

Она садится на постели, наклоняется к нему и крепко прижимается. Ее тело разогрето постелью. Эдвард ощущает проснувшееся желание, крепко обнимает жену, целуя ее снова и снова.

– С приездом. – Она отодвигается и с улыбкой смотрит на мужа. – Хочешь увидеть своего сына?

– А можно?

Эдвард помнит, как все было, когда родилась Мейбл. Элинор долго не позволяла ему взять на руки их драгоценного младенца. Она давала мужу строжайшие указания насчет того, как нужно поддерживать голову малышки, и возмущалась его первым неуклюжим попыткам взять на руки их драгоценное чадо. «Не урони ее!» – неоднократно верещала Элинор, словно он мог бы это сделать! Жена постоянно тревожилась, что он ненароком может покалечить собственного ребенка. Эдвард стоически выдерживал ее паранойю, ничем не возражая и считая, что Элинор находится во власти естественного материнского инстинкта и стремится защитить свое дитя, как собака защищает щенят, а корова – теленка.

Сейчас Элинор указывает на колыбель:

– Я кормила его полчаса назад. Подойди и возьми его на руки.

Эдвард неуверенно смотрит на нее, но она утвердительно кивает.

Он склоняется над сыном. Первая мысль: какой крошечный ребенок. Головка, покрытая пушком, немногим больше крокетного мяча. Вторая мысль: какой же он совершенный. Пухлые губки, такие

же пухлые щечки, подрагивающие белые веки. Кожа у малыша нежнейшего розоватого оттенка. Личико сморщено во сне.

Эдвард наклоняется еще ниже и медленно, с осторожностью подсовывает руки под одеяло, в которое запеленат младенец, затем поднимает и крепко прижимает к себе. Его сын! Как замечательно думать так об этом крошечном комочке! Такие мысли ему никогда не наскучат. Младенец продолжает спать. Сейчас он легче парочки фазанов. Так думает Эдвард, с восхищением глядя на сына.

Он носит сына по комнате, смотрит на сморщенное личико и пытается представить, как тот будет выглядеть, когда подрастет. Будут у сына светлые волосы Элинор или такие же темные, как волосы самого Эдварда, уже начинающие седеть? Мальчик наверняка вырастет высоким и атлетически сложенным. В умственных способностях сына Эдвард не сомневается. Но станет Хэмилтон-младший интеллектуалом, как Эдвард, или у него проявится дедовская предпринимательская жилка? В начальной школе он будет обыгрывать сверстников в крокет и регби. Возможно, они отдадут сына в Итон. Или в Чартерхаус, если Итон не совсем по статусу их семьи. Если, конечно, к тому времени Эдвард не удостоится рыцарского звания. Тогда Итон окажется более подходящим местом. Но какую бы школу ни окончил их сын, дальнейший его путь лежит в Оксфорд. Эдвард представляет, как будет ездить с сыном на крокетный стадион имени Лорда, на лодочные состязания на Темзе. Он научит сына стрелять фазанов, а когда тот достигнет совершеннолетия, они будут обсуждать состояние нации, попивая добротное красное вино и попыхивая кубинскими сигарами.

Работа, которой занимается Эдвард, кажется ему еще более значимой. Он должен сделать все, что в его силах, дабы его сын унаследовал более совершенный мир, а не тот, куда, судя во всему, они обречены скатиться.

– Смотри, какое чудо мы сотворили, – говорит он Элинор, вновь садясь к ней на кровать. Ребенок, ненадолго проснувшись, снова заснул на отцовских руках. – Согласна, что он невероятно совершенен?

– Будем надеяться, – тихо отвечает она.

Эдвард тянется к ее руке и ободряюще пожимает. Мысли вновь возвращаются к Мейбл. Может, Элинор что-то от него скрывает? Родственников у нее почти нет. Никаких двоюродных братьев и сестер,

никаких бабушек и дедушек. С единственной теткой и дядей отношения давно прерваны. Они живут в Шотландии, и Элино́р характеризовала их как людей холодных и равнодушных. Во всяком случае, за все то время, что он женат на Элино́р, они ни разу не появились в его поле зрения.

– А как ты, моя дорогая? – Он целует ее в щеку. – Ты замечательно выглядишь!

– Очень сомневаюсь, – усмехается Элино́р и запускает руку в волосы. – Ты бы хоть предупредил меня о своем приезде. Я бы постаралась выглядеть более презентабельно.

– Но такой я люблю тебя больше всего. Взлохмаченной, заспанной, похожей на саму себя.

– Эдвард, воздержись от комплиментов. Я выгляжу ужасно.

– Нет, ты чудесно выглядишь. Честное слово! – Он выдерживает взгляд жены; пусть знает, что он говорит правду, но она опускает глаза. – А как остальные? Как Роуз? Как прислуга?

– Все в полном здравии. – Элино́р улыбается и вновь смотрит на мужа, взгляд которого сосредоточен на ребенке. – Роуз получила работу в «Нью стейтсмен». Пока ты был в отъезде, она все время находилась со мной, но они любезно сохраняли место за ней. Думаю, с понедельника она приступит к работе.

– Боже мой! – бормочет Эдвард. – И каково будет нам, зная, что она работает в журнале социалистов?

Элино́р вздыхает:

– Софи сказала, что все будет хорошо. Я думаю... Эдвард, я думаю, нам нужно позволить ей искать свой путь в жизни. Если мы этого не сделаем, она попросту взбунтуется, и тогда, боюсь, я потеряю ее навсегда.

– Не говори глупости. Ты никогда не потеряешь свою сестру!

– Я почти... – Элино́р замолкает; Эдвард уверен, что ей хочется о чем-то ему рассказать, но она поворачивается к ребенку и меняет тему разговора. – Ему нужно имя, – говорит она, и они оба смотрят на сына. – Или я так и буду звать его Личинкой, а это никуда не годится.

– Нет, не будешь, – отвечает Эдвард, всегда ненавидевший это прозвище. – Как насчет Джеймса? – непринужденно спрашивает он, словно это имя только что пришло ему в голову.

На самом деле он так решил еще несколько дней назад, во время качки на палубе корабля, вцепившись в релинг и мучаясь рвотными позывами пустого желудка. Элинор недоуменно смотрит на него.

– Так звали моего отца, – добавляет Эдвард, полагая, что она ждет объяснения. – Для друзей он будет Джимми. Ты согласна с таким именем?

Эдвард поглаживает нежный пушок волос на младенческой голове. По сравнению с крошечным черепом сына отцовские пальцы кажутся большими и длинными. Он с удивлением думает, что в один прекрасный день этот крошечный комочек станет взрослым мужчиной. Элинор молчит. Может, ей не понравилось предложенное имя? Может, она хочет, чтобы они назвали сына Робертом в честь ее отца? Эдвард внутренне напрягается, готовясь услышать ее предложение. Если она так скажет, он ответит, что Роберт – прекрасное имя для их второго сына. Он бы очень хотел, чтобы они не ограничились одним сыном. Пусть будет целая стайка сыновей, и дочерей тоже. Орда совершенных детей, которые наполнят Брук-Энд смехом, энергией и озорством. Наполнят до краев, чтобы в этом веселом шуме и гаме растворилось печальное отсутствие их старшей дочери...

Это обязательно должно случиться. Мейбл не может здесь оставаться. Это он тоже решил, размышляя на палубе корабля о своем будущем. Слишком велик риск, что о ее болезни узнают и это поставит под вопрос качество его генов и генов Элинор. Должна же Элинор понимать очевидные вещи!

Остается лишь надеяться, что болезнь Мейбл – единственный дефект в родословной Элинор, поскольку это никак не может быть с его стороны, и не передастся их будущим детям.

Эдвард представляет, как с каждым новым ребенком будет добавляться радости, любви и счастья, все больше заполняя пропасть в его сердце. Эта пропасть появилась в 1917 году, в леденеющей грязи траншей на бельгийской земле. С тех пор как у Мейбл проявилась эпилепсия, пропасть превратилась в бездонную бездну, а вместе с ней в самой глубине его сердца поселилась неутрачиваемая и недостижимая боль. Невзирая на все его старания, вопреки всем попыткам развлечься и отвлечься, боль упрямо держится и только крепнет и нарастает, пока однажды не сделается совершенно невыносимой.

Лицо младенца странно исказилось, как будто Эдвард смотрит на него через стекло со скошенными краями. Только потом он соображает: это из-за слез. Он отворачивается от Элинон и быстро вытирает платком глаза.

– Пусть будет Джеймс, – слабым голосом говорит Элинон.

– Серьезно? – улыбается Эдвард, поворачиваясь к ней. – Ты не возражаешь?

– Не возражаю. – Она качает головой. – Для друзей – просто Джимми.

– Передать его тебе? – предлагает Эдвард.

Элинон вновь качает головой.

– Я ужасно устала, – признается она. – Не возражаешь, если я еще немного посплю? Может, потом позавтракаем вместе, когда я отдохну, а ты примешь ванну. Я бы с удовольствием.

Она ложится, отворачиваясь от Эдварда и Джимми.

– Конечно.

Эдвард осторожно возвращает Джимми в колыбель и на цыпочках идет к двери. Возможно, жена, накрывшись одеялами, уже не слышит, но он все равно говорит:

– Спасибо тебе, дорогая. Спасибо, что подарила мне Джимми.

IV

Представьте, если сможете, что вы подобны мне. У вас есть свобода путешествия сквозь пространство и время, из одного человеческого разума в другой со скоростью перемещения из комнаты в комнату.

Вы способны это почувствовать? Парящую, беззаботную радость такого состояния?

Да, благодать и мудрость. Прошое, настоящее, проблески будущего – всё у вас на виду и в пределах досягаемости.

Итак, теперь вы имеете представление, как это ощущается мной.

Но слушайте. Я здесь, друзья мои, чтобы по-доброму вас предостеречь, хотя знаю: вы почти не обратите на это внимания. Скажем так, в прошлом я видела самые худшие ваши стороны: ваше бесчеловечное отношение к себе подобным, когда подозревали мое присутствие; женщин, которых вы сжигали у столба; маленьких детей, родившихся с телесными нарушениям, которых вы под покровом ночи уносили в лес и оставляли на съедение диким зверям. Я видела ваши неуклюжие, ошибочные поиски лечения: дыры, просверленные в детских черепах; воздействие электрошоком; выдергивание зубов и даже заражение малярией. Все это было бы смешно, не будь оно так грустно.

Однако самое худшее еще впереди. Эта ваша одержимость выведением расы совершенных людей. Только представьте! Люди, свободные от болезней, физических дефектов, слабоумия и психических заболеваний. Люди, но более совершенные, обновленные и избавленные от разложения. Каждый до краев полон физическим совершенством, каждый предельно умен и мудр. Знали бы вы, как меня безмерно изумляет эта ваша идея, а также ваша неспособность увидеть всю ее неосуществимость. Вы, люди, обуреваемые желанием покорить природу! Неужели вы не понимаете, что обречены на провал? Природа всегда найдет способ вас переиграть.

Будь что будет. По доброте душевной должна вам сказать: думайте, как вам угодно, но эта ваша затея не возвысит род людской.

Наоборот, она приведет вас к ужасам и порокам таких масштабов, какие недоступны вашему ограниченному предвидению.

Если бы только вы могли остановиться и поразмышлять глубже и шире, нежели ваше представление о лучшем мире. Все имеет последствия, и вы должны бы это знать. Вместе со светом приходит тьма. Вместе с радостью – боль. И конечно же, с каждым так называемым достижением человека приходит упадок.

Подумайте об этом. Сколько раз вы, люди, считали, будто все продумали и учли, а потом оказывалось, что вы поняли только крошечный фрагмент целого? Но вы чересчур уверены в вашей способности заглядывать за пределы ваших знаний.

Так происходит с каждым человеком, думающим, что правильно понял и оценил меня. Меня так и подмывает доказать ошибочность подобных мыслей. Так повторяется век за веком; в этом времени, на этом месте происходит то, что когда-то уже было и когда-нибудь будет.

Вам меня не переиграть.

Вспомните об этом в будущем, друзья мои. Обязательно вспомните.

Глава 13

Элино́р

– Не желаете ли немного погулять с малышом Джимми? – спрашивает мисс Хардинг.

Гладкая кожа, широко распахнутые глаза, постоянная улыбка на лице. Трудно не заметить привлекательности няни. После слов, вскользь брошенных Софи, когда та приезжала в Брук-Энд, Элино́р стала внимательно наблюдать за Эдвардом – не задержится ли его взгляд на няне дольше, чем нужно. Это происходит лишь в его недолгое присутствие дома. После рождения Джимми он не стал проводить в Брук-Энде больше времени. Наоборот, Эдвард теперь ночует под своей крышей всего раз в неделю. Может, Софи права и в его лондонской квартире обосновалась любовница?

– Сегодня такой теплый день, а на дворе – только первое марта, – щебечет мисс Хардинг, пеленая Джимми, сонного и сытого после недавнего кормления.

Они находятся в бывшей гостевой комнате, превращенной в детскую Джимми. Все сошлись на том, что малыша нужно держать подальше от Мейбл и ее тревожных особенностей. Прежняя просторная детская теперь стала комнатой Мейбл. Там постоянно стоит легкий запах боракса и лизола, а глаз сразу натывается на атрибуты, сопровождающие жизнь больного ребенка. На верху комода, где должны бы находиться игрушки, выстроились пузырьки с лекарствами.

– Чудесная погода, чтобы вывезти Джимми на прогулку. Смотрите, даже солнышко показалось! – радостно кивает мисс Хардинг.

Элино́р смотрит на сад, на голые ветви яблонь, вишневых, грушевых и сливовых деревьев. Все они упорядоченными рядами тянутся до границы с Мейфилд-Мэнором и густым перелеском, начинающимся за забором. Она представляет, как катит по дорожке большую серебристо-голубую коляску, слушает птичье пение и ведет разговор с сыном. Можно было бы заглянуть в конюшню и показать ему Дилли. Она могла бы проявить щедрость к Байрону, взяв с собой и

подросшего щенка. Он бы с радостью отправился с ними, высунув язык и весело помахивая хвостиком.

Но внутри себя Элинор ощущает холод и нежелание двигаться. Мысленная картина, нарисованная ею, не откликается желанием. Пусть уж лучше мисс Хардинг гуляет с малышом. Разве не для этого ее взяли? Содержание двух нянь и так вгоняет Эдварда в расходы.

– Нет, – взмахнув рукой, отвечает Элинор. – Я что-то устала. Уж лучше вы, мисс Хардинг, погуляйте с ним.

– Как скажете, миссис Хэмилтон, – говорит мисс Хардинг, с некоторым недоумением глядя на нее. – Если для вас так лучше.

– Да.

– Тогда пошли со мной, парнишка Джимми. Я свожу тебя в деревню. Нужно отправить посылочку сестре. У нее сегодня день рождения. Отдыхайте, – говорит няня и уходит, унося спящего Джимми.

Элинор идет в гостиную, звонит, чтобы принесли чай, и пытается читать «Миссис Дэллоуэй»^[7], но содержание романа слишком мрачно и угнетающе. Она смотрит на свою незаконченную акварель с розами, прикрепленную к мольберту в эркере гостиной, однако не испытывает желания рисовать. Она сознаёт, что ей сейчас ни на чем не сосредоточиться. Грудь распирает от беспокойной энергии, в животе бурлит. Ей непременно нужно выйти из дому, впустить в легкие свежий воздух, но не с Джимми. Ей очень хочется пойти на прогулку с Мейбл.

Она поднимается в комнату дочери. Мейбл она видела не более десяти минут за завтраком, насупленную и бледную. Казалось, малышка вот-вот заплачет. Лекарство, недавно прописанное ей неврологом мистером Силвертоном, плохо действует на нее, и девочку постоянно тошнит. Мисс Картрайт-Джонс пришлось увести ее из столовой, боясь, как бы она не исторгла неохотно съеденные тосты и яйцо всмятку.

Чудесное время, проводимое с дочерью прошлым летом, кажется Элинор настолько далеким, словно это было в другой жизни. Все эти пикники и неспешные прогулки, когда мать и дочь, сняв чулки, шлепали по невероятно холодной речной воде. Элинор возилась с цветочными клумбами, а Мейбл гонялась за бабочками, разглядывала червей и прочих мелких ползучих тварей. Ей вспоминаются часы,

проводимые на одеяле под раскидистым буком близ теннисных кортов. Элино́р читала Мейбл или рассказывала сказки про волшебные миры, а дочь, положив голову на материнский живот, слушала и смотрела на узор густой листвы, сквозь которую пробивались солнечные лучики. Элино́р до боли в сердце хочется вернуть то время. Как же ей не хватает ее дорогой Мейбл! Джимми с его голодными воплями и неумением говорить отнюдь не замена. Перед глазами мелькает картина: они с Мейбл сидят в двуколке, запряженной Дилли, и поют под стук копыт пони. Тогда она не придавала особого значения ощущению чистого, ничем не запятнанного счастья, а сейчас его отсутствие вызывает физическую боль.

Элино́р поднимается на третий этаж и уже знает, как проведет этот день. Мисс Хардинг права, превознося пользу свежего воздуха для маленького Джимми. Так почему бы и Мейбл не побыть на свежем воздухе?

– Миссис Хэмилтон, я не уверена, что это такая уж хорошая затея, – говорит мисс Картрайт-Джонс, когда Элино́р излагает ей свой план.

Няня смотрит то на хозяйку, то на свою подопечную, которая неподвижно сидит у стены, уставившись в пространство и сосредоточенно посасывая большой палец. Другой рукой девочка прижимает к груди Пруденс. Голова куклы склонилась набок, ноги болтаются под рукой Мейбл. Ребенок настолько бледен, что кажется статуей, вырезанной из алебаstra.

– А я думаю, Мейбл полезно побыть на свежем воздухе, – высказывает свое мнение Элино́р. – Он жизненно необходим всем детям, – добавляет она, подражая мисс Хардинг.

– Мы могли бы прогуляться по саду, – неуверенно говорит мисс Картрайт-Джонс. Она смотрит в окно, где на небе собираются серые облака, угрожая поглотить недавно появившееся солнце, морщит нос и заявляет: – Хотя могу с большой долей вероятности сказать, что вскоре пойдет дождь.

– Я все-таки рискну, – твердо произносит Элино́р.

Она не выйдет из дому без Мейбл. Ни за что!

– Мы наденем теплые пальто и шляпы. Правда, Мейбл? – с наигранной веселостью спрашивает она и вдруг с ужасом понимает: дочь даже не отреагировала на ее появление.

Раньше стоило кому-то из родителей войти в детскую, и малышка начинала прыгать и визжать от радости.

– Но мистер Хэмилтон особо подчеркивал: не уводить Мейбл за пределы дома и сада... – уже не столь уверенно произносит мисс Картрайт-Джонс, не глядя Элинора в глаза.

Элинора знает: няня права. Но ей осточертело подстраиваться под желания Эдварда. Он почти целую неделю проводит в городе и живет в свое удовольствие, одному Богу известно с кем, тогда как она заперта в Брук-Энде, словно узница. Элинора делает глубокий вдох. Никогда еще она не думала о Брук-Энде как о тюрьме.

Она сердито поворачивается к няне:

– А Мейбл как раз и нужно побывать за пределами дома. Нам обеим это нужно. Пожалуйста, оденьте ее потеплее. Через пятнадцать минут жду вас возле конюшни.

Элинора поворачивается и уходит, чувствуя удовлетворение. Она утвердила свою власть. Прежде она была слишком мягкотелой с этой замкнутой мисс Картрайт-Джонс. А той пора напомнить, кто здесь хозяйка.

В конюшне Берти уже начал запрягать Дилли. Пони фыркает и ударяет по полу передним копытом, пока конюх прилаживает хомут и прицепляет кожаные поводья.

– Что, девочка, не терпится выбраться из конюшни? – усмехается Берти, похлопывая ее гладкую холку своей широкой ладонью. – Ты же теперь редко покидаешь стойло, дорогуша. – Он ловко прилаживает оглобли, затем смотрит на небо. – Похоже, дождь будет. Но пару часов вы урвете.

– Спасибо, Берти.

Элинора смотрит на него, чувствуя удовлетворение. Его прогнозам она верит больше, чем утверждениям мисс Картрайт-Джонс. Вскоре та появляется вместе с Мейбл. Невзирая на теплый день, девочка закутана в зимнее пальто, шляпу, теплый шарф и перчатки.

Берти поднимает ее на руки и сажает в двуколку рядом с Элинорой, и та теплым ковром укутывает им ноги.

– Ну вот, тепло, как у печки! – восклицает Элинора. – Мисс Картрайт-Джонс, у вас целых два часа отдыха. Вам наверняка хочется вытянуть ноги. Отдых пойдет вам на пользу.

– Да, я отдохну, – отвечает та. – Только будьте осторожны и не сводите с нее глаз.

Няня резко поворачивается и, прямая как палка, идет к дому.

Элино́р фыркает. Можно подумать, ей нужны советы, как вести себя с дочерью.

Мейбл поднимает голову и награждает мать слабой улыбкой.

– Дилли, – говорит она, указывая на пони, которая быстрым шагом движется по дорожке.

– Да, Мейбл! Это она. Ты помнишь ее имя. Замечательно.

Нынче Мейбл почти не разговаривает, что наполняет Элино́р душевной болью и ужасом. Куда это заведет ее дочь? Кажется, с каждым припадком она все больше утрачивает способность говорить.

– Дилли, – повторяет Мейбл и прислоняется к матери.

Она всегда была таким разговорчивым ребенком. Рот не закрывался. А сейчас едва произносит пару слов подряд. Прежде она пританцовывала, пела и задавала вопрос за вопросом, пока Элино́р не уставала и не просила ее прекратить этот поток. «Почему папы выше мам? Почему птицы поют? А Бог и Санта-Клаус живут вместе? Почему нельзя увидеть ветер?» Эти вечные «почему». Как же ее утомляли вопросы дочери!

Сейчас Элино́р отдала бы что угодно, только бы их вернуть.

Мейбл не отупела. Это действие лекарства. Жуткого порошка, который смешивают с водой и заставляют ее пить, пока она не начинает давиться и со слезами умолять, чтобы от нее убрали ненавистный стакан. Элино́р это зрелище невыносимо, поэтому она отдала тягостную процедуру в руки мисс Картрайт-Джонс. Двери комнаты плотно закрыты, чтобы приглушить крики и слабые протесты. И вот результат: тень, некогда бывшая живой подвижной девочкой.

Элино́р берет поводья в одну руку, а другой обнимает дочь за плечи. Как замечательно ехать в двуколке, где они только вдвоем. Как она скучала по времени, проводимому наедине с Мейбл, словно Джимми, или мисс Картрайт-Джонс, или оба вклинились между ними. Неудивительно, что нервы Элино́р на пределе.

Выехав на дорогу, она пускает Дилли легким галопом. Голова пони задрана, уши наострены. Как и Элино́р, лошадка радуется случаю на время покинуть Брук-Энд.

– Давай споем, – предлагает дочери Элино́р.

Двуколка катится среди голых деревьев и таких же голых полей. Унылый пейзаж, откуда словно вымыли все краски. Мейбл смотрит на мать. Лицо малышки бледное, как луна, глаза темнеют двумя лужицами.

– Что-нибудь тихое и спокойное, – добавляет Элиноор, вспоминая предостережения мистера Силвертона: избегать любых волнений, не то они могут спровоцировать припадок.

Сова и Котик по морю плыли
В красивой лодке зеленой.
В дорогу с собою они прихватили
Меду чуток и денег мешок.

Элиноор нежным голосом наполовину поет, наполовину декламирует строчки. Мейбл отгаивает. Она тянет большой палец в рот, соображает, что ей мешает перчатка, снимает перчатку и бросает на пол двуколки. Элиноор не пытается ее остановить.

Ночью на звезды Сова глядит
И молвит под звон гитары:
«Любовь моя, Котик, вовек не найти
Мне для себя лучшей пары.
Вовек не найти,
Вовек не найти
Мне для себя лучшей пары!»^[8]

Элиноор набирает в легкие воздуха и собирается продолжить пение. И вдруг Мейбл деревенеет. Она внимательно смотрит на что-то и чмокает губами. Пальчики девочки впиваются в материнскую руку.

– О боже, нет! Пожалуйста, не сейчас. Тпру! – кричит она Дилли, натягивая поводья. – Тпру!

К счастью, они еще не доехали до деревни, а потому никто не увидит это сокрушительное мгновение позора.

Мейбл неожиданно поднимает голову и смотрит на мать. Затуманенность взгляда постепенно исчезает, глаза проясняются, и в

них появляется... В чернильной темноте глаз Мейбл Элино́р видит ужас, от которого у нее заходится сердце.

– Мейбл! – Элино́р тянется к рукам дочери, хватая их. – Дорогая, ты хорошо себя чувствуешь?

Но рот Мейбл искривляется в отвратительную гримасу. Глаза вваливаются. Мейбл исчезла, а ее место заняло чудовище. Она дергается, молотит руками и ногами, ударяя по Элино́р. Голова девочки запрокидывается и громко стучается о деревянную спинку сиденья. Элино́р и понятия не имела, что в маленьком детском теле может быть заключено столько энергии. Следующий припадок приподнимает Мейбл над скамейкой, затем с невероятной силой швыряет обратно. Боясь, как бы она не покалечилась, Элино́р пытается прижать ее к сиденью, но дочь неистово мечется под ее руками. Лицо Мейбл краснеет, затем синеет. Элино́р в ужасе разжимает руки.

– Ради Бога! – в отчаянии кричит Элино́р.

В голове мелькает: «Она не дышит». Мейбл задыхается на глазах у матери, а мать бессильна ей помочь. Элино́р не представляет, что́ надо делать.

– Мейбл! – кричит она. – Мейбл, дыши!

Словно услышав материнскую мольбу, ребенок, испустив звериный крик, шумно вдыхает, успев до начала очередного припадка. Челюсти Мейбл плотно смыкаются. Ее руки и ноги дергаются, но теперь кажется, что они сделаны из прочнейших стальных прутьев. На этот раз она ударяется щекой о жесткую спинку. Элино́р не в силах этому помешать.

Вновь наступает пауза. Элино́р затаскивает Мейбл себе на колени, пытаясь превратить себя в живую подушку. Руки и ноги опять начинают дергаться. Элино́р изо всех сил пытается своим телом погасить шокирующую силу каждого припадка. Она не сразу понимает, почему ей на ноги пролилось что-то теплое. Мочевой пузырь Мейбл не выдержал припадков и опорожнился.

– Нет, – всхлипывает Элино́р, чувствуя, как моча быстро остывает. По щекам катятся слезы. – Нет, нет, нет!

А потом все так же неожиданно заканчивается. Тело Мейбл расслабляется, судорожные вдохи сменяются обычным дыханием. Обе сидят молча. Элино́р гладит дочь по голове и дрожащим голосом шепчет:

– Все в порядке, Мейбл. Все в порядке.

Невзирая на холод и мочу, обильно забрызгавшую их обеих, изможденная Мейбл крепко засыпает на материнских коленях. Дилли стоит и ждет хозяйских приказаний, позвякивая удилами, шевеля ушами и помахивая хвостом.

Элинор сидит, не в силах шевельнуться. Руки крепко держат спящую Мейбл, вокруг которой еще сохраняется черная тень недавних припадков. Элинор трясет. Она раздавлена.

Глава 14

Эдвард

Просторный зал в Куинс-Холле заполнен до отказа. Все места заняты. Слушатели стоят вдоль стен и по углам, сбившись в кучки и оживленно переговариваясь. При взгляде на аудиторию сердце Эдварда наполняется ликованием. Зал встречает его приглушенным гулом голосов. Перед стульями, у стены, установлен большой экран, освещенный светом проектора, размещенного сзади. На экране чуть подрагивают крупные черные буквы: «Умственная неполноценность и преступный склад ума». Чуть ниже – «Малолетний преступник и необходимость реформы на основе евгеники».

– Сегодня у нас потрясающая аудитория, – говорит Леонард Дарвин, подходя и здороваясь с Эдвардом. – Все важные и влиятельные люди. – Он делает взмах рукой. – Черчилль, Рассел, Кейнс, Стоупс, Уэллс, Шоу, и это еще не весь список. Здесь также присутствуют двое членов парламента от лейбористов – Уилл Крукс и Арчибальд Чёрч. Оба конфиденциально сообщили мне следующее: если мы сумеем заручиться достаточной поддержкой, они готовы внести в парламент личный законопроект, поддерживающий принудительную стерилизацию. Хорошая работа, правда?

– Согласен, – отвечает Эдвард.

– Если вы это провернете и еще добавите ваши предложения в сфере образования, тогда, друг мой, вам никуда не деться от рыцарского звания!

Дарвин подмигивает ему, усмехается и отходит, чтобы поздороваться с запоздавшими слушателями, которые протискиваются в дверь.

Эдвард собирает листы с тезисами, проверяет состояние проектора и выразительно кашляет, показывая, что лекция вот-вот начнется.

Зал наполняется шорохом. Те, кому зарезервировали места, рассаживаются. Когда аудитория затихает, Эдвард вновь откашливается и начинает.

– Добрый день, леди и джентльмены! Приветствую вас на своей лекции. Меня искренне воодушевляет возможность видеть перед собой столь обширную аудиторию. В течение ближайшего часа я буду говорить на обозначенные темы, – он машет в сторону экрана, – после чего вам представится возможность задать вопросы, обсудить услышанное и... – он театрально усмехается, – приобрести любые из моих опубликованных работ, а также книги моего друга и коллеги, майора Леонарда Дарвина.

Он меняет диапозитив.

На левой части экрана появляется фотография молодого парня. Вид у него отталкивающий. Впалые щеки, сигарета, торчащая изо рта. Парень нагло смотрит в объектив фотоаппарата из-под надвинутой матерчатой кепки. Одежда на нем – безвкусная дешевка. Одного взгляда на него достаточно, чтобы заставить аудиторию съежиться и презрительно поморщиться. Эдвард не забыл мудрые слова Гарри о силе наглядных изображений. В правой части представлен список тем, которые он затронет в своей лекции, а именно:

1. Наследственность и умственное развитие.
2. Эмоции, характер и преступные наклонности умственно неполноценного человека.
3. Эффективность исправительных клиник.
4. Методы обучения имеющих задержки в развитии, умственно отсталых и дефективных.
5. В поддержку насильственной изоляции и стерилизации.

– Друзья мои, время стремительно нас подпирает, – серьезным тоном начинает он. – Если мы не примем радикальную политику реформирования всего нашего общества, построенную на принципах евгеники, то столкнемся с плачевным будущим. Это жизненно важная мера, необходимая для здоровья нашей нации, а также всей Британской империи. Настало время действовать. Страдает наша экономика. Нашему образу жизни угрожают...

Аудитория слушает, затаив дыхание. Эдвард выступает со своей обычной страстностью. Он прочел столько лекций, что мог бы читать даже во сне. Но сейчас, когда он говорит о нежелательных элементах

общества, где-то на задворках сознания перед ним возникает Мейбл. Мейбл, катающаяся в высокой траве на Лугу бабочек. Мейбл с венком из ромашек на светлых волосах. Мейбл, смеющаяся, когда он щекочет ей животик. Мейбл, плачущая, когда умер их старый верный пес Пэтч. Мейбл, бьющаяся в припадке на задней лужайке: запавшие глаза, одеревеневшие руки и ноги. Мейбл, да не та.

В горле ощущается тугой ком. Эдвард смотрит на экран. О чем он сейчас говорил? Он забыл! Его вдруг охватывает паника, и он поворачивается к слушателям. Те молчат. Сколько времени прошло с тех пор, как он произнес последнее слово? Он прочищает горло и пытается понять, сколько тем лекции успел осветить.

– Есть вопросы? – с надеждой спрашивает он.

В рядах кто-то шаркает ногами. Слышится покашливание. Эдвард подносит к губам стакан с водой и делает несколько глотков.

Вопросов нет.

Вместо Мейбл он пытается думать о безумце, убившем мать Элинор. Это помогает ему собраться.

– Но я не должен отклоняться от темы. – Он указывает на экран за спиной. – Любой из вас, кто посещал мои предыдущие лекции, хорошо знает, что я в состоянии доказать наличие тесной взаимосвязи между преступным складом ума и низкими умственными способностями. Следующий диапозитив наглядно покажет... – (на экране появляется несколько графиков), – что из всех психологических причин преступности самой распространенной и самой серьезной является тот или иной умственный дефект. – (Указка Эдварда, снабженная электрической лампочкой, подсвечивает один из графиков.) – Как видите, несмотря на то что общий умственный уровень несколько разнится, средний умственный возраст малолетнего преступника, достигшего половой зрелости, остается на уровне примерно тринадцати лет.

Эдвард с облегчением возвращается к привычному течению лекции.

– Учитывая текущую статистику совершённых преступлений и прогноз на будущее, я заявляю о необходимости подвергнуть детей из низших слоев психометрической проверке на предмет определения умственного уровня каждого. Это самый точный из имеющихся указателей на врожденную склонность к преступным действиям. Более

того, во имя защиты будущего наших детей и детей грядущих поколений необходимо, чтобы в первую очередь те, кто относится к этим группам, – он подсвечивает колонку с надписью: «Слабоумные, имбецилы и идиоты», – автоматически попадали под действие Закона об умственно отсталых и направлялись в соответствующие трудовые колонии и приюты. Это обеспечит безопасность для остального населения. Но для абсолютной уверенности в том, что дефектные гены не передадутся следующему поколению, необходимо применение программы насильственной стерилизации. В конечном счете это единственный ответ. Словом, нам требуется неотложное принятие соответствующего законодательства.

Кто-то из слушателей поднимает руку.

– А во сколько обойдется казне содержание заведений для упомянутых групп? – спрашивает мужской голос; свет проектора мешает Эдварду увидеть лицо спрашивающего. – Законодательство наверняка отклонят. Страна едва ли сможет позволить себе строительство новых дорогостоящих заведений для содержания огромного числа умственно неполноценных.

– Поначалу это, конечно же, потребует ощутимых затрат, которые со временем естественным образом пойдут на убыль по вполне очевидным причинам.

– Назовите, пожалуйста, цифры, – не унимается слушатель.

– Прошу прощения, у меня нет под рукой этих цифр, – отвечает Эдвард. – Но насколько мне известно, была учреждена Королевская комиссия для всестороннего изучения этого вопроса, включая и стоимость осуществления такой политики. При всем уважении к вам, мне думается, вы задали не совсем правильный вопрос. Его следовало бы сформулировать так: какова будет стоимость отказа от осуществления этой политики?

– Я против стерилизации, – раздается другой голос. – Если обратиться к примеру наших американских друзей, после стерилизации эти люди вновь оказываются на улицах. Их аморальное поведение и преступные наклонности никуда не делись, а потому они по-прежнему представляют собой угрозу для общества. Какие гарантии вы можете дать, что этих имбецилов после стерилизации не выпустят на свободу?

Приводя цифры и факты, Эдвард парирует вопросы, а те, которые ему не нравятся или на которые он не знает ответа, встречает критическими возражениями. Он становится настоящим политиком. Когда лекция заканчивается, аудитория разражается аплодисментами. Его похлопывают по спине, приглашают выпить в клуб, естественно в «Сент-Джеймс», после чего последует обед.

Проходя через вращающиеся двери Куинс-Холла, Эдвард поглощен разговором с Леонардом, а потому не замечает молодую женщину, пока та не оказывается рядом, дергая его за рукав:

– Капитан Хэмилтон, сэр! Мне срочно нужно с вами поговорить!

На мгновение он приходит в замешательство и не сразу узнает ее лицо. Женщина плохо одета, ее волосы всклокочены. Она вполне сошла бы за попрошайку или проститутку, но тогда откуда ей известно его имя?

Боже, как же он сразу ее не узнал?

– Вайолет?! – громко восклицает удивленный Эдвард.

На несколько секунд все трое умолкают и застывают, загоразивая собой выход. Эдвард смотрит на Вайолет с ужасом, Леонард – с неподдельным интересом. Вайолет явно смущена, но затем тихо спрашивает:

– Мы можем поговорить?

Эдвард справляется с оторопью.

– Леонард, не стоит задерживаться. Встретимся в клубе. Эта женщина была пациенткой в одной из моих психологических клиник. Я быстро переговорю с ней и присоединюсь к вам.

Он берет Вайолет под руку и стремительно уводит, чтобы никто из знакомых не увидел их вместе.

– Простите, сэр, что поставила вас в неудобное положение, – на ходу бормочет Вайолет. – Но мне требовалось срочно с вами поговорить. Мы же встретимся только недели через две. Я боялась, что тогда будет слишком поздно. А тут увидела афиши с вашим именем. Узнала, что вы лекции читаете, вот и подумала. Я бы вас не побеспокоила, если бы... – Она останавливается, чтобы перевести дух.

– Да. Вот уж никак не ожидал увидеть вас здесь, – сухо отвечает Эдвард.

Заметив на углу паб, он ведет Вайолет туда. Заведение невысокого пошиба, но это, наверное, даже к лучшему. Там он вряд ли встретит

кого-нибудь из знакомых.

Рукой в перчатке он касается поясницы Вайолет и вводит в ее теплое, прокуренное пространство паба. К счастью, посетителей немного. Эдвард ведет ее к столику поближе к камину. Даже эта часть паба, предназначенная для более состоятельных посетителей, не отличается чистотой и опрятностью. Избегая дотрагиваться руками до липкой барной стойки, Эдвард обращается к скучающему владельцу и делает заказ.

Когда он возвращается к столику, взяв себе пинту эля, а для Вайолет, как всегда, джин с лаймом, Вайолет успела снять пальто и шляпу, оставшись в блузке и жакете. Судя по всему, это ее самая нарядная одежда. Растрепанные волосы она собрала в пучок на затылке. Вайолет протянула руки к огню и отчаянно их растирает. Только сейчас Эдвард с тревогой замечает ее посиневшие губы. Сколько же времени она провела на холоде, дожидаясь его? Эдвард делает глоток пива. Его сердце немного смягчается.

– Итак, что у вас стряслось? Из-за чего такая срочность?

Он смотрит в кружку. Эль на дне имеет ржавый оттенок. Легче смотреть туда, чем в глаза Вайолет.

– Все из-за него, – наконец отвечает она.

Ответ не удивляет Эдварда. Естественно, «он» всегда является основной причиной.

– Он ужасно заболел. Инфлюэнцу подцепил. Говорят, с его легкими... – Она сглатывает и хрипло втягивает воздух. – С его легкими он может и... может и не выкарабкаться.

– Боже, какая печальная новость!

Эдвард ощущает сильное желание взять ее за руку, но не делает этого. Его, как всегда, охватывает чувство вины, к которому примешивается другое чувство. Эдварду стыдно, но он испытывает нарастающее облегчение. Если Портера не станет, исчезнет и риск раскрытия тайны. Ужас разоблачения преследует Эдварда более десяти лет. Случись такое, это разрушило бы его жизнь. Со смертью Портера одной проблемой станет меньше.

– Да уж, новость не из веселых, – соглашается Вайолет. – А у меня есть для вас письмецо от него.

Она роется в сумочке и достает тонкий конверт. У Эдварда заходится сердце при виде слов «Капитану Хэмилтону», написанных

вкось. Почерк как у ребенка. Он замечает пару клякс там, где пишущий слишком долго держал перо на бумаге или слишком сильно нажимал. Вайолет протягивает ему конверт. Эдвард ощущает приступ тошноты.

Дрожащей рукой он опускает конверт в карман.

– Сами знаете, – продолжает Вайолет, – в последнее время мне к нему не выбраться. Ребенок еще совсем маленький, вот мы и писали друг другу письма. Мы оба не мастаки писать, но, как понимаете, хоть так общаемся. По-любому, он знает, я постоянно с вами встречаюсь, вот он и попросил передать вам письмо. – Она замолкает. – Он тревожился: вдруг помрет и не успеет сказать вам то, что хотел сказать. Понятное дело, вы заняты и вам к нему не выбраться. Но уж несколько минуток выкроите на письмо ему. А для него письмо от вас... Он на седьмом небе будет. И я тоже. – Вайолет утыкается взглядом в руки, сложенные на коленях.

Эдварду так сдавило горло, что оттуда не раздается ни одного слова. Чтобы сбить напряженность момента, он отворачивается и смотрит на огонь. Догорающее полено сползает и ударяется в решетку, выбрасывая в холмик пепла переливающиеся угольки.

– А знаете, Вайолет... – Сумев справиться с напряжением, Эдвард вновь поворачивается к ней. – Я найду время и навещу его. Я должен был бы это сделать еще давным-давно. Но сейчас... сейчас я просто обязан. – Он вытирает руки о брючины; у Вайолет округляются глаза. – Да, – кивает Эдвард. – Я ему напишу и сообщу, что приеду.

– Хороший вы человек, – говорит Вайолет, из глаз которой готовы хлынуть слезы. – Самый лучший.

Она вытирает слезы и смотрит Эдварду прямо в глаза. На лице, словно волна, появляется улыбка, пока глаза не скрываются за складками щек. Эдвард вновь вспоминает, какой хорошенькой девушкой она была когда-то.

Вечером, после обеда в клубе с Леонардом и другими членами Евгенического общества, во время которого они обсуждали, кто из членов парламента способен по личной инициативе проголосовать за предложенное законодательство, а кого понадобится убеждать более основательно, Эдвард возвращается в свою квартиру в Блумсбери. Ему совестно, что основное время он проводит здесь, вдали от Брук-Энда, вдали от Элинон и детей. Он говорит, что это делается для удобства

работы. Так оно и есть. Верно и то, что груз выполняемой им работы требует посвящать ей почти все время. Но верно и другое: нынче Брук-Энд переполнен болью и страданиями и уже не является пристанищем, каким был когда-то. И Эдварду лучше держаться подальше от тамошних проблем, чем встречаться с ними лицом к лицу.

Наконец-то оставшись наедине с собой, он достает письмо и начинает читать.

Дорогой сэр!

Надеюсь, Вы и Ваша семья здоровы.

А вот мне похвастаться нечем. Нынче я совсем занемог. Так случилось, что зимой подхватил инфлюэнцу. Она свирепствует каждый год, но меня зацепило и вдарило по легким. А Вы знаете, какие у меня легкие.

Но относятся здесь ко мне хорошо. Старшая медсестра ужас какая строгая, а та, что на отделении, добрая. Я стараюсь изо всех сил. Постоянно думаю про Вас и про то, как Вы мне помогаете. Это дает мне силы не опускать руки. Хочется думать, что Вы в полном порядке. Поэтому я не собираюсь сдаваться, как Вы не сдавались. А иногда припекает будь здоров.

Есть у меня мечта: выбраться отсюда на праздник. Особенно летом, когда жарко. Сел бы на морском берегу, засунул бы ноги в песок и глядел бы на волны. Вряд ли так оно будет, но мне приятно мечтать.

Хочу, чтоб Вы знали: я очень благодарен за все, чем Вы рисковали из-за меня. Вы мне жизнь спасли, за что я никогда не сумею Вас отблагодарить как надо.

Ваш Реджинальд Портер

Эдвард комкает письмо, а в горле появляется огромный отвратительный ком.

Глава 15

Элино́р

Март 1929 года

Моя дорогая Элино́р!

Сообщаю, что полностью простила тебя, моя глупая старая дурочка, за резкие слова, которые ты наговорила мне в день моего приезда. По словам Роуз, ты до сих пор переживаешь и думаешь, будто я на тебя рассердилась. Какая несусветная чушь! Дорогая, ты же знаешь, что я всегда буду тебя любить, как верный старый пес, даже если ты отчитаешь меня и выставишь из дому под дождь.

Пожалуйста, не сердись на сестру, но Роуз рассказала мне, что случилось с бедной малышкой Мейбл. Знаю, она сделала это вопреки твоему желанию, но она очень волнуется за тебя и чувствует, что я должна знать. Теперь понятно, почему тогда ты была на взводе. Элино́р, я подставляю тебе свое плечо. Слишком тяжело нести такую ношу в одиночку.

Я понимаю, что не должна была сообщать тебе, что Марсель видится с Роуз. Во всяком случае, я не имела права обрушивать это на тебя, когда ты только-только оправилась после родов и была эмоционально уязвима. Если хочешь, считай это письмо моим извинением.

Вот так. Мы квиты, и между нами все в лучшем виде. Самое главное, дорогая: когда же ты, черт возьми, выберешься в Лондон и наведишь меня?! Ты же можешь оставить младенца с няней на пару дней. Фактически всего на день! Насколько помню, я своего отодвинула через месяц. Я люблю своих детей, по-настоящему люблю, но нельзя же целиком посвятить им всю нашу жизнь.

Дорогая, назначай дату. Можем поболтать по магазинам. Чем-нибудь полакомиться. Выпить. Покурить. Устроить вечеринку, пока не свалимся от усталости. Придумывай любое развлечение. Мне кажется, что при всех

бедах Мейбл (пожалуйста, не беспокойся, я не расскажу никому) и при постоянно отсутствующем Эдварде тебе просто необходимо взбодриться.

Со всей любовью,

Софи

Элино́р улыба́ется и отклады́вает письмо. К своему удивлению, она обнаруживает, что ничуть не сердится на Роуз. Фактически она даже чувствует облегчение. Теперь ее лучшая подруга знает. Софи сохранит тайну. У Элино́р теплеет на сердце от мысли, что Софи приняла ее извинение и их отношения вернулись в прежнее русло. Как ей сейчас необходимо оптимистичное и мудрое отношение подруги к миру. Элино́р до сих пор не оправилась от жутких событий того злополучного дня, когда решила вывезти дочь на прогулку. Искаженное припадками лицо Мейбл и сейчас стоит у нее перед глазами. Ее малышка попала в ловушку, из которой не выбраться. Элино́р чувствует подступающую тошноту. Больше она не решалась уводить Мейбл из дому. Все попытки поговорить с Эдвардом об этом словно натываются на скалу. Даже когда они вместе, стоит ей заговорить о Мейбл, разговора не получается. Муж отвечает односложно. Единственная, с кем она может говорить на такую тему, – это Роуз. Но сестра сейчас в Лондоне, наслаждается работой в «Нью стейтсмен». А она здесь, наедине со своими изматывающими страхами. Роуз живет у Софи. Им всегда есть о чем поговорить. Не то что ей здесь. От этой мысли Элино́р становится больно. Прежде, до болезни Мейбл, ее вполне устраивали тишина и покой Брук-Энда. Сейчас здешняя жизнь кажется ей наказанием.

Сегодня пятница. Утро. Ближе к вечеру из Лондона приедет Роуз, чтобы, как всегда, провести выходные в Брук-Энде. Желая скоротать время, Элино́р решает заняться разбором накопившейся корреспонденции. Теперь, когда Эдвард почти не бывает дома, она заняла его письменный стол. Он человек аккуратный; все разложено и расставлено по местам. Ни одно письмо и документ не валяются где попало. Жизнь Эдварда упорядочена; наверное, это обусловлено его армейскими привычками. Эффективность и точность в одинаковой

степени нужны и военному, и ученому. Эдвард, несомненно, столь же педантичен в своих исследованиях, а также в сборе и анализе данных.

Элино́р оглядывает полки с рядами папок. Каждая снабжена ярлыком и имеет цветную метку, указывающую на принадлежность к определенному исследованию или проекту. Две стены кабинета занимают полки, тянущиеся до потолка. Там собраны научные книги, написанные Эдвардом, аккуратные стопки номеров «Психологического журнала» и великое множество других научных книг. Элино́р читает заглавия на корешках. «Семья Каллика́к: изучение наследственной передачи слабоумия»... «Убедительные и подкрепленные доказательствами данные по умственному уровню новобранцев армии Соединенных Штатов». Она снимает книгу с полки, оттягивая момент, когда нужно сесть и внимательно просмотреть все счета и документы по домовладению. «В этом крупнейшем и самом широкомасштабном исследовании умственных способностей американских призывников участвовали один миллион семьсот пятьдесят пять тысяч человек, которые подверглись самой тщательной проверке, когда-либо проводимой в американской армии. Получены обширнейшие результаты, и они будут определять стратегию на ближайшие годы. Результаты показывают – и это не может не вызывать тревогу, – что средний уровень умственного развития типичного белого новобранца лишь немногим превышает уровень тринадцатилетнего ребенка. Еще бо́льшую тревогу вызывает то, что тридцать семь процентов белых новобранцев подпадают под категорию слабоумных, чье развитие даже ниже, чем у двенадцатилетних детей. Средний возраст умственного развития иммигрантов из стран Южной и Восточной Европы, включая славян, достигает лишь одиннадцати лет, тогда как у негров этот возраст еще ниже, а слабоумием страдают почти девяносто процентов чернокожих новобранцев».

«Неужели это правда?» – удивляется Элино́р, возвращая книгу на полку. Неужели у людей действительно существуют столь разительные врожденные различия? Она вздыхает и переключает внимание на письмо Софи. Осталось взять ручку и написать ответ.

Написав это и еще несколько писем, Элино́р звонком вызывает Элис и просит незамедлительно отнести письма в деревню, чтобы успеть к полуденной отправке почты.

Ожидая приезда Роуз, Элинор смотрит в окно. В сад Брук-Энда пришла весна. Под большим платаном появились островки крокусов, а на краях видны проклюнувшиеся нарциссы. Обычно в это время Элинор, надев садовые перчатки, уже трудилась в саду, сажая луковицы цветов и возясь с рассадой в оранжерее. Но в этом году у нее нет ни склонности, ни энергии заниматься цветами.

Ей не терпится увидеть Роуз. Эдварда в эти выходные не будет, и она ощущает странную пустоту. Она с ужасом вспоминает прошлые выходные, когда он зашел в детскую. Такого больше не должно повториться.

Тогда они с Эдвардом оба поднялись наверх, чтобы отнести Джимми и отвести Мейбл в гостиную, где предполагалось чаепитие. Первым они забрали из колыбели улыбающегося Джимми. Элинор с радостью позволила мужу нести сына. Мейбл сидела у себя в комнате, прислонившись спиной к стене. Это успело стать ее привычной позой. Дочь отрешенно смотрела в пространство перед собой, сжимая в руке Пруденс. Вид у Мейбл был болезненный: бледная, опухшая от лекарств. На коже – уродливые следы свежих расчесов. В ее облике не осталось ничего красивого и изящного. В тот день она выглядела куда трагичнее и беззащитнее.

Мисс Картрайт-Джонс размешивала в стакане очередную дозу лекарства.

– Как ее состояние? – спросил Эдвард, и Элинор уловила в его голосе легкое волнение. – Есть признаки улучшения?

Тем временем Элинор поспешила к дочери и взяла к себе на колени, крепко обняв, словно желая вобрать в себя чудовищную болезнь и избавить Мейбл от страданий.

– Мне неприятно вам это сообщать, но никаких улучшений не замечено, – отчеканила мисс Картрайт-Джонс. – За утро у девочки было несколько малых припадков и один большой. Он закончился примерно час назад. Как видите, она еще не вполне отошла после него и находится в полусонном состоянии.

Эдвард, качавший Джимми, побледнел и что-то пробормотал.

– Ей очень трудно давать лекарство, – продолжала няня. – У нее появляется тошнота, и она кричит. Мне понадобился почти час. Едва дух перевести успела, как пора давать очередную дозу.

– Понятно, – только и мог выговорить Эдвард.

– Эдвард, поднеси Джимми поближе, – попросила Элино́р. – Мейбл хочет увидеть братика.

Элино́р заметила, что ему не хочется этого делать, но он все-таки выполнил ее просьбу.

– Малыш, – сказала Мейбл.

Она вытащила палец изо рта, указывая на брата. Впервые за долгое время Элино́р увидела на губах дочери подобие улыбки.

– Эдвард, дай ей подержать брата. Ей хочется его покачать.

– Сомневаюсь, что это безопасно, – ответил он, крепче сжимая сына.

– Это вполне безопасно. Я рядом, – сказала Элино́р, чувствуя закипающую ярость. – Я помогу ей держать Джимми.

Чего испугался муж? Того, что Мейбл ненароком заразит Джимми? Но это же полная нелепица. Ужас какой. У бедняжки Мейбл и так отняты все радости жизни, а Эдвард готов отказать ей и в этой крупице счастья. Потом он заберет у нее и Пруденс из страха, что эпилепсия может перейти на куклу.

Супруги застыли, глядя друг на друга. Затем Мейбл радостно потянулась к Джимми, выпустив из рук Пруденс. Мучительность и отчаяние этой сцены, должно быть, повлияли на Эдварда. Он опустил маленькое, теплое, извивающееся тельце сына на колени Мейбл. Элино́р придерживала обоих. Джимми неуклюже лежал на коленях сестры, похожий на большую, толстую куколку бабочки. Младенец затих и жадно смотрел на лицо Мейбл.

– Малыш! – крикнула Мейбл и засмеялась.

– Его зовут Джимми, – напомнила ей Элино́р. – Маленький Джимми.

– Джим, Джим, Джим, Джим, – повторила Мейбл.

Она наклонилась и с такой нежностью поцеловала брата в лоб, что Элино́р почувствовала подступающие слезы. Как быстро дочь растеряла навыки беглой речи. Проклятая болезнь вновь сделала ее разум младенческим. Долго ли ждать, пока Джимми начнет превосходить Мейбл в умственном развитии?

– Так, – нарушила идиллию мисс Картрайт-Джонс. – Боюсь, Мейбл пора принять очередную дозу бромидов.

– Уже? – удивилась Элино́р.

– Доктор велел неукоснительно придерживаться расписания приема лекарства. Это стабилизирует концентрацию бромидов в ее крови. Сейчас она получает максимальные дозы, и каждая задержка крайне нежелательна. Я должна дать ей лекарство.

– Но лекарство не приносит ей никакой пользы, – возражает Элинора, давась словами. – Так зачем мучить ребенка?

Она посмотрела на Эдварда, однако муж отвернулся, не желая встречаться с ней взглядом.

– Разумеется, она должна немедленно принять лекарство, – сказал он.

Мисс Картрайт-Джонс застыла с кружкой в одной руке и ложкой в другой. Лицо няни начало краснеть. Она не собиралась сдаваться.

– Я выполняю указания доктора. Без его разрешения прекращать прием лекарства опасно. Неужели не понятно, что это нарушит хрупкое равновесие?

– Вот именно, – с оттенком суровости подхватил Эдвард. – Элинора, мы не можем решать это сами.

Эдвард забрал Джимми с колен Мейбл.

– Нет! – закричала Мейбл. – Нет, нет, нет!

Не выдержав, она заплакала.

Мейбл все-таки усадили на стульчик для кормления. Няня попыталась напоить ее смесью, однако малышка отчаянно мотала головой, плотно сжав губы.

– Дорогая, не упрямясь, – уговаривала ее Элинора. – Потом заешь невкусное лекарство большой ложкой меда.

– Нет! – кричала Мейбл. – Мне больно. Не хочу лекарства.

Но затем мисс Картрайт-Джонс с молниеносной скоростью запрокинула ей голову, насильственно открыла рот и втокнула туда ложку смеси. Мейбл поперхнулась. Мисс Картрайт-Джонс плотно сжала ей губы, отчего костяшки ее собственных пальцев побелели. Мейбл кашляла и задыхалась, ее лицо покраснело, черты исказились. Из уголков рта вытекали капли ненавистного лекарства.

– Нет, Мейбл, нет! – не отступала мисс Картрайт-Джонс. – Ты все проглотить.

Она грубо собрала ложкой капли лекарства на платье Мейбл и запихнула их девочке в рот. Потом начала заталкивать туда новые и

новые порции. Мейбл выла, кашляла и фыркала. Ненавистный бромид сочился между плотно сжатыми пальцами мисс Картрайт-Джонс.

– Идем! – прорычал Эдвард, увлекая за собой Элино́р. – Не будем мешать няне выполнять ее обязанности.

Элино́р позволила себя увести. Зрелище кашляющей и рыгающей Мейбл было невыносимым. Дочь пыталась повернуться к ней, протягивала руки, глядя, как родители молча уходят, кричала:

– Мама, мама!

Отчаянные крики Мейбл сопровождали их в коридоре, на лестнице, в передней, будоража и ранив каждую клетку в теле Элино́р.

Эдвард повернулся к ней. В глазах сверкнула ярость, какой она никогда не видела прежде.

– В моих генах этого нет! – бросил он жене.

– Хочешь сказать, что это от меня?

Он не ответил, плотно сжав губы. Он весь дрожал. От гнева? От душевной боли? Этого она не знала. А Эдвард с Джимми на руках наклонился, чтобы погладить подбежавшего Байрона.

– Эдвард, это вряд ли поможет, – сказала Элино́р, смотря, как он ласкает пса. – Эти попытки разделить вину. А вот новое освидетельствование может помочь. Я хочу, чтобы Мейбл осмотрел другой врач. Слышишь, Эдвард? Так продолжаться не может.

Последнюю фразу она произнесла дрогнувшим голосом и выскочила в сад, уже не справляясь с потоком слез.

Скрип двери выбивает Элино́р из забытья. Дверь распахивается. Вбегают Байрон, весело помахивая обрубок хвоста и высунув язык. Он тычется мокрым носом в ее ладонь, требуя ласки.

– Если ты думаешь, что я поведу тебя гулять, то очень ошибаешься, – говорит она Байрону, успевшему превратиться в почти взрослого пса: длинноногого, поджарого, с гладкой волнистой шерстью золотистого оттенка и глубокими черными печальными глазами.

Щенок предназначался в подарок Мейбл, но по непонятным причинам избрал хозяином Эдварда, хотя тот так редко бывает дома. Каждое возвращение хозяина приводит пса в экстаз.

– Прости, но тебе придется довольствоваться моим обществом, – шепчет Элино́р, наклоняясь к пушистому уху.

Их дружеские отношения постепенно крепнут. Элино́р гладит Байрона по голове, за что вознаграждается облизыванием руки. Тяжело вздохнув, пес укладывается возле ее ног, опустив голову на лапы, однако продолжает смотреть на хозяйку.

Элино́р звонит в колокольчик. Элис ушла на почту, и чай ей приносит миссис Фолкс. Вскоре должна приехать Роуз. Глотая чай, Элино́р думает о письме Софи и о том, как здорово на день-другой вырваться в Лондон. Между ней и Эдвардом нарастает раздражительность, и дружба Софи нужна ей сильнее, чем когда-либо. Возможно, подруга права и у Эдварда действительно есть отношения на стороне. Бегство от действительности – вот что это такое. После рождения Джимми их интимная близость осталась почти на нуле; ничего удивительного, если учесть продолжительное отсутствие Эдварда. Тело требует своего, жаждет его прикосновений, но они так отделились, что перекинуть мост не представляется возможным.

Она отставляет чашку и обводит взглядом кабинет. Здесь присутствие Эдварда ощущается сильнее всего, потому она и приходит сюда, когда мужа нет дома. Здесь сохраняется его слабый запах: древесный аромат одеколона, сладковатый привкус сигарного дыма. Запах создает иллюзию его присутствия. Но быть может, Эдвард здесь что-то прячет; что-то связанное с его жизнью, о чем она не имеет ни малейшего представления. Кабинет для него – это святилище, надежное место для хранения тайн.

У Элино́р учащается сердцебиение. В горле встает комок. Она открывает ящики письменного стола. Там могут оказаться письма, заметки, стихи или что-то еще. Она роется в содержимом мужниного стола поначалу робко, зная, что занимается неподобающим делом, и почти ожидая, как он вдруг приоткроет дверь, просунет голову и застигнет ее врасплох. Однако с каждым обследованным ящиком ее уверенность возрастает. Эдвард сейчас далеко отсюда, занимается неизвестно чем и неизвестно с кем. Она открывает конверты и записные книжки, просматривает содержимое папок и связок писем, но ничего не находит.

Элино́р разочарованно прислоняется к спинке стула. Она почти надеялась что-то найти. Это бы ударило по ней, но хотя бы объяснило нарастающую отчужденность между ними.

Она встает и подходит к полкам, где собраны папки со статьями, написанными Эдвардом, а также конторские книги. Она присматривается повнимательнее. Здесь собраны все их банковские документы. Элино́р сознаёт, что цепляется за соломинку, но, быть может, поиски прольют свет на какие-то неблагоприятные действия Эдварда.

В течение следующего получаса Элино́р роется в банковских документах Эдварда. Расходы по Брук-Энду ей знакомы; как-никак она сама ими занимается. Но сейчас она просматривает бумаги, касающиеся частных счетов Эдварда. Она старается как можно медленнее листать страницы. От волнения и нервозности у нее взмокли ладони. Каждую страницу она перелистывает, едва прикасаясь большим пальцем и кончиком указательного. Занятие кажется ей постыдным, сродни копанию в чужом нижнем белье. Каждый звук извне заставляет ее подсакивать. Вдруг Элис, вернувшаяся с почты, зайдет сюда вытереть пыль или мисс Хардинг заглянет после прогулки с Джимми? Как тогда она объяснит свое нахождение здесь? Как объяснит? Она никому ничего не должна объяснять. Она же хозяйка в этом доме!

Ее поиски оказываются недолгими. Суммы настолько велики, что сами бросаются в глаза. Вот они, проставленные с завидной регулярностью. Каждый месяц Эдвард снимает со счета крупную сумму денег, а именно двадцать шесть фунтов. В год это составляет триста двенадцать фунтов. Достаточно, чтобы прожить рабочему человеку. И вполне достаточно для содержания любовницы. Элино́р сидит и оцепенело смотрит на цифры. Затем проверяет записи за прошлый год, позапрошлый. Она проверяет каждый год, вплоть до той поры, когда они еще не были женаты. Такое же ежемесячное снятие наличных каждый год. Год за годом, только сумма немного возрастает.

Дрожащими руками Элино́р возвращает папку со счетами на место. Ошибки быть не может. Крупная сумма, да еще наличными. Эдвард что-то скрывает от нее. И начались эти неведомые траты не несколько месяцев назад, а давным-давно, задолго до их женитьбы.

В ее груди что-то взрывается, и безнадежное, сокрушительное одиночество вышибает воздух из легких. Элино́р опускается на стул Эдварда, прячет лицо в ладонях и плачет, стараясь, чтобы ее плача никто не услышал. Муж всегда был для нее надежной скалой. Вплоть

до сегодняшнего момента она и не подозревала, сколь сильно уповает на прочность этой скалы. После трагической гибели их матери Эдвард, по сути, спас ее и Роуз. Ей казалось, что он любит и боготворит ее, однако все ее убеждения оказались всего лишь фантазией. Он никогда ее не любил. Да и мог ли, если все эти годы содержал любовницу? Как он смел с самого начала ей лгать и жить двойной жизнью?! Это кажется невозможным, это какой-то искаженный, фантазмагорический, несуществующий мир. Но она собственными глазами видела суммы. Чем еще объяснить их происхождение?

Сначала Мейбл, теперь Эдвард. Все, что было дорого Элинор, утекает у нее сквозь пальцы, словно мелкий сухой песок.

Глава 16

Эдвард

Эдвард отодвигает стопку листов и трет глаза, стремясь прогнать усталость. Листы представляют собой черновик диссертации на звание доктора философии и принадлежат одному из студентов, которых он курирует. Вот уже несколько лет подряд полноценный, восстанавливающий силы сон без сновидений для Эдварда – редкая роскошь. Минувшая ночь была особенно тяжелой, и сейчас он расплачивается за ее последствия.

Эдвард сильно надавливает пальцами на места за ушами, там, где череп соприкасается с затылком, и начинает медленно водить ими по кругу, испытывая невероятную боль и в то же время блаженное облегчение. Он смотрит на стол, заваленный кипами бумаг. Объем его работы неуклонно растет. Ему уже никак не выкроить время, чтобы вырваться на неделю в Брук-Энд. Он не поехал туда и на выходные, оставшись работать у себя в квартире. Нужно так много сделать, а времени чертовски мало! Студенческая диссертация может обождать. Защита состоится лишь через несколько месяцев.

Эдвард вдруг осознаёт иронию происходящего. Студенты относятся к нему с почтением и жадно ловят каждое его слово. Никто ни разу не заикнулся об отсутствии у него самого докторской степени, что не перестает его удивлять. Невозможно представить, чтобы кто-то из его коллег-преподавателей не имел этой степени. По мнению Эдварда, вмешательство войны и его репутация в научном мире избавили его от необходимости доказывать в теоретическом и практическом смысле, что он достоин подобного звания. Никто ни разу не усомнился в его способности защитить диссертацию и стать доктором философии. Он бы сделал это с легкостью и блеском. Он не раз испытывал на себе свои методы проверки умственных способностей, и они показали, что он входит в один процент населения, занимающий главенствующее положение.

И потом, разве подлинный жизненный опыт и практическая работа менее важны, нежели теория? Наоборот, их значимость куда выше. За годы своей деятельности Эдвард убедился: если ты говоришь

убежденно, подкрепляя свои слова фактами, приводишь статистические и аналитические данные, это способно повлиять даже на самых упрямых политиков.

Вздыхнув, он убирает черновик диссертации и обводит глазами другие проекты, загромождающие его письменный стол в тесном университетском кабинете. Этот кабинет он делит с профессором Литлтоном, чей стол находится в таком же беспорядке. Однако профессор Литлтон здесь не появится, поскольку сегодня суббота и он проводит время дома, с семьей, что должен был бы делать и Эдвард. Но он и так долго откладывал обещанный визит. Он искренне убеждал Вайолет, что навестит Портера. И вот прошло уже несколько недель. Портер не стал жертвой инфлюэнцы и выкарабкался. Но когда на прошлой неделе Эдвард встречался с Вайолет, как всегда передавая ей деньги, вид у нее был непривычно подавленный. Поэтому необходимость повидаться с Портером стала особенно важной.

Есть и другие причины, заставляющие его туда поехать. После минувших выходных эти причины стали еще более очевидными. Эдвард вспоминает происшествие с Мейбл, и у него сжимается сердце. Наверное, не только работа удерживает его от поездки в Брук-Энд. Обстоятельства, с которыми он столкнулся, весьма болезненны. Элинор выразила это в одной короткой фразе: «Так дальше продолжаться не может». И как только она все это выдерживает? Он бывает дома наездами, и то действительность Брук-Энда больно бьет по нему.

Через два часа он сядет в поезд на вокзале Виктория и отправится в Восточный Сассекс. У него есть целых два часа, когда можно беспрепятственно заняться чем угодно, не опасаясь вторжения профессора Литлтона или кого-то из студентов.

Эдвард мысленно перебирает проекты. Все они одинаково важны. Какому уделить внимание? Надо дописать статью о психометрике. Есть работа, выполняемая для Совета Лондонского графства, о проведении серии проверок умственного развития детей, что позволит определить их в соответствующие учебные заведения. После выхода его книги «Малолетний преступник» от него требуют создания программы по исправлению несовершеннолетних правонарушителей.

Но пожалуй, самым важным являются результаты его исследований, с которыми он должен выступить перед членами

Королевской комиссии. Это его часть в общих усилиях комиссии, направленных на принятие нового закона о принудительной стерилизации умственно отсталых женщин, которые должны быть помещены в соответствующие заведения. Проект обширный, однако его осуществление буксует. Эдвард вспоминает слова Бровастого на заседании комитета по образовательной политике. Тогда старик назвал его предложения рискованной игрой и упрекнул в отсутствии неопровержимых доказательств. Эдвард мрачно смотрит на материалы исследований. Ему нужно больше данных. И нужно что-то еще.

Он знает: дополнительные данные подтвердят правильность его теории, и тогда, согласно его же принципам, они с Элиной должны полностью отказаться от рождения новых детей. От этой мысли у него сводит живот. Но это никак не могли быть его гены. В мозгу проносятся воспоминания о трех выкидышах у Элины. Эдвард холодеет. Не было ли это естественным способом избавления от нежелательных детей? Им с женой следовало бы прислушаться к посланиям природы. И что теперь будет с Джимми? Эдварда охватывает слабость при мысли, что Джимми тоже окажется больным. Однако Элина горячо отрицала случаи эпилепсии в своей семье. В мозгу Эдварда начинает шевелиться пока еще слабая догадка. А вдруг это вообще никак не связано с генами их обоих?

Эдвард мысленно чертыхается.

«Прекрати думать!» – приказывает он себе. Ему ли не знать, сколь опасен блуждающий разум?

Проект Королевской комиссии. Эдвард заставляет себя думать о проекте. Как ему вовремя все завершить? Нужен помощник. Возможно, кто-то из студентов. Но ему вовсе не улыбается идея, что такой человек получит свободу делать собственные выводы на основе собранных данных, да еще, чего доброго, поделится ими с другими. Нет, доступ к такому ценному источнику должен быть ограничен. Нельзя сбрасывать со счетов человеческую предубежденность, а при наличии статистических данных всегда возможно манипулирование ими, когда этими цифрами станут подкреплять диаметрально противоположные выводы. Ему нельзя рисковать. Работа всей его жизни – завершить начатое Дарвином и продолженное Гальтоном.

И вдруг его озаряет. Ну конечно же! Черт побери, как он раньше об этом не подумал? Это разрешит многие проблемы и не в

последнюю очередь проблемы его брака. Если он сделает Элиноর помощницей в работе, им так и так придется больше времени проводить вместе. Вовлечение ее в работу будет означать, что он передает ей часть своей нагрузки, а у нее появятся новые интересы. На этой основе они заново построят свои отношения. Когда они только познакомились, Элинор проявила себя отличной секретаршей и ассистенткой. У нее прекрасное умственное развитие, в чем он никогда не сомневался. Это всегда его восхищало. И она абсолютно надежна.

Ей даже не понадобится ездить в Лондон. Она могла бы работать в Брук-Энде, в его кабинете, и это стало бы необходимой отдушиной, позволяя отвлечься от болезни Мейбл. Эдвард мысленно рисует себе картину: Элинор сортирует необработанные данные и чертит на их основе аккуратные графики и диаграммы, естественно руководствуясь его указаниями и под его наблюдением. Он представил, как они сидят вдвоем за его большим письменным столом, пьют чай, а может, и позволяют себе бутылочку хорошего вина. Он улыбается нарисованной картине. Осталось дождаться подходящего момента и преподнести эту идею жене. Эдвард берет ручку, обмакивает перо в чернильницу и после короткой паузы начинает писать.

Путешествие в колонию Хит, где содержатся эпилептики, медленно и утомительно. Паровоз пыхтит, и поезд выбирается из окрестностей Лондона на просторы Сассекса. На коленях Эдварда лежит роман Форстера «Поездка в Индию», однако желания читать нет. Предложение, чтобы Элинор взялась помогать ему в работе, поначалу вызвавшее у него всплеск энтузиазма, померкло, едва он начал вспоминать их недавнюю ссору из-за Мейбл. У него даже в животе заурчало. Эдвард внутренне смеется над своей глупостью. Как он мог подумать, что это исправит пошатнувшиеся отношения?

В тот вечер они обедали вдвоем. Чувствовалось, что Элинор еще не отошла от кошмарного зрелища, когда Мейбл насильно вливали в рот ненавистное лекарство. Жена едва прикасалась к еде, а все его попытки заговорить на другие темы заканчивались неудачей.

– Элинор, я считаю, мы должны серьезно подумать о будущем Мейбл, – наконец сказал он.

Это заставило ее поднять голову от тарелки.

– Эдвард, я хочу, чтобы ребенка избавили от этого отвратительного лекарства. Согласись, никакой пользы оно не приносит!

– Похоже, что так.

– И... И это жестоко. Не могу смотреть на ее страдания...

Элино́р сдерживалась, чтобы не заплакать, отчего у Эдварда сдавило горло. Помнится, он даже потянулся к ее руке. Но что он мог сказать, чем утешить?

– Нужно, чтобы Мейбл осмотрел другой врач, и как можно быстрее.

– Да, – согласился он. – Мы должны это сделать. Я уже нашел специалиста. Некто сэ́р Чарльз Лоусон. Как мне сказали, это признанный эксперт по детской эпилепсии. В Англии это величина номер один. Я надеюсь повидаться с ним на следующей неделе.

Элино́р вскинула голову. В глазах засветилась надежда. Эдвард не сказал ей, что не далее как на прошлой неделе он имел продолжительный телефонный разговор с сэ́ром Чарльзом. Выслушав рассказ Эдварда о состоянии их дочери, доктор сделал неутешительный прогноз. Гораздо лучше, что первая очная встреча состоится без Элино́р. Нужно уберечь ее от всех этих ужасов.

– Должно же существовать какое-то более эффективное лекарство, – сказала Элино́р. – Его просто не может не быть.

– Дорогая, – как можно мягче начал Эдвард, – думаю, нам нужно поговорить не только о лекарстве, но и вообще о будущем Мейбл.

– Что ты имеешь в виду? – с нескрываемым удивлением спросила Элино́р.

– Я имею в виду... – Он помнит, как внутренне собрался, приготовившись произнести дальнейшие слова. – Едва ли найдется врач, способный полностью вылечить Мейбл. Поэтому мы должны прийти к какому-то решению. Она не сможет посещать обычную школу. Не сможет показываться на публике. Играть с друзьями. Нам придется прятать ее от чужих глаз отчасти ради ее же безопасности, но также из-за меня... из-за нас. Моя репутация, моя работа. Недопустимо, чтобы люди узнали, что у нашей дочери эпилепсия, полученная по наследству. Представляешь последствия? Я просто не могу...

– Что? – Элино́р взорвалась, как брошенная граната. – Да как ты смеешь дрожать за себя?! Мне важна судьба Мейбл, а не твоя драгоценная работа или твоя репутация!

– Конечно, конечно, – ответил Эдвард, пытаясь успокоить жену. – Но мы должны думать о будущем. И о Джимми тоже. Каково ему будет расти рядом... рядом с... В общем, мы должны серьезно подумать о месте, где о Мейбл заботились бы наилучшим образом...

На этом разговор прекратился. Элино́р кричала, плакала, а под конец заявила:

– Мейбл покинет этот дом только через мой труп!

Эдвард не рискнул сообщить жене о том, куда он сегодня собрался. Это вызвало бы у нее новую истерику. Но если прислушаться к совету сэра Чарльза, что это наилучшая стратегия, тогда пусть сэр Чарльз сам и обрисует Элино́р перспективу. Гораздо лучше, если предложение будет исходить от него.

В Кройдоне Эдвард пересаживается на местный поезд и доезжает до деревни Кроули. Там он садится в запряженную пони двуколку и едет в колонию. Когда впереди появляются высокая стена и каменные колонны у ворот, Эдварду становится немного не по себе.

Они проезжают через чугунные ворота и попадают в пространство, где стоят основные здания колонии, выстроенные из кирпича. Колония оказалась обширнее, чем представлялось Эдварду. Пони плетется по длинной, прямой, усеянной рытвинами дороге. Справа и слева тянутся поля. За едва вспаханymi полями виднеются волнистые холмы, на которых пасутся коровы и овцы. В поле зрения появляются свинарники с закругленными крышами, а за ними – скопление разномастных курятников.

– Куда дальше, мистер? – спрашивает кучер, молодой парень.

– Где находится главное здание? Мне нужен центр Красного Креста. Я приехал навестить одного человека.

Парень внимательно смотрит на него.

– Так вы приехали к пациенту, сэр? – Он поворачивается и указывает на аллею перед ними. – В центр Красного Креста надо ехать по аллее, потом подняться на холм, свернуть направо и проехать еще. Так отвезти вас туда?

Эдвард в некотором замешательстве.

– Но у меня также назначена встреча с главным врачом сэром Чарльзом Лоусоном. Случайно, не знаешь, где я могу его найти?

Кучер втягивает воздух сквозь сомкнутые зубы.

– Не знаю я такого, сэр. Вот что я вам скажу. Я привезу вас вон туда. – Парень указывает налево, где стоит протяженное двухэтажное здание, к одному краю которого примыкает высокая часовая башня. – Я сюда вожу всех посетителей. Там вам помогут.

Он натягивает поводья и цокает языком. Пони нехотя разворачивается и тащится к башне с часами.

Двуколка останавливается у здания. Эдвард спрыгивает:

– Ты вернешься за мной? Вряд ли пробуду здесь больше часа. Я тебе хорошо заплачу за хлопоты.

– Конечно. – Парень поправляет кепку и улыбается, показывая отсутствие нескольких передних зубов.

После яркого дневного света Эдвард попадает в сумрачный вестибюль. Он называет себя человеку, расставляющему стулья рядами. Человек уходит и через несколько минут возвращается с крупной женщиной в униформе медсестры.

Наморщив лоб, женщина разглядывает Эдварда:

– Добрый день, мистер...

– Хэмилтон. – Он пожимает протянутую руку. – Профессор Хэмилтон.

Она кивает, но не улыбается.

– А я сестра Хоггет. Чем могу вам помочь?

– Я приехал для встречи с сэром Чарльзом Лоусоном, а также для краткого свидания с одним из ваших пациентов в центре Красного Креста. Оба визита... профессионального свойства. По обоим есть предварительная договоренность, – добавляет он.

– Конечно. Пожалуйста сюда.

Сестра Хоггет подводит Эдварда к столу возле входной двери. Там лежит большая конторская книга в кожаном переплете – журнал посетителей. Эдвард вписывает туда свое имя и фамилию, затем идет за женщиной по лабиринту коридоров, пока сестра Хоггет не останавливается возле двери. Постучав, она скрывается за дверью, оставив Эдварда снаружи. Это здание строилось в Викторианскую эпоху. Коридор холодный и плохо освещен. Ничего лишнего. Чем-то

коридор напоминает туннель. Эдвард вздрагивает. Дверь снова открывается. Сестра Хоггет вернулась.

– Сэр Чарльз готов вас принять, – сообщает она и распахивает дверь пошире.

Эдвард входит. Двое седовласых мужчин встают, чтобы поздороваться с ним. Сестра Хоггет говорит, что чай вскоре будет подан, и закрывает за собой дверь.

– Профессор Хэмилтон... – К нему подходит тот, кто пониже ростом и поплотнее, протягивает руку и тепло улыбается. – Очень рад с вами познакомиться. Позвольте вам представить нашего управляющего Гловера.

К ним подходит второй мужчина, ростом повыше, и пожимает Эдварду руку. Этот человек худощав. На орлином носу примостились очки в золотой оправе. Он сутулит плечи, словно всю жизнь был вынужден наклоняться, здороваясь с теми, кто на несколько дюймов ниже его, отчего приобрел привычку ежиться.

– Ах, наконец-то к нам пожаловал неуловимый профессор Хэмилтон! – восклицает Гловер. – Как же мы рады вашему приезду.

Он указывает на стул. Эдвард садится, думая о том, как набраться мужества и изложить истинную цель своего приезда. Он откашливается:

– Джентльмены, искренне каюсь, что только сейчас откликнулся на ваше любезное приглашение приехать. Как вы знаете, я чрезвычайно загружен работой. Пожалуй, ее хватило бы на десятерых. – (Лоусон и Гловер встречают его слова вежливым смехом.) – Но это никоим образом не значит, что ваша работа здесь менее значима. Заверяю вас: я всецело поддерживаю вашу кампанию за принятие закона о принудительной изоляции всех эпилептиков и об их стерилизации. Это, несомненно, поставит нас в один ряд с другими странами, которые уже приняли соответствующие законы или находятся в стадии их принятия.

Он делает паузу. Его собеседники одобрительно кивают.

– Хочу вас также заверить...

Слова Эдварда прерывает открывшаяся дверь. В кабинет входит девочка-подросток, неся поднос с чайником, чашками и кексом. Судя по лицу, эта девочка – имбецилка или слабоумная. Она глупо улыбается гостю и неуклюже ставит поднос на стол.

– Спасибо, Вера, – говорит ей сэр Чарльз Лоусон. – Как ты сегодня?

– Получше, доктор, – медленно отвечает она. – А вот вчера тошненько было. – Она качает головой. – Вот здесь болело... – Она прижимает руки к животу и смотрит на взрослых, словно ища их сочувствия. – В кроватку пришлось лечь. – Она говорит совсем по-детски.

– Ай, как неприятно, – отвечает сэр Чарльз, разговаривая с ней, как с шестилетним ребенком. – Но я рад, что тебе лучше. Я потом к тебе загляну. А сейчас, как видишь, я занят с гостями.

Девочка внимательно и с какой-то тревогой смотрит на Эдварда и управляющего Гловера.

– Доктор, вам чая налить? – спрашивает она, вновь поворачиваясь к сэру Чарльзу.

– Нет-нет, спасибо, – отвечает он. – С этим я и сам справлюсь. А тебе, Вера, надо возвращаться на кухню, не то повариха тебя хватится.

– Тогда я пойду. Пока-пока, доктор. Пока-пока.

Несчастное создание уходит.

– Вера у нас уже несколько лет, – поясняет сэр Чарльз. – Весьма дружелюбная девочка, вполне безобидная, хотя ее развитие остановилось на детском уровне. Как вы уже поняли, она эпилептичка-имбецилка, но она хочет работать и потому вполне вписывается в жизнь колонии. Она работает на кухне, выполняя простые задания: моет посуду, чистит картошку и так далее. Нарезать что-либо мы ей не поручаем с тех пор, как она сильно повредила большой палец. Пришлось швы накладывать. Несколько дней в неделю она помогает и в прачечной. Но не у всех наших подопечных такой покладистый характер, как у нее... Желаете чая?

– С удовольствием, – почти в унисон отвечают Эдвард и управляющий Гловер.

Оба смотрят, как сэр Чарльз разливает чай и нарезает кекс.

– Так вот о чем я говорил, – продолжает Эдвард, пытаясь прогнать назойливую картину, застрявшую у него в мозгу. На месте Веры ему видится подросток Мейбл. – Хочу вас заверить, что мои интересы в этой области полностью совпадают с вашими. Не знаю, известно ли вам, но я провожу обширные и всесторонние исследования о связях между наследственностью и болезнями, правонарушениями и

умственным развитием, а также между разумом эпилептиков и преступными наклонностями. Результаты более чем впечатляющи. Вскоре я буду выступать с докладом перед членами Королевской комиссии, которая, в свою очередь, выдвинет рекомендации по принятию закона о помещении этих несчастных в соответствующие заведения и о стерилизации. Надеюсь, что на следующей парламентской сессии будет подан законопроект, внесенный рядовыми членами парламента. Уверен, у нас достаточно доказательств, чтобы заглушить голоса противников этой политики.

Он умолкает и подносит чашку к губам, надеясь, что собеседники не заметили его дрожащей руки, едва не пролившей чай.

– Превосходно, – говорит сэр Чарльз. – И в самом деле замечательная новость.

– А сейчас вынужден признаться, что причиной моего визита был не только вопрос, о котором мы говорили. – Он ставит чашку и блюдце на стол, боясь за свои нетвердые руки. – Меня привели к вам и другие... причины деликатного характера. Но прежде чем излагать подробности, я должен быть уверен в полной конфиденциальности нашего разговора.

Его собеседники слегка подаются вперед.

– Конечно, дорогой коллега, – отвечает сэр Чарльз. – Мы уже привыкли иметь дело с вопросами, требующими конфиденциальности. Можете быть уверены: что бы вы ни рассказали, это не выйдет за стены кабинета.

Эдвард выдыхает и с несвойственным ему косноязычием начинает излагать сэру Чарльзу ряд фактов, мешающих ему спать по ночам.

После завершения встречи сэр Чарльз вызывает сестру Хоггет и просит проводить Эдварда в центр Красного Креста. Они выходят из здания, огибают большой утиный пруд и поднимаются по склону холма к разбросанным вдали фермерским постройкам. Пока идут, женщина болтает без умолку. Эдвард молчит, едва вслушиваясь в ее слова.

– А скажите, – вдруг спрашивает он, перебив ее на полуслове, – как здесь обращаются с детьми?

Сестра Хоггет удивленно смотрит на него:

– Сэр, я с ними мало сталкиваюсь. Я главным образом работаю в центре для ветеранов войны – да благословит Господь их души! – (Они

проходят еще несколько шагов.) – Вот это школа, – поясняет медсестра, указывая на деревянное здание справа. – За ней помещения для мальчиков. Девочки размещаются вон там, рядом с женским домом. – Сестра Хоггет показывает на ряд зданий, примыкающих к прачечной. – А это, – продолжает она, махнув в сторону весьма обветшалого коттеджа, – у нас называют Младенческим замком. Маленькие дети живут здесь. Я про тех, кто еще не дорос до школы.

Эдвард пытается представить Мейбл в стенах Младенческого замка, но ему никак не удается.

– Родители их навещают? – спрашивает он.

– Редко. Большинство предпочитает не приезжать. И потом, такие визиты лишь расстраивают малышей. Для них лучше забыть, что у них когда-то был родной дом. Теперь их семья здесь.

Центр Красного Креста оказывается просторным зданием, окруженным крытой верандой. Сестра Хоггет вводит Эдварда в небольшой вестибюль и просит обождать. Он остается в темноте. Каждая клетка его тела требует: «Поворачивайся и беги отсюда!» В затхлом воздухе ощущается слабый запах полировочного средства для дерева с примесью запаха каких-то лекарств. Эдварда нервирует тишина, царящая в здании. За все шесть лет пребывания Портера здесь Эдвард ни разу не удосужился приехать. К горлу подступает тошнота вместе с чувством стыда, вины и ненависти к самому себе.

Неожиданно слышится хлопанье дверей. Возвращается сестра Хоггет в сопровождении другой медсестры, помоложе, розовощекой и с удивленным лицом.

– Капитан Хэмилтон? – шепотом спрашивает она, глядя на него, как на призрака.

– Да, – говорит он, – хотя теперь меня именуют профессором Хэмилтоном.

– Боже мой! – Медсестра густо краснеет и совсем теряется. – Я так рада с вами познакомиться. – Она делает неуклюжий реверанс и дрожащими пальцами пожимает протянутую руку. – Реджи... мистер Портер... говорил о вас так много и так часто, что вы стали здесь легендой! – со смехом признается она. – А уж какие истории он рассказывал... Мы даже начали думать, что вы никак не можете реально существовать. И надо же! Вы стоите здесь, совершенно настоящий. Все будут чрезвычайно рады с вами познакомиться!

– Пожалуйста, не надо никакой шумихи, – с нарастающим отчаянием говорит Эдвард. – Я лишь хочу повидаться с Реджи. Мой визит будет кратким. Под вечер мне необходимо вернуться в Лондон.

– Конечно, сэр, – отвечает медсестра, заметно сникая под пристальным взглядом Эдварда. – Я не стану поднимать шум. Как хорошо, что вы приехали. Бедняга Реджи до сих пор оправляется после тяжелой инфлюэнцы. Он был настолько болен, что уж не знаем, каким чудом выкарабкался, – сообщает она, морща лоб. – И без конца бредил. Не так, как из-за своих нервов. По-другому. У него как путаница в голове произошла. И это состояние сохраняется. Мы думаем, болезнь затронула его память. Возможно, встреча с вами пойдет ему на пользу.

Медсестра ведет Эдварда через комнату отдыха, где десяток пациентов греются на послеполуденном солнце. Кто-то курит и играет в карты, а кто-то лежит на кушетках, подперев голову ладонью. Портер находится в дальнем конце комнаты. Он сидит один, глядя в окно на сад и окрестные поля.

– Реджи, – медсестра осторожно трогает его за плечо, – а к тебе кое-кто приехал. Ты ни за что не угадаешь!

Постояв немного, она уходит.

Со спины Портер ничем не отличается от молодых людей его возраста. Аккуратно подстриженные каштановые волосы, широкие плечи. Возможно, излишне худощавый. Услышав слова медсестры, он поворачивается и смотрит.

– Привет, старина Портер, – ухитряется произнести Эдвард, невзирая на растущий комок в горле.

В поезде он пытался морально подготовиться к встрече, но увидеть Портера во плоти после всех этих лет равнозначно удару током.

Портер поднимает дрожащую руку и издает звук – что-то среднее между возгласом и стоном.

– Капитан Хэмилтон? Сэр?

– Да, хотя теперь меня называют профессором Хэмилтоном.

– Сэр, неужели это вы? Вы приехали!

– Да, Портер, это я. Приехал тебя навестить. Я очень... виноват.

Эдвард оглядывается в поисках стула, находит, пододвигает и садится рядом с Портером.

Портер усмехается. Мышцы на одной стороне лица движутся в попытке улыбнуться.

– Вы виноваты?

Рука Портера снова падает на колени.

Эдвард набирается мужества, чтобы смотреть Портеру в лицо. Парень уже давно отказался от маски. По его словам, она давила на лицо и добавляла боли. Так он объяснял Эдварду, когда они виделись в последний раз. Это было еще до женитьбы на Элинор и до того, как Портер перебрался жить сюда – в центр Красного Креста для раненых героев войны, разместившийся на территории колонии Хит. Эдварду и тогда было тяжело смотреть на лицо Портера. Сейчас, через столько лет, это вызвало настоящий шок. Одну половину лица целиком снесло снарядом, оставившим зияющую впадину на месте щеки и глаза. Если бы понадобилась пластическая хирургия, Эдвард с готовностью оплатил бы любую операцию, однако даже самые опытные хирурги, осмотрев парня, заявляли о невозможности восстановления. Вторая половина лица Портера обезображена ожогом. Кожа здесь натянутая и блестящая, исчерченная вдоль и поперек выступающими линиями шрамов. Второй глаз чудом уцелел, хотя видит плохо. Эдвард знает: под одеждой Портера скрывается такая же обожженная и изуродованная плоть. Парня одолевают неутихающие боли, и его жизнь являет собой непрекращающийся ад. В то время как остальной мир стремится забыть войну, оставив ее за спиной, и все настойчивее ищет богатства и развлечений, Портер и подобные ему оказались на обочине жизни. Им никогда не убежать от трагедии, которую война обрушила на них.

– Надеюсь, здесь с тобой хорошо обращаются, – говорит Эдвард, когда вернувшаяся медсестра приносит им чай и фруктовый рулет.

Эдвард наливает чашку чая, отрезает ломтик рулета и протягивает Портеру.

– Как с королем. – Эдвард ощущает попытку Портера улыбнуться. Говорит парень с явным трудом, медленно и нечетко. – Спасибо, что приехали. Я знаю от Вайолет, что вы платите за мое пребывание тут. Сами знаете, у меня, кроме нее, никого, – говорит он дрогнувшим голосом. – А вы мой спаситель и все такое...

– Портер, пожалуйста, не надо, – возражает Эдвард, осторожно касаясь руки парня. – Не надо таких высоких слов.

– Дело вот в чем, капитан, сэр. – Портер пристально смотрит на него единственным глазом, заставляя Эдварда ерзать на стуле. – Надеюсь, вы сможете мне кое в чем разобраться. Здоровым меня не назовешь. Мои легкие... сами знаете, повреждены. А инфлюэнца меня почти доконала. Думал, подхватю пневмонию и она меня прикончит. Прекратит все мои мучения, я так думал. – Он глухо смеется. – Вы ж знаете, у меня всегда бывали кошмары про тот день и то сражение. Но как проснусь – ничего не помню. А тут вдруг, как только цапанул инфлюэнцу, начало что-то пробиваться. Только понять не могу, что к чему. Сэр, можете мне помочь? – с мольбой спрашивает Портер. – Можете помочь вспомнить?

Эдвард смотрит на парня, а у самого кровь стынет в жилах. Отважится он сказать правду или и дальше будет врать, в любом случае его ждет проклятие.

Рано или поздно, но этот этап обязательно наступает. И наступает он, когда вы себе признаетесь, что воюете со мной, а полем битвы является ваш ребенок. И что я побеждаю в этой войне.

Девочку, конечно же, нужно надежно спрятать.

Спрятать от недобрых взглядов, перешептываний за спиной и пересудов. От неприятия и недоверия. Ох, до чего же вы легко находите себе оправдания!

Итак, мы оказываемся в колонии Хит, учрежденной для эпилептиков. В одном из многих мест, построенных вами для тех, кого вы решили убрать с глаз подальше.

Спрятать за высокими стенами, не дающими обитателям убежать и отгораживающими их от добропорядочной публики. В зловонном месте, чье зловоние неистребимо. Оно разлито в спертom воздухе, оно впиталось в толстые стены, темные, холодные комнаты и даже кирпичи зданий. Подгнившая капуста и старые носки. Грязные отхожие места и такое же грязное постельное белье. Болезненная атмосфера, беспросветность и одиночество.

Тюрьма, только называется она по-другому.

За этими стенами живут непригодные и ненужные – отбросы общества, которых вы держите под замком ради безопасности тех, кого вы называете добропорядочными людьми. И сюда же вы собираетесь поместить мою девочку. Это чудесное несчастное создание.

Знаю, как это будет выглядеть. Вижу ее: маленькую, ошеломленную, потерявшуюся среди других таких же отринутых душ. Душ, чей мир ограничен двумястами акрами и простирается от фермы до прачечной и от кухни до мастерских. Дом для мужчин, дом для женщин, жилье персонала. И еще центр Красного Креста, где содержатся солдаты, чей разум повредила война. Его здание стоит на вершине холма. Подходящая высота для тех, кто в траншеях расстался с полноценной жизнью! Да, забыла упомянуть про школу и Младенческий замок для тех, кто еще слишком мал и не понимает, что́ здесь делает.

Для меня все они одинаковы. И для большинства из них я являюсь единственной посетительницей. Понимаете? Во мне больше человечности, чем в вас!

Так я путешествую от души к душе, усугубляя страдания одних и даря просветление другим. Временное забвение, конец всех страданий.

И когда наступит момент, я не забуду мою девочку: малютку, что сидит одна на кровати, плачет по своей маме и прижимает к груди замызганную куклу.

Как видите, я не лишена сострадания!

Глава 17

Элино́р

Кончиками пальцев Роуз гладит руку Элино́р, словно спину кошки. Слава богу, у нее хотя бы есть Роуз. В положении, в каком оказалась Элино́р, сестра – единственный человек, которому она может доверять.

– Уверена, Эдвард никогда тебе не изменял, – говорит Роуз. – Наверняка существует другое объяснение. Элли, он ведь от тебя без ума. Это какая-то бессмыслица. Чтобы столько лет подряд? Такого не может быть. Только не Эдвард. Я просто знаю, он на такое не способен.

– Роуз, а действительно ли мы знаем другого человека? – спрашивает Элино́р, которой не унять слез. – Даже у самых близких мы знаем лишь ту сторону, которую они нам показывают. Сомневаюсь, что мы по-настоящему можем узнать другого.

Роуз ерзает на диване и хмурится. Может, она думает, как утаила от Элино́р тайные встречи с Марселем? Ближится вечер. Дневной свет за окнами постепенно меркнет, в гостиной становится все темнее, но никто из сестер не хочет вставать и включать электричество. Роуз обещала пробыть с ней все выходные и уехать в Лондон в понедельник утром, а не во второй половине воскресного дня. Элино́р вообще невыносима мысль об отъезде сестры. Она смотрит, как Роуз отпивает глоток шерри.

– Роуз, дорогая, налей и мне, – просит Элино́р, которой вдруг захотелось выпить. – Думаю, мне это не помешает.

Роуз улыбается и вскакивает на ноги.

– Конечно, это тебя взбодрит. – Она включает лампу и подходит к бару, где берет чистый бокал и откупоривает бутылку. – Теперь, когда вы с Софи помирились, она настойчиво просила, чтобы я тебя уговорила выбраться в город и навестить нас.

Роуз подает сестре шерри, добавив ободряющую улыбку.

– Думаю, это здорово поднимет тебе настроение, – говорит Роуз, покусывая губу. – На следующей неделе должен приехать Марсель.

Софи пообещала устроить свое знаменитое суаре... Может, и ты подъедешь к тому времени? – осторожно спрашивает она.

Элинон делает большой глоток шерри. Сладкая жидкость обжигает ей горло. Внутри становится тепло. Прежде она чувствовала себя виноватой, не рассказывая мужу про отношения Роуз и Марсея, но сейчас, узнав, что у него от нее есть куда более значительные секреты, уже не испытывает прежней вины. Почему бы ей не побывать на вечеринке? Она не обязана рассказывать Эдварду об этом.

– Думаю, это потрясающая идея, – говорит Элинон, делая второй глоток.

– Вот это по-нашему! – громко смеется Роуз, вскакивает и довольно потирает руки. – Заведу-ка я какую-нибудь веселую музыку!

– Как Софи? – спрашивает Элинон.

– Держится стоически. Генри по-прежнему в своем репертуаре. Бросил последнюю пассию и тут же нашел новую. Его засняли на публике с какой-то актриской. Представляешь? Бедная Софи.

– Да. Бедная Софи.

Супружеская неверность Генри снова возвращает их к мысли об Эдварде. Роуз стоит спиной к дивану и возится с граммофоном. Это даже хорошо; так Элинон легче говорить.

– Знаешь, Роуз, что касается Эдварда... После рождения Джимми, а по сути – задолго до этого... у нас не было отношений. В смысле, супружеских отношений, какие должны быть между мужем и женой. Вполне понятно, что он отправился на сторону и кого-то нашел.

– Элли, отношения, про которые ты говоришь, называются сексом. Так и скажи, что вы давно не занимались сексом.

Это слово заставляет Элинон вздрогнуть. Роуз со смехом поворачивается к ней. В это время гостиная наполняется приятным голосом Джейн Грин, исполняющей «We're Back Together Again». Покачиваясь в ритме песни, Роуз возвращается на диван. «Боже, неужели я такая старомодно-благочестивая?» – думает Элинон. Неудивительно, что Эдвард содержит любовницу! Наверное, близость с ней приносила ему разочарование. А Роуз вполне привычно обходится с этим словечком «секс».

– М-мы перестали, – запинается Элинон, – потому что врач так порекомендовал. На всякий случай. У меня после Мейбл было три выкидыша, и потому... – Она снова делает глоток; шерри благотворно

действует на нее изнутри, музыка – снаружи. – В общем, после рождения Джимми Эдвард стал все больше отдаляться. Такое ощущение, что он охладел ко мне как к женщине. Я была почти готова это принять. Но есть то, чего мне не принять, – сердито продолжает Элино́р. – Ведь его тайная история началась еще до нашей женитьбы. А поначалу нам было не насытиться друг другом. Резвились, как кролики.

Роуз хихикает, забирает у Элино́р опустевший бокал и снова наполняет.

– Сигаретку желаешь? – спрашивает она, доставая из кармана пачку.

Что за чертовщина?! Когда Роуз начала курить? Элино́р трясет головой и закусывает губу. Тоже, поди, влияние Марселя? Но она не станет отчитывать сестру за курение. Промолчит.

– Послушай, Элли, – говорит Роуз, прикурив сигарету и бросая в пепельницу спичку. Она глубоко затягивается, запрокидывает голову и выдыхает облачко дыма. – Это еще ничего не доказывает. Ты делаешь поспешные выводы. Давай рассуждать логически. Ты говоришь, он начал снимать деньги еще до знакомства с тобой. Если у него были отношения с кем-то, почему же та женщина стерпела его женитьбу на тебе?

– Быть может, у нее не было выбора. Может, это женщина с сомнительной репутацией, женщина из низших слоев! – Два последних слова Элино́р буквально выплевывает. – Откуда нам знать?

– Но я думала, что Эдвард презирает подобных женщин.

– Презирает.

– Вот видишь! – восклицает Роуз. – Значит, у этих трат должно быть другое объяснение.

– Возможно, он так и скажет, чтобы замести следы, чтобы я не узнала о грязной, отвратительной стороне его жизни!

– Ну послушай! – Роуз досадливо взмахивает рукой. – Все это не более чем твои догадки. – Она ставит бокал на столик. – А знаешь, чем занимаюсь я, когда мне грустно или паршиво?

Элино́р качает головой и делает большой глоток. Роуз вскакивает с дивана, качает бедрами, крутит головой и дергает плечами. Ее коротко стриженные волосы трясутся вместе с ней, закрывая лицо.

– Я завожу граммофон и танцую, потом курю и выпиваю! Элли, тебе нужно немного встряхнуться. Думаю, ты уже забыла, что значит жить. Потанцуй со мной.

Роуз протягивает руку. Элино́р допивает шерри и встает. Комната слегка покачивается.

– Согласна, – говорит она и позволяет Роуз увести себя от дивана.

Элино́р сбрасывает туфли и начинает двигаться в ритме музыки. Возможно, Роуз права. Но даже если она права, тайна Эдварда не перестает быть тайной. Элино́р непременно узнает, с кем или с чем связана эта тайна.

– Роуз, – говорит она чуть заплетающимся языком, глядя сестре в глаза, – а ты занимаешься сексом с Марселем?

Роуз покатывается со смеху:

– Конечно, черт побери!

На следующее утро Элино́р будит отвратительный стук в голове. Она со стоном поворачивается на спину. Язык прилип к нёбу. В висках тоже стучит, и все назойливее. Ее мучает жажда. Кое-как она приподнимается и садится на постели. Утренний свет, льющийся в щели между занавесками, кажется ей чересчур ярким. Боже милостивый! Как она могла позволить себе вчера так напиться?

Дрожащими руками она тянется к графину на тумбочке, наливает стакан воды, залпом выпивает и сразу же ощущает волну тошноты. Дурость, дурость и еще раз дурость! Она запрокидывает голову. Сердце бьется слишком быстро. Она пытается глубоко дышать и вспоминает две бутылки вина, которые они с Роуз вчера распили. Кажется, они добавили и порцию коктейля? Она не помнит. Вспоминаются обрывки разговоров. Теории насчет Эдварда и тех проклятых денег. Роуз и... да, ее сестра и Марсель – любовники! Элино́р мысленно представляет, как поздно ночью Марсель выскальзывает из отведенной ему комнаты в доме Софи, пробирается в комнату Роуз и они... Подробности, рассказанные сестрой вчера, заставляют Элино́р поежиться. Она прикладывает ладонь к потному лбу. Вспоминает, что вчера, кажется, пообещала Роуз встретиться с этим мужчиной, похитившим сердце сестры. Она даже пригласила его в Брук-Энд, и плевать ей, как к этому отнесется Эдвард. Неужели она так и сказала?

Вспоминаются другие фрагменты вчерашних разговоров. Вчера они говорили о матери и обо всем, что так долго оставалось невысказанным. Горе и гнев, которые Элино́р затолкала поглубже, до сих пор бурлят внутри и легко вспыхивают при одном произнесении материнского имени. Потому ей и ненавистны разговоры об этом. Вчера она плакала. По матери и по Мейбл. Роуз сказала ей, что она так и не пропустила убийство матери через себя. Не отгоревала надлежащим образом и не отпустила горе. Их разговор затянулся далеко за полночь. Она вспоминает, что даже видела, как посветлел восточный край неба. По словам Роуз, Элино́р нужно отпустить свою ненависть. Роуз приняла случившееся и простила убийцу матери. Не сразу, но нашла способ, и это освободило ее, позволив жить и наслаждаться жизнью. Потом они смеялись, слушали музыку. Элино́р расслабилась. Несмотря на пульсирующую головную боль, она ощущает ничем не отягощенный покой. Она выпивает еще воды, снова закрывает глаза и позволяет мыслям унести ее в прошлое.

Элино́р тринадцать лет. Она бегает босиком по пляжу в Уэст-Уиттеринге, стараясь догнать братьев. Один на год старше ее, а другой – на год моложе, но оба сильнее и проворнее ее. Четырехлетняя Роуз ковыляет следом. Сквозь ветер прорывается мамин голос: «Мальчики, Элино́р, следите за младшей сестренкой!» Порывистый ветер приносит крики чаек и резкий привкус соли. Он треплет ей волосы, ударяет по телу. Элино́р бежит против ветра, торопясь достичь большого серого моря с белыми барашками волн. Серебристая пена вздымается так высоко, что невозможно понять, где кончается море и начинается воздух. Братья с веселыми криками добегают до моря и пытаются столкнуть друг друга в кипящие волны. Элино́р и Роуз приподнимают подола платьев и неуверенно останавливаются у кромки воды, затем шлепают по мелководью. Их ноги быстро цепенеют в холодной пене, а платья все равно намокают. Братья намного смелее: прыгают прямо в волны, вскидывая и опуская головы, появляясь и исчезая между колышущимися стенами воды. Элино́р помнит, как она крепко держит Роуз за руку, не сводя глаз с воды. Ее сердце быстро бьется, а взгляд ловит две мальчишечьи головы. Их всегда должно быть две. Ей почему-то кажется, что стоит отвести взгляд – и одна из голов исчезнет навсегда.

Память приносит ей новые яркие картины. Целый калейдоскоп из времен ее отрочества. Их уютный дом на Ричмонд-Хилл, нескончаемые летние дни, когда они играют в прятки в саду, лазают по деревьям и она учит Роуз плести венки из ромашек, которыми сестра украшает свои чудесные волосы. За завтраком отец что-то рассказывает. Мама смеется. Элинор не понимает смысла шутки, и та кажется ей не смешной... Мама накануне вечернего похода в гости. Высокая прическа, изящные локоны вокруг ушей и на затылке; на шее и в ушах поблескивают драгоценные камни... Мама сидит в кресле у камина и своим негромким, теплым голосом читает «Энн из усадьбы Зеленые Крыши», а все четверо ее слушают. В камине потрескивают поленья. Отец еще не вернулся с работы в Сити.

Но затем в воспоминаниях, как и в жизни, идиллия дает трещину. Элинор захлестывает новый каскад воспоминаний, и каждое – словно удар ножом по ее телу. Она зажмуривается, вцепляется в одеяло, будто это может их остановить. Но воспоминания идут лавиной, и она не в силах им помешать.

Осень 1914 года. Отец стоит перед ними в новой форме, готовый отправиться на фронт. Он ерошит волосы Элинор и обещает к Рождеству вернуться домой. Он весело машет рукой и уходит. Тот счастливый, добрый человек уже не вернется, а вернувшийся будет изможденным, сморщенным и опустошенным. В его глазах застыл испуг, ибо он повидал невыразимые ужасы. Это совсем не тот отец, который подтрунивал над ними, щекотал, который в раннем детстве казался им великаном и был полон кипучей энергии. А теперь она видит братьев, готовых исполнить свой долг перед страной и королем. Они поочередно обнимают плачущую маму. Последний раз на памяти Элинор, когда их семья была по-настоящему счастливой. Сначала одна телеграмма, затем другая, и в обеих – беспощадные черные буквы слов: «Погиб в бою». Каждый раз их вручали маме. Вскоре отца, чьи легкие были обожжены горчичным газом, стали одолевать приступы кашля. Он месяцами лежал на диване, цепляясь за жизнь. К тому времени они отказались от слуг. Мама, Элинор и даже маленькая Роуз ухаживали за отцом и занимались домашними делами, экономя деньги и оберегая отцовское достоинство. Смерть забирала его медленно: день за днем, клетку за клеткой, пока не стало и его.

Естественно, они были вынуждены переехать. Скромная военная пенсия не позволяла маме сохранить дом в Ричмонде и оплачивать слуг для его содержания. Мама продала их прежнее жилье и вместе с Элиной и Роуз перебралась в скромную квартиру в не самой лучшей части Белл-стрит. По маминым словам, они жили в Мэрилебоне, хотя на самом деле это был Паддингтон. Мама устроилась в фешенебельный магазин на Риджент-стрит, проводила на работе едва ли не весь день, чтобы ее девочки могли учиться в хорошей школе, красиво одеваться и иметь разные приятные штучки, делающие их жизнь радостнее. Элиноу, как только позволил возраст, поступила на вечерние курсы стенографии и машинописи. Она была сообразительной, быстро обучалась и привлекла внимание преподавателя. У того были знакомые, а у них – свои знакомые, и потому, едва закончив курсы, она поступила на работу в Военное министерство.

И вдруг запретное окно в ее разуме открылось, и она вернулась в тот ужасный день, когда к ним явились полицейские и сообщили об убийстве матери. В груди Элиноу вспыхивает гнев, заставляя ее шумно и яростно дышать. Вспоминаются слова Роуз, произнесенные минувшим вечером: «Элиноу, ты должна научиться прощать. Если не научишься, гнев и дальше будет есть тебя изнутри. У человека, убившего нашу маму, была отвратительная, тяжелая жизнь. Я смотрела его дело. Особым умом не отличался, зато был склонен к вспышкам насилия. Он даже не понял последствий содеянного. С ним чудовищно обращались в работном доме. В момент убийства он не сознавал, что творит. Элли, он был болен, как и Мейбл. Если ты собираешься полноценно жить дальше, ты должна его простить...»

Стук в дверь возвращает Элиноу в действительность. Она залпом допивает воду и приглаживает волосы, стремясь выглядеть пристойно.

– Войдите, – хрипло произносит она, мечтая, чтобы мозги перестали ударяться о черепную коробку.

В щель просовывается голова Элис.

– Доброе утро, миссис Хэмилтон. Решила вас проведать, все ли у вас в порядке. Сейчас без малого одиннадцать часов. Я подумала, может, вы захотите позавтракать. Мисс Кармайкл пошла прогуляться, и хотя она велела вас не тревожить...

– Боже, Элис, неужели одиннадцать! – (Мозг пронзает новая мысль.) – Малыш! Я же должна была покормить Джимми! – Ее груди переполнены молоком, а она только сейчас это почувствовала. – Как же я могла так долго проспать?

– Не волнуйтесь. Утром мисс Хардинг дала малышу рожок со сгущенным молоком. Подумала, что вам надо выспаться после... – Элис смущенно краснеет и торопится к окну, чтобы отдернуть шторы.

– Вы все правильно сделали, – говорит Элинон, снова закрывая глаза от яркого света и массируя указательными пальцами виски. – Я вела себя как последняя дура. Пусть эта головная боль послужит мне уроком, чтобы я больше не повторила такой ошибки. И потом, наверное, уже пора приучать малыша Джимми к рожку. Ему же скоро три месяца.

– Да, миссис Хэмилтон, – говорит Элис и, прежде чем уйти, приоткрывает окно. – Уверена, после яичницы с беконом вы почувствуете себя лучше.

В кухне миссис Беллами цокает языком, кривит губы и недвусмысленно показывает свое отношение к наглой просьбе приготовить еще один завтрак, когда ланч не за горами.

– Поймите, миссис Беллами. Исключительные обстоятельства, – мямлит Элинон, пятясь к двери и удивляясь, почему она извиняется перед женщиной, которая находится у нее в услужении.

Она торопится покинуть кухню и вздрагивает, слыша, как повариха отчитывает бедную Элис за мелкую провинность.

В столовой миссис Фолкс начищает столовое серебро – самое лучшее, какое есть в доме.

– Доброе утро, миссис Хэмилтон.

– Доброе утро, миссис Фолкс. Я безбожно проспала почти все утро. Вчера засиделись с Роуз допоздна.

– Наверное, вам было о чем поговорить. Она ж теперь всю неделю работает в городе. Вы, поди, проголодались. Хотите, попрошу миссис Беллами...

– Ради бога, не надо. Я уже просила. Не стоит дважды ее беспокоить.

– Это точно. – Миссис Фолкс укладывает начищенные ложки, вилки и ножи в ящик буфета. – Подумала, надо почистить на всякий

случай, а то вдруг вы с мистером Хэмилтоном захотите позвать гостей. Вы уже давно не...

– Да. Спасибо, миссис Фолкс. Хорошая мысль. После рождения Джимми мы как-то перестали собирать гостей, но я думаю... – Она замолкает.

Тишина, воцарившаяся в комнате, гнетуще действует на обеих.

Элино́р опускается на стул. Ее голова напоминает качающуюся лодку. В животе бурлит. Вряд ли ей удастся протолкнуть туда завтрак.

– Я вам кофе принесу, – говорит миссис Фолкс и торопливо уходит.

– И пожалуйста, скажите мисс Хардинг, пусть принесет мне Джимми! – кричит вдогонку Элино́р.

– Конечно, – обернувшись, отвечает миссис Фолкс. – Вы ж, наверное, соскучились по своему красавцу. – Она улыбается и уходит.

«Пора брать себя в руки, – думает Элино́р, ожидая кофе. – Слишком много такого, в чем мне нужно разобраться».

Через несколько дней Элино́р выходит из такси напротив элегантного дома на Беркли-сквер, принадлежащего Софи и Генри. Спустились сумерки. Из всех окон в темное холодное пространство площади льется мягкий теплый свет. Элино́р расплывается с водителем, поднимается на крыльцо, всматриваясь в окна верхнего этажа. Оттуда доносятся приглушенные голоса, звуки музыки и всплески смеха. Веселая, манящая атмосфера.

Дверь открывает горничная в красивом черном платье, белом фартуке и наколке. В доме Софи полно слуг. Кое-кого Элино́р помнит, но эта, вероятно, новенькая. Дворецкий, должно быть, наверху, обслуживает гостей. Элино́р идет вслед за горничной по ярко освещенному холлу со стенами янтарного цвета. Ноздри улавливают знакомый запах полировочного средства для дерева и застарелый запах табака. Вот и широкая лестница на второй этаж.

Суаре, устроенное Софи, в полном разгаре. Элино́р входит в главную гостиную. Как давно она не бывала на вечеринках, а тем более одна, без Эдварда. Ее охватывает странное беспокойство, не пуская дальше порога. Элино́р осматривает гостиную, борясь с настойчивым желанием повернуться и уйти. Гости тут никак не меньше сорока. «Встреча в узком кругу» – так это преподнесла ей

Роуз. Прекрасная возможность познакомиться с этим французом. Ее нервы напряжены. Ощущения в желудке напоминают метания птиц, запертых в клетке.

Гости разделились на разномастные шумные кучки. Одни окружили граммофон, другие развалились на роскошных мягких диванах и в таких же мягких креслах. После простого деревенского очарования Брук-Энда гостиная вызывает некоторую оторопь. Немыслимо элегантные темно-зеленые стены и всплески ярких красок, исходящих от больших восточных ваз, портьер и ковров с изображением экзотических птиц и цветов. Судя по виду некоторых гостей, суаре тянется с самого ланча.

Ей не следовало сюда приезжать. Она так и сказала вчера вечером Роуз по телефону после того, как перетряхнула весь свой гардероб в поисках подходящей одежды. Нашлось лишь пять-шесть платьев, в которые она смогла влезть и выглядеть более или менее прилично. Роуз пустила в ход всю силу убеждения, и после долгих уговоров Элинор согласилась приехать только на один вечер с ночевкой. Она выедет из Брук-Энда в середине дня и вернется назавтра к ланчу. Мейбл и Джимми едва ли заметят ее отсутствие. Перед отъездом она обняла и расцеловала обоих. Поезд покатил в сторону Лондона, увозя ее все дальше от детей. Ей думалось, что поездка вызовет ликование, но вместо этого она ощутила тягостное чувство разлуки. словно веревка, оно все крепче сдавливало ей грудь.

Но раз уж она здесь, надо не киснуть, а включаться в общее веселье. Глубоко вдохнув, Элинор входит в гостиную. Дворецкий предлагает ей бокал с коктейлем цвета летнего заката. «Наверное, что-то на основе коньяка», – думает она и делает большой глоток для храбрости. Большинство мужчин собрались в дальнем конце гостиной. Над их головами вьется сигарный дым. Женщины и группка молодых людей находятся в центре, расположившись на диванах или покачиваясь в такт музыке, льющей из граммофона. Как всегда на вечеринках у Софи, в гостиной полно молодых и красивых вперемешку с теми, кто не блещет красотой, но занимает важное место в обществе. Элинор не по себе. Она чувствует себя толстухой. Спустя два с половиной месяца ее фигура еще не вернула себе прежнюю гибкость, какой обладала до беременности.

– Дорогая! Ну наконец-то! – восклицает появившаяся Софи.

На ней невероятно элегантное черное платье со сверкающими блестками. Она проталкивается сквозь толпу гостей, улыбаясь своей совершенной белозубой улыбкой.

– Боже мой! – Софи останавливается и оглядывает Элинора. – Ты потрясающе выглядишь.

– Вовсе нет, – с нервозным смешком отвечает Элинора.

– Посмею с вами не согласиться, – слышится из-за ее левого плеча.

К ней шаркающей походкой приближается лысеющий мужчина с круглым лицом и отвисшими щеками.

– Томас Степлтон, к вашим услугам, – с легким поклоном представляется он. – А теперь, Софи, извольте рассказать, кто эта ваша очаровательная подруга.

Не сводя глаз с Элинора, он морщит нос, напоминая ей пса, вынюхивающего лакомый кусочек. Боковым зрением она видит, как Софи выпучила глаза и едва сдерживает смех.

– Прошу прощения, но нам с моей очаровательной подругой необходимо кое о чем переговорить, – твердым голосом произносит Софи и, взяв Элинора под руку, уводит от голодного Томаса Степлтона.

– Как здорово, что ты здесь, – говорит Софи. – Мне просто не терпится кое с кем тебя познакомить. Они полюбят тебя сразу же. Не бойся, они совсем не такие, как этот распутник Степлтон. Уверяю тебя, они очень милые люди. А у нас с тобой столько тем для разговора. Хочу знать, как ты, как маленькая бедняжка Мейбл... – Софи понижает голос до шепота. – Мне интересно, как ты справляешься. Ну а мои новости... С Генри сплошная беда. Ту жуткую девицу он бросил. Ты знаешь, о ком я говорю. К счастью, она совсем молоденькая. Но теперь у него завелась новая пассия. В промежутке он вел себя со мной вполне пристойно, а сейчас как с цепи сорвался. Нашел себе какую-то актриску и выставляет ее напоказ. Газетчики воют от восторга. Ты, часом, не видела снимки в газетах? Глупец проклятый! Разумеется, я взъелась на него и заявила, что не желаю находиться с ним под одной крышей. К счастью, он перебрался в свой дом в Дербишире и ее туда же притащил. Представляю, как к этому отнеслись слуги, но ему абсолютно наплевать! – Она замолкает, чтобы перевести дыхание. – Не хочу нагружать тебя своими заботами.

– Софи, мне искренне жаль, что Генри так себя ведет. Эти мужчины... – Элино́р осекается.

Да уж, эти мужчины. Неужели и Эдвард таков? Неужели все они таковы? Как бы подруга ни бравировала и ни стремилась показать, что ей все равно, Элино́р знает, как больно задевают Софи похождения Генри. Вдвойне больнее, когда это выплескивается на страницы газет и становится достоянием публики.

– Послушай, дорогая, – говорит Софи, беря Элино́р за руку. – У нас еще будет достаточно времени поговорить. А сейчас мы должны почувствовать себя счастливыми. Я специально позвала своих удивительных друзей. Они сыграют для нас. Так что впереди танцы! Взгляни!

Двое мужчин возле рояля достают из футляров инструменты, а третий усаживается за рояль.

– Особый подарок в твою честь, – со смехом поясняет Софи. – Но сначала... Так вот где вы прячетесь!

Выпорхнув откуда-то, перед Элино́р появляется Роуз. Сегодня она красивее, чем когда-либо. На сестре скромное голубое платье из органзы, слегка поблескивающее в электрическом свете. Ее короткие шелковистые волосы убраны за уши.

Марселя Элино́р представляла себе высоким, смуглым, неотразимо обаятельным. Словом, чем-то похожим на киноактера Рудольфа Валентино. Однако мужчина, стоящий рядом с Роуз, – прямая противоположность этому образу. Ростом он не выше Роуз. Худощав, гладко выбрит. Носит большие очки в круглой оправе. У него длинный нос и близко посаженные умные карие глаза. Элино́р мгновенно теряет дар речи.

Какое-то время они смотрят друг на друга, затем Марсель неуверенно протягивает ей руку. Его кожа мертвенно-бледная, словно он редко бывает на солнце, однако пожатие на удивление теплое и крепкое.

– Здравствуйте, мадам Хэмилтон, – медленно, с сильным акцентом произносит он. – Я несказанно рад. Я так давно ждал возможности познакомиться с вами. Enchanté^[9].

Элино́р смотрит ему в глаза, и они поражают ее своей глубиной. Вместо недалекого повесы, каким она его представляла, перед ней

серьезный человек, глубокий мыслитель. Он слегка касается губами ее руки.

– Здравствуйте, месье Дево... – Она не знает, какие слова произносить дальше.

На языке вертится «И я рада с вами познакомиться», но после всех ее разногласий с Роуз это кажется неподходящей фразой.

– И давно вы в Лондоне? – вместо этого спрашивает она.

– Я приехал только сегодня. Завтра и послезавтра я побываю в нескольких галереях, интересующихся моими работами, а затем вернусь в Париж. Так что визит совсем краткий. – Он усмехается. – Но у меня есть немного времени, чтобы повидаться с вашей удивительной сестрой. – Он улыбается Роуз.

Настоящий Марсель настолько не похож на того таинственного Марселя, нарисованного воображением Элинор, что она мучительно ищет тему для продолжения разговора. Этого невысокого и несколько странного человека никак не назовешь обаятельным. Что Роуз нашла в нем? И вдруг у нее мелькает мысль: а он хорошая пара для ее сестры. Этот Марсель наверняка будет трястись над Роуз и едва ли позволит себе интрижку на стороне.

– Месье Дево, а что еще вас интересует помимо искусства? – спрашивает Элинор.

– Пожалуйста, называйте меня просто Марсель, – слегка поклонившись, просит он.

– Хорошо, Марсель.

– Учеба, – отвечает он. – Вы не находите, что это первая и самая главная потребность? Нам нужно так много узнать о мире, природе и обо всем, что нас окружает. Пытливый ум – это все. – У него блестят глаза. Он смотрит на Роуз и не скрывает своей влюбленности. – В этом смысле у нас с Роуз много общего. И в другом тоже. Мы оба потеряли матерей в одинаковом возрасте. Моя умерла от рака, а... Есть много общего и в том, что касается наших семей. Но это разговор для другого раза. Нас обоих интересует искусство, литература и то, как сделать этот мир лучше и приятнее для жизни. Когда Роуз находилась в Париже, мы многие часы проводили в музеях и картинных галереях.

«Неужели это так?» – думает Элинор, но Марсель говорит вполне искренне.

Ее ум на ходу вынужден делать переоценку личности месье Дево.

– И еще мы много говорили о политике! – продолжает он. – Мы, французы, обожаем политику. А вы, англичане... как бы это сказать... Вы менее открыты в подобных вещах, – говорит он, склоняя голову набок.

– Это точно, – смеется Софи. – В нашей стране политика считается отвратительным занятием.

– Мадам Хэмилтон, быть может, вы согласитесь завтра пообедать со мной и Роуз?

– Элинор, ну пожалуйста! – просит Роуз, молитвенно складывая ладони.

Роуз с Марселем пристально смотрят на нее, ожидая ответа.

– Я бы с большим удовольствием, – говорит Элинор, с удивлением ощущая, что это не просто вежливые слова. – Но завтра утром мне надо возвращаться домой, к детям. Моему сыну всего несколько месяцев от роду...

– Конечно, я понимаю. Тогда, быть может, в другой раз.

Он говорит что-то еще, однако его слова тонут в звуках саксофона и настраиваемой виолончели.

– Придется отложить наш разговор на потом, – со смехом говорит Марсель.

После короткой паузы музыканты начинают играть первую танцевальную мелодию этого вечера.

– Время танцевать! – возбужденно выкрикивает Роуз. – Давай, Элли, потанцуй со мной!

Она протягивает руки. Элинор протягивает свои и чувствует, что тоже смеется. Роуз наклоняется к ней:

– Элли, я знала, что он тебе понравится. Просто знала.

Глава 18

Эдвард

– Доброе утро, дорогая.

Здороваясь с женой, Эдвард слегка опускает газету и смотрит на Элинор поверх страниц. Он приятно удивлен, что она принесла с собой Джимми.

– И тебе доброго утра, маленький человечек, – говорит он, опуская газету еще ниже. – Решил с нами позавтракать, малыш?

Из-за преждевременного появления на свет Джимми, которому почти четыре месяца, несколько меньше, чем дети в этом возрасте. Но это не мешает ему быть живым и подвижным. Его большие глазенки жадно оглядывают еду на столе, а ручонки молотят воздух, словно ему не дождаться момента, когда можно будет схватить тост.

– У мисс Хардинг сильно разболелась голова. Я рекомендовала ей полежать пару часов, поэтому Джимми сегодня завтракает с нами.

Элинор садится, усаживая сына на колени. Джимми немедленно тянется к ее ношу. Элинор подает ему чайную ложку, и малыш тут же засовывает ее в рот. Сама Элинор выглядит бледной и уставшей. Наверное, ей сначала нужно поесть, а потом Эдвард поделится с ней своим замечательным планом привлечь ее к исследовательской работе.

– Ты хорошо спала? – спрашивает он и возвращается к газете, просматривая заголовки иностранных новостей.

«Первое воззвание президента США Г. Гувера»... «Ужесточение наказаний за нарушение „сухого закона“»... «На предстоящих всеобщих выборах в Италии фашистской партии предсказали внушительную победу»... «Интервью Троцкого в Турции»... «231 миля в час – рекорд скорости на суше!»... Двести тридцать одна миля в час! Господи, водителю нужны прочнейшие шоферские очки и стальные нервы. Эдвард встряхивает газету и переворачивает страницу.

– Плохо, – вяло отвечает Элинор на вопрос мужа.

– Вам апельсинового сока или кофе? – спрашивает Элис, входя в столовую вместе с миссис Фолкс.

– Мне то и другое. И тосты с медом. – Элино́р передвигает Джимми, убирая его руки от кофейной чашки.

– А позвольте мне взять малютку, чтобы вы спокойно позавтракали, – предлагает миссис Фолкс, протягивая к ребенку руки. – Думаю, мы с миссис Беллами управимся с ним на кухне.

– Вы согласны? Спасибо за любезность. Это всего минут на двадцать.

Едва дверь закрывается, Элино́р поворачивается к мужу:

– Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

Резкость ее тона заставляет его оторваться от газеты и взглянуть на жену. Она сидит как изваяние. Кажется, еще вчера вечером, приехав из Лондона, он заметил, что с ней что-то не так. Его двухнедельное отсутствие явно не переполнило ее сердце любовью, что бы ни утверждала глупая поговорка. Ему отчаянно хотелось прийти к ней на ночь, но он решил этого не делать. Скорее всего, напрасно. Он почему-то не догадывался, что Элино́р жаждет близости с ним. Но если так, почему бы не сказать об этом вслух? Почему он вечно должен догадываться? А эти женские намеки всегда такие запутанные. Они и раньше сбивали его с толку. Женщины – сплошная загадка. Ничего, как только она начнет помогать ему в исследованиях, у них появится больше тем для разговоров. И они станут больше времени проводить вместе. Тогда и отношения наладятся.

– Конечно, дорогая. – Эдвард откладывает газету и берет второй тост. – Я тоже плохо спал, – говорит он с набитым ртом. – Но в этом нет ничего нового, – со вздохом добавляет он.

Он всегда подчеркивает, что рядом с ней ему спится намного лучше. Пусть Элино́р знает. Но от нее он никогда не слышал аналогичных признаний. Наверное, жену не очень-то привлекает перспектива провести с ним ночь, учитывая его крики, вспотевшее тело и вздрагивающие руки и ноги. Правда, в прошлом она была рада помочь ему справиться с очередным кошмаром; успокаивала, обнимала, гладила по голове и напоминала, что ему ничего не угрожает, что он находится в постели с ней, а не на том проклятом поле сражения, под вражеским огнем. Так у них было в прошлом, но, увы, не сейчас. Лицо Элино́р покраснелось, она ест молча, сосредоточенно двигая челюстями.

Эдвард наблюдает за женой, ощущая усилившееся сердцебиение. Ее присутствие всегда так благотворно действовало на него, воодушевляя, наполняя энергией, возбуждая. Словом, делая его лучше.

– Я все про тебя знаю, – наконец говорит она, глядя на него сердитыми глазами и поджимая губы.

– Я что-то не понял.

Боже, неужели она каким-то образом узнала о его поездке в колонию Хит? А ведь он пытался уберечь ее от волнений. И опять это пошло вразрез с его замыслами.

– Элино, я...

– Это ведь продолжается уже который год и началось задолго до нашей женитьбы. Даже раньше, чем мы познакомились.

Эдвард пристально смотрит на нее. Значит, речь не о колонии.

– Честное слово, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Наверное, это беда с Мейбл так гнетуще подействовала на нее. Может, им куда-нибудь съездить? Или Джимми еще слишком мал, чтобы оставлять его на попечение няни? А славно было бы отправиться на юг Франции. Воображение рисует Эдварду, как они бродят по берегу лазурного Средиземного моря, перекусывают в неприметных бистро, пьют вино, а затем неспешно предаются роскошным любовным утехам. В их гостиничной спальне открыты окна, и теплый ветерок охлаждает их нагие тела. Это бы возродило...

– Ты думал, я никогда не узнаю? – продолжает она. – А я узнала. Я просмотрела твои банковские документы. Я знала: что-то происходит. И я нашла. Банковские квитанции. Мне известно о крупных суммах, которые ты ежемесячно снимаешь. И это повторяется из года в год.

Ему становится не по себе.

– Ты никак не должна была это найти.

– Черт побери, Эдвард, что за глупости ты говоришь?!

Эдвард сглатывает. Его мысли разбежались, и он пытается их собрать.

– Я имел в виду... Понимаешь, дело в том, что я давно должен был тебе рассказать. Знаю, что должен, но я трус. Элино, прошу тебя, поверь мне: у меня не было намерений сделать тебе больно. Но чем дальше, тем труднее мне становилось об этом говорить. И тем менее важным это казалось.

– Что? – Ее щеки краснеют сильнее. – Что значит, менее важным? Для кого? Для меня это очень даже важно! Позволь тебе напомнить: я – твоя жена. А ты так и не покончил с этим, жалкий глупец?

– Нет, не покончил. И не представляю, как смог бы покончить. Сейчас это было бы особенно жестоко.

– Жестоко? – Элинор вскакивает со стула, по щекам катятся слезы. – А мне каково расхлебывать все это? Как у тебя совести хватает так со мной обращаться? Или ты думаешь, твоя ложь – это не жестокость по отношению ко мне?

Скрестив руки на животе, она ходит по комнате, стараясь не разрыдаться.

– Я... Элинор, я виноват. Честное слово, виноват. Но это началось раньше, чем мы с тобой встретились. Я должен был рассказать тебе правду, но все это в прошлом и...

– Нет, это совсем не в прошлом. Ты ведь по-прежнему ей платишь? Кто бы она ни была, ты обеспечиваешь ей роскошную жизнь! Скажешь, не так?

До него доходит смысл слов разгневанной жены, и он вдруг понимает ход ее мыслей. Засмеявшись, Эдвард тоже вскакивает на ноги и подбегает к ней:

– Старушка моя, ты схватилась не за тот конец палки.

– О чем ты говоришь? – всхлипывает Элинор. – Я же видела, какие суммы ты каждый месяц снимал со счета. И так – год за годом. Если ты тратил их не на содержание женщины, тогда на что?

Эдвард хватается за руки и обнимает. Она плачет еще сильнее. Его рубашка становится мокрой от ее слез. Наконец Эдвард вынимает носовой платок и подает ей. Элинор вытирает глаза и высмаркивается.

– Дорогая моя, прости, что заставил тебя поволноваться. Но все совсем не так! Ты сильно ошиблась в своих предположениях!

Элинор поднимает на него заплаканные глаза. Ее сердце бешено бьется.

– Так это н-не женщина?

– Нет! – Он с нежностью смотрит на жену. – У меня никого нет, кроме тебя. Упреждая твой вопрос, скажу: никаких побочных детей у меня тоже нет.

Вскрикнув, Элинор приваливается к его плечу. У нее подгибаются ноги. Она чувствует себя шариком, из которого выпустили воздух.

– Значит... ты мне не изменял? Даже в последнее время?

В ее голосе он улавливает нотки надежды.

– Элино, ты для меня – все. Мне не нужна никакая другая женщина. Зачем мне еще кто-то, когда я держу в объятиях самую красивую, самую удивительную женщину?

– Но Софи говорила...

– Софи? Что вообще она знает?

– Она лишь предположила... И я подумала: поскольку у нас не все благополучно... сам знаешь с чем... тебя потянет искать других женщин, и...

– И ты решила найти подтверждение?

– Да. Прости.

– Думаю, это вполне согласуется с человеческой природой, – вздыхает Эдвард. – У нас есть теория, и мы начинаем искать доказательства, подтверждающие ее правильность.

– Я заглянула в банковские квитанции. Я не должна была совать туда нос.

– Нет. – Он гладит ее по волосам, по щеке, улыбается, глядя ей в глаза. – Прежде чем делать выводы, нужно было спросить у меня, – мягко говорит он.

Элино отстраняется и внимательно смотрит на мужа. Ее слезы высыхают.

– Но если деньги шли не на любовницу и не на содержание ее ребенка, тогда куда? Эдвард, это приличные суммы денег. Ты мне так и не рассказал, куда их тратишь.

– Ты совершенно права. Я обязан тебе объяснить, – соглашается Эдвард. – Это... это часть моей жизни, которую я надеялся оставить в прошлом. Элино, я изо всех сил пытался примириться с тем, что тогда произошло. Изо всех сил пытался забыть, потому никогда и не говорил об этом. Но, как вижу, время пришло. Возможно, это упокоит хотя бы некоторых призраков прошлого. – Он берет Элино за руку. – Давай прогуляемся. Миссис Фолкс не станет возражать, если ей придется чуть дольше повозиться с малышом. На воздухе мне будет легче говорить. – Он свистит, подзывая Байрона, и все трое устремляются по лужайке в лес. – Помнишь, – начинает он, – как вскоре после нашего знакомства меня неоднократно приглашали за медалями, которыми я был награжден во время войны?

– Да, – морщит лоб Элино́р. – Хорошо помню. Я понять не могла, почему ты не спешишь за ними. Ведь ты так храбро воевал. Кончилось тем, что медали тебе прислали по почте.

– Я не был храбрым. – Эдвард проталкивает слова сквозь стиснутые зубы. – Я просто делал то, что в моем положении делал бы любой. Защищал своих солдат. Своих парней. На моем месте так поступил бы каждый. – Он делает глубоких вдох. – Мои парни не дожили до конца войны, а потому к чему мне медали? Напоминание о том, как я их подвел.

– Эдвард, не говори так! Ты их не подвел! Ты делал все, что в твоих силах! Ты бы не смог в одиночку противостоять всей немецкой армии. Не забывай, в той войне я потеряла двоих братьев и отца. Но мне бы и в голову не пришло винить кого-то из британских командиров в их смерти. Поэтому с чего кто-то стал бы обвинять тебя?

Элино́р гладит его по руке. Он едва удерживается, чтобы не оттолкнуть ее руку. Ей никогда не понять, а от ее сочувствия ему становится только хуже. Вот причина, почему он не мог заговорить об этом раньше.

– Эдвард, не надо скромничать, – говорит она. – Пожалуйста, расскажи все как было.

Он берет ее за руку, стараясь не потерять самообладания. Этот разговор между ними должен был состояться. Потом все закончится, и ему не понадобится возвращаться к тем событиям.

– Ты имеешь право знать. Это было в конце битвы при Пашендейле, в первых числах ноября семнадцатого года. В чине капитана я командовал ротой. Нам приказали наступать на немецкие позиции. Мы несколько часов кряду находились под ожесточенным огнем. Мои ребята были измотаны и полностью деморализованы. Все утро рота несла тяжелые потери. Немцы окружили нас почти со всех сторон. Мы находились на грани краха...

Они подходят к воротам. Эдвард открывает створку и пропускает Элино́р.

Они идут рядом. Дорожка узкая, как раз для двоих. Байрон вырывается вперед, радостно помахивая хвостом и предвкушая охоту на кроликов. Эдвард возвращается в гущу битвы.

– Я выяснил: наших солдат косил пулемет на вражеском фланге. Я знал, что долго нам не продержаться. И потому я сделал то, что сделал

бы любой хороший солдат: быстро оценил обстановку и заметил брешь во фланге. Нужно было решаться. Сейчас или никогда... – Он замолкает.

– Что было дальше? – осторожно спрашивает Элинонор.

– Я не стал мешкать, – говорит он, глядя на дорожку. – Я должен был попытаться спасти моих ребят. Шанс на успех был совсем крошечный, но это был шанс, и я им воспользовался. Я выбрался из траншеи, дававшей хоть какое-то прикрытие, и бросился к пулемету. Пулеметный расчет состоял из четверых. Один справлял малую нужду, еще двое курили, а последний спал на посту. К счастью для меня, они не сразу заметили опасность. Я крикнул и без всякого сожаления расстрелял всех. Первым – писающего парня, потом остальных – совсем молодых ребят. Думаю, их парализовал страх от внезапности и ярости моей атаки. Словом, я в одиночку расправился со всем пулеметным расчетом.

– Эдвард, так это же невероятно храбрый поступок! – восклицает Элинонор. – Тебя за это наградили медалями?

– Частично, – кивает он. – Но я еще не все рассказал.

– Тогда продолжай, – шепотом просит Элинонор.

– Я завладел пулеметом. Я был взбешен. Элинонор, ты можешь это понять?

Он поворачивается к жене, всматривается в ее лицо. Никак у нее мокрые глаза?

– Эдвард, я не сужу тебя строго за убийство тех четверых, – говорит она. – Вы были на войне, и ты делал то, что должен. Защищал себя и своих солдат. – Она ободряюще сжимает ему руку. – И что было потом?

– Я развернул пулемет в сторону немецких позиций. Я стрелял без остановки, и это позволило не только одному взводу, но и всей роте... точнее, тому, что от нее осталось, собраться и перейти в наступление, поливая немцев огнем. Эти жалкие гансы бросились бежать. К тому времени я невероятно устал, но продолжал стрелять. Трофейный пулемет помогал мне защищать моих солдат. Я снимал вражеских снайперов и вышибал из вражеских голов любые мысли о возможном наступлении.

– Боже мой! Эдвард, да ты проявлял чудеса храбрости! Я только не понимаю, почему ты отказался это признать.

– Потому что наш успех оказался временным, – качает головой Эдвард. – Отступившие гансы вернулись снова, исполненные ненависти и желания мстить. Кончилось тем, что я потерял всех своих ребят. Одного за одним. Я их подвел. Мы часами, под огнем, вытаскивали раненых из грязи, где они умирали, и пытались переместить их в безопасное место, надеясь, что санитары Красного Креста их спасут. Большинство умерло самым жутким образом. Элинор, я не могу говорить об этом. Просто не могу. – Эдвард обнаруживает, что весь дрожит а у Элинор по щекам катятся слезы. – Я насмотрелся неопишуемых ужасов. Все мои усилия оказались бесполезными. Так мог ли я согласиться на честование, когда на самом деле это был полный провал?

Дальше они идут молча, держась за руки.

В какой-то момент Элинор останавливается и поворачивает мужа к себе. Его лицо оказывается в ее ладонях.

– Тебе не нужны медали. В чудовищных условиях ты сделал все, что смог. В глубине сердца ты это сознаёшь. И это главное. Но ты так и не рассказал мне, куда уходят деньги!

– Ах да, – вяло улыбается Эдвард. – Одному из тех, кого я тогда вытащил из грязи, было всего семнадцать. Парень по фамилии Портер. Рядовой Портер. Его ранило гранатой. Чудо, что он вообще выжил, потеряв столько крови и получив серьезные ожоги... Но он остался жить, хотя его тело было серьезно покалечено, а разум и того хуже... Не стану утомлять тебя подробностями. Портер остался инвалидом, не способным жить без посторонней помощи. Ему сделали несколько операций. Он долго лежал в Королевском госпитале в Сидкапе и других местах, где врачи пытались вновь соединить его разум с телом. Безуспешно. Кончилось тем, что он поселился у своей сестры Вайолет. А у нее муж, маленькие дети. Семья еле сводила концы с концами. Ухаживать еще и за братом она была просто не в состоянии. В отчаянии она написала мне, спрашивая, могу ли я чем-нибудь помочь. И тогда я сделал то, что считал единственно правильным. Я стал оплачивать содержание Портера в центре Красного Креста, который находится в колонии Хит. Эта колония создана для эпилептиков, но они выделили место под госпиталь для инвалидов войны. Теперь ты знаешь, куда уходят деньги.

Элино́р смотрит на Эдварда. Ее рот раскрыт от изумления. Эдвард догадывается, что такая правда очень далека от картин, нарисованных ее воспаленным воображением.

– Но я просто не могу понять надобность в подобной секретности, – помолчав, говорит она. – Почему ты так себя вел?

– Я не хотел шумихи. Не хотел медалей. Одна жизнь – это все, что я сумел спасти. Остальные погибли или умерли от ран. Мог ли я позволить чествования в свой адрес? Я не хотел ни говорить, ни думать о прошлом, ни тем более выслушивать хвалебные речи. Лучше, если никто ничего не будет знать. Вайолет охотно меня в этом поддержала. Это бы осложнило и ее жизнь. Они с мужем гордые. Не хотят, чтобы знали, что кто-то оказывает им помощь.

– Боже мой! Эдвард, как я могла усомниться в тебе?

Она вновь обхватывает его лицо и привлекает к себе.

– Я должен был бы тебе рассказать, – мягко говорит он, глядя ее по щеке. – Прости. У меня не слишком хорошо получаются... – он замолкает, тщательно выбирая слова, – откровения о себе. В последнее время я редко бываю дома. Неудивительно, что...

Элино́р улыбается и берет его за руку. Они идут дальше.

– Элино́р, у меня к тебе тоже есть разговор. Работа занимает почти все мое время и держит вдали от дома. Но у меня появилась идея, которая могла бы изменить положение. – (Элино́р смотрит на него.) – Через считанные недели я должен выступать перед Королевской комиссией с докладом о результатах моего крупного исследовательского проекта. Этот проект направлен на поддержку предлагаемого ими законодательства. Я понял, что не могу весь объем работы тащить на себе. Мне необходим помощник. Брать в помощники кого-то из студентов я не хочу, поскольку мне необходима точность анализа и правильные выводы. Студентам свойственно отклоняться от темы. Они думают, что впечатлят научный мир, придя к противоречивым выводам, не согласующимся с моими. А правильные выводы мне очень важны. Понимаешь, Элино́р? Мне нужен человек, которому я могу абсолютно доверять, который все сделает правильно. Эти исследования имеют жизненную важность, и риск превратного их истолкования слишком велик. Вот я и подумал: может, ты согласишься помочь? Ты такая умная, умеешь быстро справляться с подобной работой. Твоя помощь существенно облегчила бы мне задачу. К тому

же мы могли бы работать здесь, в Брук-Энде. Замечательный повод, чтобы проводить больше времени дома, с тобой.

Ее глаза сияют от возбуждения.

– Seriously? Ты предлагаешь мне работу?

– Да, – смеется он. – Совершенно серьезно! Ты же работала со мной, пока мы не поженились. Мне ли не знать, на что ты способна?

– Ох, Эдвард, это было бы замечательно! Я любила с тобой работать. Конечно, я ничуть не жалею, что вышла за тебя, однако я скучаю по той работе. У нас была настоящая команда: ты и я. Помнишь?

– Да, – улыбается он, – и та команда никуда не исчезла.

Подпрыгнув, Элино́р оказывается в его объятиях, крепко и нежно целуя его в губы.

Целуя так, как еще никогда не целовала.

Эдвард лежит на спине. Спящая Элино́р пристроилась рядом. Ее голова покоится у него на груди; ее волосы, разметавшиеся по его плечу, щеко́чут кожу. Из-под занавесок льется неяркий свет раннего утра. Эдвард смотрит на потолок, вспоминая их любовные наслаждения минувшей ночью. Его охватывает волна желания. Не станет ли Элино́р возражать, если он ее разбудит и они повторят все сначала?

Он смотрит на висящие на стене часы. В сумраке он едва различает стрелки. Еще нет шести. Вряд ли Элино́р обрадуется, если он разбудит ее так рано. Ведь сегодня воскресное утро. Он подождет. Достаточно того, что он лежит в ее постели, их тела соприкасаются и он слушает ее негромкое ровное дыхание во сне.

Невзирая на раннее пробуждение, Эдвард чувствует себя отдохнувшим. Обычно он просыпается с тяжелой головой, а сегодня она ясная. В жилах бурлит новая энергия. Впервые за многие месяцы он отлично выспался. В их отношениях все снова наладится. Сегодня он обязательно должен затронуть вопрос дальнейшей судьбы Мейбл. Разумнее это сделать именно сегодня, когда между ними снова мир и гармония. Элино́р шевелится во сне, ее голова сползает с груди Эдварда на подушку. Он приподнимается на локте и смотрит на спящую жену.

Его накрывает холодной волной стыда. Он ведь намеревался рассказать Элинор всю правду. Всерьез намеревался. А как дошло до дела, не смог. Язык не поворачивался. Вместо этого он изложил привычную версию правды, которую рассказывал неоднократно. Эта версия принесла ему медали, но не позволила их получить. Их ему прислали, и теперь они стыдливо лежат в ящике письменного стола. Может, он допустил ужасную ошибку? Вдруг Элинор раскроет его вчерашнюю ложь?

Нет, такое невозможно, решает он и вновь опускает голову на подушку. Во всем мире только двое знают правду, и лишь один способен ее поведать. Ну чем Элинор может повредить изложенная версия случившегося? Ведь то, о чем он ей рассказывал, было правдой... Пусть и не всей.

Элинор шевелится. Ее веки трепещут. Эдвард смотрит, как она просыпается. Ее почти фиолетовые глаза останавливаются на нем. Она сонно улыбается.

– Привет тебе, – говорит она.

– Доброе утро, – отвечает Эдвард, целуя ее в лоб.

– Как приятно видеть тебя рядом. Я по тебе скучала.

– А я по тебе.

– Эдвард, после всех этих «изысканий» я чувствую себя такой дурой, – говорит она, постепенно просыпаясь. – Ты же простишь меня, правда?

Эдвард чешет в затылке:

– Хм, пока не уверен. Думаю, тебе придется проявить максимум любезности, прежде чем я решу, стоит ли тебя прощать.

Она смеется и пихает его под ребра.

– Вот оно как? А насколько любезной я должна быть?

– Невероятно любезной, – отвечает Эдвард, тычась носом в шею жены. – Есть несколько способов, с которых можно начать...

Она взбирается на него и наклоняется к его губам, закрывая своими волосами его лицо. Ее нежные груди упрутся в его грудь.

– Вот так? – бормочет она, целуя его в губы и мешая ответить.

От этого поцелуя Эдвард тает. Его пальцы тянутся к бедрам Элинор. Он отталкивает волну вины. Самое главное – они снова вместе. Нет ничего важнее этого, и он не допустит, чтобы что-то подорвало восстановленный в семье мир.

Глава 19

Элино́р

Сэр Чарльз Лоусон выглядит весьма импозантно со своими остатками жидких седых волос, окаймляющих его на редкость крупную голову с блестящей лысиной. «Интересно, она сама блестит или он ее чем-то мажет?» – мелькает в мозгу Элино́р, когда доктор протягивает ей руку.

– Добрый день, профессор и миссис Хэмилтон... – Он вяло пожимает руку Элино́р, обтянутую перчаткой. У него красивые длинные пальцы. – Прошу вас, располагайтесь. – Он указывает на два кресла с внешней стороны письменного стола.

Супруги садятся. Доктор смотрит на Элино́р печальными серыми глазами под нависающими веками. Он не улыбается; его лицо серьезно. Сердце Элино́р сникает. Пусть у него найдется ответ. Пусть этот выдающийся невролог (так его характеризовал Эдвард), человек, к которому они обратились за повторным осмотром Мейбл, вылечит ее несчастную, страдающую дочь. С каждым днем девочка все глубже погружается в болезнь, становясь тенью прежней Мейбл.

Лоусон вздыхает и переводит взгляд на Эдварда.

– Уверен, что утреннее путешествие сюда было для вас приятным, – непринужденным тоном начинает он, дотрагиваясь до воротничка. – Редкая погода для июня, не так ли? А уличное движение в Лондоне день ото дня становится все несноснее. Невообразимые пробки у перекрестков. – Он качает головой. – Городским властям надо что-то решать.

– Конечно, – отвечает Эдвард. – Но пока Мейбл находилась в больнице, мы с женой жили в Блумсбери, в нашей лондонской квартире. – Он смотрит на Элино́р. – Жена не хотела находиться слишком далеко от дочери и неплохо проводила время с сестрой и друзьями. Правда, дорогая?

Сэр Чарльз что-то бормочет себе под нос, затем смотрит на бумаги, лежащие перед ним. Кривит губы. Откашливается.

– Знаю, вам не терпится услышать о результатах моих наблюдений за вашей дочерью, а также о результатах ее обследования.

– Да, – отвечает Эдвард.

Он трет ладони о брюки. Нервничает. Элинор знает этот жест, поскольку видела не раз.

– Мы надеемся, что вы сможете ей помочь, сэр Чарльз, – говорит Элинор. – Если честно, вы наша последняя надежда.

– Итак... – начинает сэр Чарльз. – На прошлой неделе с самого первого дня поступления Мейбл в больницу Святой Марии я вел наблюдение за вашей дочерью. Я осматривал ее днем, а также поздно вечером, когда она спала. – Он заглядывает в записную книжку, пробегает глазами по страницам, заполненным убористым аккуратным почерком, постукивая ручкой по записям. – Как я знаю из ваших слов, количество припадков у Мейбл – мы в профессиональной среде называем их конвульсиями – увеличивается день ото дня, и они становятся все интенсивнее. Как ни печально мне вам это говорить, положение вашего ребенка тяжелое. Эпилепсия – заболевание сложное, где не найдется двух одинаковых случаев. Но нам известны некие общие шаблоны, применимые почти ко всем случаям. Развитие болезни тоже проходит, так сказать, одинаковые стадии. Когда болезнь проявляется в раннем детстве, как у Мейбл, это начальная стадия. Первое появление конвульсий. При своевременном медицинском вмешательстве и иных принятых мерах конвульсии поддаются лечению, и может наступить ремиссия. Но если эпилепсия успела укорениться, что, к сожалению, бывает в большинстве случаев, болезнь становится прогрессирующей и имеет дегенеративный характер. Боюсь, в таких случаях обычным исходом становится нарушение умственных способностей. – Он замолкает, давая супругам переварить услышанное. – В случае Мейбл всего за несколько коротких месяцев мы наблюдаем быстрое и серьезное ухудшение.

– Но разве Мейбл не может, образно говоря, перерасти эпилепсию? – спрашивает Элинор.

Сэр Чарльз качает головой:

– В ряде случаев, когда эпилепсия проявлена слабо, возможно, чтобы с возрастом ребенок, как вы сказали, перерос свою болезнь. Но при таких серьезных конвульсиях, какие бывают у Мейбл, благоприятный исход крайне маловероятен. Увы, миссис Хэмилтон, это так. Дело в том, что Мейбл страдает от самых разнообразных видов припадков. Их достаточно много. К несчастью для вашей

дочери, ее припадки относятся к весьма редким категориям, включая галлюцинаторные конвульсии и рассеяние внимания, а также моменты, когда она теряет сознание. Это плохой знак. Упомянутые типы конвульсий зачастую становятся лишь беспощаднее и плохо поддаются медицинскому вмешательству. Мне неприятно вам это говорить, но у маленьких детей они почти наверняка сказываются на умственном развитии. Этим и объясняется потеря Мейбл некоторых способностей и навыков. Судя по всему, постоянные припадки вызывают повреждение отделов головного мозга, управляющих ее речью, отчего Мейбл все с бóльшим трудом подбирает слова. Не исключено, что она вообще утратит способность говорить. Следом идут произвольные падения, ибо девочка, застигнутая припадком, может на что-то наткнуться и споткнуться. Добавьте к этому возрастающую неспособность контролировать свой мочевой пузырь. Мне очень неприятно говорить вам, что все это – симптомы укоренившейся эпилепсии, целиком затронувшей ее мозг. Вред, причиняемый конвульсиями развивающемуся мозгу Мейбл, крайне велик.

Слова доктора гремят в голове Элинора, ударяясь о стенки черепа. У сэра Чарльза влажные губы. Свет настольной лампы делает их блестящими. Ощущая привкус горечи, она смотрит на язык доктора, прижатый к зубам: розовый, похожий на сырой стейк. Этот язык выплескивает бесполезные слова о катастрофе, постигшей их дочь.

– Нам необходимо понять, как вообще у Мейбл могла появиться эпилепсия, – говорит Эдвард с побелевшим от напряжения лицом. – Я всегда был склонен считать... Полагаю, вам известно направление моих исследований... Так вот, я всегда считал, что возникновение подобных болезней напрямую связано с наследственностью. Однако в обеих наших семьях не было больных эпилепсией.

Он смотрит на Элинора, и она вновь мысленно спрашивает себя, верит ли муж, что она сказала правду и что у них в роду действительно не было эпилептиков.

– Конечно, я знаком с направлением вашей работы, профессор Хэмилтон. Разумеется, прямая связь с наследственностью существует, однако, как ни печально, мы не всегда знаем причину возникновения болезни. По нашему мнению, может быть целый ряд причин: шок или испуг. Возможно, даже страх, испытанный матерью еще до рождения

ребенка. Тяжелые роды, неблагоприятная обстановка в семье. Иногда причина попросту неизвестна.

– Значит, причина может и не скрываться в дефектных генах? – запинаясь, спрашивает Эдвард. – Стало быть, не существует причины, из-за которой наш сын или даже последующие дети могут непременно оказаться эпилептиками?

– Нет такой причины. Но простите, я думал, что это как раз область вашей компетенции.

Эдвард ерзает на сиденье кресла и что-то бормочет себе под нос.

– Но каким бы серьезным ни было положение, вы наверняка можете чем-то помочь нашей малышке, – говорит Элино́р. – У современной медицины должны быть более действенные лекарства, нежели эти ужасные соли брома́да. До сих пор они ничем не помогли Мейбл. От них ее тошнит. Каждый прием – с криками и слезами.

Доктор смотрит на Элино́р, постукивая ручкой по записной книжке:

– Миссис Хэмилтон, это лишь ранние стадии болезни Мейбл. Я советую совместными усилиями принять все меры, чтобы ее нынешнее состояние не усугублялось и не вело к дальнейшему ухудшению. Но должен вас предупредить: прогноз неутешителен. Уверен, что вы меня правильно поймете: Мейбл больше не может жить дома.

Элино́р видит, как сэ́р Чарльз и Эдвард переглядываются. Может, они уже обсуждали этот вопрос? В душном кабинете вдруг становится жарко. Сэ́р Чарльз продолжает:

– Вашу дочь необходимо как можно скорее поместить в соответствующее заведение, где она будет ограждена от назойливого внимания посторонних и получит самое современное лечение и помощь.

Он говорит медленно, терпеливо, словно перед ним маленький ребенок, не блещущий умом.

Элино́р поворачивается к Эдварду, но тот бесстрастно смотрит прямо перед собой.

– Какое еще заведение? – слышит она собственный голос и чувствует струйку пота, стекающую по спине.

Она думает о работе Эдварда, обо всех лекциях Евгенического общества, которые посещала. И теперь она вдруг видит неизбежную

практическую сторону евгенических идей. Она снова смотрит на Эдварда, однако тот упорно отводит глаза.

Сэр Чарльз тоже смотрит на Эдварда и как будто ждет разрешения говорить открыто. Эдвард кивает.

– Неподалеку от того места, где вы живете, в графстве Сассекс есть колония для эпилептиков. Туда легко добраться из Лондона, и я там бываю регулярно. Мейбл продолжала бы лечение под моим наблюдением. Поверьте, это единственное решение. Лечение ребенка-эпилептика – это не только прием лекарств. Жизнь в тихой, спокойной обстановке, где нет телесных наказаний, является ключом...

– В нашем доме спокойная обстановка! – восклицает Элинор. – И Мейбл никогда не подвергалась телесным наказаниям!

Сэр Чарльз поднимает руку:

– Я ни на мгновение не сомневался, что так оно и есть. Но для многих наших пациентов, выросших не в столь... благородных и просвещенных семьях, телесные наказания, увы, не редкость. Я всего лишь пытаюсь рассказать вам обо всей атмосфере колонии, оптимально приспособленной для больных эпилепсией, будь то взрослый или ребенок.

Элинор открывает рот, собираясь возразить, но Эдвард сжимает ее кисть.

– Прошу вас, продолжайте, – говорит он.

Сэр Чарльз складывает руки.

– Как я уже говорил, медицина и лекарства – это лишь часть общей картины. Есть множество других важных факторов. Не последнюю роль играет поддержание здорового состояния пищеварительного тракта пациентов. Запоры – враг, и потому необходим регулярный прием слабительных в сочетании с клизмами и водными процедурами. Столь же важна простая, здоровая диета. Пищи не должно быть слишком много. У эпилептиков есть склонность к перееданию, что пагубно сказывается на их желудках.

– Но дома у Мейбл вполне здоровая диета, – начинает Элинор.

– Дорогая, прошу тебя, позволь уважаемому доктору договорить.

Она замолкает. От пережитого унижения у нее вспыхивают щеки.

– Миссис Хэмилтон, я ни на мгновение не сомневался, что вы проявляете поистине образцовую заботу о Мейбл. Однако существуют весьма специфические аспекты, касающиеся эпилептиков и их диеты.

Позвольте вам объяснить. Источником нервной энергии являются преимущественно белковая и азотистая составляющие пищевых продуктов. – Он сурово смотрит на Элинора, и она делает вид, будто целиком понимает слова доктора. – Проще говоря, такие субстанции, как протеины, энзимы и прочие, которые вырабатывает печень в результате взаимодействия с элементами и субстанциями, содержащимися в перевариваемой пище, приобретают особую значимость, когда мы вводим в организм лекарство. К примеру, когда мы сочетаем контролируемую диету с солями бромида, результаты гораздо лучше, чем если бы мы не ограничивали потребление обычных хлоридных солей. Аналогичным образом, когда бромиды применяются в сочетании с беспуриновой диетой, благотворные результаты весьма заметны.

– Беспуриновой? – спрашивает Эдвард.

– Я говорю о продуктах, где пуриновые или аллоксуриевые тела отсутствуют или содержатся в незначительных количествах. Речь о веществах, которые производят избыток мочевой кислоты; например, алкоголь, хотя, естественно, к Мейбл это никак не относится. Но помимо алкоголя сюда же относятся сладкое мясо, печень и бифштекс. Иными словами, уважаемые супруги Хэмилтон, в отличие от вашего дома, в колонии Хит мы способны так сбалансировать диету, чтобы максимально усилить действие принимаемых лекарств.

Элинора молчит. Она в замешательстве. Она парализована перспективой отправки Мейбл в какую-то колонию. У нее леденеет разум при мысли, что ее маленькая дочь окажется в колонии людей с преступными наклонностями, природа которых была так наглядно изложена в лекциях Эдварда на эту тему. Каждая клетка ее тела вопит: нет, нет, нет! Как она выдержит разлуку с малышкой? А как это выдержит сама Мейбл? Такое просто невыносимо.

– Вы рассматриваете изменение в лекарствах, прописанных Мейбл? – спрашивает Эдвард. – И каковы шансы, что она... что она может выздороветь?

– Поначалу мы продолжим давать ей соли бромида. Эти соли, в сочетании с правильной диетой и надлежащей обстановкой, широко и успешно используются на протяжении многих лет. Сложнее всего достичь необходимого баланса в крови девочки. Недостаток бромида влечет за собой недостаточный терапевтический эффект. А избыточное

насыщение... – Сэр Чарльз бросает взгляд на Элинора, делает короткую паузу, затем говорит: – В общем, избыточное насыщение может привести к нежелательным последствиям.

– Вы хотите сказать, фатальным? – Эти слова слетают с языка Элинора как упрек.

Сэр Чарльз кивает и прячет взгляд:

– В крайних случаях – да. Но такие случаи редки, и, как я уже говорил, девочка находилась бы под постоянным наблюдением, и доза, выверенная задолго до...

– Задолго до смерти! – не выдерживает Элинора. – Ну что еще может случиться? Каким еще может быть побочный эффект? От этого жуткого лекарства ее тошнит. Разве это не показатель, что ее организм исторгает ядовитое вещество?

Сэр Чарльз подается вперед:

– Это лекарство очень эффективно, когда дети получают его из рук подготовленного персонала, а не безграмотной в медицинских вопросах няни. И особенно когда оно сочетается с другими изменениями в образе жизни, которые я готов порекомендовать. Что же касается вашего предыдущего вопроса, профессор, скажу так: если мы сумеем перехватить эпилепсию на ранних стадиях ее развития, то сможем достичь полной ремиссии примерно в пятидесяти процентах случаев, хотя долгосрочная ремиссия наблюдается лишь у двадцати процентов больных. Однако у двадцати процентов в течение длительного времени наблюдается значительное снижение конвульсий. И тем не менее должен вас предупредить, что у другой половины больных не отмечается вообще никакого снижения.

– Какая неутешительная статистика! – почти шепотом произносит Элинора. – И что бывает в этих случаях?

– Если лечение солями брома не даст благоприятных результатов, можно попробовать другое, сравнительно новое лекарство, которое мы вот уже три года применяем в колонии. Это лекарство называется фенobarбитал. Мы имеем хорошие результаты, хотя, как всякое лекарство, оно действует не на всех.

Воцаряется пауза, а в голове Элинора появляется идея.

– Вы могли бы назвать остальные изменения в образе жизни?

Возможно, все это им по силам организовать дома. Они бы взяли няню, имеющую медицинскую подготовку. Мейбл бы находилась в

безопасной обстановке Брук-Энда, защищенная от чужих глаз.

– Пожалуйста, сэр Чарльз, расскажите как можно подробнее.

– Ну что ж, – откашлявшись, говорит он и смотрит не на посетителей, а в окно, на квадрат ясного неба и зеленые кроны платанов, едва видимые из его кабинета на четвертом этаже. – Помимо внимания к здоровому состоянию кишечника... – Сэр Чарльз поворачивается к посетителям и продолжает, загибая пальцы: – Ежедневные упражнения, свежий воздух, спинальные души, массаж, строгий режим сна. Ни о каком обычном школьном обучении не может быть и речи. В колонии мы обучаем детей в соответствии с их способностями. Мы сочетаем физические навыки с умственными, то есть осуществляем регуляризацию органов чувств, ориентированную на координацию и умственные упражнения. Необходимо всячески избегать перевозбуждения, а тем более стресса, и потому обучение в обычной школе детям-эпилептикам никоим образом не подходит.

Эдвард одобритительно кивает.

– В дальнейшем... – доктор снова ерзает в кресле, – необходимо и весьма желательно, чтобы жизнь Мейбл ограничивалась пределами колонии. Даже если нам удастся остановить ухудшение ее состояния, хотя, как я уже говорил, это далеко не факт, ей ни в коем случае нельзя выходить замуж. Вам, профессор Хэмилтон, очень хорошо известно о вероятности передачи болезни будущим поколениям через дефектные гены девочки. Поскольку ни о каком браке не может быть и речи, колония для нее является самым лучшим местом. В стенах колонии ей можно подобрать посильные занятия. Например, рисование, шитье или даже мелкая конторская работа, если она сможет заниматься таковой.

– А если не сможет? – спрашивает Эдвард.

– Тогда это может быть работа в прачечной или на кухне. Обитатели колонии должны содержать в чистоте помещения, где они живут, а также школьный класс. Мужчины в основном заняты фермерским трудом, но кто-то ведь должен кормить кур и свиней.

В горле Элинор поднимается желчь. Ей не сидится. Она готова вскочить и выбежать из кабинета, словно ее действительно вытошнит. Усилим воли она справляется с этим состоянием.

– Но ведь до этого не дойдет? – хрипло шепчет Элинор.

– Вы должны знать, – продолжает сэр Чарльз, – о практической стороне такого диагноза. Особенно учитывая характер исследований

вашего мужа.

Откуда у нее ощущение, что она слушает заранее отрепетированную речь? Как будто все усилия сэра Чарльза направлены исключительно на то, чтобы убедить Элиноর (Эдварда убеждать не надо) в преимуществах его предложения.

– Мне неприятно вам это говорить, но разум взрослого эпилептика имеет не только преступные наклонности, но также склонен... я постараюсь выразиться как можно деликатнее... к навязчивым и непристойным действиям сексуального плана.

– Боже мой, Мейбл всего пять лет! – не выдерживает Элинор.

– Да, сейчас ей пять, но она вырастет, превратится в женщину, и такие особенности необходимо знать и учитывать заранее. Половые контакты эпилептиков недопустимы. Это ведет к перевозбуждению и общему ухудшению их состояния. Здесь лучшим лекарством была бы стерилизация. – Сэр Чарльз выдерживает паузу. – В настоящее время она не является принудительной, но я вижу выход в добровольной стерилизации. Пока Мейбл еще мало лет, вы, как ее родители, должны серьезно обдумать такой вариант.

Воздух вокруг Элинор сжимается. Ей становится трудно дышать. Как такое могло случиться с ними? Вся работа, которой занимается Эдвард... Их словно за что-то наказывают. Подумать только: стерилизация.

– Мы знаем это слишком даже хорошо. – Голос Эдварда звучит издалека, словно он находится в соседнем помещении. – Учитывая характер моей работы, крайне важно, чтобы мы следовали всем своим убеждениям. – Он бросает взгляд на Элинор, но она не реагирует. – Вряд ли нам следует проявлять поспешность в вопросе стерилизации. Мейбл еще слишком мала, и у нас есть время спокойно все обдумать. Но я хотел бы упомянуть еще об этом деликатном обстоятельстве. Уверен, вы понимаете необходимость абсолютной конфиденциальности. Я представить себе не могу, если бы вдруг стало известно, что у моего ребенка эпилепсия, даже если в нашем случае причина никак не связана с наследственностью.

Рассеянный взгляд Элинор снова обретает четкость.

– Нет! – оглушительно выкрикивает она. – Мейбл всего пять лет! Она родилась в благополучной семье! Я не могу и не желаю помещать ее в подобное место. Она не может находиться рядом с дегенератами,

преступниками и взрослыми мужчинами, охваченными неуправляемой похотью. Колония, о которой вы говорите, – ужасное место! – У нее дрожит голос. Она импульсивно вскакивает, подходит к столу сэра Чарльза, упирается в столешницу и смотрит на него, ощущая нарастающую панику. – Должна же быть возможность оставить Мейбл дома. Об этом не узнает ни одна живая душа! Мы найдем опытную медсестру, которая будет строго следовать всем вашим указаниям относительно диеты и лекарств. Каждую неделю мы можем привозить дочь сюда, к вам на осмотр. Поймите, я не могу отправить Мейбл в колонию. Я этого не сделаю!

– Миссис Хэмилтон, не накручивайте себя. Истерика здесь не поможет.

– Элинор, пожалуйста, сядь.

Эдвард берет ее за руку. Она позволяет снова усадить себя в кресло. У нее такое чувство, словно она очутилась в гуще кошмара. Ей бы сейчас вернуться в Брук-Энд, к своим книгам. Она читает, а на полу, у ее ног, играет счастливая, нормальная, здоровая Мейбл. И Джимми, конечно, тоже.

– Это исключено, – говорит Эдвард, и его взгляд предостерегает Элинор от новых всплесков. – Мейбл не может дальше оставаться дома. Вы согласны, сэр Чарльз?

Сэр Чарльз угрюмо глядит на супругов и качает головой:

– Боюсь, что не может. Болезнь Мейбл прогрессирует, и ремиссия крайне маловероятна. Зато есть большая вероятность дальнейшего ухудшения ее состояния. Если Мейбл доживет до взрослого возраста, ей понадобится особый уход на протяжении всей жизни. Учитывая этот факт, а также род занятий Эдварда, у вас просто нет другого выбора.

Элинор подавляет крик и лезет в карман за платком. Ее пальцы сжаты в кулаки, чтобы не расплакаться.

– Я не хочу давать вам ложных надежд, – помолчав, говорит сэр Чарльз Лоусон и снова откашливается. – И потом, нужно смотреть вперед, а не назад. Чувства, которые охватят вас после расставания с Мейбл, вызовут у вас состояние, близкое к горю. Нынешняя Мейбл – уже не та, какой была когда-то. Этот ребенок для вас потерян, и ваша горе вполне понятно. Но у вас есть другой ребенок – здоровый малыш. У вас наверняка появятся другие дети. Сосредоточьтесь на сыне и на

будущих детях. В колонии Мейбл будет находиться в безопасности, окруженная заботой. Она будет получать самое лучшее, самое современное лечение и качественный уход. Там ее не достанет мнение так называемых широких слоев общества, клеймящих и осуждающих эпилептиков. Никто не узнает, чьим ребенком она является, и это не отразится на жизни вас обоих так, как если бы вы оставили ее дома. Это поистине наилучшее решение для всех.

Эдвард встает. Сэр Чарльз тоже встает.

– Значит, решено, – слышит Элиноর его голос.

Они с Эдвардом обмениваются рукопожатием, обсуждают подробности и строят планы посетить колонию Хит. Оба говорят почти шепотом. В ушах Элиноর стоит звон. Она чувствует слабость во всем теле. Ей суждено потерять Мейбл, ее дорогую малышку Мейбл, которая станет одним из изгоев общества. Ее дочь не увидит радостей жизни, которые здоровые женщины принимают как должное: мужа, семью, собственного дома. Ей заказан доступ в какую-либо школу. Ни свободы, ни образования, ни любви.

Это пожизненное заключение, которое никогда не кончится ни для Мейбл, ни для Элиноর.

Возможно, было бы лучше, если бы ее дочь умерла.

На улице Элиноর обрушивает на Эдварда поток скопившейся ярости.

– Ты ведь знал об этом? – бросает она мужу, разгоряченная гневом. – Ты уже обсуждал это с сэром Чарльзом, но у тебя не хватило смелости рассказать мне самому, и потому ты привлек его.

– Нет, – отвечает Эдвард. В противоположность ее истерическому состоянию его тон спокоен и уравновешен. – Я ничего не знал о его выводах. Да и откуда мне знать? У него лишь недавно появилась возможность оценить состояние Мейбл.

– Не верю.

Эдвард пожимает плечами:

– Веришь ты или нет, его совет от этого не изменится. Ты слышала сама. У нас нет выбора. Мейбл необходимо отправить в колонию.

– Черт тебя побери, Эдвард! – Она поворачивается к нему, по ее щекам струятся горячие гневные слезы. – Я не позволю ее увезти! Не

позволю!

Он стоит перед ней. На лице никаких эмоций. Как может он быть настолько холодным? Неужели ему все равно? Из глубин ее существа поднимается вопль боли, и она молотит кулаками по груди мужа.

– Элиноор!

Он хватает ее запястья и притягивает к себе. Она смутно осознаёт глазающих прохожих, держащихся на почтительном расстоянии.

Эдвард крепко держит ее за руки, больше не позволяя себя бить. Она еще пытается вырваться, однако гнев, внезапно охвативший ее, столь же внезапно и кончается, сменяясь нарастающим отчаянием. Элиноор утыкается в грудь мужа, тяжело дыша и всхлипывая. Если бы не его руки, она бы не устояла и, словно тряпичная кукла, рухнула на мокрый грязный тротуар.

– Клянусь тебе, – тихо шепчет ей на ухо Эдвард, – я сделаю все, что в моих силах, чтобы Мейбл получала идеальный уход. Мы будем оплачивать ее комфортабельное содержание. Но, Элиноор, ты должна понять: сэр Чарльз прав. Мейбл необходимо отправить в колонию. Это наилучший вариант.

– Но ведь наверняка есть какой-то другой способ, – уткнувшись ему в плечо, возражает Элиноор дрожащим голосом. – У нас есть деньги. Почему бы не оставить Мейбл с нами? Мы могли бы нанять опытную няню и спрятать нашу дочь от посторонних глаз. Королевская семья поступила так с принцем Джоном. Они его спрятали, но оставили дома. Если они это сделали, что мешает нам? Мне невыносимо отправлять Мейбл в колонию. Невыносимо!

Она смотрит на Эдварда, чье лицо из-за слез видится ей размытым и искаженным.

– И вспомни, чем это обернулось для принца Джона, – говорит Эдвард, в голосе которого появляются властные нотки. – Позор для семьи. К счастью для самого принца, ранняя смерть избавила его от дальнейших страданий. Элиноор, в моем положении все обстоит гораздо хуже. При моей репутации, учитывая работу, которой я занимаюсь, мы не можем рисковать. Представляешь, если правда о ее состоянии выплеснется во внешний мир? А в колонии ее истинное происхождение останется скрытым. Там наша дочь будет получать первоклассный уход. Свежий воздух, полная свобода внутри стен. Там она сможет играть с другими детьми. А что ждет ее, если она

останется дома? Ни свободы, ни друзей. Что, если об этом пронюхают газетчики? Последствия были бы губительными. И потом, каково нам видеть ее ухудшающееся состояние?

Глаза Эдварда выпучены, его щеки покраснели, дыхание частое и тяжелое.

Они смотрят друг на друга, и в этот момент Элинор пронзает мысль: а знает ли она Эдварда по-настоящему? Ее муж, тот Эдвард, каким она его всегда представляла, ни за что не произнес бы таких слов.

– Элинор, я делаю это для тебя, – шепчет он, словно отвечая ее мыслям. – Я хочу для тебя самого лучшего. Для нас. Я люблю тебя, Элинор. Люблю.

Но его слова подобны зажженной спичке. Внутри Элинор что-то взрывается.

– Нет! – кричит она ему. – Нет, нет, нет!

Ее кулаки вновь молотят по его груди. Ее не волнует, что прохожие остановились и смотрят на них, разинув рот. Эдвард пытается ухватить ее за руки, но она вырывается и отходит в сторону.

– Элинор! – умоляюще кричит он. – Успокойся! Это безумие какое-то!

– Ты этого не сделаешь! – выкрикивает она и, повернувшись, бежит от него прочь. – Ты не ушлешь моего ребенка. Я тебе не позволю!

Глава 20

Эдвард

Мейбл свернулась калачиком под одеялом, снаружи видна только копна светлых волос, разметавшихся по подушке, словно тонкие шелковые нити. Элинор тяжело опускается на край кровати и гладит дочь по волосам. Из-под одеяла появляется розовое, одутловатое личико. Мейбл прячется от холода больничной палаты с железными кроватями, от энергичных медсестер в белой форменной одежде и докторов с наморщенными лбами. С тех пор как на прошлой неделе она поступила в больницу Святой Марии, родителям впервые разрешили навестить свою дочь. Личико девочки, поначалу сморщенное от страха и замешательства, разглаживается. Увидев лицо матери, Мейбл улыбается.

– Здравствуй, моя дорогая, – тихо и нежно произносит Элинор.

– Мама...

Мейбл садится на кровати и пухлыми ручонками обнимает Элинор за талию, утыкаясь щекой в материнский живот. Она крепко цепляется за мать, словно интуитивно знает, какая участь ее ожидает.

Эдвард отворачивается. Зрелище жены и дочери, цепляющихся друг за друга, почти превышает предел его самообладания. После сцены на улице, когда Элинор успокоилась и они снова обсудили этот вопрос, ему удалось убедить жену, что желание поместить Мейбл в колонию не так уж сильно связано с его работой и что колония – лучшее место для их ребенка. Это делается ради настоящей заботы о Мейбл. Там работают опытные люди, которые знают, как уговорить ребенка выпить лекарство. Там она будет находиться среди других детей. Уж где у нее и есть наибольшие шансы на выздоровление, так это в колонии. У нее появятся друзья. Эдвард приложит все усилия, чтобы Мейбл был обеспечен первоклассный уход. Он обнадежил жену, сказав, что пребывание там – временная мера, а затем Мейбл сможет вернуться домой. Кажется, с его подачи Элинор поняла: если Мейбл оставить дома, ее состояние будет только ухудшаться. Какая мать не пойдет на все, только бы помочь своему ребенку, даже если ей тяжело и больно расставаться с ним?

– А у меня для тебя есть новость. Замечательная новость, – говорит Элино́р, чувствуя, как дрожит ее голос. Она сглатывает и гладит Мейбл по щеке. – Доктор говорит, что ты можешь покинуть больницу. Что ты об этом думаешь?

Минувшим вечером, обедая в лондонской квартире Эдварда, супруги снова и снова обсуждали, как лучше преподнести это дочери. Они находились вдвоем, если не считать приходящей прислуги миссис Тиммс. Но та хлопотала на кухне, а затем, подав на десерт персики со сливками, отправилась домой. В конце концов, после обильных слез с заламыванием рук, Элино́р устало согласилась на вариант, предложенный Эдвардом. Так будет лучше, и это меньше травмирует Мейбл. Дети в этом возрасте легко приспосабливаются, и она вскоре освоится в новой жизни.

Мейбл застыла, вцепившись в мать. Она не произносит ни слова. Эдвард представляет, каково было ребенку провести здесь неделю в окружении чужих, незнакомых людей, которые не оставляли ее в покое. От старшей медсестры не то что доброго слова – обычной улыбки не дождешься. Пятилетней Мейбл пребывание в больнице показалось вечностью, тем более что она совершенно не представляет, зачем и почему оказалась здесь. Вид у нее оцепенелый, глаза затуманенные. Мертвенно-бледная кожа с отвратительными следами расчесов. Боже, он едва может смотреть на собственную дочь! Свежий деревенский воздух быстро нагонит ей румянец.

Эдвард представляет Мейбл в колонии Хит, играющей на поле, где растет сочная зеленая трава, усеянная цветами. За ушами у нее торчат лютики, подчеркивая золотистый оттенок волос. Вместе с другими детьми она весело смеется. А за ними наблюдает улыбающаяся медсестра.

Но он сознаёт всю нелепость нарисованной картины. Такая Мейбл существует только в его воображении. Но ему хочется придерживаться воображаемой идиллии, хочется, чтобы и Элино́р поверила в нее, ведь им тяжело смотреть на постоянно ухудшающееся состояние Мейбл. Это болезненно для обоих. И это причина, хотя, конечно же, есть и другие, почему они не должны навещать Мейбл в колонии...

Мейбл поднимает подбородок и смотрит в глаза Элино́р.

– Мама, домой? – Она дергает за материнский жакет. – Домой?

– Тсс, – отвечает Элино́р, глядя ее по волосам.

Мейбл вдруг морщится, вскрикивает, наклоняется вперед и хватается за живот.

– Больно, – говорит она, и боль отражается на ее лице. – Больно, больно.

Элинор открывает рот, приготовившись что-то сказать, но тут же быстро закрывает. Она качает головой. Резкий свет в палате лишь подчеркивает следы слез на ее щеках. Она осторожно массирует живот Мейбл. Боль уменьшается, и личико девочки разглаживается.

– Вот так! – нарочито веселым голосом говорит Элинор – А теперь давай соберем твои вещи.

Она отодвигает Мейбл, складывает немногочисленную одежду дочери и убирает в чемоданчик.

Теперь на кровать присаживается Эдвард и берет дочь за руки:

– Моя маленькая принцесса, ты и оглянуться не успеешь, как попадешь домой. Но вначале ты побудешь в одном чудесном загородном месте. Там ты сможешь вволю побегать и надышаться чистым деревенским воздухом, а не лондонским удушьем.

Мейбл награждает его вялой улыбкой. В глазах – замешательство и непонимание.

– Там тебе будут давать полезное лекарство и вкусную, свежую еду. А когда тебе станет намного лучше, ты вернешься домой. Но вначале ты должна быть послушной девочкой, много спать и слушать всех тамошних медсестер. Так ты поправишься гораздо быстрее, особенно если не станешь капризничать.

Мейбл смотрит на него во все глаза, потом засовывает большой палец в рот и начинает сосать. Другой рукой она гладит кожу между большим и указательным пальцем отца.

– Мейбл, ты поняла? – спрашивает он.

Никакого ответа. Какое-то время они сидят молча, затем палец Мейбл с чавкающим звуком выскальзывает изо рта.

– Малыш, – произносит она. – Джим, Джим, Джим.

Элинор не сдержат слез. Она сдавленно всхлипывает. Желая заглушить ее всхлипы, Эдвард говорит нарочито громко:

– Да, малыш Джимми. Ты помнишь братика, моя девочка. Ты очень скоро вернешься домой и тогда будешь играть с Джимми.

Мейбл кивает, после чего снова засовывает палец в рот.

– Хорошо! – хвалит ее Эдвард. – Хорошо, что ты все понимаешь и что ты такая большая, разумная девочка. Ты ведь будешь слушаться медсестер, да?

Мейбл снова кивает.

– Профессор Хэмилтон и миссис Хэмилтон?

Эдвард поднимает голову. У кровати Мейбл стоит старшая медсестра палаты, такая же жесткая, как ее накрахмаленная униформа. Эдвард встречается с холодными серыми глазами этой женщины, и у него возникает подозрение, что за всю свою долгую, монотонную жизнь она ни разу не улыбнулась.

– Да, – отвечает он.

– Вам пора прощаться с Мейбл. Сэр Чарльз похлопотал о машине, которая отвезет нашу пациентку прямо в колонию Хит. Ее будет сопровождать сестра Джеймсон. – Она подзывает тоненькую девушку, которую Эдвард даже не заметил. – Машина ждет возле задней двери. Так будет удобнее. Меньше хлопот для всех.

Старшая медсестра держится негибко. Кажется, она готова дать отпор, если Элино́р или Эдвард вдруг посмеют возражать.

Склонив голову и пряча слезы, Элино́р закрывает чемоданчик Мейбл.

– Остальные ее вещи я пришлю из дому, – говорит она, ни к кому не обращаясь, легонько касается губами макушки дочери и, как кажется Эдварду, с заметным усилием произносит: – Итак, дорогая, очень скоро мы с папой к тебе приедем. А сейчас ты будешь себя вести как хорошая девочка. Обещаешь?

Элино́р снова целует дочь и отворачивается, поспешно вытирая слезы тыльной стороной ладони.

Мейбл испускает вопль. Позабыв про свой палец, она шарит вокруг кровати, словно что-то ищет.

– Мама! – всхлипывает она. – Мама!

Со слезами она сбрасывает на пол подушку. Лицо покраснело. На лице – гримаса отчаяния. Элино́р поворачивается к Эдварду, испытывая не меньшую боль, чем Мейбл.

– Мейбл! – упрекает малышку Эдвард. – Хорошие принцессы так себя не ведут.

– Погодите! – восклицает Элино́р. – Поняла. Она потеряла свою Пруденс.

Как и следовало ожидать, куклу находят под кроватью. Увидев ее, Мейбл улыбается, сразу перестает плакать и, успокоившись, вновь засовывает палец в рот, другой рукой прижимая куклу к груди.

– Вот видишь. – Элинон касается руки Мейбл, сжимающей Пруденс. – А ты плакала.

Элинон возвращает на кровать упавшую подушку, затем поворачивается и быстро уходит, пробираясь между рядами кроватей. Ей кажется: стоит задержаться хотя бы на мгновение – и она передумает.

– Благодарю вас, – торопливо говорит Эдвард старшей медсестре. – Думаю, будет лучше, если мы побыстрее уйдем, – понизив голос, добавляет он, а потом в последний раз поворачивается к Мейбл: – Запомни, моя принцесса, слушайся медсестер, принимай лекарство и не капризничай. Тогда ты совсем скоро вернешься домой.

Он уходит вслед за Элинон, ни разу не оглянувшись, торопится покинуть палату. Он надеется, что жена уже не услышит жалобных криков дочери: «Мама, мама, мама!» – и тихого плача, когда Мейбл поймет, что мама не вернется.

После этого супруги пьют чай в «Лайонс корнер хаус». Элинон сидит с покрасневшими щеками. Ее пальцы до белизны костяшек сжимают ручку чашки. Удивительно, как еще чашка не разлетелась вдребезги. Гробовое молчание жены нервирует Эдварда.

– Дорогая, ты согласна, что так будет лучше для всех? – тихо и заботливо спрашивает он.

– Нет, – напряженным голосом отвечает Элинон. – Возможно, ты прав. Но я этого не чувствую. Совсем. Мне кажется, что из меня варварским образом вырвали сердце и внутренности. Я едва выдерживаю боль от случившегося. Сомневаюсь, что мне станет легче хоть когда-нибудь.

– Мне тоже больно, – отвечает Эдвард; пусть не думает, будто он совсем не страдает. – Давай надеяться, что со временем нам полегчает. Нужно постоянно себе напоминать: мы дали Мейбл наилучший шанс, – повторяет он, поскольку они говорили об этом бесчисленное множество раз. – И хотя бы в обозримом будущем нам стоит воздержаться от посещений, чтобы не ранить Мейбл лишний раз. Как говорил сэр Чарльз, нужно всячески избегать травмирующих

ситуаций. Он это знает по собственному опыту. Он видел сотни детей, помещенных в колонию.

Взгляд Элинор, брошенный на мужа, полон жгучей ярости.

– И сколько продлится это «обозримое будущее»? – напряженно спрашивает она.

Эдвард медлит с ответом, зная: он предельно рискует. Одно неверное слово – и на него обрушится лавина ее гнева.

– Думаю, точные сроки называть рано. Как говорил сэр Чарльз, у каждого ребенка это протекает по-разному. Нам нужно проявлять терпение и ждать, пока персонал не сообщит, что она освоилась.

Элинор не отвечает. Эдвард закуривает сигарету. Элинор молча смотрит в окно, даже не притронувшись к чаю.

Затем она поворачивается к мужу. Ее рот искривлен, голос полон горечи.

– Итак, если нам запрещено видеться с Мейбл, если мы должны помалкивать о самом ее существовании из страха, что внешний мир узнает о ее местонахождении, почему бы нам не предположить, будто она умерла? Такой исход вполне вероятен.

Слова жены что-то разбивают внутри его, как камень, брошенный в оконное стекло. Мейбл мертва? Да, во всех отношениях, кроме факта ее существования. Ее больше нет в их жизни, и вряд ли она когда-нибудь появится там снова, что бы он сейчас ни говорил. Элинор выразила вслух то, о чем они оба знают, но он оказался слишком трусливым, чтобы произнести это и даже подумать. По его мнению, чем раньше они примут такое положение вещей, тем лучше. Всякому, кто увидит Мейбл, будь то медик или простой обыватель, сразу скажут: надеяться на выздоровление бесполезно. Сейчас предельно важно, как каждый из них примет новую реальность. Со своим горем они должны справляться, кто как умеет. Нужно продумать стратегию поведения с внешним миром. С прислугой. С жителями деревни. С друзьями. Чем меньше огласки, тем лучше. «Подковерная» стратегия должна сработать. Мейбл превратится в «фигуру умолчания», и со временем, если им повезет, люди и не вспомнят, а если и вспомнят, то очень смутно, что у супругов Хэмилтон когда-то была дочь по имени Мейбл.

Именно так и должно это обстоять, и, как бы Элинор сейчас ни сердилась, со временем она признает его правоту. Ей просто не

останется ничего иного. Эдвард внутренне содрогается при мысли, что тайна их дочери вдруг попадет в хищные руки газетчиков. Перед мысленным взором мелькают заголовки: «Дочь известного евгениста помещена в колонию для эпилептиков!» Или: «Дочь Эдварда Хэмилтона, ярого поборника принудительной стерилизации, оказалась эпилептичкой. Ждет ли и ее участь быть стерилизованной?» Или: «Неужели знаменитый профессор-генетик сам является носителем дефектных генов?»

Он пробует новый подход:

– Элинор, мне думается, в ближайшие недели ты должна нагружать себя разнообразными делами. Это отвлечет твой ум...

– Ничто не сможет отвлечь мой ум от Мейбл, – резко отвечает она.

– Конечно нет. Но у нас есть второй ребенок. Подумай о Джимми.

Она не отвечает.

Ночь – враг Эдварда. Враг, которого он бессилён контролировать, и нынешняя ночь не является исключением. Его сны полны кошмарных видений обезображенного лица Портера, которое каким-то образом превращается в лицо Мейбл, соединенное с изуродованным телом солдата. Словно на дьявольском экране, мелькают разрозненные картины: Мейбл, которую вырывают из материнских рук, и ее рот раскрыт в беззвучном крике; Портер, корчащийся от боли; они оба, спускающиеся в подобие Дантова ада, полного нескончаемых мучений.

Эдвард включает ночник. Половина третьего ночи. Он садится на постели, подтянув колени к груди. Тишина давит на него со всех сторон. Его холодная, мокрая пижама прилипла к спине. Он встает, сбрасывает пижаму и надевает чистую. Коже становится приятно от прикосновения сухой и мягкой хлопчатобумажной ткани. Он идет по коридору в ванную, где выпивает стакан воды, затем смотрит на свое отражение в зеркале. Оттуда на него глядит мужчина средних лет. Волосы, седеющие на висках, морщинки вокруг глаз. Когда он успел постареть? Лицо как лицо. Просто лицо с двумя небольшими глазами, тонкими губами и редкими волосами надо лбом. С чего он решил, что в большей степени заслуживает почестей, нежели другие? Выпитой воды ему недостаточно.

Он наливает виски в стакан и возвращается в спальню. Теперь, когда Элинор вернулась в Брук-Энд, он снова один в своей унылой лондонской квартире. Нужно все обдумать, во всем разобраться. Такое ощущение, будто время стремительно несется ему навстречу. Оно пришло за ним, и он бессилён помешать этому. Эдвард снова ложится, устраивается на подушках и смотрит в стакан.

На мгновение он превращается в семилетнего мальчика, впервые попавшего в закрытую школу. Маленький, испуганный, он оказался в жестоком, безжалостном мире, окруженный чужими людьми. Ребята постарше постоянно задирают его за пристрастие к чтению и равнодушие к шумным играм, за неаристократическое происхождение и неотшлифованную речь. Отец Эдварда думал, что частная подготовительная школа, а затем и такая же средняя школа откроют сыну двери в другой мир; надеялся, что сын утвердится в этом мире и будет допущен в высшее общество, общество джентльменов. Однако школьное общество оказалось вовсе не джентльменским, а жестоким и придирчивым. Когда Эдвард подрос, он понял, что никогда не будет считаться в этой среде своим парнем, а потому держался смиренно и усердно учился. К счастью, природа не обделила его умом. В конечном итоге ум и трудолюбие спасли его. Интеллект стал его средством выживания. Он писал сочинения другим ученикам, его дарования восхищали преподавателей. Это было его методом приспособиться. Однако он ненавидел каждое мгновение в школе. Желание поскорее покинуть ее было настолько велико, что два последних класса он прошел за год и, поспешив под священные своды Оксфорда, начал жизнь первокурсника.

Однако со временем представление Эдварда о себе стало целиком подчиняться тому, как его воспринимают другие. Увы, он никак не подходил под стандарты студенческой среды. Его считали слишком тщедушным, не умеющим проявить себя в спортивных состязаниях; слишком серьезным и застенчивым, чтобы быть душой компании; недостаточно привлекательным и остроумным. Словом, ему недоставало практически всех качеств, по которым его однокашники судили и оценивали друг друга.

Положение изменилось к лучшему, когда он окончил университет. Теперь его оценивали преимущественно по умственным способностям и результатам работы. Он приобрел определенную репутацию, чему

способствовали его исследования, признанные ценными, а также его работа с малолетними правонарушителями и успехи в их перевоспитании. Он нашел свое место в жизни и ее смысл, и его немало пострадавшее эго наконец-то осмелилось пустить тоненькие зеленые ростки.

И только все в его жизни пошло хорошо, как разразилась война. Первоначально работа Эдварда в сфере образования была признана важной в общенациональном масштабе. Но к 1915 году ему стало понятно, что его – неженатого, здорового и сравнительно молодого – рано или поздно призовут в армию. Число жертв росло, число новобранцев – тоже, и в армии ощущалась острая нехватка офицеров для командования этими молодыми необстрелянными ребятами. Эдвард не был ни прирожденным солдатом, ни прирожденным командиром, но он происходил из соответствующего социального слоя. От него ждали понимания и решительных действий. Он должен был стать Настоящим Мужчиной.

С того дня Эдвард играл роль. Он изображал человека, каким никогда не был; человека, на которого эти неотесанные подростки должны смотреть с уважением и подчиняться. Он вел себя сообразно выбранной роли. Ему верили. У него получалось. Он почти поверил, что и в самом деле является таким человеком: бесстрашным, не убегающим от опасности. Так продолжалось вплоть до того судьбоносного сражения...

Он делает глоток огненного виски. Жидкость приятно обжигает горло. Виски напоминает ему, что он жив и находится в настоящем моменте. Однако его разум возвращается к войне.

Эдварда быстро повысили, и он из лейтенанта стал капитаном. Причиной был отнюдь не его талант командира, а отчаянная нехватка командного состава. Теперь под его началом находились не пятьдесят, а двести человек. Мужчины, но лишь по принадлежности к мужскому полу. Большинство его подчиненных были совсем молодые парни, самым старшим из которых едва перевалило за двадцать. Они происходили из разных слоев общества: сыновья врачей и учителей, лавочников, дворников и фабричных рабочих. Порой Эдвард чувствовал, что вынужден быть для них не только командиром, но еще отцом и учителем.

Рядовой Портер был обычным семнадцатилетним парнем. Сама заурядность. Школу он покинул в двенадцать лет, успев научиться лишь чтению, письму и азам арифметики. До армии он работал простым рабочим на стройплощадке. Подобно многим новобранцам, он попал в роту Эдварда сразу после курса начальной военной подготовки. Эти несчастные остолопы не подозревали, что их ждет. Они оказались на фронте. Их не смущало, что у половины даже нет надлежащего обмундирования. Зато они были полны наивной уверенности, что зададут проклятым гансам перцу. А вместо этого жизнь швырнула их в зловоние преисподней.

Однако Портер, невзирая на свою заурядность, отличался от других характером. Ничто не казалось ему слишком тяжелым и опасным. Он постоянно насвистывал и напевал, весело относясь ко всем превратностям фронтовой жизни.

– Так-так, сэр, – обычно говорил он, появляясь в блиндаже Эдварда. – Чем вас угостить на завтрак? Чай. Естественно, свежей заварки. А как насчет яичницы с беконом и колбасы?

Усмехаясь, он подавал Эдварду несъедобный хлеб из турнепсовой муки и тонкий ломтик солонины. Но иногда его маленькие шутки и веселое, жизнерадостное настроение творили чудеса, и жизнь хотя бы ненадолго делалась более сносной.

Но один из дней битвы при Пашендейле стал днем, когда мир Эдварда изменился навсегда и родилась ложь. На самом деле не было никакого храброго капитана Хэмилтона, который переломил ход сражения на своем участке фронта. В действительности капитан Хэмилтон оказался жалким, дрожащим существом, утратившим самообладание, когда оно требовалось особенно остро. В тот день Эдвард валялся на дне траншеи, дрожал, не в силах шевельнуться, не в силах встать и повести своих солдат в атаку. Его шкуру спас не кто иной, как рядовой Портер. Не Эдвард, а Портер оценил ситуацию и увидел брешь во вражеском фланге. Не Эдвард, а храбрый Портер бросился к немецкому пулемету и почти в упор уложил всех четверых из своего пистолета. И опять-таки Портер завладел пулеметом, развернул оружие в сторону врага и проявил чрезвычайную храбрость, спасая сослуживцев, пока не подоспело подкрепление и санитары Красного Креста, переправившие раненых в полевые госпитали.

Вот так. Наконец-то правда.

Наконец-то он признал эту правду для себя.

Осталось лишь рассказать ее остальному миру. Жене, которая потянулась к нему, привлеченная ложным ореолом. Высоким военным чином в Лондоне, которые посчитали его героем войны и подняли на уровень, заставляющий всех сидеть и слушать его, затаив дыхание. Храбрый капитан Хэмилтон был человеком, достойным того, чтобы его слушали. Человеком, достойным хорошей жены. Заслужившим всеобщее почтение.

Меж тем раненый Портер, изуродованный до невообразимости, дергался в судорогах на госпитальной койке, заглядывая в бездну. Никто не ждал, что он выживет. Эдвард до сих пор не знал, кто нашел Портера на ничейной территории и перетащил в безопасное место. Командиры и санитары Красного Креста предположили, что спасителем оказался Эдвард, который в тот момент бродил как полоумный, плача и что-то бормоча. Его искренне поблагодарили за храбрость, а он ни тогда, ни потом не разуверил их, не сказал, что герой вовсе не он. Пусть мир думает, что это он, Эдвард, заслужил всю славу.

Однако Портер выжил, хотя напрочь утратил память о событиях того дня. Ему, как и всем другим, скормили ту же лживую историю, и потому он считает, что обязан Эдварду жизнью. Вернее, тем, что от нее осталось.

Эдвард познал совсем другое отношение к себе. Теперь его считали мужественным, достойным человеком, и он упивался уважением окружающих. Впервые в жизни его заметили. Женщины обращали на него внимание, флиртовали с ним. Это был совершенно новый мир, которым он наслаждался сполна.

А затем он встретил Элиноর. Он влюбился в нее с первого взгляда. Если бы не ложный образ героя, она бы даже не взглянула на такого, как он. На того, кем он был... и остается. А если бы и взглянула, то быстро бы прошла мимо. Она и не догадывалась, что записку на ее столе оставил лже-Эдвард, лихо играющий роль бравого уверенного офицера. Ни одна девушка не пошла бы в кафе на свидание с трусом. Но какая девушка отказалась бы работать у энергичного, целеустремленного капитана, чье имя и фотография мелькали во всех газетах? Он постарался, чтобы эти газеты попались Элинор на глаза... Все эти годы их отношения строились на лжи.

Ему еще повезло, что их неожиданная встреча произошла, когда Элинор отчаянно нуждалась в общении и поддержке. Она продолжала скорбеть по убитой матери. Если позволить себе крамольную мысль, судьба сыграла ему на руку, ибо мать Элинор убил человек из низших слоев общества. Имбецил, принадлежащий к отбросам, которые, как надеялся Эдвард, вскоре будут изгнаны из общества. Борьба за чистоту нации стала и продолжает оставаться делом его жизни. Эдвард усердно изучал труды великих последователей дарвиновской теории наследственности. Собственный опыт Элинор и его научный интерес свели их вместе, дали им общее дело, и Эдвард, действуя как мужчина, каким он так хотел стать, вмешался в ход событий и спас ее вместе с Роуз.

За окном начинает светать. Эдвард допивает виски в стакане. Он пьянеет, ощущая приятное оупение в голове. Расправив подушку, он ложится. Комната кренится и покачивается. Глаза сами собой закрываются. Перед мысленным взором мелькает улыбка Элинор, Джимми, улыбающийся беззубым ртом, бледная, изможденная Мейбл со своей неразлучной Пруденс, крепко прижатой к груди. Затем появляются лица восторженных слушателей, внимающих его докладу, лица друзей и коллег из правительственных кругов и высших слоев общества. Слышатся перешептывания о рыцарском звании, которое не за горами: сэр Эдвард Хэмилтон.

Еще немного – и он потеряет контроль над ходом своей жизни.

VI

Как я и предвидела, они поместили ее в Младенческий замок.

Теперь она — моя девочка. А почему бы нет? Родители услали ее с глаз долой, и отныне она будет находиться под моим присмотром. Она брошена на произвол судьбы, хотя и находится под бдительным оком старшей медсестры мисс Мэннерс и обслуживающего персонала, дежурящего по суткам.

Малышка бродит пошатываясь. У нее кружится голова. От доз бромида, которые вы ей даете, у нее слабеют руки и ноги, болят мышцы и донимают позывы на рвоту. Зачем вы это делаете? Вашим никчемным лекарством меня не остановит, а ей оно причиняет страдания.

Младенческий замок. Отнюдь не рай земной с горами игрушек, ручными кроликами и увеселителями, развлекающими детей. Он стоит на вершине холма. Внутренний двор отделяет его от главного здания этой колонии для эпилептиков. Главное здание имеет высокую башню с часами и приземистый зал с кирпичными стенами, украшенный цветами и веселыми флажками. Зал — единственное место в колонии, куда приглашают вас, помпезная публика. Здесь устраивают спектакли добрых деяний, которыми так гордились основатели колонии с их горячими христианскими сердцами. Отцам-основателям это место виделось как приют, где нетрудоспособных чему-то обучают, как родной дом и школа для эпилептиков. Колония задумывалась как некое уединенное пристанище для тех, кого ваше общество старается не замечать и охотно объявило бы несуществующими. Здесь эти изгои находятся под наблюдением специалистов. Высокий идеал, кто бы сомневался. Но у вас, людей, всегда происходит так, что ваши грандиозные планы, якобы защищенные от всех превратностей, не оправдывают ожиданий и оборачиваются прямой противоположностью.

В Младенческом замке даже жаркой летней порой постоянно холодно. А зимой холод в его помещениях становится просто зверским. Как легко глубокой ночью, когда мороз свирепеет, бесшумно переходить от одной детской головки к другой, двигаясь вдоль рядов

кроваток. Какую сумятицу я устраиваю, выдергивая заспанных няnek из их теплых постелей и заставляя идти к своим кричащим и плачущим подопечным.

У здешних врачей и медсестер хлопот полон рот благодаря моим постоянным визитам и визитам моих друзей: инфлюэнцы, пневмонии, дифтерита и сепсиса, свинки и туберкулеза. Шансов выжить у детей немного.

С недавних пор меня заинтересовал один персонаж. Нет, не пациент, а врач. Молодой и, если я не слишком ошибаюсь, чересчур самоуверенный. Это некто доктор Эверсли, считающий, будто решения находятся на кончиках его пальцев с аккуратно обработанными ноготками. Рябой, с бледным лицом, он верит в собственное величие.

Он думает, что сможет меня превзойти.

Амбиции так и бурлят в молодой крови этого доктора. Я усматриваю опасность в мыслях, что бродят в его круглой голове, и в повышенном внимании, которое он уделяет обитателям Младенческого замка.

Я достаточно повидала таких, как он. Видела жестокость, вызванную их экспериментами, которые они производят, стремясь к высшему благу.

И когда он спрашивает молодую медсестру о маленьких пациентах, чья болезнь проявляется сильнее всего, кого никто не навещает, а значит, никто не станет искать, меня невольно охватывает тревога за мою девочку.

Часть третья
Июль 1929 года

Глава 21

Элино́р

Элино́р зарывается лицом в волосы Джимми, мягкие, как шерсть котенка. От него слегка пахнет грушевым мылом и теплым молоком. Ему уже полгода. Он подрост, стал полнощеки́м и день ото дня все ярче проявляет свою индивидуальность. Джимми – веселый малыш, постоянно улыбается и к жизни относится с энтузиазмом. Но он не может заменить Мейбл. Разлука с дочерью по-прежнему невыносима для Элино́р. Крепче обняв сына, она закрывает глаза и пытается петь ему колыбельную, которую всегда пела для Мейбл:

Тихий сумрак ночной всех зовет на покой
И тебе спать пора, мой малыш, до утра...

Она вспоминает, как баюкала Мейбл. Ощущения настолько яркие, что у нее дрожит и прерывается голос. Элино́р сглатывает и старается сосредоточиться на Джимми, чья нежная щечка прижимается к ее щеке. Он ровно дышит ей прямо в ухо.

Спи, дитя, сладким сном, всё уснуло кругом.
Тишина и покой... Крепко глазки закрой^[10].

Элино́р нежно целует сына и укладывает в колыбель.
– Спокойной ночи, малыш Джимми, – говорит она и идет к двери детской. – Спи крепко.
Она берется за дверную ручку, торопливо вытирая слезы.

После обеда Элино́р идет в кабинет Эдварда, где ей поставили у окна большой прямоугольный стол. Там аккуратными стопками лежат листы со свежими данными исследований. На одном конце стола стоит пишущая машинка. Элино́р печатает обработанные материалы. Они будут приложены к завершающему отчету мужа. Эти данные

подкрепляют его рекомендации, которые вскоре он представит членам Королевской комиссии, дабы та выступила в поддержку предлагаемого законодательства, касающегося умственно неполноценных людей.

Она хмурится. Тяжело изучать эти материалы, зная, как пагубно действует болезнь на умственное развитие их собственной дочери. Эдварду, похоже, удастся отделять интеллект от эмоций, он целиком погружается в цифры. Элинора это становится все труднее. Чем больше она узнаёт о каждом больном ребенке, тем явственнее это напоминает ей об ухудшении состояния Мейбл. Об этом говорится в ежемесячных отчетах сэра Чарльза, присылаемых Эдварду. Она видит, с какой болью муж читает очередной отчет, затем молча протягивает ей. Удар ногой в живот и то был бы менее болезненным. Последний отчет они получили только вчера.

***Оценка умственного состояния Мейбл Хэмилтон, возраст
5 лет***

Заметно отстает в развитии от уровня, свойственного детям ее возраста. Признаки слабоумия, умственные реакции замедленные. Затрудняется правильно отвечать «да» или «нет» на простые вопросы. Не запоминает правил. В речи использует только простые слова. Девочку невозможно вовлечь в какое-то полезное дело или в осмысленный разговор. Вместо этого она хаотично бегает по комнате, бормоча бессвязные слова. Не может назвать монеты и сосчитать на пальцах. Со времени предыдущей оценки никаких перемен не замечено.

Элинора не смогла дочитать отчет. Даже воспоминание о нем вызывает тошноту. Она заставляет себя вернуться к работе с бумагами. Она обещала помогать Эдварду и должна держать обещание. Сделав глубокий вдох, она собирается с силами и подвигает к себе листы, где содержатся выводы. Надо попытаться абстрагироваться от каждого из детей и взрослых, чьи данные приводятся в исследованиях. Вместо людей они должны превратиться в порядковые номера. Порядковый номер перестает быть реальным человеком. Отобранные по возрасту,

социальной принадлежности и уровню образованности, они превращаются в данные. В то, что можно анализировать, препарировать, объединять в категории. Маленький номер, лишенный каких-либо чувств и личности; бесконечно малый элемент куда более масштабной истории.

На основании этой истории будет формироваться национальная политика.

Эдвард четко рассказал ей, что именно он рассчитывает подтвердить проведенными исследованиями.

– По сути, мы должны показать, что минимум восемьдесят процентов умственных способностей передаются по наследству. Высокий процент точности необходим для убеждения парламента и широкой общественности. То, что некоторым видится драконовскими мерами, на самом деле является в высшей степени необходимым, если мы намерены спасти наше население от медленной, но верной деградации. Люди, наименее развитые в умственном отношении, дают наивысший прирост рождаемости. А у людей с высоким уровнем развития наблюдается обратная картина. Не надо быть гением, – добавляет он, смеясь собственной шутке, – чтобы понять, где мы окажемся, если позволим ситуации и дальше развиваться бесконтрольно. Теперь, когда проведены комплексные исследования, становится ясно: внешние факторы играют какую-то роль, но она минимальна по сравнению с фактором наследственности. Я намерен донести до членов комиссии мысль о значительной степени наследуемости болезни и связи между всем этим и преступным складом ума.

Элино́р прекрасно понимает смысл последней фразы мужа. Связь между преступным складом ума и эпилепсией. Одна из целей его исследований – подтвердить правильность общепринятого воззрения, что эпилептики имеют предрасположенность к совершению преступлений. Слово «эпилептик» никто из них больше не произносит вслух.

Несколько недель подряд Элино́р систематизировала данные исследований, педантично проводимых Эдвардом. Эти данные сводились в аккуратные колонки, которые ему предстояло проанализировать. Данные разделяются по мальчикам и девочкам, мужчинам и женщинам, по возрасту и социальной принадлежности в

масштабе населения страны. Каждый субъект исследований проходил целый ряд проверок. Наблюдения велись по разным величинам, а именно: скорость, точность, устойчивость и отличительные признаки. Эти таблицы данных она передает Эдварду, который проводит сложный математический факторный анализ для установления корреляций, переменных и общих факторов.

До сих пор результаты, получаемые Эдвардом, отличались невероятной последовательностью. Наибольший интерес представляют данные по детям, взятым у биологических родителей и отданным в приемные семьи. Практически все биологические родители таких детей принадлежали к низшим социальным слоям. Их дети попадали в семьи среднего класса и высшего общества, где им предоставлялись любые возможности для обучения. Но их развитие все равно остается на уровне того социального слоя, где они родились. Они не показывают столь же высоких результатов, как дети, чьи родители принадлежат к высшим слоям, а это подтверждает правильность теории Эдварда.

Около девяти часов вечера миссис Фолкс стучится в дверь кабинета и спрашивает, не принести ли Элино́р чего-нибудь. Элино́р соглашается на чашку горячего какао.

Она возвращается к результатам исследований. И тут обнаруживается нечто странное... Возможно, она просто устала, однако Эдвард в своем отчете сделал особый упор на то, что серия проверок умственных способностей проводилась на ста двадцати приемных детях и подростках. Между тем данные по пятидесяти трем случаям отсутствуют. Элино́р еще раз пересчитывает наличествующие данные. Шестьдесят семь проверяемых. Результаты по ним вполне согласуются с положениями теории Эдварда. Но куда-то же подевались остальные? Элино́р просматривает все бумаги на своем столе. Данных по пятидесяти трем проверяемым нет. Каким образом они могли исчезнуть? Когда еще до замужества она работала с Эдвардом, он всегда был таким внимательным, таким организованным. Элино́р чешет в затылке. Может, она ошибочно положила листы с этими данными куда-то в другое место?

Миссис Фолкс приносит чашку густого ароматного какао.

Должно быть, Эдвард сам переложил их в другую папку. Ухватившись за эту мысль, Элино́р подходит к полкам, где аккуратно

сложены папки. Ее предположение не оправдывается. Внутри начинает шевелиться страх: что, если она по невнимательности выбросила данные, когда избавлялась от ненужных бумаг на столе? От груды листов, заполненных торопливым размашистым почерком Эдварда. Сплошные уравнения, подтверждающие, что для своих исследований он выбрал правильную модель и методологию.

– Для любого мало-мальски стоящего факторного анализа необходимо учитывать влияние переменных величин, – как-то объяснял он Элинон. – Например, если мы поручим решение проблемы разным людям, они могут ее решить, но с разной скоростью. Или кто-то из них решит проблему лишь частично, а то и вовсе откажется решать, не пожелав воспользоваться методом проб и ошибок. В результатах нужно учитывать наиболее важные из этих переменных.

Он целыми днями учитывал эти факторы и переменные, исписывая десятки листов. Элинон спрашивала, можно ли отправить в мусорную корзину данные по отвергнутым вариантам. Эдвард сказал, что можно. Могло ли случиться, что она по ошибке избавилась от всех первичных данных?

Элинон обшаривает каждый дюйм кабинета. У нее учащается пульс, холодеет кожа. Наконец она в отчаянии начинает проверять письменный стол Эдварда и коробки, которые он еще не успел распаковать. Вдруг злополучные данные попали туда?

Кусая губы, она пытается сообразить, как преподнести все это Эдварду? Не поставят ли пропавшие данные под удар результаты всех исследований? Боже, что же ей делать? Едва дыша, она начинает проверять все ящики письменного стола, хотя и знает, что ничего там не найдет.

Но вот же они! Какого черта Эдвард запихнул их в самый нижний ящик, да еще под кипу черновых записей?! Скорее всего, по ошибке. Элинон торопливо вынимает нашедшиеся данные.

Она облегченно вздыхает. И все-таки это странно. Прежде она всегда считала Эдварда скрупулезным и педантичным во всем, что он делал: от выбора одежды до его работы. Однако, вновь начав работать с ним, она стала замечать мелкие недочеты и даже ошибки, а также общее отсутствие внимания к деталям. Похоже, у него появилась склонность к некоторой небрежности. Несомненно, это результат

гениального ума и перегруженности. Еще одна причина, почему Эдварду позарез необходима ее помощь во всем этом. Она упорядочит его деятельность и сумеет сделать так, чтобы эта, с позволения сказать, небрежность находилась под ее строгим контролем, который был бы незаметен для мужа. Вот область, в которой хорошая жена может преуспеть: поддерживая мужа в его работе, она помогает ему стать лучше! Элинор кивает, соглашаясь со своими мыслями.

Вся кипа данных перекачивается на ее стол. Нет, сейчас она не возьмется за работу. Объем данных, которые нужно просмотреть, слишком велик. Судя по всему, ей понадобится несколько дней. Сейчас она пойдет отдыхать, а завтра, на свежую голову, приступит. Она найдет способ извиниться перед Эдвардом за то, что эти данные не были включены в его доклад раньше. Она даже возьмет вину на себя; скажет, что запихнула не туда, а потому забыла, хотя ошибку, конечно же, допустил сам Эдвард, умудрившись засунуть папки в нижний ящик стола.

Только к пятнице Элинор удастся вернуться к пятидесяти трем временно потерянным записям. Просматривая их, она убеждается: тут что-то не так. Результаты проверок касаются приемных детей, но это еще не все. Помимо недостающих пятидесяти трех случаев есть дополнительные, неучтенные результаты. Что же касается временно пропавших, это данные по детям из самых низших социальных слоев. Часть их попала в приемные семьи, остальные нет. Однако, несмотря на происхождение детей, результаты по каждому случаю совершенно не совпадают с результатами других исследований.

Если только она не допустила какой-то ошибки, что вполне вероятно при отсутствии у нее должных математических способностей, результаты проверок гораздо выше, чем следовало бы ожидать, если восьмидесятипроцентное соответствие между умственными способностями и наследственностью является верным. В отчете Эдварда эти пятьдесят три случая выделены особо, что лишь подчеркивает правильность установленного соответствия. Может, она что-то напутала в сведениях о происхождении кого-то из этих детей? Или тот, кто собирал данные, поместил их не в те категории. Надо будет обсудить это с Эдвардом, но вначале она попытается сама найти ошибку.

Взяв в помощники чайник, наполненный свежесваренным чаем, Элино́р усаживается за стол и вновь начинает просматривать данные по каждому ребенку, вновь сверяет детали со своим списком, желая убедиться, что правильно занесла туда сведения. Вроде все в порядке. Затем Элино́р сверяет имя каждого ребенка и подростка и данные их происхождения на предмет точного разнесения по категориям. У нее есть отдельные записи по их биологическим родителям и, там где это требуется, по родителям приемным, а также данные по уровню их образования, социальному слою и роду занятий. Даже у приемных детей родословная их родителей прослеживалась до максимально возможного уровня. Лишь в нескольких случаях эти данные вообще неизвестны или приведены неполно.

Эти папки Элино́р откладывает в сторону. Однако, даже если исключить упомянутые сомнительные случаи, результаты все равно не соотносятся с предполагаемыми выводами Эдварда. В душу Элино́р закрадывается сомнение. Могли ли собиратели данных проявить небрежность и неверно распределить детей по категориям? Ни один результат не совпадает с ожидаемым, а некоторые выходят слишком далеко за установленные для них рамки. Конечно, этого и следовало ожидать, но лишь в незначительном количестве случаев, то есть меньше чем в двадцати процентах от общего числа. Результаты по временно пропавшим случаям показывают, что у значительного большинства детей из низших социальных слоев, невзирая на низкий коэффициент умственного развития их родителей, показатели умственного развития их самих ничуть не ниже, чем у детей из среднего класса, чьи родители имеют гораздо более высокий коэффициент развития интеллекта. Как такое может быть?

Элино́р не хочет соглашаться с тем, что Эдвард намеренно удалил результаты проверок по этим злосчастным пятидесяти трем детям, чтобы точность во всех категориях оставалась на уровне восьмидесяти процентов и выше. Если же добавить эти результаты, а также другие, обнаруженные Элино́р, процент точности значительно понизится.

Элино́р вздыхает. Отчет Эдварда почти готов, и он завершает работу над рекомендациями. Ему осталось лишь написать введение, и можно передавать доклад Королевской комиссии. Но как тогда быть с несоответствиями, обнаруженными ею? Ей становится зябко. Сможет

ли Эдвард теперь, после ее находок, представить комиссии отчет и рекомендации?

У нее сводит живот. Элино́р встает и ходит по кабинету, прикидывая, когда Эдвард доберется до Брук-Энда. Наверное, сейчас он уже едет в поезде, возвращаясь в Суррей. Как, в каких словах она преподнесет ему то, что ей открылось?

Элино́р покидает кабинет и идет в детскую, чтобы провести несколько минут с Джимми перед тем, как его уложат спать. Дверь в комнату Мейбл остается плотно закрытой. Элино́р не хватает духа заглянуть туда. Она быстро проходит мимо, непроизвольно стискивая зубы и сжимая кулаки.

Джимми сидит на ковре и жуёт деревянное зубное кольцо. Его волосики аккуратно расчесаны. Он весь порозовел после недавнего купания, устроенного ему мисс Хардинг.

– Добрый вечер, миссис Хэмилтон, – приветливо произносит мисс Хардинг. Она задергивает шторы и гасит почти весь свет, показывая Джимми, что ему пора спать. Элино́р в который раз удивляется неизменной приветливости няни. – Вы ему почтаете перед сном?

– Обязательно, – отвечает Элино́р и поднимает сына с ковра.

Она проводит пальцами по его нежным щечкам. Малыш блаженно верещит, продолжая сосать зубное кольцо, ставшее мокрым от его слюны.

– Что мы с тобой сегодня будем читать? – спрашивает она, поднося Джимми к книжному шкафу.

– Тогда я не стану вам мешать, – улыбается мисс Хардинг и бесшумно закрывает за собой дверь.

– Хорошо, – отвечает Элино́р. Вместе с Джимми они перебирают книги. Малыш протягивает руку и хватается за локон материнских волос. – Как насчет детских стишков и песенок?

Она достает книгу и вместе с сыном садится в кресло. Ручонка Джимми по-прежнему держится за ее волосы. В другой зажато зубное кольцо. Элино́р читает, Джимми воркует, попискивает и что-то бормочет. Несколько раз он шлепает по книге, одобряя материнский выбор.

– А теперь, – говорит Элино́р, прочитав сыну «Лондон пылает», «Три слепых мышонка», «Шалтай-Болтай» и «Сияй, звездочка, сияй», – тебе пора спать.

Она целует Джимми, укладывает в колыбель, гасит оставшийся свет и на цыпочках выходит из детской, мысленно желая сыну спокойной ночи, как когда-то каждый вечер произносила эти слова, укладывая Мейбл.

Когда Эдвард наконец появляется дома, Элино́р протягивает ему бокал терпкого шабли и предлагает посидеть на террасе, наслаждаясь прекрасной погодой.

Они идут в беседку, увитую глицинией. Эдвард опускается на стул. Вид у него усталый. Он делает глоток вина и со вздохом произносит:

– Как хорошо вернуться домой!

Элино́р тоже делает глоток и, вопреки данному себе обещанию не поднимать вопрос о злосчастных данных, пока муж не пообеда́ет, говорит:

– Можно мне сказать пару слов? Это касается проекта. Боюсь, с ним может возникнуть проблема. Возможно, я допустила какую-то ошибку. Понимаешь, я тщательно перепроверила сделанную работу, но это не помогло. Дело вот в чем. Я заметила исчезновение ряда исходных данных, многие из которых весьма важны. Речь о данных, касающихся приемных детей. Но вместе с ними куда-то делись и другие. Я искала везде. При исчезновении столь большого количества подтверждающих данных под угрозой оказывается подлинность самого проекта, то есть, если ты не сможешь представить доказательства, результаты твоих исследований не будут утверждены.

Эдвард качает головой:

– Нет, конечно же нет, однако...

– А без них, – продолжает Элино́р, – как ты сможешь подтвердить саму суть твоих выводов? Получается, нет никакого совпадения в восьмидесяти процентах случаев.

– Да-да, Элино́р! Я прекрасно осознаю цель этого проекта и моих исследований! – резко отвечает Эдвард. – Послушай, – уже мягче продолжает он, – тебе нужно было не заниматься поисками, а вначале спросить у меня. Я точно знаю, о каких данных ты говоришь. Я отделил эти данные как раз по причине их важности. Если бы ты это знала, тебе не пришлось бы так волноваться. Я уже включил эти

данные в свой отчет, а записи специально отложил на случай, если кому-то захочется их проверить.

– Как?

– А вот так, – усмехается Эдвард. – Как видишь, ты беспокоилась из-за пустяка.

– Но... в конечном итоге они не совпадают с твоими прогнозами. Мне показалось, что они, наоборот, опровергают твои выводы, поскольку уровень соответствия гораздо ниже восьмидесяти процентов.

– Элино, я понятия не имею, о чем ты говоришь, – напряженным тоном отвечает Эдвард. – Результаты безошибочно доказывают, что фактическое совпадение даже выше восьмидесяти процентов. И потом, дорогая, неужели нам нужно говорить об этом именно сейчас? Мне надо принять ванну и переодеться к обеду.

Эдвард уходит в дом. Ошеломленная Элино, смотрит ему вслед. Она тщательно проверила данные, и цифры очень убедительны. Среди этих данных нет никаких отклонений. Все настолько очевидно... Такого попросту не может быть, иначе получается, что Эдвард пытается подкрепить свою теорию только теми доказательствами, которые согласуются с ней.

А это значит, что он пытается за цифрами спрятать правду.

Глава 22

Эдвард

Эдвард одевается после ванны. У него стиснуты зубы, а движения рук резкие и порывистые. Как смела Элинор усомниться в его методологии! Он садится на край кровати и так туго завязывает галстук, что тот начинает его душить. Тогда он подсовывает палец и пытается ослабить галстучный узел. Черт, черт, черт! Он надевает пиджак и быстро выходит из комнаты. По пути к лестнице он видит, что дверь комнаты Элинор плотно закрыта.

В кабинете он направляется к своему столу и выдвигает нижний ящик. Записей там нет. Черт и трижды черт! У него стучит в висках. Он подходит к столу Элинор. Ага! Вот они. Ей хватило наглости без спроса рыться в его столе! Схватив рабочую тетрадь жены, он листает страницы, исписанные ее аккуратным почерком. Все данные тщательно сведены в колонки и превращены в графики согласно его требованиям. Опустившись на стул, он смотрит на них, а также на вопросительные знаки и вопросы, записанные ею на полях. Ударив кулаком по столу, он идет к шкафчику с напитками, распахивает дверцу, хватая стакан и шарит в поисках бутылки виски.

Разумеется, она ничего в этом не поняла. И почему не спросила у него вместо напрасной траты времени на собственное «расследование»? Поручая эту работу жене, а не кому-то из студентов, он как раз надеялся избежать своеволия. И теперь он обязан соорудить неуклюжее объяснение, словно его застигли за чем-то непристойным. Но дело совсем не в том. Эдвардом овладевает подавленность, отзывающаяся тугим узлом в животе. Ей никогда не понять...

Но он вовсе не обязан ничего ей объяснять. «Открытие», сделанное Элинор, ничего не меняет. В мире более чем достаточно доказательств правильности этой политики. Если они не примут соответствующий закон, Англии не на что надеяться. Америка вырвалась вперед. Достаточно взглянуть на то, как мощно развивается американская экономика. И все другие страны следуют ее примеру. Взять те же исследования, проводимые в Германии при полной

поддержке перспективной немецкой национал-социалистической рабочей партии и их лидера Адольфа Гитлера.

Эдвард находит виски, наливает порцию высотой в дюйм и закупоривает бутылку.

Это дело его жизни, а не жизни Элинор. Во имя всеобщего блага иногда приходится чем-то жертвовать. Такой ли это грех – немного подправить данные ради выводов, в правильности которых никто из них не сомневается? Аномалии есть всегда. Его работа как раз и заключается в интерпретации данных и объяснении таких незначительных отклонений. Этим занимается Гарри Лафлин с коллегами, так почему бы и ему не сделать то же самое? Эдвард думает о деньгах и поддержке, которую Давенпорт и Лафлин получают от своих богатых покровителей: Рокфеллера, Карнеги, Келлога. У него нет такой могущественной поддержки. Что имеет, то имеет, а все результаты достигнуты исключительно ценой усердной работы и преданности делу. И он не позволит Элинор, не понимающей масштабности его замыслов, все это разрушить. Ни в коем случае не позволит.

Дверь широко распахивается. На пороге стоит Элинор в темно-зеленом вечернем платье.

– А вот и ты! – восклицает Эдвард. – Выпить не желаешь?

У жены измученное лицо. Не ответив на его вопрос, она закрывает за собой дверь и подходит к нему:

– Эдвард, прости, но мы должны поговорить об этом.

– Выпьешь джина с тоником? – спрашивает он, поворачиваясь к шкафчику.

– Хорошо.

Элинор застывает возле стола. Эдвард приносит стаканы с напитками.

– Я ничего не понимаю, – торопливо начинает она. – То есть вначале я подумала, что ты забыл передать мне эти записи или, хуже того, я допустила чудовищную ошибку и выбросила их вместе с прочим бумажным мусором. Я с ума сходила от беспокойства. Но затем я проверила твой отчет и увидела, что туда включены данные по исчезнувшим пятидесяти трем случаям. Когда же я наконец отыскала эти записи, то обнаружила несовпадение. Получается какая-то бессмыслица. – Элинор поворачивается к нему и пристально смотрит в

глаза. – Эдвард, я все время только и думаю об этом. Ничего другого в голову не лезет. – Она нервно сглатывает; видно, как напрягается ее горло. – Эти результаты, настоящие результаты, – они показывают совсем другое. Понимаешь? Они ничуть не подкрепляют гипотезу, в которой ты так уверен.

Эдвард отворачивается. Пристальный взгляд жены жжет ему кожу. Он откашливается и говорит:

– Знаешь, Элино, было бы намного лучше, если бы ты просто спросила у меня, а не рылась своевольно в моем столе. Как-никак, это мой исследовательский проект. Следовательно, и все ответы находятся у меня.

– Да, конечно. Я это сознаю. Мне так и следовало бы поступить, однако...

– Я должен был исключить их из своего отчета.

– Что ты имеешь в виду?

– Отсутствие согласованности. Проверки должны быть честными и одинаковыми для всех случаев, с одинаковыми параметрами, чтобы их можно было правильно измерить. Что касается исключенных мною результатов, их параметры не отличались согласованностью, а значит, их пришлось отбросить. – Элино молчит, и он продолжает: – Ради экономии времени и во избежание ненужных расходов я заменил данные изъятых проверок другими, которые взял из похожих проверок, где параметры более согласованы. По счастливой случайности, некоторые исследования охватывали и большее число приемных детей.

– Эдвард... – Чувствуется, она мучительно подбирает слова. – Ты же не можешь... Здесь что-то не так. Проверки детей должны были быть точно такими же, только тогда можно говорить о сравнимости. «Похожие» – этого недостаточно. Насколько они похожи? И где результаты тех проверок? Почему я их не видела?

– Понятия не имею, где они. Должно быть, где-то потерялись.

– Что? – (Супруги смотрят друг на друга.) – погоди! – Элино отставляет стакан и берет черновик отчета.

Эдвард делает большой глоток виски. Пальцы плохо слушаются его. Он закуривает сигарету, глубоко затягивается и ждет, когда табак успокоит растревоженные нервы. На его беду, Элино слишком сообразительна. Он смотрит, как она открывает последние страницы отчета и читает вслух:

– «Если принять во внимание результаты по сгруппированным случаям усыновления и по детям из низших социальных слоев, можно проследить четкую взаимосвязь между наследованием как умственных способностей, так и вышеупомянутых черт характера и особенностей поведения, включая и преступные наклонности».

Открыв рот, она смотрит на мужа, заглядывая ему в глаза. Ее собственные полны тревоги.

– Да, и что? – спрашивает Эдвард, которому трудно выдерживать взгляд жены.

– А то! – Она швыряет отчет на стол. – Бóльшая часть случаев, на которые ты, Эдвард, опирался, чтобы прийти к такому выводу, – это именно те случаи, которые ты исключил и заменил. – Она подходит к мужу; ее голос становится резче. – Удобно, не правда ли? Как получилось, что случаи, которые ты исследовал прежде и нигде не упоминал, так удивительно похожи на эти? Как ты мог получить две такие большие выборки по детям одинакового возраста, социального слоя и происхождения, но со столь разными результатами?

Ее голос режет, словно бритва. Эдвард начинает потеть.

– И надо же, до чего точно они вписываются в твою гипотезу. И как странно, что мой аккуратный до педантизма Эдвард потерял все исходные данные! Я просмотрела результаты всех остальных проверок, и мне показалось, что различия в недостающих проверках, даже если эти проверки проводились правильно, ничтожно малы. Различия слишком уж аккуратные. Получается бессмыслица, если только...

Элинор не замечает, что говорит все громче, размахивая при этом руками.

– Если только... что? – спрашивает Эдвард, внутренне приготовившись услышать обвинение.

Щеки Элинор покраснелись, тело напряглось от захлестнувшей ее неприязни. Она делает глубокий вдох и...

– Если только ты не фальсифицировал результаты.

Обвинение брошено.

Эдвард смотрит в окно, где заходящее солнце окрашивает небо в кроваво-красные тона.

– Это пахнет обвинением, – тихо произносит он, желая закончить разговор, от которого у него мурашки по телу. – На самом

деле в тех пятидесяти трех случаях, что не дают тебе покоя, проверки были проведены неправильно, и потому...

– В каком смысле неправильно? В том, что их результаты оказались не такими, какими бы тебе хотелось?

– Во многих смыслах. – Он снова оттягивает чересчур тугой воротник. – Я сейчас не намерен обсуждать с тобой все технические детали.

Элинор качает головой и усмехается:

– Поверить не могу! Неужели ты всерьез собираешься представлять такой отчет? На твои «доказательства» будут опираться в создании законов. Законов об обращении с людьми. С людьми, Эдвард! Такими, как наша дочь. Это слишком важно! Неужели ты не понимаешь?

Эдвард поворачивается к окну. Сад наполняется сумерками. На фоне огненного неба деревья выглядят рельефнее. Он допивает виски, наслаждаясь жжением в горле.

– Нет ничего постыдного в том, чтобы попросить дополнительное время на обработку результатов, – уже мягче говорит Элинор. – Если ты хочешь опереться на данные ранних исследований, может, я смогу тебе в этом помочь? Мне понадобится составить каталог и проверить каждый случай, как я делала с теми.

– Это невозможно. – Эдвард по-прежнему стоит к жене спиной. – Этих записей не существует. Не было никаких ранних исследований.

Его слова повисают в воздухе. Тишину кабинета заполняет тиканье напольных часов в коридоре.

– Боже мой! – со стоном произносит Элинор. – Как ты мог? Я считала тебя человеком высоких моральных принципов.

Эдвард стремительно поворачивается к ней.

– А я и придерживаюсь высоких моральных принципов. Но неужели ты не понимаешь, что в данном случае цель оправдывает средства? – умоляющим тоном спрашивает он.

– Нет! – Глаза Элинор расширены, подбородок вздернут, волосы растрепались. Она принимается ходить по кабинету. – Нет, Эдвард, я не понимаю, и ты должен это знать. То, что ты делаешь, никуда не годится. Твои действия совершенно неэтичны! – выкрикивает она. – Ты построил отчет на ложных данных!

– Элино́р, успокойся! Нам только скандала не хватало. Данные не ложные, а просто... адаптированные.

– Адаптированные? Эдвард, я ушам своим не верю!

Ее возбуждение грозит вылиться в истерику.

– Ах, Элино́р, Элино́р, – самым примирительным тоном произносит он. – Ты делаешь из мухи слона. Я едва ли фальсифицирую данные. Исследователи во всем мире приходят к тем же выводам, что и я. Результаты в отвергнутых случаях были неправильными. Иными они и быть не могут. Наука занимается выявлением тенденций. Мы делаем небольшую выборку, и порой она не вписывается в целостную картину.

– Так расширь рамки исследований! Увеличь число проверок, доработай их методику. А что, если твоя теория ошибочна? Что, если все евристическое движение ошибочно? Последствия для тех, кого она объявляет неполноценными, для таких, как Мейбл, – они ужасны! Ты должен быть абсолютно уверен! Попроси дополнительное время.

– У нас вообще не осталось времени. В понедельник я представляю Королевской комиссии свой отчет! В нем результаты многих лет работы. Ты видишь лишь малую ее часть. Неужели ты всерьез думаешь, что я бы стал предлагать свои рекомендации, если бы не был уверен в эффективности и ценности того, чем занимаюсь? Это было бы бессмысленно. Сама посуди. Принятие такой политики было бы дорогостоящим актом безрассудства. Нет, я абсолютно уверен в правильности фактов, изложенных в моем докладе. Это малое число выборок дает лишь крошечный процент в несравненно большей и целостной картине. Элино́р, нам необходимо действовать сейчас. Мы должны выработать политику, которая отражает основную часть колоколообразной кривой нормальности. Нельзя допустить, чтобы незначительные выбросы данных уводили нас в сторону от необходимого курса. Я уверен в правильности того, что делаю.

– В правильности? Что, черт возьми, считать правильным?! Если честно, я вообще перестала что-либо понимать!

Элино́р обхватывает голову руками. Она вся дрожит; может, от гнева, а может, от возбуждения и расхоловшихся нервов. Точной причины Эдварду не установить. Ясно одно: сейчас она не способна внимать доводам рассудка и быстро теряет самообладание. Он глубоко сожалеет, что попросил ее помочь ему с этим проклятым проектом.

Он пытается ее обнять, но она выворачивается из его рук.

– Не трогай меня! Неужели ты всерьез думаешь, что я позволю тебе представить этот проект парламенту, когда он полон неточностей, противоречий и фальсифицированных данных?

Эдвард вздыхает, засовывает руки в карманы, возвращается к окну и смотрит на закат. Сделав над собой усилие, собрав все имеющееся у него терпение, он говорит:

– Элино, послушай меня. Как и планировалось, этот отчет в понедельник будет передан тем, кто исследует оправданность и потенциальные выгоды закона о стерилизации определенных категорий населения. Там рассматривается широкий спектр вопросов, и мой отчет – лишь один из фрагментов. Сведения, содержащиеся в отчете, будут также использованы Министерством образования для изменения политики в этой сфере. Я рекомендовал введение обязательной проверки умственных способностей детей, достигших одиннадцатилетнего возраста. Это позволит подбирать им школу сообразно их способностям. С моим отчетом или без него, но перемены все равно неизбежны. Тебе необходимо представить это в перспективе. Мой отчет – малая часть чего-то более значительного. Это средство для достижения необходимой цели.

– Я думала, что знаю тебя, Эдвард Хэмилтон, – тихим прерывистым голосом произносит Элино. – Я считала тебя высокоморальным человеком, тем, чья порядочность не вызывает вопросов. Даже не знаю, что мне теперь думать обо всем этом. Честно тебе говорю: не знаю.

– Но, Элино...

– У лжи есть привычка догонять людей. – Элино немигающими глазами смотрит на мужа, затем, почти не разжимая губ, добавляет: – А правда, Эдвард, – это основа, которая никогда тебя не подведет.

С этими словами она поворачивается и уходит из кабинета, хлопнув дверью. Эдвард смотрит ей вслед, держа в руке пустой стакан. Потом медленно выдыхает. Женщины! Элино успокоится и поймет, что ей не стоило так распалиться. Но он сделает все, чтобы больше не обсуждать с ней эту тему. Мужчине в своем доме нужна гармония. Стычки вроде этой – для других супружеских пар. Не для него.

Он забирает со своего стола скопившуюся почту и отправляется в столовую, где его ждет обед в одиночестве.

Поев, Эдвард вскрывает конверты ножом для сыра. Элинор рядом нет, а потому никто не упрекнет его за ненадлежащее использование ножа. В большинстве конвертов лежат счета. Лейтоны прислали приглашение на обед. Еще в одном конверте он находит просьбу о пожертвовании на лотерею, которую в деревне всегда устраивают во время летнего праздника. Эдвард вскрывает последнее письмо. Оно от сэра Чарльза. Отчет о состоянии Мейбл и результатах действия прописанных ей лекарств. Эдварду всегда тяжело читать эти отчеты, и сегодняшнее письмо не является исключением.

31 июля 1929 г.

Дорогой Эдвард!

В дополнение к моему письму от 28 июня сообщаю о нынешнем состоянии Вашей дочери Мейбл.

Как я упоминал в предыдущем письме, мы повысили дозу солей бромида до максимально возможного уровня, однако, несмотря на необходимые изменения в диете и образе жизни Мейбл, ее состояние продолжало стремительно ухудшаться.

Я сообщал Вам, что мы собираемся перевести Мейбл на новое лекарство, фенобарбитал. Сейчас мы постепенно снижаем дозу бромидов и уже начали давать ей фенобарбитал. Пока еще слишком рано говорить о каком-либо проявлении его свойств, поскольку начальные дозы ниже терапевтического уровня. Постепенно эти дозы будут повышаться. Мы регулярно осматриваем Мейбл. В настоящий момент она официально отнесена к категории слабоумных.

Что же касается ее будущего в колонии Хит, то Вы наверняка знаете: для успешного функционирования мы должны выдерживать минимальный уровень умственного развития колонистов. Всякий, находящийся ниже требуемого уровня, должен быть переведен из колонии в приют. Коэффициент умственного развития проверяется регулярно. Мне незачем просить Вас оценивать методы проверки, поскольку они, вне всякого сомнения, разрабатывались лично Вами! Результаты будут

представлены правлению, но Вас это пусть не беспокоит. Я позабочусь о надежном положении Мейбл в колонии, по крайней мере до тех пор, пока у нас не появится больше ясности относительно ее перспектив на будущее.

Искренне Ваш,

Чарльз Лоусон, рыцарь-бакалавр

Это все неприятности вечера или ждать новых? Как ему преподнести неутешительные новости жене после их жуткой ссоры? Эдвард думает о Мейбл и ухудшении ее состояния. Если предлагаемое законодательство будет принято, его дочь лишится всякой возможности покинуть колонию. Она будет заперта там. А когда она достигнет подросткового возраста, потребуется лишь подпись Эдварда, и она, в числе прочих, отправится на операционный стол, где ее лишат возможности иметь детей. Он думает о многочисленных семьях, которые, как и его семья, вынуждены хранить неприглядную тайну.

Его мысли переходят на ссору с Элинор и ее ярость по отношению к нему. Допустим, есть ничтожная вероятность, что она права. Вдруг результаты тех проверок выявили более сложную картину, чем он предполагал? От этой мысли у него сводит живот. «Нет», – твердо говорит он себе. Он не позволит их личной трагедии с Мейбл затуманить его холодный разум. Он не допустит, чтобы его чувства или чувства Элинор одержали верх.

VII

Ох уж эта дурацкая игра. Эти броски игральных костей.

Иногда мышка убегает. Кошка на мгновение теряет интерес, и ее жертва получает шанс спастись.

Кошка всегда может поймать другую мышь.

Но в нашей игре я не теряю интереса. Мне пока нравится играть с этой девочкой.

И потому я наблюдаю за пожилым доктором. У него седая борода и печальные глаза. Его зовут сэр Чарльз Лоусон. Он смотрит на девочку и качает головой. Она – тень прежней Мейбл. Ни капли веселья, ни следа жизнерадостности. Трудно поверить, что когда-то она смеялась и пела вместе с матерью и куклой по имени Пруденс.

Сейчас Пруденс валяется на полу под железной кроватью девочки. Тощие тряпичные ручки и ножки растопырены, волосы из желтой шерсти скрывают кукольное лицо. Сама девочка балансирует на грани между сном и бодрствованием. У нее кружится голова, одурманенная очередной дозой лекарства. Ей чудится, будто кровать тоже кружится и качается, словно лодка на высоких морских волнах. К горлу девочки подступает тошнота. Она давится и проглатывает слюну.

Знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что это я привела ее в такое состояние.

Ошибаетесь. Это вы и ваши лекарства сделали ее отупевшей, медлительной, косноязычной, превратив в жалкое безвольное существо, только и способное, что лежать, свернувшись калачиком, и смотреть в стену.

Девочка ненадолго выныривает из забытья и тихо вскрикивает: «Мама!» Это одно из немногих слов, оставшихся в ее скудеющем лексиконе. Ее руки в отчаянии шарят вокруг.

Старый доктор замечает куклу, валяющуюся на полу, поднимает и протягивает девочке. Она хватается Пруденс и крепко прижимает к груди. Потом со стоном поворачивается и возвращается в свой тяжелый сон.

Глава 23

Элино́р

Элино́р глубоко вонзает садовую лопатку в землю, отбрасывая в сторону камни и ссохшиеся комья. Она стоит на коленях, подстелив сложенный коврик для пикников, чтобы не испачкать платье. Вчера она весь день трудилась за заднем дворе, выдирая чахлые старые розы у ограды. Сейчас она копает лунки под новые кусты. Августовское солнце стоит высоко в небе. Тыльной стороной ладони Элино́р вытирает пот со лба, оставляя на нем полоску земли.

Она снова, с удвоенной энергией, взялась за свой сад. Как-никак занятие, к тому же физический труд снимает напряжение. Она работает, не щадя себя, чтобы хорошенько устать за день в надежде на крепкий сон. Однако ее надежды не оправдываются. Ее чувства к Эдварду утратили прежнюю ясность, превратившись в комок противоречий. Она по-прежнему его любит, и это невозможно отрицать, но стоит подумать о нем – и в груди ощущается тяжесть. Ничего удивительного: она по-прежнему возмущена его поведением, и здесь ее чувства близки к ненависти. Элино́р злится на мужа за фальсификацию данных. Его отчет может обернуться пожизненным приговором тем, кто не по своей вине имеет тот или иной недуг (более подходящего слова в языке не нашлось), который общество считает нежелательным. Два дня назад, невзирая на все ее просьбы, Эдвард все-таки представил Королевской комиссии свой отчет, и здесь она уже не в силах что-либо изменить. Элино́р больше не станет помогать мужу в работе. Хотя вслух об этом не было сказано ни слова, они оба приняли это как факт.

Почва совсем сухая. Копать трудно. Элино́р вся вспотела, у нее ломит спину, но она продолжает. Лицо Мейбл так и стоит у нее перед глазами. Она по-прежнему очень сердита на Эдварда за отправку их дочери в колонию и за запрет навещать Мейбл. Думает ли он об их ребенке так, как думает она? Когда он выдвигает теории и строит планы против отверженных членов общества, неужели у него не возникает ни тени сомнения? Неужели даже в глубине души не возникает протеста? В себе Элино́р ощущает этот протест. Мало-

помалу, день ото дня ее внутренний голос все громче и настойчивее задает вопрос: а правильно ли то, за что ратует евгеническое движение? Как такое может быть? До сих пор она безоговорочно верила в правильность евгенических теорий. Все казалось таким логичным: улучшение человеческой породы, снижение преступности, уменьшение болезней. Но из-за Мейбл Элино́р стала понимать: все не так просто. Теперь же, столкнувшись с данными, указывающими на полную ошибочность некоторых теорий, она вообще не знает, что и думать.

А как же тогда свобода и гуманность? Разве право на них не принадлежит каждому мужчине, женщине и ребенку независимо от состояния их здоровья? Ей очень тяжело примирить отчаяние, испытываемое ею по поводу Мейбл, и ненависть к человеку, убившему ее мать. Оба подпадают под категорию слабоумных. Но Мейбл не преступница и не убийца. Тогда почему отношение к ним должно быть одинаковым?

Она не видела Мейбл почти два месяца. Легче ей за это время не стало. Наоборот, чувство потери разрастается, как ползучий сорняк, обвивая ее со всех сторон и грозя задушить. Поэтому Элино́р пытается плотно заполнить свои дни перепиской и бессмысленными домашними делами. В промежутке она занимается садом. Мысль провести следующие выходные наедине с Эдвардом кажется ей невыносимой, и потому она решила устроить празднество, пригласив Софи с Генри, Роуз и Лейтонов. С Роуз она не виделась почти две недели.

Элино́р бросает лопатку и отправляется в дом, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Вообще-то, ей пора переодеться и проверить, все ли в доме готово к приему сегодняшних гостей, которые вот-вот приедут.

Роуз на работе дали выходной день. Она приедет вместе с Марселем. Вчера вечером она позвонила и, задыхаясь от волнения, сообщила, что Марсель специально приехал в Лондон для встречи с ней и Элино́р по очень важному делу. Элино́р высказала сестре свое положительное мнение о Марселе. Во всяком случае, такое мнение о нем сложилось у нее после знакомства в доме Софи. Может, у них произошла помолвка? Если так, это несколько поспешно, ведь Эдвард еще не познакомился с Марселем, а Роуз неоднократно заявляла, что

не собирается замуж. Учитывая события минувших недель, Элино́р так и не выбрала время поговорить с мужем о возобновившихся отношениях Роуз и Марселя.

Элино́р вздыхает. Судя по всему, Роуз намерена остаться с этим человеком. Элино́р постепенно склоняется к мысли, что решение здесь принимать самой Роуз. Когда Эдвард приедет на следующие выходные в Брук-Энд, Марсель уже вернется в Париж, а потому незачем что-либо рассказывать Эдварду, пока она снова не встретится с французом и не составит полное мнение о нем.

Стоя под навесом кухонного крыльца, она пьет холодный лимонад. Миссис Беллами опять развела совершенно ненужную воркотню. В этот момент вдалеке слышится цокот копыт Дилли, эхом отдающийся в саду. Вскоре на подъездной дороге появляется гнедая лошадка. В двуколке, по обе стороны от Берти, сидят двое.

– Боже, разве в таком виде встречают гостей! – восклицает Элино́р и мчится в ванную, чтобы умыть лицо и руки.

Когда она выходит оттуда, гости уже в холле.

– Добро пожаловать! – обняв сестру, говорит она Марселю. – Чувствуйте себя как дома. Скоро подадут ланч. Не желаете ли чего-нибудь выпить? После поездки вас наверняка мучает жажда. Я всегда нахожу поезда слишком пыльными. Вам не кажется, что от паровозного дыма пересыхает в горле? Сейчас я попрошу Элис принести прохладительные напитки.

– Ваше гостеприимство на редкость восхитительно, – говорит Марсель, следуя за ней в гостиную.

– Прошу вас, располагайтесь.

Он садится вместе с Роуз на диван. Элино́р, вызвав звонком Элис, устраивается в кресле Эдварда.

– Как замечательно снова увидеть твою дражайшую сестру! – восклицает Марсель, наклоняясь к Роуз.

– Ее единственную сестру! – не подумав, выпаливает Элино́р, затем улыбается, надеясь сгладить язвительность слов.

Глаза Марселя вспыхивают. Секундная пауза, и он смеется.

– Конечно, я понимаю, – говорит он. – Она вам очень дорога, и вы хотите знать, достоин ли я ее, n'est-ce pa^[11]? Уверю вас, мадам Хэмилтон, я буду всячески заботиться о Роуз. Она и мне очень дорога. Я лишь надеюсь, что достоин ее.

Он улыбается Роуз, и та краснеет. Элинор затаивает дыхание. Они собираются объявить о своей помолвке.

– Марсель, мне приятно это слышать, – говорит Роуз, опережая его. – Но не надо скромничать. Ты, конечно же, достоин меня. Я знаю, Элинор вскоре полюбит тебя так же, как я.

Вскинув брови, Элинор поворачивается к Роуз.

– Я что-то пропустила? – спрашивает она, более не в силах сдерживать свои тяжелые предчувствия.

Роуз краснеет и бросает взгляд на Марселя, затем хмурится:

– Прости, Элли, но я совершенно не понимаю твоего вопроса. Ты ничего не пропустила. Марсель приехал в Лондон отчасти для встречи с тобой. Об этом мы поговорим позже. А еще – для встречи с его большими поклонниками. Это галерея, которая хочет устроить выставку его работ. Для него это важное событие. Правда, Марсель?

Марсель торопливо кивает. Его бледные щеки тоже краснеют. Элинор еще никогда не видела краснеющего мужчину. Она облегченно выдыхает. Похоже, речь пока не о помолвке.

– А это значит, что Марсель вскоре может получить приличные деньги, – торжествующе заключает Роуз.

– Понимаю.

Элинор вдруг становится неудобно, и она ерзает в кресле. Подобное обсуждение денежных вопросов кажется ей неуместным и неприятным. Мелькает мысль: как-то ко всему этому отнесется Эдвард. Она тут же прогоняет эту мысль. Как бы ни отнесся, не он здесь решает.

– Что ж, это хорошая новость. Рада за вас, Марсель. – Элинор замолкает. Нельзя забывать обо всех условиях, которые они с Эдвардом обсуждали, когда Роуз впервые заявила о влюбленности в этого француза. – Хотя...

Как бы поделикатнее выразиться?

– Что? – спрашивает Роуз. – К чему относится твое «хотя»?

– Искусство – занятие рискованное. Сегодня вы знаменитость, а завтра... бах! У публики новый кумир. То же происходит с писателями и актерами.

– У него все замечательно получится. Правда, Марсель?

Раньше, чем он успевает ответить, в гостиной появляется Элис.

– А вот и Элис, – говорит Элино́р, радуясь возможности сменить тему. – Что вы оба хотите выпить?

Пока Марсель обсуждает с Роуз выбор напитков, Элино́р пристально рассматривает гостя. На нем рубашка с галстуком, брюки свободного покроя и двубортный пиджак, кажущийся ей излишне теплым для летнего дня. Видом своим Марсель больше напоминает библиотекаря, нежели художника.

– А где Джимми? – спрашивает Роуз, попросив у Элис лимонада и бокал красного вина. – Я по нему соскучилась. Такой чудесный малыш! Марсель хочет с ним познакомиться. Правда, дорогой?

Марсель послушно кивает, но чувствуется, что младенцы не вызывают у него энтузиазма.

– Мисс Хардинг принесет его ко времени чаепития, – отвечает Элино́р. – А теперь, Марсель, расскажите, в каком жанре вы работаете?

– Значит, Роуз вам не говорила? Я занимаюсь экспериментальной живописью. Жанр, в котором я работаю, – это, по сути, антиискусство. Мы называем себя дадаистами. Вам знакомо движение дада?

«Как художник может заниматься антиискусством?» – мысленно удивляется Элино́р. Какое нелепое определение!

– Это звучит довольно... ошеломляюще.

Марсель снисходительно улыбается:

– Это исследование чудес подсознательного разума. Область, которую осваивает не только живопись, но и проза, поэзия и свободомыслие. Наряду с исследованием наше движение поднимает вопрос: «Что есть искусство?» Дадаизм – вызов, бросаемый зрителю, художественным критикам и обществу. Замысел в том, чтобы затеять дискуссию. Вызвать шоковую реакцию. И прежде всего дадаизм касается мышления и воззрений на окружающий мир. Мадам Хэмилтон, мы находимся в самом центре времени глубочайших перемен. Мы живем в мире, где правящим классам постоянно бросают вызов. Такого еще не было. То, что пугает одних, у других вызывает радостное волнение. Пожалуй, в современной истории человек с улицы впервые обретает голос. Я мог бы говорить на эту тему гораздо дольше. Каким временем вы располагаете, мадам Хэмилтон?

– Марсель, вы меня очень заинтриговали, – со смехом признается Элино́р.

– Элли, ты обязательно должна увидеть картины Марсея. Ему сейчас не продохнуть от заказов, но, если осенью откроется его лондонская выставка, это будет громадный успех. На зиму он планирует большую выставку в Париже. Вы с Эдвардом непременно должны там побывать.

– Вряд ли Эдварда заинтересует экспериментальная живопись. Как ты понимаешь, он человек науки. Но я обязательно приеду, – соглашается Элинор.

Эдвард скорее согласится умереть, чем отправиться на выставку, зато для нее все, что она услышала от Марсея, звучит интригующе.

– Вот увидишь, Элинор, когда-нибудь Марсель прославится на весь мир, – добавляет Роуз, с гордостью глядя на своего избранника, словно он отменный трофей.

Элинор улыбается сестре, но ничего не говорит. Разница в возрасте между ними ощущалась всегда, но сейчас ей кажется, что их разделяет не девять лет, а целое поколение.

– Послушай, Элли... – Роуз берет бокал и ждет, когда Элис покинет гостиную. Лицо сестры делается серьезным. – Есть важная причина, почему Марсель захотел сегодня приехать сюда. Важная и неотложная...

Боже, она беременна! Гостиная начинает качаться. Элинор хватается за подлокотник кресла, пытаясь успокоить внутреннюю дрожь.

– Марсель думает, что знает способ помочь Мейбл.

– Мейбл! – невольно восклицает Элинор; она ожидала услышать совсем не это. – Что ты имеешь в виду? – спрашивает она, в замешательстве поворачиваясь к сестре.

Роуз берет Марсея за руку и трясет:

– Марсель, расскажи Элли про Мари.

Марсель откашливается:

– Мадам Хэмилтон, боюсь, это очень непростая история. Так что, пожалуйста, выслушайте меня до конца. Я попытаюсь быть кратким. Вначале кое-какие необходимые подробности. Хотя нынче я живу в Париже, моя семья по-прежнему живет в небольшом городке на юге Франции. Вряд ли вы слышали название этого городка, но моя семья живет там давно. Как и в большинстве таких городков, там несколько преуспевающих семей и множество бедных.

– Ты же собирався рассказывать про Мари! – напоминает ему Роуз, пихая локтем в бок.

– Да, конечно. Прошу прощения. Я знаю, что говорю больше, чем нужно. Теперь к сути. Мой отец – врач, весьма уважаемый врач в этом городке. То, чем он занимается, у вас называется «семейный доктор». То есть у него своя практика. У него были богатые пациенты, которые щедро платили, благодаря чему он, мать и моя младшая сестра Мари жили, ни в чем не нуждаясь. Но с особой любовью он работал в бедных кварталах. Он глубоко сочувствовал этим людям, которым часто было нечем заплатить ему за визит. Поэтому он лечил их бесплатно, а со своих богатых пациентов брал чуть больше, что покрывало расходы.

– У вашего отца характер настоящего Робин Гуда, – вполголоса замечает Элинор.

Марсель слегка пожимает плечами, явно не зная, кто такой Робин Гуд.

– В детстве и подростком я часто после школы ходил с отцом на вызовы к беднякам. Я видел, как тяжело им живется, видел их повседневные заботы. Я также видел, с каким недоверием и презрением к ним относятся богатые, считающие себя выше их во всех отношениях. Жизнь бедняков была каждодневным сражением за пищу, за работу, против болезней, которые всегда маячили на задворках. Никаких выходных, никаких передышек. Сплошная повседневная борьба за выживание.

– Элли, это подвигло Марселя стать социалистом, – вмешивается Роуз.

Элинор цепенеет от ужаса, услышав слово «социалист».

– Продолжайте, – говорит она, непроизвольно стиснув зубы.

Интересно, как бы это воспринял Эдвард – капиталист до мозга костей? Хотя Марсель со своей тактичностью и хорошими манерами совсем не похож на красного революционера.

– Через какое-то время отца пригласили на работу в большую психиатрическую больницу в предместье города. Там были собраны пациенты с различными нарушениями. Одни страдали от депрессии, другие – от истерии. Были люди с задержкой в развитии. Были и эпилептики. Словом, у каждого своя разновидность болезни. Отец проявлял особый интерес к тем, кто страдал припадками, в

особенности к детям. В отличие от других врачей он не верил, что припадки вызываются слабоумием, истерией или плохими генами. У него была особая причина интересоваться такими пациентами. Причину эту он хранил в строжайшей тайне. Никто не знал, что Мари – его дочь и моя сестра – с восьмилетнего возраста страдала припадками. Отец по собственному опыту знал, что применяемые методы лечения зачастую не помогают. Часть лекарств вообще относились к разряду совершенно дурацких и вдобавок устаревших. Бромиды обладали ужасными побочными эффектами. И тогда отец занялся всесторонним изучением предмета. Он знакомился с методами, применяемыми в прошлом, а также с новейшими американскими разработками... – Марсель замолкает, чтобы глотнуть вина. – Короче говоря, после нескольких лет изучения и собственных проверок этих теорий отец обнаружил, что припадки, в особенности у детей, могут эффективно излечиваться голоданием. Этот метод сотни, если не тысячи лет применялся для успокоения припадков, хотя механизм действия так и оставался непонятным.

Элинор внимательно смотрит на него, и вдруг внутри ее вспыхивает гнев.

– Вы что же, предлагаете мне уморить дочь голодом?

– Нет, ни в коем случае. Период голодания длится короткое время. Потом, если достаточно упорядочить диету, вся польза, достигнутая голоданием, сохраняется. Отец применил эту методику к лечению Мари, и в течение трех лет у нее не было припадков. К сожалению, потом, когда у сестры началось половое созревание, они вернулись, но голодание и диета сделали их не такими ужасными, как прежде. Сейчас она уже взрослая, по-прежнему соблюдает контролируруемую диету, и припадки у нее бывают очень редко.

Элинор удивленно восклицает и приваливается к спинке кресла. То, что Марсель сказал дальше, вызвало у нее внезапную слабость. Марсель продолжает, закинув ногу на ногу:

– Я не испытывал особого интереса к отцовской работе, а когда стал взрослым, то, к великому разочарованию и неудовольствию отца, решил, что мое сердце принадлежит искусству, а не медицине. – Он прижимает руку к груди. – Я художник до глубины души, и научные вопросы не вызывают у меня такого же интереса, как искусство. Отец, конечно же, считает меня неудачником высшего разряда, раз я

повернулся спиной к его профессии. Но я убежден, что человеческий дух развивается через искусства, а не через науки. Заботы о здоровье тела я охотно передаю другим. Меня интересует здоровье умов и сердец.

Он ударяет себя в грудь. Голос его звучит все громче. Роуз толкает его в бок, и он замолкает.

– Je suis désolé^[12]. Я слишком...

– Увлеченный, – договаривает за него Роуз.

– Страстный, – поправляет он. – Словом, я покинул родной городок и перебрался жить в Париж, но это другая история для другого раза. Историю вашей дочери я узнал совсем недавно. До этого Роуз боялась нарушить семейную договоренность. Но когда она рассказала мне о своей маленькой племяннице и разрушительной болезни, я тут же сообщил ей про Мари и работу моего отца.

– Элли, прости меня, что я рассказала Марселю, – опустил глаза, говорит Роуз. – Знаю, мы условились, что это не должно выходить за рамки семьи. Но, узнав о Мари, решила нарушить запрет.

Элинор смотрит на сестру и Марсея. Они сидят, крепко взявшись за руки.

– Элли, я считаю, что тебе следует попробовать на Мейбл эту голодную диету. Возможно, она поможет и другим пациентам колонии. Может, тамошние врачи уже знают о ней.

– Роуз, я в растерянности. Все это слишком радикально. Бедняжка Мейбл и так настрадалась. Ей дают сильные дозы двух жутких препаратов, а ее состояние только ухудшается. Идея заставить ее еще и голодать кажется мне бесчеловечной.

– Нет, мадам Хэмилтон, все совсем не так, – возражает Марсель; он вновь размахивает руками, а в голосе звучит та же страстность. – Как я уже говорил, период голодания длится совсем недолго, а прием лекарств прекращается. Я взял на себя смелость и написал пару писем. Сначала – отцу, затем, по его совету, – в американскую клинику, где применяют подобные методы. Это клиника Мэйо. Она очень известная. Может, вы даже слышали о ней? Поэтому мне понадобилось некоторое время, прежде чем я смог все это вам рассказать. Я человек осмотрительный и вначале хотел убедиться в достоверности всех фактов. Отцовские эксперименты с лечением Мари проводились сравнительно давно. За это время в клинике Мэйо

постоянно велись исследования, что очень обнадеживает. Появляется все больше авторитетных публикаций на тему лечебного голодания. Открытия американцев подтверждают выводы, к которым пришел мой отец. Оказывается, если ребенка после начального периода голодания держать на строгой, ограничивающей диете, припадки не возвращаются. Я захватил с собой переписку и материалы, присланные мне отцом и клиникой. Там есть данные по результатам недавних исследований. Я подумал, что вам будет интересно взглянуть на них. Разумеется, они изобилуют специальными терминами, но я уверен, что при вашем уме и образованности вы ухватите суть. Если не возражаете, я сейчас достану их из портфеля.

Элино́р в полном молчании смотрит, как он уходит из гостиной, отправившись искать свой портфель. Роуз в телефонном разговоре ни словом не обмолвилась об этом. Пока Элино́р с уверенностью может сказать: Марсель Дево – куда более интересный человек, чем она представляла.

Ланч прошел в достаточно веселой и непринужденной обстановке. Роуз уводит Марселя на прогулку по окрестностям. Элино́р идет к себе в комнату и присаживается на кровать. В открытые окна струится послеполуденное солнце. Она просматривает статьи, привезенные Марселем. Две из них на французском и две на английском. Элино́р сносно читает по-французски, однако в статьях сплошь и рядом встречаются профессиональные термины и обороты, которые она понимает с трудом. Из содержания статьи она узнаёт, что еще в 1911 году во Франции проводились эксперименты на двух пациентах, придерживавшихся низкокалорийной вегетарианской диеты в сочетании с голоданием. У обоих было отмечено улучшение состояния. Она всегда считала вегетарианство благотворным направлением. Читая статью, она обещает себе вновь вернуться к вегетарианству. Вторая французская статья разъясняет роль голодания в лечении болезни. Метод насчитывает не одну тысячу лет и был подробно исследован еще врачами Древней Греции и Древней Индии. Автор «Гиппократова сборника», куда входит около шестидесяти древнегреческих трудов по медицине, упоминает, что воздержание от еды и питья даже способно излечить эпилепсию.

Элино́р садится поудобнее, откладывает французские статьи и берет первую американскую. Вместе с ветерком в комнату прилетает птичье щебетание, и она впервые за многие месяцы чувствует воодушевление. Быть может, эти страницы принесут ей надежду. Первое исследование, проведенное в 1916 году и описанное в «Нью-Йоркском медицинском журнале», было сделано неким доктором Макмюрреем. Согласно утверждениям журнала он успешно лечил эпилептиков голоданием и последующей диетой, которая применялась в течение четырех лет и полностью исключала потребление крахмала и сахаров. Макмюррей не был создателем методики. Его работа строилась на исследованиях Хью Конклина, считавшего, что эпилептические припадки вызываются токсином, который вырабатывается в кишечнике. «Значит, причина вовсе не в дефектных генах», – звучит в мозгу Элино́р тихий голос. Тот же голос время от времени будоражит ее, задавая вопросы об эффективности и моральной стороне грандиозного исследовательского проекта Эдварда. Она возвращается к статье. Методика Конклина строилась на полном отказе от пищи. Период голодания длился от восемнадцати до двадцати пяти дней. В течение этого времени пациенты получали только воду. Это что же, голодать более трех недель? Элино́р продолжает читать. Автор статьи сообщает, что излечение наступило у 90 процентов детей и 50 процентов взрослых.

Вторая статья посвящена работе Рассела Уайлдера из клиники Майо. В 1923 году он применил к своим пациентам так называемую кетогенную диету. После периода голодания они получали пищу, богатую жирами, но с пониженным содержанием протеина и углеводов, что существенно уменьшило число припадков, а в ряде случаев и вовсе устранило их. В этой статье, написанной доктором Петерманом, приводятся не столь впечатляющие цифры, как в предыдущей, зато более правдоподобные.

Элино́р продолжает читать. У пациентов Уайлдера период голодания был меньше, однако благотворное влияние голода сохранялось, поскольку организм, почти не получающий углеводов, оставался наполненным кетоновыми телами, вырабатываемыми печенью. Методика строилась на «обмане» тела пациента. Низкоуглеводная диета заставляла организм поверить в то, что он по-прежнему голодает и ему по-прежнему нужно вырабатывать кетоны.

Кетоновые тела – именно они предотвращали припадки, но без тяжелых побочных эффектов, вызванных бромистым калием или фенobarбиталом.

У Элинора начинает кружиться голова. Ей трудно понять все научные данные, приведенные в статье. Зато она хорошо понимает саму теорию и полученные результаты. Статья дает ей шанс. Все прежние методы лечения Мейбл не дали результата. Вдруг этот сработает?

Она откладывает статьи и опускает голову на подушку. Она думает об исследованиях Эдварда. Невзирая на то, что в их семьях не было случаев эпилепсии, он полон решимости доказать наследуемость умственного развития, поведения и эпилепсии. Ну почему он так упорно стремится это доказать? На основании данных его доклада неминуемо будет принят соответствующий закон, и тогда тысячи пациентов, включая Мейбл, станут пожизненными узниками колоний и заведений для душевнобольных. Их лишат возможности вступать в брак и наслаждаться счастливой семейной жизнью. Вместо этого их ждет насильственная стерилизация. Кроме того, изменится вся система образования. Возникнут разные типы школ, что повлияет на будущее каждого ребенка. И все это будет зависеть от результатов одной-единственной проверки умственных способностей, проведенной в одиннадцатилетнем возрасте. А результаты, как известно, будут приблизительно соответствовать каждому социальному слою.

Во всем этом есть что-то невероятно бесчеловечное. Как будто люди с низкими умственными способностями – это «недолюди» и потому менее заслуживают право на хорошую жизнь. Неужели Мейбл менее достойна хорошей жизни?

Солнце успело скрыться, а она даже не заметила. Элинора натягивает кардиган. Сейчас она должна думать о Мейбл. Статьи дали ей опору для надежды, и в мозгу лихорадочно кружатся мысли. Читал ли сэр Чарльз об этой диете? Можно ли применить такую диету к Мейбл в колонии? А к другим детям, страдающим эпилепсией? Или – Элинора едва позволяет себе думать об этом – они смогут забрать дочь домой и уже здесь обеспечить ей диету? Пример есть: отец Марселя лечил Мари дома. Конечно, он врач, но у Эдварда есть деньги. Можно потратить какую-то часть на врача или квалифицированную медсестру, которые лечили бы Мейбл дома и проверяли бы ее уровень кетонов.

Ведь платит же Эдвард за спасенного им солдата, причем который год. Если он откажется, она обойдется и без посторонней помощи. Она сумеет взвешивать и отмерять нужное количество пищи. Вот только как измерять уровень кетонов? И как быть с приготовлением пищи? Элино́р представляет реакцию миссис Беллами, которой помимо обычных забот придется отдельно готовить для Мейбл. Сначала будет множество охов и вздохов, потом она согласится. Как бы то ни было, она найдет способ. И на этот раз Эдварду придется выполнить ее пожелания.

Элино́р встает. Время пить чай. Должно быть, Роуз с Марселем уже вернулись с прогулки и ждут ее внизу. Она спешит в детскую, где мисс Хардинг протягивает ей улыбающегося во весь рот Джимми.

– Чистенький и свеженький после ванны, – сообщает няня. – Вы уж простите, волосики у него еще влажные.

Джимми поедает глазами бриллиантовое кольцо на шее Элино́р и возбужденно воркует.

– Ничего страшного, – отвечает Элино́р, рассеянно глядя сына по голове и предотвращая его попытку дотянуться до кольца. – А это, молодой человек, игрушка совсем не для тебя, – тихо говорит она, вдыхая его теплый мыльный запах. – Идем вниз. Там кое-кто очень хочет с тобой познакомиться.

Синие глаза малыша смотрят на нее, и она снова улыбается:

– Идем, нас, поди, заждались.

Осторожно спускаясь по лестнице с Джимми на руках, Элино́р представляет, как Мейбл и Джимми – ее дети – играют на солнечной лужайке. Прежде она не позволяла себе таких мечтаний, и у нее сжимается сердце. В глазах появляются слезы, но она быстро их вытирает. Пока еще слишком рано мечтать. Нельзя опережать события. Ее мечты могут и не сбыться, но, даже если и сбудутся, еще неизвестно, подействует ли диета на Мейбл. И потом, она по собственному горькому опыту знает, что излишняя сентиментальность не доводит до добра. Нужно отложить мечты на потом.

Но в ее израненном, истерзанном сердце расцветает надежда, и она решает при первой же возможности встретиться с сэром Чарльзом.

Глава 24

Эдвард

Тесная комната в дальнем конце Вестминстерского дворца, где заседает комитет. У Эдварда кружится голова. Отчасти это вызвано усталостью, а отчасти – густыми клубами сигарного дыма. Помимо него за столом собрались: майор Чёрч, член парламента от лейбористской партии, которому не терпится внести в парламента свою личную членскую инициативу в поддержку принудительной стерилизации; Хэвлок Эллис, известный евгенист, член совета Евгенического общества; Джулиан Хаксли, биолог-эволюционист, и, конечно же, Леонард Дарвин, президент Евгенического общества, собирающийся уйти в отставку. Черчилль отклонил приглашение, сославшись на занятость, но все знают, что смогут рассчитывать на его поддержку. Рядом с Эдвардом сидит его американский друг Гарри Лафлин.

Минувшим вечером у Эдварда произошла крайне тяжелая ссора с Элинор. Жена по-прежнему сердита на него за то, что она называет фальсифицированными данными, а он – необходимым заполнением брешей. Вчера она появилась в его лондонской квартире. Сначала Элинор объявила, что Роуз возобновила отношения с этим «чертовым французским социалистом», как Эдвард привык его называть. Затем стала возбужденно рассказывать о какой-то нелепой голодной диете для Мейбл, о которой поведал этот прощельга. Она размахивала какими-то листами, уверяя, что там содержатся точные научные данные – как будто она в этом разбирается! – а если он не верит, пусть сам прочтет. Разумеется, он не стал читать эту галиматью. Любой может насобирать фактов в поддержку своей теории. Эдвард язвительно усмехается, но, сообразив, что на него смотрят, тут же маскирует это кашлем.

Он ответил жене, что не может быть и речи о возвращении Мейбл из колонии. Мало ли что ей наговорил этот никчемный французский художник. Сама идея голодания смехотворна и жестока. Он не намерен тратить время на чтение подобной чепухи. В конце, только из желания успокоить Элинор, он пообещал проконсультироваться с сэром

Чарльзом. Если, и только если, доктор согласится применить эту, с позволения сказать, методику, в чем Эдвард сильно сомневается, тогда можно провести эксперимент в стенах колонии. Какой смысл забирать дочь оттуда, если все окажется совершенно неэффективным?

Гарри размахивает перед собравшимися экземпляром недавно вышедшей книги Чарльза Давенпорта «Смещение рас на Ямайке». По словам Гарри, там приведены совершенно железные доказательства биологической и культурной деградации, возникающей от смешанных браков между черными и белыми. Вопреки усталости (как-никак сказывается почти бессонная ночь) Эдвард пытается сосредоточиться на словах американского коллеги.

Хаксли внимательно слушает, затем, повернувшись к Чёрчу, говорит:

– Сомневаюсь, что мы продвинулись достаточно далеко. По моему мнению, сокращение числа дегенератов – это лишь половина истории. Если мы не хотим ощутить последствия катастрофического снижения численности населения, вызванного пресловутым контролем рождаемости, который пропагандируют миссис Стоупс, мисс Сэнгер и иже с ними, мы должны гораздо активнее убеждать женщин среднего класса рожать больше детей. Это улучшит расу и позволит сохранить численность населения на должном уровне, избавив нас от катастрофы.

– Мне такой шаг кажется весьма радикальным, – возражает Эдвард. – Сама идея в чем-то неприемлема. Женщины превращаются в племенных кобыл?

Он передергивает плечами, представив, как к этому отнеслась бы Элинора.

– Но если вдуматься, это вполне логичный следующий шаг, – упорствует Гарри; у него темные круги под глазами, впалые щеки и сутулые плечи. – Боюсь, мы и так слишком опоздали. Из разных источников приходят мрачные предупреждения о грядущем финансовом кризисе. Предрекают полное крушение капиталистической системы.

– Пессимистов всегда хватает. – Хаксли досадливо взмахивает рукой, словно отгоняет назойливую муху. – Гораздо лучше руководствоваться фактами, чем слушать пустую болтовню и сплетни.

– Но дело в том, что... – Отстаивая свою позицию, Гарри даже подается вперед. – Предупреждения исходят от надежных знающих людей. Они говорят о сильном завышении курса на рынках, что неизбежно приведет к катастрофе.

– Приведет или нет, давайте не выходить за рамки того, ради чего мы здесь собрались, – перебивает его Эллис. – Корректирование рынка – забота Министерства финансов. Уверен, им прекрасно известно об этих предупреждениях, и они, должно быть, уже предпринимают какие-то меры, чтобы мрачные пророчества не сбылись. Конечно, если эти прогнозы чего-то стоят. Вернемся к нашему законопроекту. Располагаем ли мы всем необходимым для его поддержки? Дарвин, что вы скажете насчет общественного мнения по данному вопросу?

– Я думаю, поддержка нам обеспечена. Но это почти не имеет значения. вспомните, что произошло в тринадцатом году! Тогда мы имели почти абсолютную поддержку Закона об умственно отсталых в его первоначальной редакции. Если бы мы тогда приняли закон в такой формулировке, сейчас нам не понадобилось бы здесь собираться, поскольку каждый умственно отсталый уже находился бы в соответствующем заведении, а число наших проблем было бы заметно меньше.

– Так что случилось? – спрашивает Гарри.

– Проклятое вмешательство Веджвуда, вот что, – угрюмо отвечает Леонард, щурясь и размахивая сигарой. – Целый пласт серьезной работы пошел коту под хвост, – добавляет он, печально глядя на свою сигару.

– Леонард Дарвин написал большую часть положений того закона, – поясняет Эдвард, увидев недоуменный взгляд Гарри.

– Понятно, – отвечает тот.

– Этот проклятый либерал, стоящий на антигалтоновских и антидарвиновских позициях, а именно полковник Джозая Веджвуд, начал шумную общественную кампанию против наших предложений. Часть его доводов касалась огромной стоимости управления евгеническим государством, а другая часть – большого числа людей, которые подпадут под определение неспособных и умственно отсталых. С помощью нескольких авторитетных голосов за пределами парламента ему удалось расколоть общественное мнение, отчего законопроект получился настолько разбавленным, что утратил

прежний дух и почти не вносил никаких изменений в существующее положение вещей. – Леонард разминает в пепельнице окурочек сигары. – Затем, как вы знаете, грянула война, потом еще несколько лет страна оправлялась от ее чудовищных последствий. Словом, время было неподходящее для новых попыток.

– Но сейчас, – перебивает его Чёрч, – мы считаем, что положение вновь изменилось в нашу пользу.

– А почему вы думаете, что на этот раз ваши предложения будут встречены по-иному? – спрашивает Лафлин.

– Нам и сейчас будет нелегко, – говорит Эллис, – но мы с Чёрчем всесторонне это обсуждали. Чтобы сделать наши предложения более приемлемыми, следует предложить добровольную, а не принудительную стерилизацию. Разумеется, программа стерилизации будет распространяться только на женщин. Но опять-таки, такое предложение выглядит более приемлемым.

– Что насчет возражений по поводу категоризации?

– Об этом, – говорит Чёрч, – лучше спросить у моего друга профессора Хэмилтона. Эдвард, не могли бы вы прояснить ситуацию?

Эдвард откашливается. В комнате вдруг становится слишком жарко. Он чувствует, как у него вспотели подмышки.

– Конечно. На этой неделе я представил Королевской комиссии отчет о наследственной взаимосвязи между умственным развитием и склонностью к правонарушениям. – Он делает короткую паузу и продолжает: – Уверен, когда комиссия внимательно изучит все представленные доказательства, она порекомендует парламенту принять предлагаемое законодательство.

Эдвард едва осознаёт произносимые слова. Ему кажется, что лишь одна часть его личности говорит, а другие смотрят и ждут, когда он споткнется и упадет. Ждут, когда он потерпит сокрушительное поражение и люди за столом увидят его истинную сущность обманщика.

В глубине его разума до сих пор звучат слова возмущенной, шокированной Элиноор: «Правда – это основа, которая никогда тебя не подведет». Он отчетливо слышит ее голос, как если бы она стояла у него за спиной. Он знает, что под ее осуждающим взглядом должен признаться во всем.

Но как ему это сделать? Уже слишком поздно делать честные признания.

Он выбрал этот путь и теперь должен продвигаться дальше, как делал всегда; идти и надеяться, что цель, к которой он стремится, не принесет бед и разрушений.

Время давно перевалило за полдень. Эдвард неспешно идет по берегу Темзы. Солнце согревает ему спину. В воздухе стоит шум от движения по набережной, стук и скрежет механизмов и крики перекликающихся рабочих. Звуки лондонских будней.

Из туннеля подземки выходит женщина с маленькой светловолосой девочкой. У него замирает сердце. Мейбл!

Разумеется, нет. Похожая на Мейбл, но не она.

С некоторых пор Мейбл начала ему мерещиться в самых неожиданных местах. Иногда во время работы он поднимает глаза – и видит дочь, стоящую рядом в цветастом платье, красивую, как картинка. Она улыбается ему и тут же тает. Или в Брук-Энде он замечает ее призрачную фигурку. Мейбл бегаёт среди цветочных клумб, ее кудряшки подрагивают на плечах, а ветер доносит всплески ее смеха. А теперь у любой маленькой девочки, встречаемой им на лондонских улицах, лицо Мейбл.

Вайолет ждет его на их обычной скамейке. Теперь, когда Элинор знает об этих встречах и с одобрением относится к тому, что он делал и продолжает делать, встречи должны бы происходить легче. Но и сейчас, пока Эдвард идет по газончику к скамейке, ему не по себе. Вайолет встает и делает что-то вроде реверанса, почтительно склоняя голову. Уж лучше бы сидела.

– Добрый день, Вайолет.

– Сэр, день сегодня прекрасный, – говорит она и снова садится.

Эдвард тоже садится, как всегда выдерживая дистанцию.

Он вспоминает их прошлую встречу. Тогда Вайолет тревожилась за своего ребенка, который на три месяца старше Джимми. Похоже, у малыша коклюш.

– Как ваш малыш? – спрашивает он.

В ответ она смеется. И вид у нее куда спокойнее, чем в прошлый раз.

– У него был круп. Вылечила несколькими чайниками с кипятком. Сейчас здоровый и шаловливый. Спасибо, что поинтересовались.

– Рад слышать.

– А как ваши детки, сэр? Как они? В прошлый раз я была вся расстроенная и даже не спросила. Вы уж простите задним числом.

– Не надо извиняться. Вам тогда было не до расспросов. – Он тяжело сглатывает. – Джимми растет день ото дня.

Эдвард смотрит на оживленное движение по реке: на ползущие угольные баржи, на большие пассажирские пароходы, посылающие в воздух облачка дыма, на весельные лодки. Все соперничают из-за водного пространства.

– Как Мейбл? – продолжает Вайолет. Он знает, она старается быть учтивой и проявлять интерес к жизни Эдварда, чтобы их встречи не носили чисто финансовый характер. – Вашей дочке, если не ошибаюсь, уже пять?

У Эдварда пересыхает во рту. Он чувствует, что Вайолет ждет ответа.

– Раньше я об этом не говорил, – осторожно начинает он, тщательно проверяя ощущение от каждого произносимого слова. Говорить о дочери он не может ни с кем. И меньше всего с Элинор, где каждое упоминание о Мейбл неизменно кончается ссорой. – Но Мейбл... заболела. – Он набирает побольше воздуха. – Seriously заболела.

– Ой! – восклицает Вайолет и поворачивается к нему. Он продолжает смотреть на реку, щурясь от солнечных бликов на воде. – Беда-то какая!

– Оказалось, – продолжает Эдвард, и слова начинают течь сами собой, – что у нее эпилепсия.

Это слово застревает у него в горле, оставляя кислый привкус на языке. Он не столько видит, сколько чувствует, как Вайолет напряглась, услышав про эпилепсию.

– Состояние Мейбл очень тяжелое. Мы приняли нелегкое решение: для ее же блага отправить ее туда, где она будет получать самое качественное лечение. И теперь она находится там, вдали от людских глаз.

Как он может рассказывать об этом? Как, когда сам же недвусмысленно распорядился: никому ни слова? Людям свойственно

сплетничать; для них нет ничего лучше сплетен, способных погубить известного человека.

Однако сейчас ему уже не остановить поток слов. Они неумолимо льются из него, и их не удержать, как не удержать течение Темзы. Неожиданно для себя он рассказывает Вайолет обо всем: об огненной женщине, которую видела Мейбл, о няне, которая ушла от них, наговорив кучу разной чепухи об одержимости и злых духах. Он рассказывает, как дочь безуспешно возили к разным врачам, а те лишь качали головой и болезненно морщились. Потом говорит о самой Мейбл; о том, как припадки становились все беспощаднее, как закатывались ее глаза и капала слюна изо рта. О страшной силе припадков, способных отшвырнуть ее в другой конец комнаты; о частых падениях, приводивших к ссадинам и ушибам. Не таясь, он рассказывает Вайолет о стремительно беднеющей речи дочери и скованности движений. О том, что прежняя Мейбл исчезает у них на глазах. Вся эта постыдная история изливается из него, как нечистоты из канализационной трубы, выведенной в реку.

Вайолет сидит прямая как стрела и молча слушает, приоткрыв рот. Выговорившись, Эдвард устало приваливается к жесткой спинке скамейки. Рассказ его утомил, но в то же время принес облегчение, дав выплеснуть наружу бурлящие эмоции, которые, словно яд, столько времени копились внутри его.

– Господи, благослови ее душу! Мне вас так жаль, сэр! Кто бы мог подумать, что у вас случится страшная беда.

– Между прочим, Мейбл поместили в колонию Хит в Сассексе, – сообщает Эдвард, зная, куда их неминуемо заведет этот разговор.

– Там ведь и Реджи находится! – восклицает Вайолет.

– Вот именно.

– Получается, ваша малышка в одном месте с моим братом? – Она иронически смеется и качает головой. – Правда, в этом что-то есть?

Да, в этом что-то есть. Голова Эдварда клонится на грудь. Ему кажется, что он впервые позволил разуму серьезно обдумать все, чем сейчас поделился с Вайолет. Он никогда не верил в судьбу и, похоже, напрасно. Оба его мира сталкиваются, словно это столкновение было предопределено заранее, и он не в силах их остановить.

Когда-то он совершил отвратительный поступок, за что судьба его и наказала.

Граммфон негромко воспроизводит «Serenade for Strings» Элгара. Столовая залита приятным мягким светом. В центре обеденного стола колышутся огоньки свечей. Как давно они не устраивали званых обедов. Эдвард смотрит на Элино́р. Никогда еще она не была такой красивой и такой недостижимой, как в этот вечер.

Сегодня суббота. Их дом полон гостей. Этот званый обед Элино́р запланировала еще до их ссоры в минувшие выходные. Эдвард не знает, будет ли у него возможность поговорить с женой наедине. Он должен извиниться, попросить у нее прощения. Для него невыносимы ее недовольство и презрение. Речь не только об адаптации данных исследований, о чем больше не было сказано ни слова, но и о Мейбл. Жена до сих пор сердится на него, но молчит, что еще хуже. Ее злость передается через глаза, сковывает движения ее рук, сочится через кожу и колет его, как статическое электричество. Такое ощущение, будто Элино́р винит его в болезни Мейбл. Получается, он виноват во всем, что случилось с их дочерью. Но какой на самом деле у них был выбор? Они сделали то, что сделала бы любая здравомыслящая состоятельная семья. Они выбрали наилучшее лечение для их дочери и поместили ее в лучшее место. Однако сколько ни объясняй, это все равно не изменит отношение Элино́р к нему.

В числе гостей Бартон и Лиззи, а также Софи и Генри, который на время оставил свою нынешнюю пассию, чтобы провести выходные с женой. Разумеется, Роуз тоже приехала. Они с Элино́р сблизились еще больше. От потери доверия жены Эдварду становится не по себе. Она перестала откровенно говорить с ним. Вместо этого она теперь сидит рядышком с Роуз. Им хорошо. Эта непринужденность намекает на какие-то общие тайны. Может, Элино́р рассказала сестре о фальсифицированных данных? Он делает глоток вина и отворачивается.

На завтра запланирована игра в теннис, а затем пикник на лугу и, быть может, купание в реке, если погода не испортится. Совсем как в прежние счастливые времена. Но это лишь копия тех времен. Происходящее утратило реальность. Все они не более чем актеры в ложно веселой пьеске.

Когда подают консьоме, Бартон стучит по своему бокалу, затем поднимает его:

– Провозглашаю тост за добрых друзей и скорое наступление лучших времен!

Он печально улыбается Эдварду, и Эдвард ощущает тепло слов, оставшихся непроизнесенными. Этот старый бездельник более чуток и наблюдателен, чем ему казалось. Бартон – один из немногих, кто понимает жгучую боль, испытываемую семьей Хэмилтон после отправки Мейбл в колонию.

– Присоединяюсь, – говорит Генри, поднимая бокал и совершенно не понимая подтекста слов Бартона. – За чертовски прекрасный вечер! – добавляет он, залпом опрокидывая в себя содержимое бокала.

Софи делает большие глаза.

– Кстати, дружище Эдвард, я вчера продал участок земли, – сообщает Бартон. – Получил неплохие денежки. У Лиззи имеются планы преобразить наше логово, а остаток, я думаю, стоит перевести в акции, ценные бумаги, или как это у них называется. Хочу спросить совета. Может, обратиться в ваш банк?

– Вы про «Коулрой и Мак»? Я их давнишний вкладчик. Солидный и надежный банк. Если хотите, могу познакомить вас с владельцами.

– Нет-нет, – вмешивается Генри. – Вам нужно что-нибудь подинамичнее этих старомодных банков. Если хотите получать настоящие проценты, вкладывайте деньги в Америке. Вот где делается солидная прибыль.

– Да? – простодушно удивляется Бартон. – А вы что думаете, Эдвард?

– Я не любитель рисковать. Но меня не стоит и спрашивать об этом. Как вы знаете, я...

– Человек науки, – перебивает его Бартон. – Это я знаю. Но вы же знакомы с целой кучей американцев. Причем с богатыми, вроде Рокфеллера. Уж они-то должны соображать в подобных делах.

Эдвард смеется. Рокфеллеру или Карнеги деньги Бартона показались бы жалкой мелочью.

– На вашем месте я бы прислушался к Генри. Он об этом знает гораздо больше моего. А мои банкиры уверяют меня, что мои сбережения размещены в стабильных и надежных акциях и облигациях. Состояния на этом я не сделаю, однако меня вполне устраивает такое положение вещей.

– Ха-ха! – восклицает Генри. – Риск – дело благородное! А что касается Рокфеллера, он действительно соображает. Во всяком случае, Рокфеллер-старший. Очень ушлый парень. Скупает целые отрасли промышленности. Создал монополию. Я легко познакомлю вас с моими американскими банкирами. Они сделают вас очень состоятельным человеком, – хвастливо заявляет он.

– Правда? – оживляется Лиззи, погружая ложку в суп. – Каким образом?

– За счет недоплат рабочим, – встревает Роуз, чьи щеки вспыхивают.

Боже, не хватало только этой социалистической болтовни! Слово в слово то, что проповедуют Сидней и Беатрис Уэбб и, конечно же, не без влияния ее жуткого француза. Ее работа в «Нью стейтсмен» была отвратительной затеей.

– Богатые делают деньги благодаря тому, что бесчисленные рабочие, которые по-настоящему и создают им доход, получают зарплату, еле-еле позволяющую сводить концы с концами, – заявляет Роуз. – И эти люди еще довольны, что у них есть хоть какая-то работа! Но разве не каждый человек заслуживает того, чтобы иметь деньги для достойной жизни?

– Ха-ха! – изумленно восклицает Генри, вертясь на стуле. – Так говорит наша маленькая социалистка. Если бы все было столь просто!

За столом возникает тягостное молчание. Роуз и Генри сердито смотрят друг на друга.

– В чем именно это не столь просто? – спрашивает Роуз.

– Во всем, – растягивая слова, отвечает Генри. – Впрочем, я и не жду, что женщина способна понимать подобные вещи. Сама жизнь не столь проста. Безработица, моя дорогая, возникает вследствие технического прогресса, отсутствия спроса, раздутых экспортных пошлин и еще множества причин. Многие промышленники просто не могут платить своим рабочим больше. В конце концов, рынок сам все отрегулирует, хотя этот процесс может оказаться болезненным.

– Только не для вас! – вырывается у Роуз.

– Роуз! – предостерегает сестру Элинора.

– А я думаю, что Роуз высказывает здравое мнение, – громко вступает в разговор Софи. – Чем тебе не нравится ее предложение?

Платить людям достойную зарплату лучше, чем выплачивать им пособие.

– Никогда не обсуждайте с женщиной вопросы политики – вот что я на это отвечу, – говорит Генри и громко смеется собственной шутке.

– Напомню на всякий случай, что женщины уже заседают в парламенте, – парирует Софи.

– Да, и производят изрядное количество шума. Жаль, что среди них нет более молодых и привлекательных. Это, несомненно, оживило бы парламентские будни.

– Заткнись, Генри! – Софи снова широко раскрывает глаза и поворачивается к Элинон. – Элинон, ты когда-нибудь скучаешь по годам войны? Когда мы обе были молодыми, свободными и что-то значили?

Остальные гости молчат. Эдвард видит в их глазах отражение собственного недовольства внезапным поворотом разговора. Элинон в ответ бормочет что-то нечленораздельное.

– Снова одно и то же... – цедит Генри.

Он намерен сказать еще что-то, но Роуз быстро перебивает его.

– В самом деле, Генри, – говорит она, шумно бросая ложку на тарелку, подается вперед и застывает. – Неужели вас так задевают мнения, отличные от вашего собственного? В деловой сфере, прежде чем принимать решение, стоило бы учесть все точки зрения, все факты, а не опираться на устоявшееся мнение. А что в парламенте, что за его пределами господствует стойкий предрассудок: мнение женщин о государственных делах не имеет никакой ценности!

Софи прыскает со смеху.

– Роуз! – шипит Элинон, впервые за вечер встретившись глазами с Эдвардом. – Пожалуйста, не за обеденным столом.

– Ничего, пусть продолжает! – Генри оглядывает собравшихся. Судя по лицу, слова Роуз скорее позабавили его, нежели оскорбили. – Я привык к вспыльчивым женщинам. За свою жизнь я приобрел достаточно опыта в общении с ними.

Софи хмыкает. Собравшиеся молчат. Тишину нарушает лишь стук ложек и музыка, льющаяся из граммофона.

– Великолепный суп! – через несколько минут восклицает Бартон. – Передайте это миссис Беллами. Сегодня она превзошла себя. Что скажешь, Лиззи?

– Да! – подхватывает Лиззи. – Кстати, Эдвард, давно хотела спросить: как ваши успехи в дрессировке Байрона? Бартон ничего не может поделаться с нашим псом. Видели бы, в какого зверюгу превратился этот милый щеночек! Зовешь его – не откликается. Крадет еду со стола и жует всю обувь, какая ему попадается!

Краешком глаза Эдвард видит, как Роуз коснулась руки сестры и подмигнула Софи. Женский заговор в его доме? На ум приходят три ведьмы из «Макбета». Нет, так нечестно! Он звонит в колокольчик, чтобы подавали второе.

Он всегда гордился своим браком и считал, что ему повезло больше, чем Генри. Однако сейчас, чувствуя волны неприязни, исходящие от жены, он мрачно думает, так ли это на самом деле.

VIII

И как там моя девочка?

Она по-прежнему жива. Влачит свое существование, невзирая на ваше отвратительное обращение с ней. Она все еще в этом мире вопреки царапинам на коже и распухшим участкам тела. Она смотрит на мир безучастными остекленевшими глазами, уйдя глубоко внутрь своего разума, искалеченного и одурманенного вашими отвратительными лекарствами.

Моя драгоценная девочка с ее видениями женщин с огненными волосами и собак с пылающей рыжей шерстью. Я решила противостоять вашим ненавистным препаратам. Я удваиваю свои усилия, дабы осыпать ее моими величайшими дарами. Они будут дождем изливаться на нее. В отличие от вас, вгоняющих ее в рамки, которые умаляют и унижают ее человеческое достоинство, мне не стыдно делать ей подарки. Там, где вы превращаете ее мир в бесцветную и бесплодную пустыню, я делаю наоборот: я еще глубже погружаюсь в ее разум и наполняю его нескончаемыми видениями.

Когда этих видений становится слишком много, я нахожусь рядом с ней. Я рядом, когда ей от боли сводит живот, когда ей жжет горло от солей бромида, которые вы вталкиваете в нее; когда фенobarбитал еще сильнее оупляет ее мозг. Я рядом, когда она плачет по матери или тянет руку, чтобы схватить видение. Не вы, а я нахожусь с ней, когда она трясется и дергается в конвульсиях, когда ее руки молотят воздух, а голова запрокидывается. И когда она ударяется о стены и сползает на пол, я тоже нахожусь рядом.

Не вы, а я смотрю, как она, изможденная до предела, сворачивается калачиком и засыпает.

Впрочем, есть еще некто, проявляющий к ней внимание.

Речь о молодом амбициозном враче. Вы зовете его доктором Эверсли. Доктор Эверсли, чье пристальное внимание к девочке сильно меня нервирует.

Этот доктор Эверсли нависает над ней, взглядываясь в ее лицо, в ссадины и синяки на теле. Он похож на голодного льва, обнюхивающего добычу.

«Она как нельзя лучше подходит для моих экспериментов, – бормочет он себе. – Просто идеально. Главное, чтобы сэр Чарльз позволил мне заняться ею».

Глава 25

Элино́р

Это письмо приходит с утренней почтой. Адрес на конверте написан от руки незнакомым Элино́р почерком. Заметив сассекскую марку, она испытывает прилив страха. В Сассексе находится колония Хит. Но оттуда не приходит писем на ее имя. Раз в месяц сэ́р Чарльз присылает Эдварду отчет о состоянии Мейбл. Элино́р противно читает эти отчеты, вызывающие чувство безнадежности. В них отстраненно и сухо описывается состояние Мейбл, число припадков и ухудшающееся состояние ее ума.

Элино́р отодвигает конверт и быстро просматривает остальную почту. Ничего интересного. Оставив письма на столике в холле, она быстро надевает плащ и шляпу, натягивает перчатки и опускает странное письмо в сумочку. Затем торопится к выходу, где уже стоит машина, поданная Уилсоном. Ей никак нельзя опоздать на ближайший поезд в Лондон.

Заняв место в купе первого класса, Элино́р достает из сумочки конверт. Напротив нее сидит пожилая супружеская пара. Сложив руки на коленях, оба молча смотрят в окно, за которым все быстрее проносятся окрестные пейзажи.

*Строго конфиденциально. Разглашению не подлежит
27 августа 1929 г.*

Уважаемая миссис Хэмилтон!

Я искренне надеюсь, что Вы не упрекнете меня за непосредственное обращение к Вам. Я делаю это, поскольку встревожена состоянием Мейбл. Вам стоило бы как можно быстрее приехать в колонию, поскольку я считаю, что Ваша дочь находится в критическом положении.

Я пишу это письмо, так как серьезно обеспокоена состоянием здоровья Мейбл. Пожалуйста, не упоминайте моего имени в качестве причины, побудившей Вас приехать в колонию. Если руководство узнает об этом, скорее всего, я лишусь своей работы.

Искренне Ваша,

*мисс А. Мэннерс, старшая медсестра
Младенческого замка, колония Хит*

Элино́р стремительно входит в кабинет сэра Чарльза Лоусона. Он встает, здороваясь с ней, чуть сутулый; его морщинистое лицо серьезно и непроницаемо.

Оба садятся и некоторое время смотрят друг на друга, разделенные пространством письменного стола.

Врач откашливается:

– Что привело вас ко мне, миссис Хэмилтон?

– Естественно, состояние Мейбл.

– Понимаю. Вы сегодня без профессора Хэмилтона? – сопя носом, спрашивает он.

По спине Элино́р ползет раздражение. Оно топорщится, словно щетинки на шкуре свиньи.

– Как видите. Эдвард занят.

– Да, конечно. Он ведь всегда очень занят.

– Так оно и есть.

Сэр Чарльз складывает руки на столе и, насколько она может судить, смотрит на нее с явным недовольством.

– Я хотела бы узнать об изменениях в состоянии Мейбл, – сделав глубокий вдох, начинает Элино́р. – Эдвард сообщил мне, что сейчас ей дают фенобарбитал. Скажите, есть какие-либо улучшения? – Подражая матери, она немного понижает голос и твердым тоном добавляет: – Насколько понимаю, я вправе задавать вам подобные вопросы. – И улыбается.

В ответ сэр Чарльз тоже улыбается, но как-то кисло:

– Я вас очень понимаю, миссис Хэмилтон. Представляю, как тяжело вам находиться в разлуке с вашей дочерью. Но со временем вы привыкнете.

– Я приехала к вам не для обсуждения своих чувств! – резко отвечает Элино́р. – Я хочу узнать о состоянии здоровья моей дочери!

Сейчас перед именитым доктором сидит уже не та женщина. В прошлый раз она цепенела от потрясения и отчаянно цеплялась за Эдварда и его здравый смысл. Во всяком случае, так ей тогда

думалось. Элино́р кусает губы. Прогоняет негативные мысли: они сейчас не помогут Мейбл. Сюда она приехала, вооружившись сделанными ею заметками и выписками ключевых моментов статей. Но это вряд ли понадобится; она столько раз читала эти материалы, что может цитировать их слово в слово.

– К тому же, – чуть помешкав, добавляет она, – я получила письмо, которое меня сильно встревожило.

– Да?

– Это даже не письмо, а записка. Короткая. Человек, написавший ее, пожелал остаться неизвестным. Этот человек бьет тревогу относительно состояния Мейбл.

– Что? – Услышанное явно шокировало сэра Чарльза. – Позвольте мне взглянуть на эту записку.

– Я не захватила ее с собой, – лжет Элино́р.

Жаль, что она не может показать ему письмо мисс Мэннерс, но она не вправе подвести эту женщину, искренне обеспокоенную судьбой Мейбл. Раскрытие секрета обернулось бы увольнением медсестры.

– Вот оно что... – Сэр Чарльз вновь усаживается в кресло и смотрит на Элино́р с подозрением, словно не до конца верит ее словам. – Миссис Хэмилтон... Скажу вам честно: кто-то написал полнейшую чушь. Уверяю вас, Мейбл находится в полной безопасности и получает превосходный уход. Не сомневаюсь, что записку написал какой-нибудь смутьян. Ваш муж занимает высокое положение, а такие люди всегда привлекают к себе нежелательное внимание.

– Но я думала, никто не знает, что Мейбл – наша дочь.

– Насколько мне известно, так оно и есть. Я даже гадать не буду, откуда берутся подобные сведения.

Элино́р беспокойно ерзает в кресле.

– Каково нынешнее состояние Мейбл?

– Ваша дочь вполне привыкла к жизни в колонии, – отвечает сэр Чарльз; его лицо несколько изменилось. Сейчас от него исходит меньше враждебности, но он по-прежнему закрыт и не настроен на откровенный разговор. – Я регулярно посылаю вашему мужу отчеты о ее состоянии, – добавляет он.

– Да. Я знаю о них. Но мне захотелось услышать обо всем из первых уст. – Она снова улыбается. – Сэр Чарльз, скажу вам честно: я считаю, что прошло уже достаточно времени и я теперь могла бы регулярно навещать Мейбл. Это не нарушило бы конфиденциальности. Эдварду туда незачем ездить, и потому тайна личности Мейбл сохранится. После этой записки я просто должна знать, как на самом деле живет моя дочь в колонии.

– Понимаю, – произносит сэр Чарльз, изгибая седую бровь и разводя руки. – И что именно вы хотели бы знать?

– Все до мельчайших подробностей. Есть ли у нее друзья? Счастлива ли она? Как ее учеба в школе?

Возникает пауза.

– У нее установились хорошие отношения с дежурными медсестрами, – бесцветным голосом отвечает сэр Чарльз, не глядя на Элинора. – Полагаю, ей нравится рисовать карандашами и красками, наблюдать за животными на ферме и играть с другими детьми. – Чувствуется, что все это не более чем общие фразы. Откашлявшись, сэр Чарльз продолжает: – Миссис Хэмилтон, раз вы читаете мои отчеты, то вам известно, что умственные способности Мейбл оставляют желать лучшего. Занятия в школе ей противопоказаны. Наша программа нацелена на то, чтобы больные дети не испытывали никаких потрясений. Для эпилептиков важно находиться в спокойной, упорядоченной обстановке. Чрезмерное возбуждение провоцирует припадки. По этой причине мы не поощряем посещение детей. Представьте: девочка видит мать и у нее может возникнуть ожидание, что ее заберут домой. Когда ее ожидание не оправдывается... сами понимаете, к чему это приводит. Еще один немаловажный момент. К большинству детей никто не приезжает. Если они увидят, что к кому-то регулярно приезжает мать, это вызовет у них обиду и беспокойство. Я уж не говорю о вашем подавленном состоянии при виде печального состояния, в котором находится ваш ребенок. Честное слово, для всех сторон будет лучше обойтись без психологических травм.

Элинора открывает рот, собираясь сказать то, что ей действительно хочется сказать, но вовремя одумывается. Это лучше держать при себе.

– А что вы можете сказать о ее припадках и действии лекарств? Вы как-то упоминали новое удивительное лекарство. Оказывает ли оно какое-нибудь воздействие на Мейбл?

Элино́р подается вперед. У нее гулко бьется сердце. Вдруг состояние Мейбл начнет чудесным образом улучшаться?

Сэр Чарльз качает головой. Его лицо снова принимает грустное выражение.

– Состояние Мейбл относится к числу самых тяжелых. Я боялся, что ее организм уже не отреагирует на прием бромидов и фенобарбитала. К великому сожалению, мои предположения оправдываются.

Сэр Чарльз достает регистрационный журнал, где содержатся имена и цифры. Ведя пальцем, он находит строчку Мейбл.

– Данные за нынешний период неутешительны, – говорит он. – Четыреста семьдесят пять больших припадков и триста сорок восемь малых. Это очень много. По сравнению с прошлым периодом их число стало больше. Пока она не получает максимальной дозы фенобарбитала. Мы можем сочетать дозы с дозами солей бромида, если...

– Сэр Чарльз, потому я сегодня и приехала к вам. – Элино́р снова подается вперед; ее сердце опять учащенно бьется. – Ясно одно: лечение, предписанное вами, не работает. Я собираюсь кое о чем с вами поговорить. Я слышала об альтернативном методе лечения и хочу, чтобы вы попробовали его на Мейбл.

Сэр Чарльз откидывается на спинку кресла и сурово смотрит на Элино́р.

– Миссис Хэмилтон, я не впервые слышу о разных шарлатанских методиках, но ни одна из них не дает результатов. – Как и в прошлый раз, он говорит с ней тоном, каким говорил бы с туповатым ребенком, неспособным усвоить простой урок. – Уверяю вас: план лечения, который я рекомендую для Мейбл, самый современный и эффективный из всех существующих.

– Сэр Чарльз, лечение, о котором я хочу поговорить, отнюдь не шарлатанство, – твердо возражает Элино́р. – Оно прошло многочисленные проверки и применяется в Америке для лечения детей. Если, как вы говорите, вы находитесь в курсе последних исследований в этой области, вы наверняка знаете о кетогенной диете.

Сэр Чарльз моргает и едва заметно дергается. Что это: раздражение? удивление? Но это длится всего мгновение, и к нему возвращается былая уверенность.

– Диета, которую мы предписываем нашим эпилептикам, очень тщательно контролируется. Я вам это уже говорил в прошлый раз.

– Но вы не ответили на мой вопрос. Вы слышали о кетогенной диете? Она очень сильно отличается от того, о чем вы говорили тогда.

– Нет, – помолчав, признается он. – Об этом я ничего не слышал. – Он усмехается. – Я не слишком обращаю внимание на мириады сумасшедших идей, которые появляются сплошь и рядом. – Он изгибает брови. – Мало ли чепухи на свете!

– Уверю вас, эта идея совсем не сумасшедшая. – Элинон раскрывает сумку и достает бумаги. – Как видите, результаты их экспериментов весьма обнадеживающие.

Элинон выкладывает перед пожилым врачом листы с заметками и выписками из статей, где наиболее важные места выделены особо.

Ей кажется, что сэр Чарльз потрясен. Он смотрит на разложенные бумаги. Все в его облике – от наморщенного лба до рук, скрещенных на груди, – говорит о сопротивлении. Мельком взглянув на листы, он качает головой и откашливается.

– Подобная диета была бы слишком радикальной и губительной даже для взрослого организма, – тихо, с расстановкой начинает он, его голос полон терпения. – Что же тогда говорить о маленьком, слабом ребенке? – Сэр Чарльз усмехается. – Для вашей дочери это означало бы смерть! Несколько месяцев на такой диете, и она серьезно заболела бы от недостатка витаминов и питательных веществ. Ее бы мучили тяжелые запоры, в результате чего организм отравлялся бы отходами собственной жизнедеятельности, не в силах их исторгнуть. Могу лишь вам сказать, миссис Хэмилтон, что такая диета оказалась бы катастрофической для Мейбл. Я бы всеми силами избегал сомнительных экспериментов. Что считается правильным и приемлемым в Америке, не может, да и не будет считаться приемлемым в Лондоне.

Сэр Чарльз отодвигает от себя привезенные ею записи, смотрит на часы и морщится. Элинон пора уходить. Ее время истекло. Разговор, на который она возлагала надежды, закончился неудачей.

– Прошу вас, – умоляющим тоном произносит она, – пожалуйста, ознакомьтесь с результатами этих исследований. Согласно, в обычных условиях такая радикальная диета считалась бы пагубной для здоровья, но для эпилептика она может оказаться спасительной. Здесь

содержится все: подробности эксперимента и доказательства его успеха. Это могло бы помочь и другим детям, – добавляет Элино́р, видя, как сэ́р Чарльз брезгливо берет листы, словно от них можно заразиться. – Не только Мейбл, – упорствует она.

Сэ́р Чарльз не отвечает.

Элино́р натягивает перчатки, берет сумку и готовится уйти.

– Вы всерьез хотите сделать своего ребенка объектом экспериментов? Лабораторной мышью? – Голос сэ́ра Чарльза вдруг становится сердитым. – Миссис Хэмилтон, мне известно об экспериментах над эпилептиками в Америке. Уверяю вас, жестокость тамошних врачей не знает предела. Неизвестно, каковы побочные явления такого метода и как они проявятся в долгосрочной перспективе, как повлияют на растущий организм ребенка. Я бы ни за что не подверг своего ребенка подобному лечению, – заключает он и встает с кресла, всем видом показывая, что разговор на эту тему окончен. – Простите, миссис Хэмилтон, но меня ждут другие пациенты.

– Да, конечно. – Элино́р встает и протягивает ему руку в перчатке, пристально глядя на врача. – Вы же знаете, сэ́р Чарльз, я все равно не отступлюсь. Через пару дней я вам позвоню и спрошу, что вы думаете после прочтения этих материалов.

Он пожимает ей руку.

– А профессор Хэмилтон? – спрашивает сэ́р Чарльз, всматриваясь в ее лицо. – Что он думает обо всем этом?

– Сэ́р Чарльз, я бы предпочла, чтобы этот разговор остался между нами, – после недолгого молчания отвечает Элино́р. – Когда мы придем к общей точке зрения, я обязательно переговорю на эту тему с Эдвардом. Но сейчас он предельно занят, и я не хочу отвлекать его от работы.

– М-да. – Сэ́р Чарльз отпускает ее руку. – Понимаю...

– Я позвоню вам послезавтра, – говорит она, награждая сэ́ра Чарльза мимолетной улыбкой. – Всего доброго.

Сказав это, Элино́р поворачивается и с высоко поднятой головой выходит из кабинета.

Элино́р сидит в кафе, глотает сладкий чай, пытаясь успокоить нервы, и обдумывает следующий шаг. Она подносит чашку к губам и

замечает, как дрожит рука. Сэр Чарльз – признанный медицинский авторитет, а она, прочитав лишь несколько статей, поспешила принять желаемое за действительное. И в то же время ни многолетний опыт сэра Чарльза, ни его самоуверенная манера ничем не помогли Мейбл. А у Марсея, как-никак, есть собственные наблюдения за состоянием сестры.

У Элиноор такое чувство, будто из-под ног у нее выбили почву и она спотыкается, тщетно пытаясь найти опору. Ссора с Эдвардом продолжается; молчаливая, но, словно дурной запах, всегда присутствующая в пространстве между ними.

Ей представляется, что муж не считает фальсификацию данных проблемой. Он безоговорочно уверен в собственных теориях и правильности своего взгляда на мир. Судя по всему, ради достижения цели он не остановится ни перед чем. Элиноор знает: он лелеет мечту о получении рыцарского звания, и стремление к этой цели заставляет отступить здравый смысл и нравственные принципы. Как там говорят про облеченных властью? Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Обладает ли Эдвард властью? Прежде она никогда не думала об этом. Наверное, обладает. Властью над теми, чьи жизни бесповоротно изменятся из-за его влияния и авторитета. И конечно же, он обладает властью над ней. С тех пор как она лишилась матери, он всегда был ее скалой. Она до такой степени привыкла целиком и полностью полагаться на него, безоговорочно доверять его суждениям, что забыла о существовании собственных.

Не потому ли отношения между ними стали такими трудными, что она пытается отстаивать свои права? Если так, все значительно осложнится, если Эдвард узнает о ее самовольном визите к сэру Чарльзу. Муж разъярится, услышав, что она предложила какое-то немислимое лечение, не одобренное этим маститым врачом, которым он так восхищается. Эдвард слишком верит в могущество медицины.

А может, она попросту потеряла веру в него? Все эти годы Эдвард лгал ей о Портере. Почему? Ей до сих пор не понять причин его лжи. Он же знал, что она бы только поддержала его благородную заботу об искалеченном солдате. И теперь еще фальсификация данных. Нежелание даже слушать об ином методе лечения Мейбл, отказ в просьбах забрать дочь из колонии. Он даже против того, чтобы она

виделась с Мейбл. Какую еще правду он может скрывать? Крепость, именуемая Эдвардом, рушится у нее на глазах.

Сама того не желая, Элинор возвращается к воспоминаниям о человеке, убившем ее мать. Она вспоминает день, когда впервые увидела его на скамье подсудимых. Он раскачивался взад-вперед, и его крупная фигура не вязалась с умом, оставшемся на уровне ребенка. Казалось, он не имел понятия, почему и зачем оказался в зале суда, не говоря уже о том, что не осознавал ужасного преступления, которое совершил. Тогда она была шокирована отсутствием у него даже следов раскаяния и считала, что таких, как он, ни в коем случае нельзя выпускать в мир нормальных людей. Вскоре после суда она вместе с Эдвардом посетила лекцию в Евгеническом обществе, и услышанное там полностью совпало с ее собственными убеждениями.

Сейчас она понимает: не все так просто. Ей вспоминается разговор с Роуз после того, как сестра решила познакомиться с досье убийцы их матери. Оказалось, он с детства отличался слабоумием и практически не говорил. У него бывали приступы необъяснимого и неуправляемого гнева. Большую часть своей юности он провел в заведении для слабоумных, где его нещадно избивали, пытаясь таким образом выбить из него склонность к агрессии. Элинор сомневается, сможет ли она когда-нибудь его простить, но сейчас понимает: все отнюдь не так прямолинейно, как ей представлялось, и жестокое обращение с ним в стенах заведения внесло свой вклад в его поведение.

Мысли переходят на Мейбл и болезнь дочери. Элинор думает о том, что причина эпилепсии может не иметь никакой связи с генетическими дефектами у нее или Эдварда. А вдруг евгеника как наука ошибается? Что, если больные, преступники и слабоумные могут рождаться и у носителей высших генов? Наконец, существует ли вообще такое понятие – высшие гены? Не опровергает ли это всю теорию? А если так, не приходится ли людям, подобным Мейбл, слишком дорого платить за проверку чьих-то гипотез, которые совсем не обязательно окажутся правильными? Что, если Эдвард не одинок, если есть и другие, погрузившиеся в пучину фальсификации, только бы подтвердить справедливость своих убеждений? Убеждений, которые изначально строились на ложных идеях. Об этом даже думать не хочется.

Да, есть люди, больные телесно и душевно; есть преступники, алкоголики и люди с предосудительным поведением. Но всегда ли это вызвано наследственностью? А вдруг существуют методы лечения, способные облегчить участь подобных людей или даже полностью их вылечить? Вот направление, на котором должны сосредоточиться здравомыслящие ученые. Это было бы лучшим направлением в развитии науки.

В животе возникает тошнотворное ощущение. Элинор знает: Эдвард никогда не прислушается к ее рассуждениям на такие темы. Он всегда с готовностью поверит сэру Чарльзу, а не ее интуиции. Ей не убедить его поменять направление, поскольку разум Эдварда закрыт от всего, о чем он не желает знать. Но Элинор знает, как ей поступить. Достав записную книжку, она набрасывает текст телеграммы доктору Петерману, чью статью привез ей Марсель. Этот врач работает в клинике Мэйо в Рочестере, штат Миннесота. Порывшись в кошельке, она оставляет на столе деньги за чай, затем отправляется на ближайшую почту. По пути останавливается у телефонной будки.

Бросив в щель несколько монет, она называет телефонистке номер. Тянутся мучительные минуты ожидания. Наконец ее соединяют.

– Софи, – задыхаясь, говорит она в трубку, – как ты насчет того, чтобы немного прокатиться на машине?

Глава 26

Эдвард

Эдвард принимается за ужин – ветчина, картофельный салат, маринованная свекла, – когда стук в дверь едва не заставляет его подскочить на стуле. Он один в своей лондонской квартире. Миссис Тиммс, приходящая экономка, ушла еще до его возвращения из клиники, завершив хлопотный день.

Восьмой час вечера. Кого могло принести? Привратник не позвонил и не доложил о посетителе. Сам он никого не ждал.

Стук повторяется. Звучит женский голос, приглушенный дверью и несколькими футами расстояния:

– Эдвард! Это я. Я не захватила ключ. Ты дома?

Элиноор!

Он вскакивает со стула, бросая вилку с ломтиком свеклы. Вилка прыгает по столу и падает на пол, разбрызгивая по кремовому ковру свекольный сок, похожий на кровь.

Черт!

На пороге стоит раскрасневшаяся, забрызганная уличной грязью Элиноор. Еще по пути домой он чувствовал, что пойдет дождь. Судя по мокрой шляпке и ее жакету, прогноз оправдался.

– Дорогая! Каким чертом ты оказалась здесь?! Я и не подозревал, что ты приедешь в Лондон!

– Можно мне войти?

Эдвард торопливо отходит, пропуская ее в прихожую.

– Если бы я знал, что ты приедешь, то попросил бы миссис Тиммс приготовить ужин и на тебя.

В тесной прихожей Элиноор сбрасывает туфли, мокрый жакет и шляпу, затем проходит в столовую. Эдвард идет следом. В столовой она идет прямо к шкафчику с винами и наливает себе бургундского.

– Надеюсь, все в порядке? – осторожно спрашивает он, поскольку Элиноор не свойственно такое поведение.

– А ты как думаешь? – Сухо рассмеявшись, она поворачивается к нему.

Значит, не все в порядке. Недавняя радость от неожиданной встречи с женой полностью улетучивается.

– Хочешь перекусить? – спрашивает он.

Она плюхается на стул и качает головой:

– Эдвард, нам надо поговорить.

– Конечно.

Он поднимает вилку с ковра и промокает сочное пурпурное пятно носовым платком, отчего оно становится еще шире. Вновь усевшись за стол, он думает, не рассердится ли жена, если он продолжит есть. Потом отодвигает тарелку. Вряд ли она приехала бы в Лондон для разговора о пустяках. Эдварда пронзает резкая боль при мысли о том, что он услышит.

– Джимми? – спрашивает он, вдруг испугавшись собственного вопроса. – С Джимми ничего не случилось?

– Нет, – хмуро отвечает она. – Джимми здоров и весел. Мисс Хардинг – замечательная няня. С ней ему лучше, чем со мной.

– Не смейся.

– Я вполне серьезно. Она прекрасно с ним управляет. Всегда весела и его смешит. А я такая мрачная и унылая. Вряд ли Джимми полезно проводить много времени со мной.

– Элиноор, такого просто не может быть. Он тебя по-настоящему любит. Ведь ты его мать...

– Я приехала говорить не о Джимми, – сжав зубы, перебивает его Элиноор. – Мне нужно поговорить о Мейбл. Но вначале... вначале мне необходимо узнать и понять, почему, Эдвард, ты лгал мне все эти годы.

– Что?

Сердце Эдварда начинает биться быстрее, у него потеют ладони. Он изображает неведение, хотя понимает, что его ждет.

– Почему ты никогда не рассказывал мне о Портере и скрывал то, что оплачиваешь его пребывание в колонии? Такая секретность бессмысленна. Только не накручивай новую ложь, Эдвард. Я хочу знать правду.

Ее лицо напряжено. Умоляющими глазами она внимательно смотрит на него. Такая молодая, полная надежд, словно она отваживается поверить, что достаточно выслушать объяснение, и она сможет его простить. Боже, ему невыносимо видеть ее недовольство!

И теперь она сидит напротив него и требует правды. Он больше не может лгать. Она получит то, о чем просит.

Они переходят в гостиную, где Эдвард зажигает свет и подбрасывает дров в камин. Самое начало сентября, а вечерний воздух уже холоден.

Они садятся напротив друг друга, и Эдвард, подкрепив душевные силы еще одним бокалом вина, рассказывает ей все. Это лучшее, что он может, надеясь на ее прощение. Ему невыносимо смотреть в ее потрясенные глаза, когда он неуклюже пытается оправдаться. Да, ему не хватило духу возразить офицерам и санитарам Красного Креста, ошибочно посчитавшим его героем. Сможет ли она понять все его смятение, весь ужас той сцены? Элинор молчит. Он продолжает объяснять: пока Портер балансировал между жизнью и смертью, правда не имела значения, а потом, когда солдат выжил, но ничего не помнил, было слишком поздно. Люди считали Эдварда тем, кем он не был, но хотел быть. А потом всем хотелось жить дальше, хотелось забыть войну и сосредоточиться на будущем. Он не исключение. Как ему исправить положение после стольких лет? Так ли уж велика его ошибка? Разве другие на его месте не поступили бы так же? Хватит ли у нее великодушия простить его?

Наконец он заставляет себя посмотреть ей в глаза. Разочарование. У него сердце уходит в пятки. Это гораздо хуже гнева.

– Я отчетливо помню день, когда ты появился в генеральской приемной, – глядя на его туфли, говорит она. – Такой высокий, обаятельный, храбрый. Мне не верилось, что ты вообще заметил мое присутствие. Прославленный герой войны. Кто бы посмел усомниться? Как я восхищалась тобой, Эдвард! Какой невероятно счастливой я себя чувствовала! Любая девушка охотно согласилась бы работать с тобой, но ты выбрал меня.

– Но мне нужна была только ты! Неужели не понимаешь? Я так тебя люблю. И... и в этом я никогда тебе не лгал!

Она качает головой. В глазах блестят слезы.

– Я верю тебе, Эдвард. Я знаю, как сильно ты меня любишь и насколько я тебе желанна. Но как и во всем остальном, ты фальсифицируешь правду, чтобы получить желаемое. Это касается меня, твоей карьеры, твоей репутации. Всего. Я думала, что знаю тебя. Оказывается, нет. Не знала и не знаю...

– Элино́р, по-моему, ты уже заходишь далеко. Послушать тебя – я просто жулик и плут! Меж тем, смею тебя уверить, я скрупулезно занимаюсь своей работой.

– Но ты называешь себя профессором, хотя таковым не являешься.

– Верно, я не защитил докторскую диссертацию. Война помешала. Что я мог с этим поделаться? Есть у меня диссертация или нет, я эксперт в своей сфере и ничем не отличаюсь от любого другого профессора.

– Ты фальсифицировал данные.

Эдвард вздыхает и поднимает глаза к потолку:

– Прошу тебя, не будем об этом. Это был небольшой эпизод. Мелочь среди огромного количества других доказательств.

– Для меня это не мелочь. – Глаза Элино́р блестят в свете пламени, она подается вперед. – Эдвард, если бы ты был смелым, а порой признание своих ошибок и умение выстоять против шквала мнений требуют изрядного мужества, ты бы изъял эти доказательства. Ты бы забрал нашу дочь из колонии и позволил бы лечить ее диетой, о которой я тебе рассказывала.

Его грудь вдруг распирает от гнева. Элино́р просит слишком много. Он готов в будущем быть более внимательным, но переиграть прошлое нельзя. Что касается Мейбл, их дочь действительно находится в самом лучшем месте, под опекой сэра Чарльза. Сэр Чарльз считается ведущим английским специалистом по детской эпилепсии. Элино́р цепляется за нелепые, лживые надежды. За обещания, раздаваемые шарлатанами, которые наживаются на несчастных.

– Я не заберу нашу дочь из колонии, где она находится в полной безопасности, – твердо заявляет он, – и не позволю, чтобы ее морили голодом и подвергали шарлатанскому лечению, расхваливаемому дружкой твоей сестры! Эта затея, Элино́р, нелепа и жестока. Я знаю: ты желаешь ей добра. Я хочу того же, сильнее, чем чего-либо. Но ты пребываешь в отчаянии и потому цепляешься за неисполнимую мечту. Мне жаль, но когда-нибудь тебе придется признать правду. Мейбл не станет лучше.

– Нет, Эдвард, это не шарлатанское лечение, – резко возражает она. – Оно применялось многие годы и даже столетия, а в знаменитой американской клинике Мэйо его довели до совершенства. Лечением

занимаются настоящие врачи, и эксперименты проводят настоящие ученые, такие же, как ты!

– Элино́р, Элино́р, остынь! В Америке, как и везде, хватает шарлатанов и псевдометодик лечения. И все ради выживания де...

– Да ну! – Элино́р вскакивает на ноги. – Вот что, Эдвард Хэмилтон, ты замечательно умеешь говорить. Такое же обвинение я могла бы предъявить и тебе. Не тем ли руководствовался и ты, фальсифицируя результаты экспериментов?

– Как ты смеешь?!

С Эдварда достаточно. Он тоже поднимается на ноги. Верно, он изъясил часть результатов проверок, но лишь затем, чтобы еще сильнее подчеркнуть неопровержимость доказательств, выстроенных на основе фактов, в правильности которых он уверен.

– Я это сделал по вполне оправданным причинам. В общих результатах я уверен и потому не позволю тебе обвинять меня в мошенничестве!

Гнев мужа она воспринимает спокойно и собранно. Ее голос звучит ровно.

– Эдвард, а тебе никогда не приходило в голову, что ты можешь ошибаться? Что есть иные способы улучшить жизнь людей, помимо ограниченных идей Эдварда Хэмилтона?

– Не говори глупостей, Элино́р! Эти идеи проистекают не от меня одного. Они признаны медициной и поддерживаются множеством других экспертов.

– Но даже эксперты порой расходятся во мнении.

– Да, однако...

– Так, может, попробовать какой-то другой способ? – Ее голос звучит умоляюще, а сама она близка к слезам, и гнев Эдварда исчезает. – Ну пожалуйста.

– Мы говорили, что спросим мнение сэра Чарльза об этой диете.

– Он не желает даже пробовать, – отвечает Элино́р, расхаживая по гостиной, как возбужденная кошка. – Сегодня я была у него.

– Ты была у него? Без меня?

– Да, Эдвард. Как ты знаешь, я умею действовать самостоятельно. И мне хотелось нейтрально и непредвзято представить сэру Чарльзу доказательства успешности метода.

Эдвард смотрит на нее так, словно видит впервые. Она за его спиной встречалась с сэром Чарльзом! Сама манера ее нынешнего разговора кажется ему совершенно иной. Кто-то похитил его милую жену, заменив этой самоуверенной, перечашей ему особой.

– Хорошо, Элино́р. Я понимаю твоё желание наилучшим образом помочь Мейбл, но ты должна видеть здравый смысл, – говорит Эдвард, пытаюсь погасить новую ссору. – Ты должна прислушаться к советам сэра Чарльза. Если он уверен, что такое лечение вряд ли принесет результаты, почему ты считаешь его мнение ошибочным? Если эта методика настолько эффективна, как ты ее превозносишь, с чего бы ему отказываться от ее применения? Верить ты мне или нет, но ему вовсе не хочется, чтобы дети оставались в состоянии хронически больных!

Должна же она понимать очевидные вещи.

Он вдруг замечает, что Элино́р еле стоит на ногах. Он подходит, осторожно протягивает руку, желая восстановить отношения между ними.

Она смотрит на мужа, игнорируя протянутую руку. Открывает рот, собираясь что-то сказать, но тут же снова закрывает. У него возникает ощущение, что Элино́р не хочет ему о чем-то рассказывать. Потом усталым голосом она спрашивает:

– Значит, ты не собираешься менять свое мнение относительно диеты?

– Нет, – как можно мягче отвечает Эдвард, не желая спровоцировать новый всплеск гнева, но и давать ей ложных надежд он тоже не хочет. – После того как ты рассказала мне об этом методе, я говорил с сэром Чарльзом. Он категорически против столь бесчеловечного лечения. Элино́р, дорогая, пойми же наконец, что Мейбл пребывает в самом лучшем месте, какое только можно представить. В колонии она находится под неусыпным наблюдением сэра Чарльза.

– В самом лучшем для кого?

– Для всех. Для Мейбл, для нас, для Джимми...

На мгновение Элино́р позволяет мужу ее обнять, всматривается в его лицо. Ее глаза полны душевной боли. Затем она высвобождается из его объятий и поворачивается к нему спиной.

В этот момент Эдвард с болезненной ясностью вдруг понимает, что жена отдаляется от него.

IX

Как сова, бесшумно пикирующая на добычу, я спешу к моей девочке, но не застаю ее на обычном месте в Младенческом замке.

Что-то случилось. Я заранее это чувствовала, но полной уверенности у меня не было.

Я приближаюсь, чтобы полюбоваться на нее во сне, и потом отчетливо понимаю, в чем дело.

Доктор Эверсли забрал ее для своих жестоких экспериментов. Вместо того чтобы дать ей спокойно спать, он с помощью хитрости и вероломства забрал ее к себе.

В игре кошки с мышью трудно угадать, куда заведет игра.

На сей раз эта девочка выскальзывает из моих рук, становясь недостижимой для меня.

Моя милая, чудесная девочка.

Вскоре для нее уже не будет вечности забытья и вселенной, состоящей из пустоты. Она не почувствует запаха горения, не ощутит экзотического вкуса. У нее прекратится обостренное слышание, видение, чувство. Не будет электричества, дающего осечку в ее мозгу, струящегося по синапсам и летящего по дорогам ее нервной системы.

Сейчас я вижу ее ошеломленной и одурманенной. Ее пугает незнакомая комната, холодная и темная. Здесь нет успокаивающего бледного света луны, льющегося сквозь высокие окна спальни в Младенческом замке. Вместо этого она пребывает в бархатной темноте, одинокая и сбита с толку.

Сейчас я ничем не могу ей помочь.

Я оставляю ее наедине с судьбой.

Возможно, я и проиграла сражение за эту девочку, но моя война с вами продолжается.

Часть четвертая
Сентябрь 1929 года

Глава 27

Элино́р

Софи слишком быстро делает поворот, и вся громада автомобиля «мерседес-бенц» накрывается так сильно, что у Элино́р не остается сомнений: они сейчас перевернутся. Но каким-то образом под нескончаемую ругань по поводу отвратительного состояния дорог, скрип тормозов, поворот рычагов и нажатия на педали машина выравнивается вопреки закону тяготения.

– Ты уверена, что правильно ведешь машину? – спрашивает Элино́р, перекрикивая ветер. До сих пор она считала плохим водителем одного Эдварда. Оказалось, что и Софи немногим лучше. – Нельзя ли ехать чуть помедленнее?

– Дорогая, я не первый день за рулем! Но учти, нас подпирает время! – кричит в ответ Софи, вцепившись в руль и пытаясь укротить нрав машины. – Заверю тебя: ты в полной безопасности!

Элино́р опускается ниже и держится за края сиденья. Может, лучше закрыть глаза? Дорога, по которой они едут, в неважном состоянии и с каждой милей становится только хуже. Узкая, изобилующая рытвинами и резкими поворотами. Не хочется даже думать о том, что случится, если кому-то вздумается поехать им навстречу. Софи гонит с такой скоростью, что лобового столкновения не избежать. Пытаясь успокоиться, Элино́р глубоко дышит.

Паром для перевозки автомобиля уже заказан, равно как и номера в отелях. Там, куда они направляются, предупреждены и готовы их принять. Последней о ее замысле узнала домашняя прислуга. Так лучше. Трудно сказать, как поведет себя Эдвард, а она никого не хочет ставить под удар. Поддержка слуг ее растрогала и воодушевила.

– Вы правильно делаете, – заявила миссис Беллами и даже сочувственно взяла ее за руку. К удивлению Элино́р, глаза поварихи увлажнились. – Я скучаю по маленькой шалунье, – призналась миссис Беллами. – Распихали бедняжек по этим заведениям. Конечно, у вас душа болит по дочке. Вы не волнуйтесь, я сделаю так, что никто из наших слова не проронит. Иначе им придется иметь дело со мной. А они не отважатся, – твердо заявила она.

В этом Элино́р не сомневалась. Миссис Беллами наполнила разной снедью громадную корзину, как будто они собрались не во Францию, а в дикие безлюдные места. Вспоминая их разговор, Элино́р искренне восхищается миссис Беллами. Она будет скучать по этой чудесной женщине. И по всем остальным тоже.

О своем замысле Элино́р сочла необходимым рассказать и Лиззи. Та поначалу восприняла услышанное в штыки. Соседке претит мысль делать что-либо вразрез с желаниями мужа. Для нее слишком значимы правила приличия и нормы, принятые в обществе. То и другое породило в Лиззи целый ком внутренних противоречий.

– А как же Эдвард? Как Джимми? – спрашивала она, вытаращив глаза и озабоченно наморщив лоб. – Вы же не можете оставить сына. – Вид у Лиззи был испуганный. – Он ведь еще совсем маленький. Ему никак нельзя долго оставаться без матери, а вы уедете так далеко!

Элино́р не оставалось иного, как показать соседке письмо мисс Мэннерс. После этого румяное лицо Лиззи мгновенно побледнело.

– Боже мой! – прошептала она, подняв глаза на Элино́р. – Вам, конечно же, нужно ехать! Скажите, чем я могу помочь?.. Только, Элино́р, вдруг вы уже опоздали?

Эта мысль мелькала и в ее голове. Но сейчас Элино́р не позволяет себе так думать. Она действовала с максимальной скоростью, а дражайшая Софи бросила все, чтобы ей помочь.

– Дорогая, это же приключение, – уверяла подруга. – Я бы и за все сокровища мира не согласилась его пропустить.

Элино́р будоражило подозрение, что Софи обрадовалась причине на время забыть о Генри и всех их семейных бедах.

Чем больше Элино́р раздумывает о каждом действии и каждой лжи Эдварда, тем сильнее в ней бурлит и поднимается злость на мужа. Она начала мысленный судебный процесс над ним. Все, что он делал и говорил за эти годы, теперь находится на рассмотрении ее мысленного обвинения и защиты. Приговор пока еще не вынесен.

Ей было больно и совестно расставаться с Джимми. Беспокоила неопределенность; она не знала, когда вновь увидит сына. Мисс Хардинг – умелая няня, но вдруг с малышом что-то случится, пока его мать в отъезде? Этого Элино́р себе никогда не простила бы.

Зайдя в детскую попрощаться с ним перед отъездом, она чуть не передумала. Прежде ей казалось, что она никогда не будет любить

сына столь же сильно, как Мейбл, но в тот момент, взяв на руки малыша, она вдруг поняла: нет, это не так. Она по-настоящему любит его. Очень сильно любит. Так же, как Мейбл, но по-другому. Ей было позволено его любить. Вина перед отправленной в колонию Мейбл – вот что мешало ей в полной мере осознать свои чувства к Джимми. Теперь, собираясь забрать Мейбл оттуда, она разрешила себе отпустить чувство вины.

Прощаясь с сыном, она заплакала. Джимми, глядя на нее своими глазищами, протянул пухлую ручонку и коснулся ее мокрой щеки.

– Мой дорогой мальчик, – шептала она сыну, – как бы я хотела взять тебя с собой. Но это невозможно. Сейчас я безраздельно нужна Мейбл. Это ненадолго. Вскоре мы снова будем все вместе. Я обязательно найду способ это сделать. Обещаю тебе.

Малыш захихикал. Она поцеловала ему щеки, не оформившуюся пока еще шею и круглый животик. Ему очень нравились такие поцелуи. Джимми громко и искренне засмеялся, и от его смеха она наконец-то улыбнулась сквозь слезы.

Лиззи обещала ежедневно навещать Джимми и Эдварда, особенно сегодня вечером, когда Эдвард приедет из Лондона и узнает о поступке жены. Она мысленно представляет, как он читает ее письмо, и внутренне сжимается. Машина подскакивает на ухабе, который Софи не заметила в сумерках, и удар возвращает Элинора к действительности.

– Вроде мы должны бы уже приехать.

Элинора всматривается. Дорога становится еще хуже, превращаясь в разбитый фермерский проселок. Колеса машины подскакивают, попадая в колеи. Им советовали подъехать к задним воротам колонии, со стороны фермы. Это вызовет меньше подозрений. И вот теперь, в последний момент, их миссия рискует провалиться.

– Софи, пожалуйста, сбавь скорость! – кричит Элинора. – Иначе ты потеряешь колесо или нас обоих выбросит на обочину!

– Ладно-ладно, – бормочет Софи, отпуская акселератор и осторожно объезжая большую яму на дороге.

Элинора внутренне готовится к худшему. Может оказаться, что Мейбл ее не помнит. Согласно последнему отчету сэра Чарльза девочка почти разучилась говорить. Теперь Мейбл общается через плач или досадливый крик, показывает пальцем, качает головой или

берет дежурную медсестру за руку и ведет туда, куда ей нужно. Она много спит, а в бодрствующем состоянии заторможена из-за лекарств. Мейбл потеряла интерес к играм. Она беспричинно плачет или хнычет. Она не расстается со своей тряпичной куклой, а если та вдруг затеряется, впадает в смятение.

Ест, спит, существует. И только.

Вспоминая письмо мисс Мэннерс, Элинон испытывает тошноту. Страшно представить, что случится с Мейбл, если она как можно скорее не заберет дочь из колонии. Сейчас Мейбл, как никогда, нуждается в материнской любви и защите, и если Эдварду из-за его работы и репутации невыносимо присутствие дочери, так тому и быть. Она поселится с Мейбл в каком-нибудь тихом месте, вдали от мужа и его работы. Элинон успела возненавидеть его работу, и причина не только в фальсификации данных. Она усомнилась в самих принципах евгеники, которые, по утверждению Эдварда, строились на непровержимых научных фактах. Страшно даже подумать, как осуществление этих принципов отразится на людях, подобных Мейбл. На невинных людях, не имеющих ничего общего с преступниками, убивающими чужих матерей.

Ей кажется, что она смотрит кинофильм со своим участием. Вот сцена, где она увозит Мейбл далеко от мрачных стен колонии и возрождает к свету. Они обратятся за помощью к отцу Марсея – врачу, согласившемуся попробовать. Элинон готова стать медсестрой и поварихой. Если же никакие усилия не помогут и Мейбл разделит судьбу принца Джона, не дожив до совершеннолетия... что ж, совесть Элинон будет чиста. Она сделала для дочери все, что в ее силах, и в этом она станет черпать утешение.

А светское общество, осуждающее ее за это, может катиться ко всем чертям!

– Гляди! – возбужденно восклицает Софи. – Видишь те здания? Кажется, это и есть колония.

– Да, должно быть, – отвечает Элинон, подаваясь вперед. – Вот там фермерские постройки, а дальше – здание с часовой башней. Все как описывала мисс Мэннерс.

– Ура! – торжествующе кричит Софи.

– Мы пока еще не забрали Мейбл, – напоминает ей Элинон. – Не стоит праздновать победу раньше времени.

Колония занимает обширную территорию. Они проезжают мимо фермерских построек, коттеджей, больших зданий, напоминающих пансионы Викторианской эпохи, и мимо школы. Софи останавливает машину на некотором расстоянии от невысокого главного здания с часовой башней. Элинон достает из сумки план, который мисс Мэннерс прислала ей вместе с письмом. Сверяясь с ним, она пытается найти Младенческий замок. Ее глаза останавливаются на ветхом коттедже, даже отдаленно не похожем на замок.

– Мрачное местечко, – передернув плечами, говорит Софи и на малой скорости направляет машину в сторону Младенческого замка.

Элинон смотрит на часы. Они приехали вовремя. Половина восьмого. Мисс Мэннерс писала, что в это время пациенты уже находятся в своих комнатах, а большая часть персонала ужинает. План заключается в том, чтобы отправиться прямо в Младенческий замок, где их будет ждать мисс Мэннерс. Медсестра сообщала, что самых маленьких пациентов к этому времени уже укладывают спать. Софи развернет машину и со включенным двигателем будет ждать у входа. Едва только Элинон, Мейбл и пожитки дочери окажутся в машине, серебристый автомобиль подруги помчит их прочь из этого мрачного места. Когда они благополучно покинут колонию, Софи повезет их прямо в Дувр. Там они попытаются выспаться в портовой гостинице, а завтра, в десять утра, машину погрузят на паром, и они поплывут в Кале.

Софи глушит мотор. Некоторое время подруги сидят молча. Нервы Элинон на пределе. Ее сердце сильно и учащенно бьется, а уши реагируют на каждый звук, откуда бы он ни раздался. Надвигающаяся темнота кажется их союзницей. Самое время сказать все, что необходимо.

– Софи, – начинает Элинон, глаза которой устремлены на окрестные здания, – что бы потом ни случилось, знай: я тебе предельно благодарна. Знаю, сколь многим ты пожертвовала. Тебе ведь пришлось покинуть Генри и детей.

– Покинуть Генри – вовсе не жертва, – тихим, ровным голосом отвечает Софи. – Я приняла решение. Мы с Генри – никудашная пара. Глядя, как ты решила сама управлять своей жизнью, я поняла, что должна сделать то же самое. Элинон, я ухожу от него. Как только вернусь в Лондон, сообщу об этом.

– Нет, что ты! – Элино́р поворачивается к Софи, которая все так же решительно смотрит вперед. – Разразится ужасный скандал. Это обойдется тебе слишком дорого.

– Я приняла решение. Я должна это сделать ради сохранения собственного рассудка. Так же как ты. Мне требовался толчок, и этим толчком стал твой пример.

Элино́р берет подругу за руку:

– В таком случае я готова помочь тебе всем, чем смогу и когда понадобится моя помощь.

Софи поворачивается к ней и со смехом говорит:

– Как будто тебе мало собственных бед! А сейчас отправляйся за своим ребенком. Иди же!

Глубоко вдохнув, Элино́р выходит из машины и чуть ли не крадучись направляется к старому коттеджу. Ее сердце бешено колотится, ноги становятся ватными. Она боится упасть в обморок. «Мейбл нуждается во мне», – напоминает она себе и идет дальше. Она проходит мимо окон. Судя по всему, это столовая. Из приоткрытых окон доносится гул голосов. Затаив дыхание, она нагибается, стараясь держаться ниже оконных козырьков.

Неожиданно в конце столовой хлопает дверь. Элино́р застывает на месте. Замерев, она смотрит, как в нескольких футах от нее из двери выходит низкорослый неопрятный мужчина и направляется к примыкающему зданию. Она мысленно приказывает ему не оглядываться, иначе он наверняка ее увидит. Но он, похоже, погружен в свои мысли. Его руки засунуты в карманы, а голова, к счастью, не поворачивается назад. Подойдя к двери, мужчина распахивает ее. Оттуда вырывается свет. Силуэт мужчины застывает на пороге. Элино́р становится страшно. Вдруг он почувал ее присутствие? Сейчас обернется и крикнет: «Кто здесь?» Элино́р снова затаивает дыхание. Ее сердце готово вырваться из груди. Но мужчина входит внутрь, шумно закрывает дверь, и прямоугольник света исчезает. Облегченно вздохнув, Элино́р продолжает путь к Младенческому замку.

Как условливались, она трижды отрывисто стучит в дверь. Никакого ответа. Бегут секунды, и Элино́р уже начинает сомневаться, не ошиблась ли она зданием. В отчаянии она оглядывается по сторонам. В это время дверь распахивается. На пороге стоит молоденькая медсестра и удивленно смотрит на нее.

– Здравствуйте, – говорит девушка. – Чем я могу вам помочь?
Сердце Элинора уходит в пятки. Это явно не мисс Мэннерс.

– Я... э-э-э... я ищу мисс Мэннерс...

Медсестра качает головой:

– К сожалению, мисс Мэннерс заболела, причем серьезно. Это случилось на прошлой неделе. А вы кто?

– Быть того не может! Она мне не говорила... Она поправится? – восклицает Элинора, ловко избегая вопроса.

– Значит, вам не сообщили. У нее инфлюэнца в очень тяжелой форме. – Девушка качает головой. – Болезни распространяются по колонии, как лесной пожар.

Элинора тут же охватывает страх за здоровье Мейбл. Медсестра хмурится, прислонившись к дверному косяку:

– Время посещения давно прошло. Вы заблудились? Так кто вы будете? Я не расслышала.

– Я вам не назвалась.

В мозгу Элинора лихорадочно проносятся мысли. Она пристально смотрит на медсестру. У той миловидное, открытое лицо. Вряд ли этой девушке больше девятнадцати или двадцати лет. Ровесница Роуз. Можно ли ей доверять? Теперь, когда мисс Мэннерс больна, выбор у Элиноры невелик.

– Можно мне войти на пару минут? Сегодня вечером я должна была встретиться с мисс Мэннерс. – Элинора делает паузу. – В вашей колонии лечится моя дочь.

– Идемте внутрь, хотя это и запрещено правилами, – говорит медсестра, глядя поверх плеча Элиноры и желая убедиться, что их никто не видит. – Вам повезло. Сейчас почти все на ужине, – добавляет девушка, отходя в сторону и пропуская Элинору в длинный, узкий и темный коридор.

Медсестра ведет Элинору в унылую маленькую гостиную, освещенную лишь парой газовых светильников. В затененных углах, там, где стены соединяются с потолком, Элинора замечает отклеившиеся обои. «Видно, от сырости», – думает она. В гостиной сыро и холодно.

– Присаживайтесь, – предлагает медсестра, указывая на убогое кресло.

Но Элинора остается стоять.

– Я сестра Бейкер, – представляется девушка. – Как имя вашего ребенка? Наверное, мне стоило позвонить управляющему Гловеру, хотя он уже отправился домой. Могу рассказать, как найти дежурную медсестру в главном здании. Проводить вас туда не могу. Мне нельзя оставлять детей.

Вид у медсестры встревоженный.

– Нет! – возражает Элино́р.

Ее резкий тон заставляет девушку сжаться. Элино́р простирает руки.

– Простите, – говорит она. Ей не остается иного, как просить эту девушку о помощи. – Я Элино́р Хэмилтон. Мать Мейбл.

При упоминании о Мейбл лицо девушки заметно бледнеет. Сердце Элино́р сжимается от страха.

– В чем дело? Мейбл тоже больна?

Боже мой, она совсем упустила это из виду. Вдруг ее дочь заразилась этой ужасной инфлюэнцей, а может, скарлатиной или свинкой? «Болезни распространяются по колонии, как лесной пожар» – так только что сказала сестра Бейкер. Она бесповоротно опоздала! Вдруг состояние Мейбл не позволяет трогать ее с места? Вдруг Мейбл уже нет в живых?

– Нет, – торопливо отвечает сестра Бейкер. – Нет. Ваша дочь не больна.

Девушка растерянно моргает. У нее трясутся руки. Она их сцепляет, пытаясь унять дрожь.

– Тогда я хотела бы увидеть свою дочь. Пожалуйста, проводите меня к ней.

– Время посещения давно прошло! – Медсестра смотрит на Элино́р округлившимися глазами. – Мне говорили, что Мейбл никто не навещает. Она из тех, кто... – Конец фразы повисает в воздухе.

– Кто... что? – ощущая тошноту, спрашивает Элино́р.

– Я лучше позвоню управляющему Гловеру.

Сестра Бейкер озирается на дверь. У Элино́р возникает неодолимое желание схватить эту девицу и вытрясти из нее все, что та скрывает.

– В этом нет необходимости. – Элино́р подавляет панику и пытается говорить спокойно. – Я приехала с целью забрать Мейбл. Я ее мать, и у меня есть все права в любое время приехать сюда и увезти

ее домой. Так вы покажете, где спит Мейбл, или мне придется самой осматривать комнаты?

– Нет! – Сестра Бейкер бросается к двери, словно намереваясь загородить Элино́р выход. – Мейбл сейчас нет в Младенческом замке. Она в медицинском крыле.

Час от часу не легче!

Мисс Мэннерс была права. Элино́р захлестывает тошнота. Боясь, что у нее подкосятся ноги, она прислоняется к спинке кресла.

– Но почему она там? Вы же сказали, что она здорова.

Сестра Бейкер трясет головой. Вид у нее растерянный и испуганный.

– Она... Доктор Эверсли...

– Что?

– Ее отвели туда для эксперимента доктора Эверсли! – выпаливает девушка.

Эти слова ударяют по Элино́р, как выстрел.

– Где она? – задыхаясь, спрашивает Элино́р. Внутри снова поднимается волна тошноты. – Говорите немедленно, где она?

Глава 28

Эдвард

Лондонский поезд прибывает на станцию Мейфилд в 18:40. Уилсон, как обычно, ждет Эдварда напротив станционного здания.

– Добрый вечер, профессор, – с улыбкой здоровается с ним Уилсон. – Надеюсь, ваш день прошел удачно.

– Не совсем, – вздохнув, отвечает Эдвард.

Он привык по пути домой рассказывать Уилсону о событиях прошедшей недели.

– Печально слышать, сэр. – Уилсон открывает ему пассажирскую дверь. – Могу я вам чем-то помочь?

Эдвард удивляется неиссякаемому оптимизму Уилсона и завидует жизнерадостности шофера. Что касается его самого, сегодня ему был панический телефонный звонок из банка «Коулрой и Мак», и он узнал неутешительную новость, которая с тех пор застряла у него в сознании, как кость в горле.

«Санбим» выворачивает на дорогу.

– Похоже, сегодня на лондонской фондовой бирже случился грандиозный обвал, устроенный неким типом... Хэтри вроде его фамилия.

– Боюсь, сэр, тут я бессилён вам помочь, – пожимает плечами Уилсон.

– Разумеется. Впрочем, речь не о помощи. Этот малый или его компания вложили деньги в какую-то американскую сталелитейную компанию, что оказалось мошенничеством.

– В смысле, компания мошенническая, сэр?

– Нет, сами вложения. Или залог для инвестиций. Подробности я не помню. Короче говоря, Уилсон, это вызвало грандиозной обвал на фондовой бирже, в результате чего каждый теперь спешит забрать свои деньги, причем не только с биржи, но и из банков. А это означает всеобщую панику, особенно среди банков.

– Понимаю, – отвечает Уилсон, морща лоб под фуражкой, раздумывая, как Эдвард намерен выпутаться из всего этого.

– Во всяком случае, – продолжает Эдвард, – пока мистер Коулрой, мой давнишний банкир, не позвонил мне, я пребывал в блаженном неведении обо всех финансовых потрясениях. Но сегодня он позвонил в довольно возбужденном состоянии и стал убеждать меня не беспокоиться и не трогать вклады. По его словам, через несколько дней паника на биржах схлынет, они оправятся от шока, спровоцированного этим Хэтри, и все вернется в прежнее состояние. А поскольку я избегаю рискованных вложений, моим вкладам ничего не грозит.

– Понимаю, – повторяет Уилсон, хотя явно ничего не понимает в этих хитросплетениях. – Так, значит... все в порядке, сэр?

– В том-то вся и штука. – Эдвард смотрит на появившиеся вдали колонны Брук-Энда, такие обнадеживающе прочные. – Пока Коулрой не посоветовал мне сохранять спокойствие, я действительно не беспокоился. Меня вполне устраивало, что мои деньги находятся в надежных руках. Но когда тебе звонят и просят не беспокоиться, ты поступишь совсем наоборот. Вот я и думаю: если мистер Коулрой позвонит всем своим вкладчикам и порекомендует им сохранять спокойствие, не бросятся ли они завтра утром в банк забирать вклады? И если они это сделают, не рухнет ли банк? Разумеется, после его звонка я нахожусь в раздумье. Может, и мне следует забрать из банка все свои деньги и сложить под кроватью?

– Боже мой! – вздыхает Уилсон, сворачивая в проезд к дому и сбавляя скорость. – И к какому же решению вы пришли, сэр?

– Ни к какому. Знаете, Уилсон, когда вас обуревают сомнения, лучшее решение – ничего не предпринимать. Однако дается оно нелегко. Признаюсь, мои нервы разорваны в клочья.

– Мне больно это слышать, сэр, – говорит Уилсон, не добавляя больше ничего, поскольку ему, конечно же, не придумать способа сохранить нервы Эдварда от дальнейшего кромсания.

Самому Эдварду кажется, что шофер сейчас думает, не лишится ли он работы, если хозяину придется урезать расходы. Машина подъезжает к дому и останавливается. Уилсон, решая успокоить хозяина, меняет тему разговора. Выйдя из машины, чтобы открыть пассажирскую дверцу, он спрашивает:

– Как вы думаете, миссис Хэмилтон сегодня вернется?

– Что вы сказали?

Эдвард и не подозревал, что у Элинор есть какие-то планы.

– Я видел, как днем она куда-то поехала в машине леди Грант-Паркер, – весело сообщает Уилсон, доставая с заднего сиденья портфель Эдварда. – Судя по количеству багажа, они куда-то собрались на все выходные.

Беря от Уилсона портфель, Эдвард недоумевает: может, Элинор что-то говорила, а он пропустил мимо ушей и забыл? Но, услышав про багаж, настораживается. В голове звучат тревожные колокола. Куда могла отправиться Элинор, если ей понадобился багаж?

– Спасибо, Уилсон, – произносит Эдвард, избегая отвечать на вопрос. – Приятного вам вечера.

Он направляется в дом. Фолкс или миссис Фолкс раскроют ему причину отъезда жены.

Едва переступив порог, он понимает: что-то не так. Обстановка в доме изменилась. Даже Байрон, выбежавший навстречу, сегодня не такой веселый и игривый, как всегда.

– В чем дело, Байрон? – спрашивает Эдвард, поглаживая золотистую шерсть пса. – Что тут у вас приключилось, дружище?

– Добрый вечер, профессор Хэмилтон, – произносит миссис Фолкс, вбегая в холл. – Наконец-то вы вернулись.

Эдвард опускает портфель на пол, вешает на вешалку шляпу и снимает пиджак.

– Я опоздал?

Он снова недоумевает: неужели он о чем-то позабыл? Неужели вся эта суeta с фондовой биржей выбила у него из памяти что-то важное?

– Не совсем.

Миссис Фолкс поворачивается и уходит по коридору, бормоча о каком-то письме.

– Добрый вечер, сэр. Не желаете ли выпить? – спрашивает появившийся из столовой Фолкс.

– Добрый вечер, Фолкс. Еще как желаю. Давно у меня не было такого сильного желания промочить горло. Налейте-ка мне двойную порцию виски.

Фолкс сухо улыбается и уходит выполнять заказ.

Раздается громкий стук в дверь. В отсутствие Фолкса Эдвард сам открывает дверь и видит на пороге Бартона и Лиззи. У него и в самом

деле отшибло память: совсем забыл, что сегодня к обеду приглашены гости.

– Эдвард, извините, что мы без предупреждения. Но мы подумали, что вам не захочется провести этот вечер одному, – говорит Бартон, входя и сжимая плечо Эдварда. – Должно быть, приятель, вы себе места не находите от беспокойства.

Боже мой! Еще один охваченный беспокойством. Эта заваруха на фондовой бирже оказалась серьезнее, чем он предполагал.

Закрывая дверь, он чувствует, что вспотел. Неужели он и впрямь потерял все свои деньги? Выходит, другие знают что-то такое, чего не знает он? Не потому ли Элинора умчалась с Софи?

– Как вы, Эдвард? – спрашивает Лиззи, лицо которой полно доброты и сочувствия.

– Я, в общем-то...

Фолкс приносит ему виски. Эдвард делает большой глоток, чувствуя, как обжигающая жидкость проскальзывает в горло. По телу разливается приятное тепло.

– Может, перейдем в гостиную? – предлагает он соседям, сделавшим Фолксу заказ на выпивку. – Вы останетесь на обед?

– Да, если вы хотите, – участливым тоном отвечает Лиззи. – Мы сделаем все, что пожелаете. Мы не знали, захочется ли вам чьего-то общества. Правда, Бартон?

Она толкает мужа в бок. Бартон как-то странно смотрит на Эдварда и кивает.

В этот момент возвращается запыхавшаяся миссис Фолкс.

– Простите меня, профессор, – говорит она, пытаясь отдышаться. – Положила в надежное место, а потом забыла, куда именно. Но все-таки нашла. Вот оно.

Она протягивает Эдварду запечатанный конверт с его именем, написанным почерком Элинора.

– Боже мой! – вскрикивает Лиззи, поднося руки к лицу. – Так вы еще не читали письма? Стало быть, вы не знаете?

Эдварда охватывает волнение. Все вокруг говорят какими-то чертовыми загадками. Он берет у миссис Фолкс письмо и оглядывает гостиную. Бартон, Лиззи и миссис Фолкс смотрят на него, разинув рот, словно идиоты в заведении для душевнобольных.

– Чего я не знаю? – раздраженно спрашивает Эдвард, в отчаянии размахивая конвертом.

И вдруг на него обрушивается догадка: Элинор ушла. Она ушла от него. Она до сих пор злится на него за фальсификацию данных, как она выражается, за его ложь о Портере. И теперь она решила перебраться к Софи.

Гостиная качается. Эдвард едва не роняет стакан с виски. Он плюхается в кресло, глядя на конверт.

– Думаю, вам стоит прочесть письмо, – говорит Бартон.

– Да, – соглашается Лиззи. – Обязательно стоит. Мы не будем вам мешать. Бартон, давай куда-нибудь уйдем. Пусть Эдвард спокойно читает.

– Нет. Пожалуйста, не уходите, – просит Эдвард. – Я рад, что вы пришли. Не хотелось бы оставаться сейчас одному.

– Прошу прощения, мистер и миссис Лейтон. Так вы останетесь на обед? – спрашивает миссис Фолкс.

– Да. Думаю, нам стоит остаться, – кивает Лиззи.

– Я поняла, – отвечает миссис Фолкс и выходит из гостиной, бесшумно закрыв дверь.

Глотнув воздуха, Эдвард вскрывает конверт.

Дорогой Эдвард!

Когда ты начнешь читать это письмо, я уже буду далеко от дома. Надеюсь, ты поймешь причины, по которым я не сообщаю тебе, куда направляюсь. Я делаю это не только затем, чтобы никто нас не нашел, но и желая защитить тебя и твое доброе имя.

Знаю, с недавних пор мы с тобой расходимся во взглядах. Но серьезнее всего, что эти расхождения касаются Мейбл и ее лечения. Мне было невыносимо сознавать, что Мейбл уже который месяц заперта в колонии для эпилептиков, одинокая и испуганная. Я пыталась убедить тебя и сэра Чарльза Лоусона в эффективности нового метода лечения, связанного с особой диетой, о которой я тебе рассказывала. Тебя это не заинтересовало, а сэр Чарльз попросту от меня отмахнулся.

Мои тревоги усугубило письмо, которое я получила из колонии от одного человека, который всерьез встревожен состоянием Мейбл и просил меня приехать безотлагательно.

Мысли о нашей дочери лишают меня сна. Состояние Мейбл ухудшается, а между тем существует метод лечения, который особенно эффективен в отношении детей. Каково знать об этом и ничего не предпринимать? Добавлю, мне никак не смириться с тем, что я согласилась отправить своего ребенка в колонию с возможной перспективой больше ее не увидеть. Знаю, другие так поступают. Того же общество ждет и от меня. Но я, Элинор Хэмилтон, не могу так поступить. У меня пропадает желание жить, если Мейбл нет рядом со мной, сколько бы времени ни отмерил ей Господь.

И потому я нашла тайное пристанище, место, где мы сможем благополучно жить. Я заручилась поддержкой опытного врача, который научит меня применению диеты. Всем сердцем и душой я надеюсь, что это поможет Мейбл, а если нет, знай: я никогда не верну Мейбл в эту колонию.

Да, Эдвард, я сознаю, что подобные решения должны приниматься обоими родителями, но я также знаю, что ты бы не согласился на мой план. Ты был добрым и щедрым мужем. Ты дал мне возможность пользоваться нашими банковскими счетами. Поэтому я перевела телеграфом в местный банк достаточную сумму, которая позволит нам с Мейбл жить, ни в чем не нуждаясь. Уверена, со временем ты согласишься с моим решением и отнесешься к нему уважительно.

Эдвард, я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Как я могла ради одного ребенка оставить второго? Я долго и тщательно думала об этом. С моей стороны было бы опрометчиво и жестоко увозить Джимми. Вдобавок это существенно осложнило бы нашу с Мейбл жизнь. Сейчас мне необходимо безраздельно отдавать все свое внимание Мейбл, заботиться о ней и следить за каждым ее шагом. Я бы не смогла уделять достаточно внимания еще и Джимми.

Но, оставляя его заботам мисс Хардинг, я знаю: наши малыши находятся в лучших руках. И конечно же, у него есть ты. Лиззи обещала присматривать за вами обоими и стараться, чтобы все у вас было в полном порядке. Мне было трудно любить Джимми так, как надлежит матери, когда без Мейбл мое сердце разрывалось надвое. Надеюсь, со временем, когда я сделаю для Мейбл все необходимое, я смогу стать для Джимми такой матерью, какую он заслуживает.

Что же касается нас с тобой, будущее наших отношений для меня пока неясно. Не знаю, сможем ли мы в дальнейшем все начать заново. Не знаю также, простишь ли ты меня за этот поступок и сумею ли я простить тебя за то, что ты настоял на отправке Мейбл в колонию. Вся твоя работа, направленная на судьбы таких, как наша дочь... Я искренне, от всего сердца, прошу тебя пересмотреть свою позицию относительно евгеники и евгенического движения. Как ты знаешь, свою я пересмотрела полностью. Мне думается, для нашего полного воссоединения тебе понадобится занять иную профессиональную позицию. Роуз помогла мне взглянуть на вещи по-другому. Я была настолько полна ненависти к человеку, убившему нашу мать, что это мешало моему восприятию жизни. Сейчас я понимаю гораздо больше. Нельзя с одинаковым недоверием относиться ко всем, кто обделен судьбой и страдает от телесных или душевных недугов. Независимо от происхождения, независимо от наличия или отсутствия способностей, каждый является человеком и заслуживает человеческого обращения.

Пожалуйста, не пытайся меня искать. Время нашего общения еще не настало. Возможно, потом, когда оно настанет, вы с Джимми даже сможете к нам приехать. Когда мы благополучно доберемся до места, я дам тебе знать и вскоре пришлю адрес для переписки.

Со всей своей любовью,

Элинора

В ошеломленном молчании Эдвард смотрит на письмо. Такого поворота событий он никак не ожидал. Его мозг привычно пытается все разложить по полочкам. Элино́р спланировала это заранее, не сказав ему ни слова. Неужели она настолько ему не доверяет?

Конечно не доверяет! Она знала, что он запретил ей забирать Мейбл из колонии. Да, запретил. Но ведь он сделал это из сострадания к ней. Он помнит, какая гнетущая обстановка царила в доме, пока Мейбл не поместили в колонию Хит; каково Элино́р, да и ему было видеть постоянно ухудшающееся состояние их дочери. Разве не лучше, что они освободились от этого тягостного зрелища? И потом, сэ́р Чарльз абсолютно убежден, что Мейбл лучше находится среди таких, как она, под наблюдением опытного персонала, умеющего обращаться с эпилептиками. Там она может жить в мире и спокойствии, огражденная от насмешек, суждений и дурного обращения со стороны нормального общества. И что за ерунда с письмом из колонии, которое получила Элино́р? Кого это так встревожило состояние Мейбл? Нашелся какой-то смутьян. Зная направление работы Эдварда, этот «доброхот», наверное, узнал, что Мейбл – его дочь. Пошли они все к черту!

Но худшее во всем этом – как Элино́р посмела оставить своего сына-младенца? Как может она любить несчастную больную Мейбл больше, чем здорового, прекрасного Джимми? Такое ощущение, что Элино́р спятила или же Роуз со своим французешкой сбили ее с толку, заставив поверить в это дурацкое «чудо-лечение». И что потом? Не случится ли так, что Элино́р вернется обратно еще более сокрушенной?

– Эдвард...

Голос Лиззи возвращает его к реальности. Он поднимает голову и видит соседей. Те сидят и встревоженно смотрят на него. Они знали. Все знали, кроме него. Его охватывает злость на Элино́р. На всех. Как она посмела так его одурачить?

– Итак, есть ли еще кто-то помимо меня, кто не был посвящен в эту великую тайну? – с нескрываемой горечью спрашивает он.

– Мы узнали только во второй половине дня, – торопливо отвечает Лиззи. – Элино́р пришла ко мне и рассказала. Я умоляла ее не уезжать, просила поговорить с вами, но она уже приняла решение. Правда, она беспокоилась о вас, и мы пообещали, что станем помогать во всем.

– Да, дружище, – подхватывает Бартон. – Все, что в наших силах. Только позовите.

– Она хоть намекнула, куда направляется? – спрашивает у Лиззи Эдвард, вновь глядя на письмо: мало ли, вдруг он пропустил что-то важное, скрытое между строк.

– Нет, ничего. Я спрашивала, но она не сказала.

Эдвард смотрит на часы. Половина восьмого. Эдвард вскакивает с кресла и отправляется искать миссис Фолкс, которую находит в столовой.

– Миссис Фолкс, в котором часу они уехали?

– Дайте подумать, – говорит она, поднимая глаза к потолку. – Элис как раз заканчивала протапливать дом, а я вернулась из деревни. Ходила покупать средство для чистки серебра и новые тряпки. Миссис Беллами еще не начинала готовить обед... Полагаю, это было в половине шестого.

У Эдварда учащается пульс. Значит, они уехали всего два часа назад! Есть вероятность, что она еще не покинула колонию, увозя Мейбл. Персонал явно не позволит ей забирать ребенка без его, Эдварда, разрешения.

Он бросается в холл к телефону. Сейчас он позвонит управляющему Гловеру. Еще есть время остановить безумную затею Элинора. Бог свидетель, если она заберет Мейбл из колонии и прекратит давать предписанные лекарства, это убьет девочку. Сэр Чарльз предупреждал об опасностях отказа от приема лекарств. Такое можно делать лишь постепенно. Безрассудно осуществляя свой ужасный план, Элинор рискует жизнью Мейбл.

Глава 29

Элино́р

– Сэр Чарльз санкционировал этот... этот эксперимент? – требовательным тоном спрашивает Элино́р. – А управляющий Гловер?

– Нет! – Вид у медсестры встревоженный. – Они об этом не знали, а если бы знали, наверняка бы не согласились.

– Но это же чудовищно! – кричит Элино́р. – Как такое может происходить? Моего ребенка... да вообще любого ребенка нельзя подвергать экспериментам без согласия родителей! Говорите, сэр Чарльз ничего не знает? Тогда что этот доктор может сделать с моей дочерью?

Сестра Бейкер пожимает плечами и растерянно смотрит на Элино́р:

– Миссис Хэмилтон, такое происходит постоянно. Обычно родителям все равно. Раз не видят, то и беспокоиться не о чем.

– Так что же за место эта ваша колония? – Элино́р хватается за руки Бейкер. – Где Мейбл? – в отчаянии спрашивает она. – Прошу вас, скажите, где она?

– Доктор Эверсли занимает несколько комнат рядом с медицинским корпусом, но мне запрещено покидать Младенческий замок. Детей нельзя оставлять без присмотра. – Она поднимает глаза к потолку, словно старается увидеть через него спящих детей. – Я позвоню доктору Эверсли. – Медсестра смотрит на часы. – Он сейчас заканчивает обед...

– Нет, не надо звонить, – возражает Элино́р. – Просто расскажите, где мне искать мою дочь.

– Медицинские кабинеты находятся в полуподвале, в конце коридора. Прежде, когда это был жилой дом, там находилась кухня.

Время несется стремительно. Если персонал уже отобедал, как ей незаметно проникнуть в медицинский корпус? Она выглядывает в окно, пытаюсь в тени амбара увидеть очертания автомобиля Софи, стоящего рядом. Не позвать ли подругу на помощь?

– Там есть черный ход? – спрашивает Элино́р.

– Есть. – Сестра Бейкер указывает на левую часть главного здания. – Но только на первый этаж. Вход в полуподвал давным-давно заложили. Чтобы добраться до лестницы, ведущей туда, вам придется обойти все здание. Это единственный способ туда попасть.

Черт! Элино́р поворачивается, торопясь выйти.

Сестра Бейкер идет с ней до двери.

– Миссис Хэми́лтон, вам нельзя забирать вашу дочь. Эксперимент, который проводит доктор Эверсли... это может быть опасно для...

– С меня довольно слов, – говорит Элино́р, распахивая входную дверь. – Никто не помешает мне забрать мою дочь из этого места.

Выбегая наружу, она слышит, как сестра Бейкер говорит кому-то в телефонную трубку:

– Срочно разыщите доктора Эверсли!

Элино́р некогда подслушивать весь разговор. Ей некогда звать на помощь Софи. Она мчится к зданию, указанному медсестрой, и открывает дверь, за которой ранее скрылся тот неряшливый мужчина. Она попадает в большой коридор со сводчатым потолком. К счастью, он пуст. В одном из помещений горит свет. Там что-то вроде гостиной для персонала, где сейчас несколько человек пьют послеобеденный кофе и курят. Затаив дыхание, Элино́р прокрадывается мимо и идет к медицинскому корпусу.

В одном из кабинетов громко звонит телефон, заставляя Элино́р подпрыгнуть от неожиданности. Из приоткрытой двери выбивается свет. Заглянув туда, она видит письменный стол, заваленный бумагами, и стул с висящим на спинке пиджаком. К счастью, владелец пиджака отсутствует, но он явно вышел ненадолго. Увидев лестницу вниз, Элино́р облегченно вздыхает и почти бежит туда.

Она мчится, перепрыгивая через две ступеньки, и в спешке едва не падает. Лестница выводит ее в длинный темный коридор, тускло освещенный с обоих концов. Куда теперь? Элино́р вздрагивает и поворачивает в ту часть коридора, которая уводит дальше от дома. Там наверняка должны находиться кабинеты, упомянутые сестрой Бейкер.

Здесь настоящий лабиринт. Двери многих комнат закрыты, а те, что удается открыть, все имеют решетки на высоких окнах и решетки вокруг кроватей. Внутри Элино́р нарастает паника. Должно быть, Мейбл находится за одной из закрытых дверей и ей никоим образом не вытащить дочь оттуда.

У последней двери она останавливается, тяжело дыша после быстрой ходьбы. Из груди вырывается отчаянный всхлип, эхом разносящийся по коридору. Она потерпела поражение. И откуда в ней была эта глупая уверенность, что ее безумная затея удастся?

Элино́р стоит, не зная, как быть дальше. Наверное, нужно вернуться к Софи и рассказать, в чем дело. Может, у подружки появится какая-то здравая идея.

Она идет обратно, когда на лестнице вдруг раздаются шаги. Элино́р останавливается как вкопанная.

В коридоре появляется мужчина и устремляется к ней. Фалды его неказистого пиджака раздуваются от быстрой ходьбы. Это тот же неряшливый коротышка, которого она видела ранее. Он что-то кричит ей, кажется «постойте!», и машет руками. Сердце Элино́р неистово бьется. Что-то подсказывает ей: это и есть гадкий доктор Эверсли. Элино́р напрягается всем телом. Она вызволит дочь, ничто ее не остановит. И никто.

– Миссис Хэмилтон!

Мужчина останавливается перед ней. Его твидовый костюм-тройка подчеркивает ширину плеч и живота. Его волосы, как и одежда, находятся не в лучшем состоянии, показывая, что этому человеку наплевать, как он выглядит.

– Да, – отвечает она, сердито глядя на него. – А вы кто?

– Я доктор Эверсли. – Он тяжело дышит после бега. – Мне только что звонил управляющий, Гловер. Он, в свою очередь, получил звонок от вашего мужа. Ваш муж находился в крайне возбужденном состоянии. Его волновало, что вы можете приехать и попытаться забрать вашу дочь отсюда. И вот... – Он делает глубокий вдох. – И вот вы здесь.

– Эдвард! – восклицает Элино́р.

Он прочел ее письмо, а потом позвонил управляющему и потребовал, чтобы ей помешали забрать Мейбл. В самый последний момент она потерпела поражение. Она кусает губы, пытаясь не потерять самообладание.

– Будьте любезны, отведите меня к моей дочери, – говорит она, изо всех сил стараясь убрать из голоса дрожь. – Я действительно намерена увезти ее отсюда, и вы меня не остановите.

– Это нежелательно. Может, мы вначале немного побеседуем в моем кабинете? – Он достает носовой платок и промокает вспотевший лоб. – Профессор Хэмилтон настоятельно просил предупредить весь персонал, дабы предотвратить любые ваши поспешные действия. Я сказал управляющему, что не видел вас, и усомнился в возможности столь позднего визита. Мистер Гловер уверен, что вы появитесь утром.

Элино́р сглатывает:

– Думаю, вам не терпится сообщить ему, что я уже здесь.

Врач смотрит на нее из-под набрякших век.

– У меня нет желания вторично беспокоить его, – медленно произносит он и добавляет: – Если, конечно, вы сами не попросите об этом.

У Элино́р подкашиваются ноги. Она вспоминает слова сестры Бейкер: эксперименты доктора Эверсли проводятся втайне от сэра Чарльза и управляющего Гловера. Интересно, чем вознаграждают сестру Бейкер за сохранение тайны?

– Я... я хочу, чтобы с моей дочерью все было в порядке, – наконец говорит Элино́р. – Хочу видеть ее в безопасности.

Доктор Эверсли улыбается. У него теплая улыбка.

– Того же хочу и я, миссис Хэмилтон. Того же.

– Простите, я не поняла.

– Давайте поговорим в моем кабинете, – снова предлагает он. – Незачем, чтобы нас увидели разговаривающими в коридоре.

Элино́р послушно идет с ним, поднимается по лестнице и оказывается в освещенном кабинете, мимо которого уже проходила. У нее мелькает мысль: если никто не знает о ее приезде, вдруг этот доктор запрет ее или сделает с ней еще что-то недопустимое? К счастью, она приехала не одна. Софи, ожидающая ее снаружи, поднимет тревогу. Возможно, уже подняла, поскольку отсутствие Элино́р затянулось.

Доктор Эверсли указывает на стул, а сам садится за стол.

– Хотите чего-нибудь выпить? – откашлявшись, предлагает он.

Она качает головой и внимательно рассматривает врача. Судя по выражению его лица, у него нет по отношению к ней преступных намерений. И в то же время он не испытывает никакого стыда или даже неловкости за превращение ее дочери в подопытную мышь. Элино́р едва не задыхается от гнева.

– Я вам уже представился, – начинает он. – Я один из здешних врачей и занимаюсь лечением Мейбл.

– Доктор Эверсли, я бы очень хотела видеть ее, – со всей доступной ей вежливостью напоминает Элинон.

– Когда вы видели ее в последний раз? – спрашивает доктор Эверсли и хмурится.

– Более трех месяцев назад, и причина не в моем нежелании ее навещать. Мой муж не позволил бы...

– Должен вас предупредить, – говорит доктор Эверсли, наконец-то глядя ей в глаза, – что состояние Мейбл серьезно ухудшилось.

– Я в курсе, – ощущая отчаяние, говорит Элинон. – Сэр Чарльз регулярно присылает нам отчеты о состоянии Мейбл. Мы знаем, что ситуация безрадостная. Потому я и приехала сюда! Я хочу попытаться...

– Мне точно известно содержание вашей попытки, – поясняет доктор Эверсли. – И это еще одна тема, которую я хочу с вами обсудить! Во-первых, сообщаю вам, что сэр Чарльз рассказал мне о методе лечения, который вы хотели попробовать на Мейбл. Это было сказано с изрядной долей иронии. Сэр Чарльз шокирован и изумлен, что нашлась мать, желающая подвергнуть свою дочь столь нелепому и жестокому испытанию. Он показал мне материалы, которые вы ему оставили. Велел избавиться от них. – Доктор Эверсли замолкает.

– Продолжайте!

– Дело в том, что я уже слышал об этом лечении голоданием. Несколько лет назад я прочел о нем в одном медицинском журнале. Разумеется, я прочел все ваши материалы, и они меня воодушевили. Я сказал сэру Чарльзу, что такой метод мог бы помочь нашим больным. Короче говоря, мы с ним разошлись во мнениях. – Он снимает очки, затем снова надевает. – Дело вот в чем. Вне всякого сомнения, сэр Чарльз – светило современной медицины. Пожалуйста, поймите меня. Я никоим образом не хочу плохо отзываться о друге, коллеге, старшем по должности и, наконец, о моем работодателе! Надеюсь, это вы понимаете? Однако сэр Чарльз, как бы это выразиться... – Доктор Эверсли барабанит пальцами по столу, словно решая, насколько открываться перед незнакомой женщиной. – Сэр Чарльз – человек старой школы в том, что касается его мышления и нежелания рисковать. Но я считаю: в жизни приходится рисковать, если мы хотим

достичь прогресса. Если хотим продвинуть медицину. Согласны? – спрашивает доктор Эверсли и широко улыбается ей.

Элинонр силится понять его слова. Такое ощущение, что за этой словесной прелюдией последует нечто неприятное. Ее начинает мутить.

– Я что-то не понимаю ваших слов, доктор Эверсли, – признается Элинонр и в отчаянии смотрит на часы.

Не тянет ли он время, дожидаясь приезда Эдварда. И что тогда?

Доктор Эверсли смотрит на нее ясными карими глазами.

– Буду с вами откровенен, миссис Хэмилтон, – откашлявшись, продолжает он. – Мне давно следовало написать или позвонить вам. Но сэр Чарльз строго запретил это, понимая, что профессор Хэмилтон будет против. И потому я решил проявить своеволие. Своеволие во имя высшего блага. Иногда приходится брать быка за рога, проявлять мужество и не думать о последствиях. Вы меня понимаете?

Элинонр лишь смотрит на него и ждет, когда он расскажет об эксперименте.

– Итак, эксперимент... Пока еще слишком рано, но мы не должны терять надежду. Я полностью прекратил давать Мейбл лекарства. Состоянием, в котором вы ее увидите, она целиком обязана новой программе. До того как я начал лечение Мейбл, ее состояние стремительно ухудшалось. Она уже не управляла опорожнением мочевого пузыря, перестала играть, перестала нормально говорить и общаться. Она теряла умственные способности, все больше впадая в слабоумие.

Сердце Элинонр бьется так громко, что врач, должно быть, тоже это слышит.

– И потому... – доктор Эверсли делает очередную паузу, глядя на Элинонр, – я вошел в контакт с доктором Петерманом из клиники Мэйо в Миннесоте, автором статьи, которую вы оставили сэру Чарльзу. У него есть программа исследований. Я решил начать собственную программу и попросил у него помощи в отборе наиболее подходящих пациентов и в проведении необходимых проверок. Знаете, Мейбл оказалась идеальной кандидаткой. Она не поддается действию никаких лекарств, совсем еще мала, и у нее наблюдаются припадки необычного типа. Сейчас в моей программе участвуют десять пациентов.

– Но почему... почему я об этом не знала? Я тоже нахожусь в контакте с доктором Петерманом! Вы должны были уведомить меня о принимаемых решениях. Я просто не понимаю, как вы без нашего разрешения начали экспериментировать с Мейбл!

– Когда вы помещали Мейбл в колонию, – кротким тоном отвечает доктор Эверсли, – вы дали нам разрешение лечить ее тем методом, какой мы сочтем наилучшим. По моему профессиональному мнению, этот метод является наилучшим.

Дрожащая Элино́р подается вперед:

– Я бы хотела немедленно видеть дочь. Пожалуйста.

Доктор Эверсли кивает и вынимает из ящика стола связку ключей. Элино́р идет с ним к двери комнаты, находящейся почти напротив его кабинета. Повернув ключ в замке, он распахивает дверь и быстро исчезает внутри.

Потрясенная услышанным, Элино́р набирает в легкие побольше воздуха и следует за врачом. Последние болезненные воспоминания о Мейбл она запрятала глубоко внутрь, но сейчас позволяет им нахлынуть. Невыразимо грустное зрелище: ее дочь в больничной палате перед отправкой сюда. Лицо Мейбл, опухшее от лекарств; кожа дочери, прежде гладкая, как у младенца, сморщилась и покрылась отвратительной сыпью. Ужасная болезнь похитила саму душу Мейбл. Помня слова доктора Эверсли об ухудшившемся состоянии девочки, Элино́р готовит себя к еще более грустному зрелищу.

В комнате кромешная темнота. Элино́р вспоминает, что Мейбл ненавидит темноту. Меж тем доктор Эверсли что-то ищет ощупью и на что-то натывается, бормоча проклятия. Наконец, отыскав шнур лампы, он включает свет.

У них за спиной появляется медсестра.

– Доктор Эверсли, я только что уложила детей спать, – с заметным недовольством произносит она.

Комната оказывается просторной. Кровати сосредоточены в одном конце. В другом Элино́р видит лошадку-качалку, кукольный дом на низком столике, ковер с деревянными кубиками, игрушечные автомобили и куклы, аккуратно собранные в одном месте. Все это больше похоже на детскую.

Двое детей поворачиваются в постелях и высовывают головы из-под одеял, шурясь от неожиданно яркого света.

– Мейбл, – произносит доктор Эверсли, направляясь к последней кровати.

У Элино́р сдавливает горло. Мейбл. Ее дочь садится на постели. Лицо смущенное и заспанное. Она тиха и бледна, но это действительно Мейбл. Исчезла одутловатость, впалые, печальные глаза. Исчезла ужасная сыпь на коже и отрешенный, безжизненный взгляд. Эта Мейбл сильно напоминает ту, какой она была до болезни. Хрупкая, худенькая, с кожей персикового цвета и большими ясными глазами. Возможно, сходство не совсем полное, но Элино́р уже и не чаяла снова увидеть дочь в таком состоянии. Мейбл прижимает к груди свою неразлучную Пруденс, качая куклу, как качают младенца. Вскрикнув, Элино́р бросается к ней и только возле самой кровати замедляет шаги.

– Мейбл, – произносит она, давясь слезами.

Дочь поднимает голову и отчетливо говорит:

– Мама!

В следующее мгновение Элино́р уже на кровати, держит Мейбл в объятиях, а та повторяет снова и снова:

– Мама, моя мама, моя мама.

Теплое, нежное тело Мейбл прижимается к Элино́р. Ее худенькие ручки крепко обнимают материнскую талию. Мать и дочь цепляются друг за друга. «Я больше ни за что не расстанусь с тобой, – лихорадочно думает Элино́р. – Никогда не расстанусь».

– Дорогая, я здесь, – тихо говорит она. – Я здесь, и я не уеду без тебя. Мейбл, ты поедешь со мной. Согласна?

Она нежно качает Мейбл, как делала это в раннем детстве.

Элино́р едва слышит слова доктора Эверсли, раздающиеся у нее над головой:

– Мы пока находимся на самой ранней стадии диеты. Прошла всего неделя, но я очень доволен результатами. Из всех моих подопечных ее реакция была самой впечатляющей... – Его голос то совсем слабеет, то становится громче. Элино́р почти не прислушивается... – Я бы с большой радостью расширил свой проект, но вопрос упирается в деньги... Это бы помогло многим другим детям. Вот уже четыре дня, как у Мейбл не было ни одного припадка.

Слова доктора Эверсли медленно проникают в мозг Элино́р. «Вот уже четыре дня, как у Мейбл не было ни одного припадка». Возникает

целый рой вопросов, но Элино́р не в силах произнести ни слова. Она смотрит на Мейбл. Мейбл смотрит на нее и улыбается. За большими синими глазами видна девочка, какой Мейбл когда-то была. Исчез этот туманный взгляд, эта погруженность в себя. От проблеска, который видит Элино́р, все внутри ее приходит в движение. «Мейбл вернулась». Она гладит дочь по волосам и сдерживает слезы облегчения, угрожающие потоками хлынуть по щекам.

Вот уже четыре дня, как у Мейбл не было ни одного припадка.

Давно она не слышала таких прекрасных слов.

– Миссис Хэмилтон... – В голосе доктора Эверсли слышится настойчивость. – Я собирался вначале убедиться в устойчивости позитивных результатов, а затем сообщить о них сэру Чарльзу и вам. – Он подходит ближе, его голос звучит тверже. – Разумеется, я не в силах помешать вам забрать вашу дочь отсюда, но я настоятельно рекомендую не делать этого. Мы находимся на критической стадии, и проводить дальнейшее лечение может только опытный врач.

– Я не могу оставить ее здесь, – отвечает Элино́р, пристально глядя на врача. – Особенно сейчас. Я обещала, и... и Эдвард... – Она плотнее прижимает к себе Мейбл. – Мне слишком сложно это объяснить.

– Я понимаю вас, миссис Хэмилтон. – Доктор Эверсли присаживается на другой край кровати. – Со временем, когда мы убедимся, что диета благотворно действует на Мейбл, вы, при удачном стечении обстоятельств, смогли бы забрать ее домой. Но сейчас было бы безрассудно...

– Нет, вы не понимаете. В моих планах – самой начать лечить Мейбл этой диетой под руководством одного французского доктора, имеющего необходимый опыт. Как я уже говорила, я тоже установила контакт с доктором Петерманом из клиники Мэйо. – Элино́р рассказывает о том, что узнала о кетогенной диете и как будет организовано лечение Мейбл во Франции. – Я потратила несколько недель, чтобы досконально разобраться в этом. Но какими бы ни были результаты лечения Мейбл, я больше не хочу ни на минуту расставаться с дочерью.

Доктор Эверсли молча смотрит на нее. Она может лишь гадать, какие мысли крутятся сейчас в голове врача.

– Стало быть, вы твердо решили сегодня же увезти Мейбл из колонии?

– Именно так. Если я этого не сделаю, муж мне помешает.

Доктор Эверсли вновь умолкает.

– Ну что ж... – произносит он, отрывисто кивая. – Как я уже сказал, я не в силах вам воспрепятствовать. Вы, несомненно, женщина находчивая, если сумели понять механизм диеты и все организовать. – Он касается пальцами лба. – И потому самое лучшее, что я могу сделать, – это дать вам исчерпывающие сведения, чтобы дальнейшее лечение протекало успешно. – Он поворачивается к медсестре. – Прошу вас собрать вещи Мейбл и помочь ей одеться. Миссис Хэмилтон, идемте со мной.

Медсестра начинает собирать немногочисленные вещи Мейбл, а Элинора вновь идет в кабинет доктора Эверсли. По пути на нее вдруг накатывает страх. Лечение, предпринятое доктором Эверсли, продвигалось очень успешно. Вдруг своим вмешательством она лишь все испортит? Правильно ли она делает?

Но отступить слишком поздно. Ей придется осуществить свой замысел.

– Очень важно, чтобы вы точно следовали моим инструкциям, – говорит доктор Эверсли. – Вам понадобятся хорошие весы, что существенно облегчит задачу. Я подробно напишу, как измерять уровни кетонов в организме, а также приложу план питания. Я составил его для двух медсестер, которые мне помогают. Я также напишу доктору, который будет вам помогать. Не беспокойтесь, мы сообща решим эту задачу.

Элинора смотрит, как он торопливо пишет инструкции, сосредоточенно морща лоб. Затем, широко улыбнувшись, доктор Эверсли передает Элиноре бумаги. Ее ужасает ответственность, но в то же время сердце переполняет благодарность.

– Благодарю вас, – говорит Элинора, и ее глаза наполняются слезами. – Этих слов недостаточно. Я так признательна вам за то, что вы рискнули изменить лечение Мейбл. Искренне надеюсь, что это не обернется для вас неприятностями.

– Со мной все будет в порядке. Поезжайте, – отвечает он, отмахиваясь от ее благодарностей. – Если возникнут вопросы, вы знаете, где меня искать. Мне очень хочется помочь этим детям, –

добавляет доктор Эверсли. – Недопустимо, чтобы они оказались пожизненными узниками колонии. Они должны жить полноценной жизнью и в реальном мире.

Мейбл тепло одели и завернули в одеяло. Доктор Эверсли несет ее к машине. Элинон идет рядом с чемоданчиком дочери. Врач осторожно кладет девочку на заднее сиденье.

– Я уж думала, что и тебя там заперли! – восклицает Софи, выпрыгивая из машины. – Собиралась разыскать телефон и вызвать полицию!

– Доктор Эверсли, познакомьтесь: это Софи.

– Ваш шофер? – удивленно спрашивает он.

– Моя подруга. Моя верная подруга, согласившаяся отвезти нас во Францию. Мы останемся там, а она вернется домой, к семье.

– Нам всем иногда требуются такие друзья, как Софи, – улыбается доктор Эверсли, хлопая рукой по капоту.

– Спасибо, доктор Эверсли.

Элинон забирается на заднее сиденье и осторожно кладет голову Мейбл себе на колени.

– Пожалуйста, сразу же напишите мне, чтобы я знал, как дела у Мейбл, – просит он.

Под рев двигателя машина разворачивается и вновь направляется к ухабистой дороге.

Когда здания колонии скрываются в темноте, Элинон чувствует облегчение. Мейбл находится на пути к выздоровлению. Крепко обнимая дочь и Пруденс, она прислоняется к спинке сиденья и позволяет себе закрыть глаза. Что бы потом ни случилось, Элинон знает: она поступила правильно.

Глава 30

Эдвард

«Дорогой Эдвард!» – читает он. Уж лучше бы она не называла его так. Для нее он уже совсем не дорогой. Был бы дорогим, она бы не уехала. Не оставила бы его. Он сожалеет, что не прислушивался к ней, сожалеет, что отмахивался, когда она предлагала нанять медсестер, поваров и всех, кто понадобится для лечения Мейбл по новому методу. Слова жены тогда казались ему неубедительными, смехотворными, а результаты исследований – чрезмерно оптимистичными и не вызывающими доверия. Ему казалось, будто он защищает Элинор, а возможно, и себя от печального зрелища угасания Мейбл. На самом деле, как бы тяжело ни было признавать, все его прошлые и нынешние действия были направлены исключительно на защиту себя.

Похоже, каждое новое событие в жизни лишь умножает список его сожалений.

Прошло более трех недель. Элинор так и не отказалась от своих планов и не вернулась домой. Он до сих пор не знает, куда она увезла Мейбл, хотя, судя по маркам и почтовым штемпелям, они находятся во Франции... если только это не тщательно продуманная уловка, помогающая скрыть их истинное местонахождение. Даты ее писем не совпадают со временем, необходимым для доставки их в Англию. И эти парижские марки на конвертах. Скорее всего, Элинор отправляет письма в Париж, этому французу Дево, а тот пересылает их в Англию. Эдвард вздыхает и продолжает читать.

20 октября 1929 г.

Дорогой Эдвард!

Как ты? Я каждый день думаю о тебе и пытаюсь представить твою нынешнюю жизнь. Пожалуйста, пиши на адрес в верхней части конверта. Мне не терпится узнать, как дела дома. Возможно, ты думаешь, что я не имею права спрашивать. Но я знаю: ты человек добрый и обязательно напишешь мне, когда сможешь. Прежде всего, я жажду узнать, как там Джимми. Оказывается, я скучаю

по нему гораздо сильнее, чем думала. Теперь, когда Мейбл вновь со мной, в моем сердце словно открылась дверь, и я позволила излиться всей моей любви к Джимми. Уверена, он здоров и счастлив, но я бы отдала что угодно, только бы поддержать его на руках.

Что же касается Мейбл, рада тебе сообщить: сейчас она в прекрасном состоянии. Конечно, ее лечение все еще находится на ранней стадии. Самая замечательная новость, что за все это время у нее не было ни припадков, ни судорог. Ни разу. Мы с предельной строгостью следуем предписанной диете, не отклоняясь ни на дюйм. Мы ежедневно измеряем уровень ее кетонов. В данный момент он стабилен и имеет отличные показатели. Признаюсь, поначалу мне было трудновато взвешивать и отмерять продукты и целиком готовить все, что ест Мейбл. К моему удивлению, она ничуть не ощущает голода. Самое главное, она выглядит счастливой. И потому, Эдвард, я позволяю себе надеяться. В остальном, увы, она и сейчас очень больной ребенок. Она почти не говорит, произнося лишь отдельные слова, и почти разучилась играть. Такое ощущение, будто ее развитие пошло вспять и она вернулась в младенческую пору. Но я лелею ее и провожу с ней все время. Сегодня... Эдвард, ты первый, кому мне хочется рассказать... сегодня она позвала меня и показала картинку в книжке. Потом она села мне на колени. Я читала ей и Пруденс, и она улыбалась! Мейбл впервые что-то заинтересовало. Правда, это здорово?

Однако у меня из головы не выходят судьбы других несчастных детей, оставшихся в колонии. Иногда я думаю, что матери были бы рады вернуть их домой, но у них нет возможностей – финансовых и прочих, – чтобы заботиться о своих детях так, как я забочусь о Мейбл. Думая об этом, я испытываю невыразимую печаль и понимаю: я почти не в силах изменить такое положение вещей. И потому, ложась спать, я благодарю звезды за нашу счастливую судьбу и твое богатство, без которого я бы никогда не

воссоединилась с нашей дочерью. Я вечно буду тебе благодарна за это.

Моя жизнь здесь протекает очень незаметно. Мы живем в тихом, спокойном месте. Но я очень скучаю по тебе, Эдвард. Очень.

Пока это все.

Скоро напишу еще.

Твоя жена Элино

И никакого самодовольства, никакого «Что я тебе говорила» между строк ее письма. Каким же он был глупцом!

Эдвард кладет письмо в конверт и убирает в верхний ящик письменного стола. Там же лежат два других ее письма. Это все, что осталось от Элино; только чернильные строки на бумаге, а еще – слабый аромат ее духов на постельном белье и в гардеробе. Ее отсутствие ощущается настолько зримо, что временами у него перехватывает дыхание и он скрючивается от душевной боли. Он совершенно не представляет себе жизни без Элино.

Она всегда так просила его почаще приезжать домой. Ей было не понять, какой груз работы довлеет над ним. Поездки в Брук-Энд на буднях съедали слишком много времени. Не понимала она и того, что ему тягостно находиться дома и наблюдать угасание Мейбл. Тогда ему казалось, что у него просто нет выбора. Работа не отпускала его; работа внушала ему потребность достигать целей, добиваться успеха; в работе он топил боль от всего, с чем предпочел бы не сталкиваться. Работа была неукротимой силой, побуждавшей его двигаться без остановки. Но сейчас, когда произошедшего не изменить и Элино нет рядом, он понимает, как ошибался. Выбор всегда был, его выбор. И по иронии судьбы, сейчас, когда жены нет в Брук-Энде, он приезжает домой почти каждый вечер, поскольку здесь он чувствует себя ближе к ней. Еще одна причина – ему хочется видеть Джимми, единственное светлое пятно во всем нынешнем хаосе.

Конечно, он бы мог попытаться разыскать Элино и привезти ее домой. Это было бы не так уж и сложно. Нанял бы частного детектива. Но что бы это дало? Если она вернется домой, то по собственному желанию, а не по его настоянию. Шок, вызванный ее отъездом,

заставил его пересмотреть свою жизнь. Три недели нелегких, болезненных раздумий. Ему пришлось столкнуться с тем, от чего он многие годы прятался. От правды. От его правды. А как же его работа? Как его репутация, которую он с таким неистовством защищал? Отчасти и это явилось причиной нежелания Элинор возвращаться, но без нее все остальное в его жизни потеряло смысл. Ни работа, ни репутация не заменят ему жену.

К счастью, после сентябрьской катастрофы на фондовой бирже его финансы не пострадали. Все тихо. Во всяком случае, панических телефонных звонков от мистера Коулроя больше не поступало. Но, судя по газетам, люди продолжают волноваться за свои сбережения.

Глядя на усыпанную листьями лужайку, Эдвард думает о будущем. Лес за лужайкой целиком облачился в великолепный осенний наряд. Это зрелище успокаивает его; природа служит бальзамом для его истерзанной души. Октябрь – его любимый месяц, месяц великолепного золотистого света и оттенков. Время, когда вкусно пахнет дымом, время ранних утренних туманов и сырой травы, усеянной желудями и каштанами. Год за годом старинные дубы и конские каштаны, не требуя человеческого вмешательства, сбрасывают на землю свой щедрый урожай. Эдвард часто гуляет по лесам и полям, сопровождаемый Байроном. Хождение помогает думать. А он за последний месяц многое передумал.

В тот вечер, узнав об отъезде Элинор, Эдвард тут же позвонил управляющему Гловеру. Гловер заверил его, что Элинор не появлялась в колонии Хит. Если появится – управляющий немедленно ему сообщит. Оба пришли к выводу, что, скорее всего, она приедет туда утром. Наутро ему позвонил сэр Чарльз. Оказывается, Элинор вчера приехала под покровом темноты и увезла Мейбл, а излишне самостоятельный доктор Эверсли не посчитал нужным сообщить начальству. Эдварду следовало бы добиться увольнения этого своевольного типа, но у него тогда не было сил. Последующие дни он провел в отчаянии, к которому примешивалось нарастающее ощущение, что судьба воздала ему по заслугам. Ведь когда-то он обманным путем завоевал расположение Элинор.

Эдвард подходит к серванту. В одном из ящиков, на самом дне, в подарочной коробке лежат медали; те самые, что он с гордостью прикрепил к мундиру, отправляясь на демобилизацию. В тот день он

познакомился с Элино́р. Он достает плоскую синюю коробку, проводит рукой по ее гладкой поверхности. Удастся ли ему исправить ошибку?

Эдвард поднимается в детскую. Джимми сидит на ковре и собирает кубики. Точнее, кубики собирает мисс Хардинг, а Джимми ударяет по ним, размахивая толстыми ручонками и залиvisto смеясь, когда очередная башня разваливается. Увидев подошедшего Эдварда, малыш прыгает от радости.

Эдвард поднимает сына на руки и целует его в затылок, утыкаясь в нежный пушок волос. Джимми смеется и воркует, извиваясь в отцовских руках, словно жирный червяк.

– Привет, молодой человек, – говорит Эдвард, пристально глядя сыну в глаза. – Надеюсь, ты себя хорошо ведешь и не даешь мисс Хардинг повода жаловаться на тебя?

– Ничуть, – отвечает сидящая на ковре мисс Хардинг. Она собирает кубики, строя новую башню. – В эту игру он может играть часами.

Эдвард дует сыну в живот, вызывая новый взрыв хохота.

– Это здорово, что вы так много времени проводите с сыном, – улыбаясь, говорит мисс Хардинг. – Редко у кого из отцов хватает терпения играть с младенцами, – задумчиво добавляет она. – Он вас просто обожает.

В детской отсутствие Элино́р ощущается еще острее, но ни Эдвард, ни мисс Хардинг не упоминают о ней.

– А сейчас мне нужно уходить. Мы сегодня еще встретимся, молодой человек.

Эдвард сажает сына на ковер. Вот уже несколько дней, как малыш начал ему махать и лепетать слово «досиданья». Какое невероятно быстрое развитие! Мейбл была такой же? Эдвард не помнит. Какой-нибудь час во время чаепития – вот и все время, которое он проводил с дочерью. У него щемит сердце по упущенным мгновениям прошлого.

Через два часа Эдвард подкатывает к главному зданию колонии Хит. Сегодня сэ́р Чарльз не встречает его. Эдвард намеренно выбрал день, когда Лоусон находится в Лондоне.

Доктор Эверсли энергично пожимает ему руку. Эдвард представлял этого врача не таким. Доктор Эверсли оказался гораздо ниже ростом, полнее и потливее. Вдобавок еще и моложе. На фоне его бурлящей энергии Эдвард вдруг ощущает себя старым и изнуренным.

Оба в неловком молчании идут к Младенческому замку, куда Эдвард просил его проводить.

– Я... э-э-э... Послушайте, не мне вмешиваться в... деликатные отношения между мужем и женой, – бормочет доктор Эверсли, глядя себе под ноги. – Я надеюсь... Дело в том, что... Я не хотел никаких осложнений. Я лишь хотел помочь ребенку. Мы с сэром Чарльзом... Не секрет, что он пытается избавиться от меня. Я ничего не имею против старика. Он считает пациентов колонии проблемой, без которой нам жилось бы гораздо лучше. Таких, как он, полным-полно. Спрятать и забыть – так считают они, полагая, что общество от этого только выиграет. – Доктор Эверсли делает паузу, чтобы перевести дыхание. – Но я считаю пациентов колонии людьми, нуждающимися в лечении. Кому есть шанс помочь и изменить их жизнь к лучшему. А тем, кому помочь невозможно... мы должны постараться сделать их жизнь как можно разнообразнее и радостнее.

Они подходят к зданию в викторианском стиле. Доктор Эверсли громко стучит в дверь.

– Как бы то ни было, – продолжает он, – я и представить не мог, что управляющий Гловер и старшая медсестра Хоггет окажутся моими сторонниками. Они пресекли попытки сэра Чарльза уволить меня. Сейчас мы начали осуществлять новую программу развлечений для всех без исключения обитателей колонии: поездки на побережье, спортивные состязания, театральные постановки и вечеринки. Кто не любит вечеринок? – Его лицо расплывается в широкой улыбке. – Но для меня важнее всего дети. Всех детей вроде Мейбл, на которых лекарства не действовали, я перевел на кетогенную диету. Степень успешности у всех своя. Признаюсь, такая диета подходит не всем, но примерно у половины детей наблюдаются улучшения. Как видите, мои усилия не пропадают даром.

Дверь открывается. Молодая девушка, представившаяся медсестрой Бейкер, приглашает их войти. Доктор Эверсли показывает Эдварду дом, где Мейбл провела несколько месяцев вместе с другими самыми маленькими обитателями колонии. Отклеившиеся обои на

стенах, выстуженные комнаты с высокими потолками. Трудно найти менее подходящее место для маленьких детей. Атмосфера внутри комнат унылая. Заплесневевшие ковры на полах и дети с сопливыми носами, глядящие на пришедших широко открытыми, не по-детски серьезными глазами. Эдвард пытается представить Мейбл среди них и вздрагивает.

– Что скажете про этих детей? – спрашивает он у доктора Эверсли. – Какая надежда есть у них?

Доктор Эверсли опускается на корточки.

– Не знаю, профессор Хэмилтон. Но не нам ли, взрослым, решать, какая будет у них жизнь? – Он смотрит на Эдварда. – Я не политик, но очень хочу, чтобы законодатели, определяющие жизнь этих людей, приехали бы сюда и посмотрели. Провели бы здесь достаточно времени и познакомились с обитателями колонии. Только тогда у них было бы право принимать законы.

Врач гладит по голове маленького мальчика. Тому на вид не больше трех лет.

– Добрый день, Чарли.

Чарли не отвечает. Рот малыша искривлен, его слегка косящие глаза смотрят безучастно. Эдвард едва подавляет желание отвернуться. Чарли смотрит на доктора Эверсли, затем на Эдварда и снова на доктора.

– Чарли с младенчества страдает сильнейшими судорогами. Это серьезно повлияло на его развитие. Сомневаюсь, что он когда-либо вернется домой и вообще доживет до взрослых лет. Для матери он лишь обуза. Отец их бросил, а этот малыш – один из семерых детей.

Эдварду невольно приходят мысли, посещающие его всякий раз, когда он думает о подобных семьях. Не лучше ли было этому малышу вообще не родиться?

– Но, – продолжает доктор Эверсли, – Чарли любит автомобили. Правда, дружок? Как насчет того, чтобы пойти и немного поиграть в моей машине? – Малыш улыбается во весь рот. – Конечно, если сестра Бейкер согласится. Что скажете, мисс Бейкер?

Девушка смотрит на Чарли:

– Хорошо. Но не больше получаса, а потом будем кушать. И если вы позволите пойти и остальным детям. У нас в Младенческом замке ни для кого нет особых привилегий. Так, доктор?

– Конечно нет, – соглашается доктор Эверсли. – Пойдут все.

Эдвард, доктор Эверсли, медсестра и девять малышей направляются на стоянку, где дети с энтузиазмом забираются в черный «Остин-7». Эдвард морщится, представляя их ползающими по безусловно чистому салону его «санбима», однако доктора Эверсли такое не волнует. Взрослые молча наблюдают за детьми, а те, как любые нормальные дети, увлеченно исследуют машину. Чарли держится за руль и подражает звукам мотора. Малыш невероятно счастлив, и в тот момент Эдварда пронзает мысль: кому дано право определять ценность той или иной человеческой жизни? Разве этот малыш менее ценен, чем Джимми? Какое право имеет Эдвард, да и другие члены Королевской комиссии, решать подобные вопросы?

– Большое спасибо, доктор, за уделенное мне время, – говорит он. – Я многое узнал. С удовольствием остался бы подольше, но меня ждут в центре Красного Креста.

– Приезжайте в любое время, – приглашает его доктор Эверсли.

– Приеду, – почти сразу отвечает Эдвард.

В его голове кружатся мысли. Ему требуется время, чтобы разобраться в них и выработать план. Но вначале он должен сделать то, что нужно было сделать еще десять лет назад.

Единственная видимая часть тела Портера – это голова, торчащая из-под вороха одеял. Он сидит у стены террасы центра Красного Креста, под выступающим карнизом. Здание центра стоит на вершине холма, и с места, где сидит Портер, открывается широкая панорама полей и перелесков. Некоторое время Эдвард смотрит на своего бывшего солдата. Портер сидит неподвижно. Кажется, он еще усох, и очертания его фигуры едва просматриваются под одеялами. Он буквально гаснет на глазах. Эдвард чувствует укол совести. Сколько этому несчастному осталось мучиться на земле?

Молодая энергичная сестра Дайер обещает принести чай и кекс. К Эдварду она обращается не иначе как «капитан Хэмилтон». Эдвард представляет, насколько уменьшится ее энтузиазм, когда она узнает полную правду о нем.

– Здравствуй, Портер.

Сидящий вздрагивает и поворачивает голову. Увидев Эдварда, он едва заметно кивает, словно ждал этого визита.

– Здравствуйте, сэр.

– Я... помнишь, я говорил, что снова к тебе приеду?

– Помню, сэр. И вы сдержали обещание.

Эдвард берет стул и садится напротив Портера.

– Как поживаешь? – спрашивает он, хотя ответ написан на измученном лице бедняги.

– Не могу жаловаться, – бормочет Портер и уже тише повторяет: – Не могу жаловаться.

Эдвард кивает и слегка улыбается, отдавая должное силе духа этого человека, мужественно сражающегося с каждодневными страданиями, из которых состоит его жизнь.

– Портер... Реджи, – начинает он, – в прошлый раз ты говорил, что начал вспоминать. К тебе вернулась память о событиях, но ты не мог связать их воедино. Ты еще спрашивал, смогу ли я помочь.

– Да, спрашивал. – Портер вновь кивает.

– Думаю, что смогу, – говорит Эдвард. – Фактически я должен это сделать. Реджи, я совершил ужасную ошибку, и мне необходимо хотя бы отчасти ее исправить.

Оба молчат. Вскоре появляется сестра Дайер с подносом. Она принесла чай и бисквитный торт «Виктория» с толстым слоем начинки из варенья и крема.

– Вот и угощение, – весело произносит она, опуская поднос на столик. – Позвольте налить вам по чашке чая, – с улыбкой предлагает она.

– Благодарю, – отвечает Эдвард. – Я сам налью.

Ответ несколько разочаровывает медсестру, но она тут же снова улыбается и уходит, оставив пациента и посетителя наедине.

– Как ты думаешь, Реджи, что делает человека героем?

Портер меняет позу и только сейчас полностью поворачивается и смотрит на Эдварда:

– По правде сказать, не знаю, сэр. Так ли это важно?

– Да. – Эдвард заставляет себя смотреть прямо в единственный глаз Портера. – Да, это очень важно. Потому что... видишь ли, Реджи, в этой коляске должен был бы сидеть я. Я, с изуродованным лицом и искалеченным телом. Не ты, а я должен был бы жить здесь. – Он обводит рукой открывающийся вид и дрожащим голосом добавляет: – А ты жил бы в хорошем крепком доме, с женой и детьми.

Ошеломленный Портер молча смотрит на Эдварда.

– Видишь ли, Портер, моя жизнь была построена на лжи. Целых десять лет я прожил словно на небесах. С войны я вернулся героем. Во всяком случае, люди так думали. Это принесло мне уважение, дало уверенность, сделало смелее. Благодаря этим медалям, – он достает синюю коробку, – у меня появились жена и последователи. Люди прислушивались ко мне, высоко ценили мое мнение. Меня считали членом офицерского сословия, человеком, имеющим врожденное превосходство. Я должен был подавать пример тем, кто ниже меня, – парням из низших слоев общества. Но когда я валялся на дне траншеи, никчемный и дрожащий от страха, ты – мальчишка, которому едва стукнуло семнадцать, – наглядно показал мне мою трусость. Это ты оказался носителем высших генов. Ты, а не я должен был бы передать их потомству.

– Сэр! – Кажется, что Портер вышел из своего полусонного состояния. – Не надо. Какой в этом смысл? Пожалуйста, не надо.

Эдвард чувствует, как у него морщится лицо, как все внутри словно рушится. Он не может остановиться. Портеру необходимо услышать все, всю грязную тайну, испачкавшую прошлое Эдварда и теперь пачкающую его будущее. Эта тайна должна выйти наружу. Портер обязан знать: это он заслуживает всяческих почестей, а Эдвард украл их у него.

– После того как ты храбро и геройски спас не только мою жизнь, но и жизни многих солдат, тебя серьезно ранило, – продолжает Эдвард. – Поблизости от тебя разорвалась граната. Она снесла тебе часть лица. Форма на тебе вспыхнула. Я думал, ты не выживешь. Когда подоспело подкрепление, они решили, что это я, командир, оказался героем дня. А я, по правде говоря, оказался трусом. У меня не нашлось смелости им возразить.

Эдвард умолкает. Его щеки мокры от слез, которые он не пытается сдерживать.

Портер высовывает руку с явным намерением коснуться лица Эдварда. Но пальцы дергаются и замирают в воздухе.

– Пожалуйста, не надо дальше, – говорит он. – Вы мне, сэр, лучше чая налейте.

Дрожащими пальцами Эдвард наливает чай и протягивает Портеру чашку с блюдцем.

– Сэр...

– Прошу тебя, не называй меня так.

– Не могу называть вас по-другому. Я привык. Видите ли, сэр, после того как меня тряхануло инфлюэнцей, я кое-что вспомнил про тот день. Ваши слова еще больше прояснили картину. Но, сэр, незачем себя корить за то, что вы сделали или не сделали. Разница невелика. Вылезли вы из траншеи, вас могло бы убить, а меня бы все равно ранило, и я бы оказался здесь. Дело в том, что никто из нас не выбрался оттуда целым и невредимым. Кому тело покалечило, кому разум. И вы пострадали наравне с остальными солдатами. – Эта речь утомила Портера. У него сбилось дыхание, и сейчас он силится наполнить легкие воздухом. Немного успокоившись, он продолжает: – Сами знаете, мне долго не протянуть. Легкие совсем ни к черту. Еще одна встреча с инфлюэнцей, и я отдам концы. Если честно, я к этому готов. Я достаточно натерпелся в этой жизни и жду не дождусь, когда переберусь в следующую. – Он снова умолкает, чтобы отдышаться. – А вам, сэр, нужно жить дальше. Наилучшим образом, чтобы моя жертва оказалась не напрасной. – Его лицо морщится от боли. – Какой смысл, если еще и вы свою жизнь в ад превратите?

Эдвард смотрит на Портера сквозь пелену слез. На мгновение перед ним прежний Портер: веселый, неунывающий, умеющий в каждой ситуации видеть лучшее. Этим он тогда и понравился Эдварду.

– Ты прав, – наконец отвечает он. – Никакого смысла. Портер, я буду жить наилучшим образом. Обещаю тебе. Но ты получишь признание, какое заслуживаешь. Больше я тебя не подведу. Это я тебе тоже обещаю.

Глава 31

Элино́р

Конец октября, а в здешних местах днем бывает по-летнему тепло и можно есть на террасе. Представить только! Но стоит ли удивляться? Ведь это же юг Франции. Элино́р смотрит на виноградники, уходящие к самому горизонту и придающие окрестным холмам золотисто-коричневый оттенок.

Роуз тянется к графину с розовым вином и наполняет бокал Элино́р. Прежде она никогда не пила вино во время ланча, но здесь его пьют, как воду, и за ланчем, и за обедом. Тяжело не привыкнуть.

На стол, устланный голубой скатертью, Мари выставила тарелки с сочными ломтиками помидоров. Они плавают в местном оливковом масле с добавлением уксуса и пересыпаны душистыми травами. Помимо них ланч состоит из тапенады, хлеба, соленого мяса и местных сортов мягкого сыра. Элино́р смотрит на Мари, на коленях которой устроилась Мейбл. У Мари густые черные волосы, кожа оливкового цвета и длинные худощавые руки и ноги. Она совсем не похожа на своего брата Марселя, сидящего напротив и погруженного в чтение утренней газеты. Нынче он постоянно курсирует между Парижем и Лондоном, между своей работой и поездками к Роуз. Марсель решил немного побыть в Провансе. Туда же приехала и Роуз, которой дали на работе несколько выходных. Дневной свет в это время года особенно *impressionnant*^[13], и Марсель увлеченно трудится над большим холстом, установленным на террасе. По вечерам холст убирают в дом, чтобы не отсырел. Для Элино́р его картина – впрочем, можно ли назвать искусством странное сочетание параллелепипедов и бесформенных пятен? – имеет лишь самое отдаленное сходство с потрясающими пейзажами, окружающими старый каменный фермерский дом, в котором они живут. Только сочетание красок, которые Марсель густо накладывает на холст, в чем-то отвечает естественным краскам природы.

Сейчас Элино́р видны лишь руки Марселя, перепачканные в краске. Он шелестит газетными листами, восклицая и отпуская

ругательства. Мари качает головой, улыбается и пожимает плечами, словно извиняясь перед Роуз за манеры своего брата.

– Alors, – произносит Мари. – Мейбл... Mange, s'il te plait, chéri.
[14]

Мари не говорит по-английски, а Мейбл и на родном языке произносит лишь отдельные слова, но это не мешает им прекрасно понимать друг друга. Мейбл повезло: у нее перед глазами пример взрослого человека, соблюдающего такую же строгую диету. Под наблюдением доктора Дево Элинора и Мари тщательно отмеряют и взвешивают все необходимое для ежедневного питания Мейбл. Сейчас ланч Мари и Мейбл состоит из ломтика мяса, большого куска сыра и порции свежих грецких орехов, приправленных сливками. Дважды в день они измеряют уровень кетонов в моче Мейбл.

Это несложно, хотя и занимает какое-то время, но в сонной деревушке, находящейся неподалеку от Бриньоля, никто никуда не спешит. Время здесь тратится на повседневные дела, поддерживающие существование человека. Большинство местных жителей имеют весьма скромный доход, работая на земле или в небольших мастерских. Дважды в неделю Элинора вместе с Мари отправляются в город на рынок, где покупают все необходимое. Ей кажется, что она перенеслась на полвека назад.

Но как бы прекрасно ни было здесь, Элинора сильно тоскует по Англии. По Брук-Энду. Но больше всего она тоскует по своему драгоценному малышу Джимми и его беззубой улыбке. Если она задержится здесь подольше, вспомнит ли он мать?

Мысли о доме натываются на вопрос: как ей быть с Эдвардом? С ее дорогим, несчастным, запутавшимся Эдвардом. Она знает, что он всегда старался поступать правильно. В глубине сердца она верит: он хороший человек, только порой бывает слабым. Но сможет ли она уладить разногласия, существующие между ними, или же ей придется повторить путь Софи? Подруга начала затяжной бракоразводный процесс с Генри, который непременно вызовет повышенное внимание газетчиков и сражение за детей.

Повернувшись к столу, Элинора видит, как Мейбл тянется ко рту Мари, желая засунуть туда кусочек грецкого ореха, и улыбается. Трудно поверить, что всего за несколько недель дочь разительно изменилась. Болезнь и жуткое побочное действие лекарств превратили

Мейбл в оболочку. И вот теперь эта оболочка наполняется жизнью. Мейбл постепенно, шаг за шагом, вновь становится личностью.

Марсель опускает газету и внимательно смотрит на Элинор поверх маленьких круглых очков. Иногда ей кажется, что ему не тридцать лет, а все пятьдесят.

– Вы читали утренние газеты? – спрашивает он.

– Нет, – отвечает она. – А стоило?

Марсель складывает газету и протягивает ей.

– По-моему, вам нужно это прочесть. Близится конец капитализма, – с видом мудреца добавляет Марсель. – Как мы и предсказывали, привычный мир уходит. Должна начаться новая эра.

– Что там еще случилось? – спрашивает Роуз. Ее рука с куском хлеба, обильно намазанного зеленой тапенадой, застывает в воздухе. – Марсель, ты опять драматизируешь события.

– Полагаю, что нет. – Он складывает руки, как в молитве. – Разумеется, все устоит, успокоится, а в конце, как всегда, основная доля страданий достанется рабочему человеку.

– На самом деле, Марсель, страдания достанутся рабочей женщине! – запальчиво возражает Роуз. – Почему твои социалистические воззрения на мир неизменно игнорируют женщин? По-моему, ты забываешь, что в действительности не мужчина, а именно женщина оказывается на самом дне. Это она откажется от последнего куска хлеба, чтобы накормить своих голодных детей. Она продаст единственное пальто, потому что ее малыши замерзают!

– Chéri! Успокойся. Ты же знаешь, когда я говорю о рабочем человеке, в это понятие входят и мужчины, и женщины!

– Да? Тогда почему бы так и не сказать?

– Роуз, дорогая. – Сейчас Марсель похож на нашкодившего ребенка. – Пожалуйста, прости меня.

Они слащаво дуются друг на друга. Это зрелище не для Элинор. Сентиментальность в их отношениях трогает, но порой бывает слишком приторной. Элинор открывает «Фигаро» и читает заголовки. «Кризис на фондовой бирже закончился!» Сидя здесь, в безмятежной глуши, она и знать не знала ни о каком кризисе. С таким же успехом биржи в Лондоне и Нью-Йорке могли находиться на другой планете. Заголовки не вызывают у нее никаких чувств. Она продолжает читать: «После нескольких дней, когда курс метался, как в лихорадке, после

панических продаж и катастрофического обвала, случившегося в четверг, в пятницу рынок показал некоторый рост. По мнению нью-йоркских газет, мы повидали самое худшее. Расчетные палаты пережили самый страшный в истории день, однако выстояли и продолжают свою работу. Банкиры надеются на быстрое восстановление по мере того, как доверие к банкам снова будет возрастать. Не дай нам Бог снова пережить нечто подобное!»

Элино́р пробега́ет глазами еще несколько статей, где говорится о миллиардах, потерянных американскими фондовыми биржами, и о том, что изменения в величине процентной ставки могут затронуть другие страны, но и это ее не трогает. Кого волнует, если кучка богатых банкиров потеряла изрядную часть своих денег?

Она зевает и откладывает газету.

– Все не так уж и плохо, – говорит Элино́р, допивая вино. – Не знаю, каким образом вы пришли к выводу о катастрофических последствиях для всех нас.

– Это вы скоро узнаете, – с уверенностью прорицателя отвечает Марсель. – Я с самой весны слежу за развитием событий. Уже тогда раздавались голоса, предсказывающие кризис, но их стремились зашикать. А эти люди говорили, что стоимость акций и облигаций не может бесконечно расти, что сейчас они непомерно высоки и не имеют ничего общего с истинной стоимостью выпустивших их компаний. Воздушный шар надувался, надувался и наконец – пух! – Марсель изображает лопнувший экономический пузырь. Элино́р удивляется, как художник может столь профессионально разбираться в биржевых тонкостях. – Я не верю в стабилизацию бирж, – заключает Марсель.

– Откуда вы можете это знать? – спрашивает Элино́р.

– Mon dieu, я не знаю финансовых тонкостей. Но мне кое-что известно о человеческой психологии. А людям, дорогая Элино́р, свойственно плодить хаос и наивно надеяться, что в конце все каким-то чудесным образом наладится. Но жизнь снова и снова разбивает эти надежды.

Он складывает руки на груди и надувает щеки.

– Мама!

Мейбл елзлит, норовя слезть с колен Мари.

Мари что-то быстро и напряженно говорит Марселю по-французски. Элино́р улавливает лишь отдельные фразы: «Пожалуйста,

не говори о политике... Это довольно скучно».

Мейбл обегает вокруг стола и тычет куклой в Элинора.

– Пруденс захотела прогуляться? – спрашивает Элинора.

Их новый распорядок дня включает ежедневные прогулки после ланча. Мейбл подбирает интересные камешки и веточки. Она указывает на птиц, скалы и растения, спрашивая названия. Элинора говорит, как они называются, а Мейбл повторяет. Сейчас, услышав вопрос матери, Мейбл улыбается.

– Мама, – произносит она, протягивая руку.

– Просим нас простить, – говорит Элинора, – но у нас назначено свидание с природой.

Марсель откладывает газету и поворачивается к Роуз:

– Замечательная идея. Роуз, может, и ты составишь мне компанию на прогулке?

Мари говорит, что сама уберет со стола, а затем будет отдыхать. Элинора смотрит, как сестра и Марсель исчезают за старым домом, чьи стены имеют цвет песка пустыни.

Взявшись за руки, Мейбл и Элинора бродят между искривленными стволами деревьев и виноградными лозами. Мейбл совсем не похожа на ту, какой была полтора года назад. Сейчас это тень прежней веселой щебетуньи. То время кажется Элинора принадлежащим к другой жизни. Нынешняя Мейбл тихая и покладистая, но у нее бывают проблески. Она весело хихикает, иногда ее взгляд становится озорным. Ее все больше интересует окружающий мир. словно цветок, она медленно раскрывается, и ее взгляд обращен уже не внутрь, а наружу. Процесс выздоровления хрупок и длителен, с удачными и неудачными днями. Один день – один шаг, и Элинора должна довольствоваться этим.

Находясь во Франции, она ведет переписку с доктором Эверсли. Его очень интересуют успехи Мейбл, поскольку она входила в группу детей, которых он начинал и продолжает лечить диетой. Элинора аккуратно пишет ему каждую неделю, рассказывая о состоянии дочери, и добавляет клинические подробности, сообщенные доктором Девон. Она все лучше разбирается в тонкостях лечения. Доктор Эверсли искренне обрадован успехами Мейбл. В последнем письме он даже вызвался наблюдать за лечением Мейбл, когда Элинора решит вернуться в Англию.

Во время прогулки Элинон говорит, а Мейбл слушает. Она рассказывает дочери о Джимми и об отце, о Дилли и Байроне. В горле Элинон встает комок. Будут ли они снова жить вместе?

Год назад она и представить не могла жизни без Эдварда. Он был для нее всем. Он вырвал ее и Роуз из горя и нищеты, обрушившихся на них после убийства матери. Много лет подряд Элинон слишком полагалась на него во всем. Сейчас она это ясно осознает. Она так и не примирилась с потерей матери. Роуз помогла ей это понять. Однако своим переездом сюда она доказала, что может жить без Эдварда. Но хочет ли? Этот вопрос она задает себе, вдыхая теплый застывший воздух с ароматом дыма и уходящего лета.

В кармане Элинон лежит письмо Эдварда. Еще вчера она принесла его с почты и пока никому не рассказала о его содержании. Прежде чем это сделать, она должна разобраться в своих чувствах, а в них еще много неясного.

Октябрь 1929 г.

Моя дорогая Элинон!

Это письмо я должен начать со слов: я не виню тебя за твой отъезд. Я понимаю причины твоего поступка и уважаю их.

После того как ты уехала, у меня было предостаточно времени для раздумий и для встречи со всем, с чем я прежде избегал встречаться. Это было нелегко, но за это я тоже должен благодарить тебя. Ты заставила меня взглянуть в глаза моим демонам, и хотя я не понимаю, что происходит сейчас со мной, я наконец-то ощущаю мир с самим собой.

Элинон, как ты теперь знаешь, я не имел права завоевывать твое сердце, вообразая себя человеком, каким не был в день моего прихода к бригадному генералу. Ты оказалась бальзамом для ужасной раны, от которой я страдал со времен войны по причине своей трусости. Нынче ты знаешь самые худшие стороны моей личности. Ты видела всю мою ложь.

В свое оправдание могу сказать лишь то, что такие особенности характера были присущи мне с раннего возраста. Я не знал успеха ни в детстве, ни в юности, учась

в Оксфорде, где не пользовался уважением сверстников и не блистал победами в спортивных и иных состязаниях. Но посредством растущего перечня лживых утверждений и разных ухищрений мне удавалось убедить окружающих в важности моих слов, а также в том, что я человек чести и имею хорошую репутацию. Ничто не было так далеко от правды.

Поэтому, когда Мейбл серьезно заболела, моим естественным побуждением стало стремление скрыть неприятную правду. Отсюда мое желание удалить ее из дому. Прошу тебя, пойми, у меня и в мыслях не было причинить ей вред. Я искренне считал, что сэр Чарльз – лучший врач, которому можно доверить ее лечение. Добавь к этому давление общества и мою искреннюю уверенность, что люди, подобные Мейбл, должны содержаться в соответствующих заведениях. Все это и убедило меня действовать известным образом.

Но сейчас, уже потеряв тебя, я впервые в жизни понимаю: я могу выбирать, кем быть и как себя вести. Я знаю, что мне надо делать, и за это, Элинор, я должен благодарить тебя. Я решил изменить направление своей работы. Ты была совершенно права. Как я могу проповедовать эффективность управления обществом, основанную на принципах евгеники, если мы с тобой – наглядное доказательство того, что даже носители хороших генов способны произвести ребенка, который – мне больно писать эти слова – относится к категории «неполноценных»? Более того, результаты моих исследований выявили достаточно аномалий, требующих серьезного изучения, прежде чем станет возможно делать выводы. Однако вместо этого я намерен вернуться к своей первоначальной сфере интересов – к образованию. Я считаю, что именно здесь я смогу приносить настоящую пользу и менять образовательный процесс для всех детей, как обладающих высокими умственными способностями, так и самых заурядных.

В грядущие месяцы мне нужно очень многое исправить, но на это требуется время. Кто знает, удастся ли мне выйти невредимым из всего этого? По крайней мере, я постепенно обретаю покой, особенно зная или хотя бы надеясь, что ты одобришь мои шаги.

Прости меня, Элино, за всю боль и страдания, которые я тебе причинил.

Со всей любовью,

Эдвард

Вечер. В доме зажжен свет. В каминах пылает огонь, прогоняя вечерний холод. Как всегда в это время, появляется доктор Дево. Он приезжает ежедневно, чтобы проверить состояние Мейбл и Мари. Он во многом похож на Марсея: такой же невысокий, с заурядной внешностью. Но его доброта и искренняя забота о Мейбл и о самой Элино просто потрясающи.

Она смотрит, как он взвешивает Мейбл, заноса результат в записную книжку. Он сидит на стуле, и они с Мейбл серьезно глядят друг на друга.

– И как ты сегодня, мадемуазель? – спрашивает доктор Дево.

Мейбл кивает и улыбается.

– Très bien^[15], – говорит он. – Улыбка – хороший знак! Ты мне позволишь? – Он взмахивает трубками стетоскопа, и Мейбл снова кивает.

Он прикладывает стетоскоп к ее груди и внимательно слушает. Потом передвигает и снова слушает.

– Что ж... – Он улыбается девочке. – Твое сердце замечательно бьется. Сильные удары, как...

– Пони! – выкрикивает Мейбл, и все смеются.

– Я хотел сказать, как барабан. Но пони даже лучше.

Под его невыразительной внешностью бьется теплое и доброе сердце.

– Доктор Дево, вы останетесь на обед? – с улыбкой спрашивает Элино, когда осмотр закончен.

– Непременно! Без Мари мой дом пуст.

Он с любовью смотрит на дочь. Элино́р знает, что мать Марселя и Мари умерла от рака. Она вспоминает слова Марселя, что они с Роуз лишились матерей в одинаковом возрасте. Странно, что доктор не женился вторично. Впрочем, Элино́р догадывается: причиной была Мари. У той и сейчас случаются редкие припадки, и отец вынужден оберегать ее от окружающего мира. Как печален этот страх перед эпилепсией! Страх перед всем, что отличает человека от других. Неужели это так постыдно – иметь несовершенное тело и разум? И кого или что считать эталоном совершенства? Разве доброта, душевность или радость от самых непротивительных удовольствий не имеют такой же значимости? Жизнь здесь, вдали от условностей общества, позволила Элино́р многое увидеть совсем в иной перспективе.

– Отлично, Мейбл, – произносит доктор Дево, завершив проверку ее кетоновых уровней и объявив их прекрасными. – А теперь, дорогая, тебе пора спать.

Элино́р целует дочь. Мари берет Мейбл на руки и уносит.

– Знаете, – говорит доктор Дево, глядя вслед поднимающейся по лестнице Мари, – я думаю, что состояние Мейбл достаточно стабильно и вы вполне готовы, если пожелаете, везти дочь домой. Что вы скажете по этому поводу, мадам Хэмилтон?

– Мне страшно! – выпаливает Элино́р, и в ее горле тут же появляется комок.

А вдруг у Мейбл снова начнутся припадки? С этим страхом Элино́р живет каждый день, однако в Англии было бы гораздо хуже. Там она не видела бы доброго лица доктора Дево, постоянно ободряющего ее. Там она не видела бы Мари как пример возможного будущего для Мейбл, в котором нет никаких заведений для эпилептиков.

Доктор Дево сочувственно пожимает руку Элино́р:

– Я понимаю ваши страхи. Но мне думается, вы готовы. Мейбл больше не нуждается в ежедневных врачебных осмотрах. И потом, вы говорили, что доктор Эверсли предлагал свою помощь. Этого достаточно.

Элино́р смотрит, как он собирает докторский саквояж. Перед ней открывается будущее для нее и Мейбл: жизнь дома, с Джимми. Она

сглатывает тугой ком. Дражайший доктор Дево и доктор Эверсли. Ей никогда не отблагодарить их надлежащим образом.

Марсель и Роуз запоздали к обеду. Когда они приходят, у Роуз пылают щеки, а Марсель непривычно возбужден.

– Тысяча извинений, – говорит Роуз, усаживаясь за стол.

Она разворачивает салфетку. Элинор замечает, что у сестры дрожат пальцы. Роуз и Марсель, продолжающий стоять, переглядываются. Роуз кивает, и он, откашлявшись, говорит:

– Элинор, можно поговорить с вами наедине?

Произнеся эти слова, он застывает. Элинор бросает взгляд на сестру. Неужели эта сентиментальная парочка поссорилась?

– Конечно, – отвечает Элинор.

Она кладет салфетку и смотрит на доктора Дево. Тот демонстративно разглядывает собственные колени. У Элинор закрадывается подозрение, что доктор в курсе.

Они переходят в гостиную. Марсель убирает руки за спину и отвешивает легкий поклон. Элинор сдерживает смех. Бедняга Марсель. Она чувствует, как ему сейчас неловко, но молчит и ждет его слов.

– Я... это несколько непривычно, – слегка улыбнувшись, начинает Марсель, его взгляд отрывается от ковра и перемещается на Элинор. – Но поскольку я не могу спросить ни отца, ни мать... я должен, чтобы все было так, как должно быть, спросить у вас. Элинор, позволите ли вы мне жениться на вашей сестре? Я спрашивал у нее, и она сказала «да». И теперь я хочу знать...

Элинор больше не в силах молчать. Она смеется и хлопает в ладоши:

– Ох, Марсель! Я, конечно же, даю свое согласие! По правде говоря, нужно бы еще и согласие Эдварда, но в сложившихся условиях... – Она подается вперед и берет Марселя за руки. – Я рада за вас обоих. Вы прекрасная партия для Роуз. Именно такой муж ей и нужен. Вы с ней замечательная пара. Вместе вы принесете миру немало добра. Я это знаю.

Марсель делает долгий выдох:

– Благодарю вас. Я очень нервничал! Мы так счастливы. Если Роуз захочет продолжать работу, я совсем не против. Я планирую

переехать в Лондон. Весной мы с ней поженимся. Я знаю, что ей не хочется слишком отдаляться от вас.

– Чудесная новость. А ваш отец знает?

– Я рассказал ему о своих намерениях. Его это тоже обрадовало.

– В таком случае... думаю, нам стоит выпить шампанского, – заявляет Элино́р, когда они возвращаются в столовую. Она подходит к сестре. – Роуз, дорогая, я очень счастлива за тебя, – говорит она, целуя Роуз в щеку.

– Спасибо, Элли. Я совсем не думала о замужестве, но... – Роуз улыбается Марселю. – Если честно, я не представляю себе жизни без Марселя. И представлять не хочу. Поэтому мне остается лишь милостиво согласиться с переменой воззрений. Я просто обязана сказать «да».

Глядя в лучистые глаза Роуз, Элино́р вспоминает, как в прошлом она всегда боялась этого момента, как не хотела отпускать Роуз от себя. Но сейчас, когда она получше узнала Марселя и познакомилась за эти полтора месяца с семьей Дево, мысль о замужестве сестры наполняет ее искренней радостью.

Глава 32

Эдвард

Во вторник утром Эдвард вновь направляется в Вестминстер на заседание Королевской комиссии. Он устал после почти бессонной ночи, но полон решимости. Прежде чем оказаться в знакомой тесной комнате, он делает две остановки. Первая приводит его в здание Военного министерства. На прошлой неделе он послал туда длинное письмо, а сегодня идет сам, чтобы выполнить данное в письме обещание и вернуть свои медали. Впрочем, не свои, ибо они с самого начала ему не принадлежали. Сегодня он сделает то, что должен был бы сделать еще давным-давно. В письме он объяснил, почему медали, которыми его наградили, необходимо передать рядовому Портеру, и как можно скорее, учитывая тяжелое состояние здоровья этого человека. Одному Богу известно, как отреагирует Военное министерство на демарш Эдварда. Он примет любое наказание, поскольку понимает: возвратив медали, он снимет с себя тяжкую ношу. И сейчас он легким шагом идет по коридору Уайтхолла, навстречу сегодняшнему испытанию.

– Никак не пойму, – признается генерал-майор, изумленно глядя на Эдварда, на письмо и снова на Эдварда.

Встречу с ним поручили военному высокого чина. Его письмо явно наделало шуму в министерстве.

– Это беспрецедентный случай. – Генерал-майор буравит Эдварда взглядом. – Нам случалось лишать человека наград, но я еще не слышал, чтобы кто-то возвращал их добровольно.

Генерал-майор – человек крупный. Мундир подчеркивает широкие плечи. На его удивленном лице подрагивают густые щетинистые усы.

– Как говорят, что-то всегда происходит в первый раз, – откашлявшись, отвечает Эдвард.

Генерал-майор откидывается на спинку стула.

– Итак, – медленно произносит он, – вы заявляете, что этими медалями вас наградили по ошибке и что на самом деле ими следовало наградить рядового... – Его глаза бегают по строчкам письма.

– Портера, – подсказывает Эдвард.

– Портера, – повторяет генерал-майор, вновь глядя на Эдварда. – Но это означает, что представление вас к награде было фальсифицировано вашим старшим командиром, а значит, командование подтвердило и узаконило ложную версию событий. Так? А еще важнее, почему вы признаетесь в этом только сейчас, через десять с лишним лет после того сражения?

– Об этом долго рассказывать, – отвечает Эдвард. – Изложу суть. Ситуация на поле сражения была крайне запутанной. Уверен, вам это понятно. Живых очевидцев случившегося не было. Во всяком случае, не нашлось тех, кто мог произнести хотя бы пару связных слов. Сам я находился в состоянии глубокого шока и психологической травмы. Но вы правы: я еще давно должен был бы заявить о своей ошибке, рассказать, почему не воспротивился ложной версии, и отдать дань мужеству, проявленному рядовым Портером. Готов понести любое наказание, которое вы сочтете соизмеримым. Сейчас гораздо важнее другое. Дни рядового Портера сочтены, и необходимо как можно скорее наградить его за проявленную доблесть. Я настоятельно прошу вас как можно скорее ознакомиться со всеми документами и организовать церемонию награждения Портера, передав ему медали, которые он должен был бы получить еще тогда. Главное, чтобы награждение не оказалось посмертным.

Генерал-майор хмурится:

– Я уже ознакомился с документами и намерен дать делу ход. Мы сможем провести церемонию награждения там, где сейчас находится рядовой Портер. Что же касается вас... обычно в таких случаях проводится тщательное расследование и военный суд. Офицеру может грозить тюремное заключение, если его преступление сочтут особо тяжким. Ваши тогдашние начальники, подавшие рапорт о награждении, также будут допрошены и, возможно, понесут наказание.

– Нет, – перебивает его Эдвард. – Я искренне надеюсь, что их это не затронет. Единственный, кто виноват, – это я.

– Вообще-то, – продолжает генерал-майор, – учитывая срок давности и сопутствующие обстоятельства, нам вряд ли понадобится идти на крайние меры. Я собираюсь тщательно разобраться в том, как вообще могла возникнуть такая чудовищная путаница. Должен вас предупредить: в зависимости от результата расследований, в худшем

случае против вас могут быть приняты меры судебного характера. Или же ваш статус увольнения из армии может быть изменен с почетного на позорный. Вам понятно?

– Да, – кивает Эдвард.

– В таком случае мне остается лишь попрощаться с вами, профессор Хэмилтон, – говорит генерал-майор, собирает бумаги, кладет поверх письмо Эдварда и убирает всю стопку в папку с надписью «Капитан Хэмилтон». – Всего вам доброго.

– И вам всего доброго, сэр, – отвечает Эдвард и уходит с нарастающим чувством облегчения.

Эдвард заходит в небольшое кафе неподалеку от Вестминстера. Из окон открывается вид на парк, примыкающий к башне Виктории. Он пришел на полчаса раньше. Посетителей в кафе немного, чему он только рад. В ожидании своего гостя Эдвард занимает столик в неприметном углу, заказывает чай, затем достает из портфеля блокнот и авторучку. Ему нужно исправить много ошибок, и теперь, когда он уже начал это делать, дальнейшие действия происходят как бы сами собой. Он пишет:

Дорогая Вайолет!

Я мог бы высказать Вам это при личной встрече, однако мне хочется изложить свои слова на бумаге, чтобы Вы увидели их написанными пером и чернилами и убедились в искренности моих намерений и подлинности моих извинений.

Вайолет, я предельно несправедливо поступил с Вами и, что еще важнее, с Вашим братом. Я так стремился оставить ужас войны позади, что не уведомил человека, заслужившего высшие награды и признание за акт исключительного мужества, в результате чего этот человек не получил звания героя, которого достоин. Вместо этого из-за нескольких ошибочных предположений со стороны высшего командования упомянутые награды и лавры героя достались другому, а тому не хватило силы характера во всеуслышание заявить об ошибке. В результате настоящий герой жил в неизвестности, страдая от страшных ран, оставленных войной, а вор, укравший его

жизнь и славу, годами незаконно наслаждался благополучием.

Тем героем был не кто иной, как Ваш брат Реджинальд Портер, а вором и трусом – я. Своим героизмом Портер спас жизнь мне и многим своим сослуживцам.

Чтобы полностью осознать зло, причиненное Вашему брату, мне понадобилось много лет и трагедия в собственной жизни. Никакими извинениями, никакими действиями, предпринимаемыми мною сейчас, мне не искупить вину за прошлое, но я сделаю все, что в моих силах, чтобы хоть как-то это компенсировать. Я позабочусь о том, чтобы оставшиеся дни жизни Вашего брата были наполнены радостью и он провел их с максимальным комфортом.

Все эти годы я оплачивал пребывание Реджи и уход за ним, но никакие деньги не смогут искупить моей вины. Я искренне раскаиваюсь в своем поведении не только по отношению к Реджи, но и к Вам, Вайолет. Я уже рассказал армейскому командованию печальную правду о себе и готов понести любое наказание, какое они сочтут необходимым. Я попросил их как можно скорее передать Реджи медали, которые он с честью заслужил.

Надеюсь, со временем Вы найдете в себе силы меня простить.

Искренне Ваш,

Эдвард Хэмилтон

Перечитав письмо, Эдвард складывает лист. В это время дверь кафе распахивается и туда влетает Гарри Лафлин в шляпе набекрень и небрежно замотанном шарфе. Полы его пальто развеваются от быстрой ходьбы. Эдвард успевает убрать письмо в портфель.

– Привет, Лафлин, – говорит Эдвард.

Он встает, чтобы поздороваться с запыхавшимся американцем, приехавшим на встречу с европейскими егенистами. Гарри пожимает протянутую руку.

– Привет, Хэмилтон, – хриплым голосом отвечает Лафлин.

Сегодня он необычно возбужден. У него наморщен лоб, а сам он выглядит так, словно не спал все выходные.

– Времени у меня в обрез, – говорит он и подает знак официанту. – Пожалуйста, чашку крепкого кофе! – кричит он через весь зал, плюхается на стул и принимается массировать лоб. – Ну и неделька была! Эта чертова неустойчивость рынка! Пусть я и не самый богатый человек, но у меня есть кое-какие вложения. У вас ведь тоже? Такая катастрофа! – Он качает головой. – Даже Рокфеллер извивается, как грешник на сковороде. На прошлой неделе он потерял миллионы, из-за чего наше финансирование приостановлено. Слава богу, банкиры вроде бы возвращают все в прежнее русло. Думаю, мы выкарабкаемся, но я первым же парходом возвращаюсь домой. Сейчас я должен держать руль в своих руках. Нельзя, чтобы множество наших исследовательских проектов рухнули в пропасть... Так о чем вы хотели поговорить? Забыл спросить: как вы вообще?

Эдвард не торопится с ответом, всесторонне обдумывая свой разговор с Лафлином.

– Я... Бóльшая часть моих денег вложена в акции и облигации английских компаний. Мои банкиры – люди весьма консервативные, – с надеждой добавляет он.

На прошлой неделе он получил письмо из банка с разъяснением, какие именно действия предпринимает банк для сбережения его денег, но совсем не помнит содержания письма.

– Рад слышать. Но держитесь крепко, Эдвард. Так сейчас все говорят. Держитесь крепко, и боже вас упаси от панической распродажи. Это прямая дорожка к катастрофе. Так вы об этом хотели поговорить?

Эдвард откашливается:

– Вам хватает забот, и потому я перейду прямо к сути. Я передумал поддерживать инициативу Чёрча о принудительной изоляции и стерилизации слабоумных. Я вам очень признателен за помощь. Вы снабдили меня дополнительными данными, подкрепляющими мои исследования. Я бы не посмел отнимать у вас время, но получается... – Эдвард чувствует, как у него напряглись челюстные мышцы.

– В чем дело? – Гарри смотрит на Эдварда так, словно у того выросла вторая голова.

– Как вы знаете, я много лет занимался исследованиями в этой области, – продолжает Эдвард, сознавая, что его слова звучат как тщательно отрепетированная речь. – Недавно я вдруг понял вот что. Хотя я по-прежнему убежден в наследуемости умственных способностей, собранные данные, вопреки моим ожиданиям, не слишком четко показывают эту взаимосвязь. В результате я усомнился в эффективности евгенической программы и ее человечности. Короче говоря, я больше не могу поддерживать законопроект, который столь фундаментально посягает на свободу человека, ущемляя ее в пользу государства. И потому отныне я ухожу со своего поста в Евгеническом обществе и целиком сосредоточиваюсь на работе в сфере образования. Я больше не уверен в правильности картины будущего, основанного на принципах евгеники. Мне думается, сама эта наука... бездоказательна и, возможно, опасна в своем применении.

Воцаряется пауза.

– Вы серьезно? – усмехается Лафлин. – Для кого именно она опасна?

– Для всех нас. Мы не знаем всех последствий того, чего пытаемся достичь посредством евгенической политики как для будущего расы, так и для отдельных людей. Ряд результатов, которые я увидел в своей работе, заставляет меня усомниться даже в правильности теорий, на которых строится евгеника.

Официант приносит кофейник. Эдвард и Генри молча разливают кофе по чашкам, кладут сахар и размешивают.

– Я что-то не понимаю. – Гарри чешет в голове, вид у него смущенный. – Эдвард, мы с вами сотрудничаем давно. Я думал, между нами существует полное единство мнений. Что с вами случилось, черт возьми?!

– У меня было время подумать, – тяжело вздыхает Эдвард. – Фактически я был вынужден думать. Я был настолько уверен в правильности евгенического взгляда на мир, что, когда некоторые результаты моих исследований разошлись с теорией, я обвинил в этом сами исследования. И тогда я состряпал новые данные, дающие мне нужные результаты. Как называется человек, занимающийся подобными вещами?

Он смотрит на Гарри. Сейчас он раскрывается перед американским коллегой. Распахивает рубашку на груди. Гарри

достаточно вонзить в него нож и повернуть рукоятку. Но вместо этого Гарри смеется и спрашивает:

– Вы серьезно?

– Да. Я знаю, о чем говорю. Я не считаю теорию полностью ошибочной, но мы не можем строить общенациональную политику на чем-то... бесчестном. Вы понимаете смысл моих слов?

– Черт вас побери, Эдвард! – У Генри краснеет лицо, надуваются щеки, а глаза становятся большими. – Какая муха вас укусила? Такое ощущение, будто какой-то сумасшедший либертарианец промыл вам мозги! – Он щелкает пальцами. – Мы знаем: эти действия необходимо осуществить. Неужели вы искренне считаете, что вы единственный, кто изобретает несуществующие результаты, преувеличивает данные или даже идет на подлог? Эдвард, иногда цель оправдывает средства. Согласны?

Эдвард отхлебывает кофе. Гарри обладает недюжинным талантом убеждения. С самого момента их знакомства он ловил себя на том, что подражает этому харизматичному американцу. Он вновь чувствует себя мальчишкой-школьником, готовым на все, только бы понравиться заводилам класса.

Но не сегодня. Он качает головой:

– Нет, Гарри. Не согласен.

– Значит, после стольких лет исследований, с той репутацией, которая у вас сложилась, вы попросту готовы отшвырнуть евгенику со своего пути? Эдвард, вы же умный человек. Я говорю это не ради комплимента. Я читал ваши работы. Они характеризуют вас как передового специалиста в евгенике, психологии и образовании. Люди руководствуются вашими данными по генетике и исследованиям слабоумных. Мы руководствуемся ими. И это ваше неожиданное сальто-мортале не имеет смысла! Да что вообще творится? – Гарри с силой ударяет ладонями по столу, отчего кофе из его чашки проливается на блюдце.

Эдвард сглатывает, не обращая внимания на пот, выступивший у него на лбу и на шее под воротником. «Будь честен, Эдвард», – слышится у него внутри мягкий, ободряющий голос Элинора. Этот голос убеждает его двигаться вперед. Он делает глубокий вдох.

– Я уже говорил, – продолжает он, стараясь не терять спокойствия. – Как ученый, я сейчас в меньшей степени убежден в

пользе евгенической теории. Фактически я начал думать, а не стоит ли потратить эти деньги на поиск методов лечения и способов улучшить жизнь людей. И на образование. Образование было моей изначальной сферой интересов, и я намерен к нему вернуться. Образование в широком смысле, рассчитанное как на смысленных, так и на умственно отсталых. Мы можем что-то изменить в подходе к обучению этих детей и сделать их дальнейшую жизнь продуктивнее и счастливее. Поэтому наряду с планами по обучению юных талантов я планирую разработать школы нового типа, где будут учить тех, кому учеба дается с большим трудом. Гарри, я должен рассказать вам еще кое-что. – Он снова глотает слюну. – Речь о нашей дочери Мейбл. Вы помните ее?

– Конечно, – кивает Гарри.

Эдвард опять набирает полные легкие воздуха:

– Так вот, она страдает эпилепсией.

Эдвард чувствует, что впервые в жизни говорит правду. Он рассказывает, как болезнь Мейбл прогрессировала и как он настоял на отправке ее в колонию Хит. Признается, что изо всех сил пытался забыть о ее существовании, но Элинор никогда не теряла надежд облегчить участь их дочери. Гарри слушает с бесстрастным выражением лица. Под конец рассказа американец, к изумлению Эдварда, разражается смехом.

– Эдвард, – говорит Гарри, наклоняясь к нему, – я сочувствую вашей дочери. Искренне сочувствую, но это не может вам помешать. Нам всем. Вы же знаете: евгеническая политика правильна и нацелена на добро. Случившееся в вашей личной жизни не должно мешать тому, что делается во имя всеобщего блага. Вам ведь известно, что перестройка общества на принципах евгеники – единственный способ избежать катастрофы в будущем.

– В том-то все и дело, что я в этом больше не уверен.

– Да бросьте, дружище! – восклицает Гарри. – Уж если мы начали сегодня откровенничать, хотите узнать правду обо мне? Я ведь тоже эпилептик. Да. Вы шокированы? Но так оно и есть. Болезнь донимает меня, но не настолько, чтобы оказаться в стенах заведения для эпилептиков. К счастью, мои умственные способности не пострадали. И уж конечно, болезнь не остановит меня от продвижения того, что я считаю правильным.

– Мне больно это слышать, – признается Эдвард, удивленно глядя на Гарри.

Как тому удастся сохранять тайну? И как он может ратовать за стерилизацию эпилептиков, когда сам страдает от этой болезни?

– Вам приходится тяжело?

– Как я уже сказал, болезнь донимает меня не так сильно. О ней знают лишь мой врач и Пэнси. Теперь еще и вы. – Он залпом допивает кофе, закуривает сигарету и глубоко затягивается.

– Как... – начинает Эдвард, голова которого до сих пор кружится от услышанного признания. – Как же вы можете оправдывать насильственную изоляцию людей, страдающих той же болезнью, что и вы?

– Потому что я существенно отличаюсь от них. У них нет ни моих знаний, ни моего интеллекта. Поэтому я намерен продвигать нашу программу стерилизации и сегрегации. Эдвард, мы должны делать то, что правильно и пойдет на пользу обществу. Речь не об отдельных людях. – Гарри торжествующе откидывается на спинку стула, выпуская облако дыма. Он считает, что победил в их споре.

Эдвард надевает шляпу и снимает со спинки стула пальто.

– Гарри, прошу меня извинить, но у меня еще одна встреча. Я не собираюсь менять свою точку зрения. Я поделился ею с вами из вежливости, как с давнишним коллегой. Мне хотелось, чтобы вы узнали об этом прежде, чем я сделаю публичное заявление. Как я уже говорил, я продолжу работать в сферах образования и психологии. Но я более не намерен поддерживать евгеническое движение и любые его принципы. Что бы вы ни говорили, я не передумаю. – Он встает. – До свидания, Лафлин. Искренне желаю вам всего наилучшего.

Спиной он ощущает взгляд Гарри, сопровождающий его до тех пор, пока он не заворачивает за угол, быстрым шагом направляясь к Вестминстерскому дворцу.

Теперь он должен объявить Чёрчу, что отзывает свою поддержку законопроекта. Он также должен сообщить Королевской комиссии, что обнаружил существенную ошибку в данных, а потому они более не могут считаться достоверными. Эта ошибка заставила его пересмотреть его воззрения на евгенику, и он более не уверен в наследственной передаче умственных способностей и слабоумия. Требуется дополнительные исследования, и, пока они не будут

проведены, законопроект ни в коем случае не должен приобретать статус закона.

Вернувшись в Брук-Энд, Эдвард переодевается к обеду, когда в доме неожиданно появляется Бартон.

Сосед ожидает Эдварда в гостиной, коротая время с большой порцией виски. Вид у него угрюмый.

– Простите за вторжение, – говорит он, – но мне захотелось узнать, все ли у вас в порядке, старина. А то эта лавина жутких новостей с фондовых бирж... – Бартон качает головой и цокает языком.

– И что страшного там приключилось? – спрашивает Эдвард.

Он тоже наливает себе виски, раздумывая об истинной цели визита соседа: действительно Бартона волнует состояние финансов Эдварда или же он хочет рассказать о постигшей его катастрофе?

– От газет становится лишь тошнее. Держу пари: они ликуют от дрянных новостей, преподнося все события в десять раз трагичнее.

От эмоций у Бартона на скулах ходят желваки.

Сосед не преувеличивает. Эдвард вспоминает заголовки газет, попавшиеся ему на глаза, когда днем он проходил мимо лотка. «Новое фиаско на Уолл-стрит: безумные сцены на фондовой бирже!»... «Биржевые маклеры теряют на лихорадочных продажах по миллиарду фунтов в день!»... «Тысячи разоренных в результате биржевого обвала на Уолл-стрит!»... «Дж. Д. Рокфеллер потерял четыре пятых своего состояния».

Только сейчас Эдвард вспоминает о записке, ожидавшей его в университетском кабинете, куда он заглянул после Вестминстерского двора. *Просьба безотлагательно позвонить мистеру Коулрою. Это очень важно.* Он положил записку в карман, однако звонить не стал, торопясь на поезд. На прошлой неделе он уже обсуждал с мистером Коулроем положение своих финансов. Банкир пригласил его на ланч в уютный французский ресторан неподалеку от банка. Мистер Коулрой заверил Эдварда, что банк успешно противостоит чудовищным скачкам цен на фондовой бирже, а потому он может не беспокоиться за судьбу своих вкладов. По словам банкира, многие клиенты занимали деньги для покупки акций и облигаций. Когда начался обвал, эти люди запаниковали, продали свои ценные бумаги по бросовым ценам и не

смогли оплатить займы. В отличие от них Эдвард не брал никаких займов; часть его денег надежно вложена, а остальные хранятся на наличных счетах.

Казалось бы, ему не о чем беспокоиться. Или причины для беспокойства все-таки есть? Эдвард вновь подумал о записке, и в груди у него что-то зашевелилось. Он смотрит на часы. Восьмой час. Слишком поздно. Мистер Коулрой наверняка уже ушел домой.

– Этот чертов Грант-Паркер! Вы знаете, о ком я. Про его шумный развод пишут во всех газетах. Он как-то был у вас в гостях. – Бартон взмахивает стаканом, указывая на Эдварда. – Он тогда советовал мне вложить все деньги в американские акции. Уверял, что это надежно, что я быстро обогатюсь и все такое. Помните?

Боже мой! Бартону никак не слезть с денежной темы. Эдвард, конечно же, хорошо помнит тот разговор. Софи и Генри тогда были готовы вцепиться друг другу в глотку.

– Сколько вы потеряли? – спрашивает Эдвард, испытывая некоторое сожаление по поводу несчастья, постигшего соседа.

Остается надеяться, что Бартон его не винит. Ведь это он познакомил соседа с Генри. Эдвард касается руки Бартона, готовясь произнести слова утешения.

– Я? – Бартон смотри на Эдварда. Две метелки его усов искривляются над верхней губой. Сосед раздражается хохотом. – Хвала небесам, я не потерял ни пенни! Я прислушался к вашему совету, старина, и побеседовал с вашими банкирами. Люди старого закала. Дали мне хороший, разумный совет: делать все вложения по эту сторону атлантической лужи.

– Рад слышать, – осторожно говорит Эдвард, продолжая думать о неотложном телефонном звонке.

– Я до ужаса медлителен, – продолжает Бартон. – Так и не мог решить, куда вложить денежки. Кончилось тем, что я их вообще не стал вкладывать. Они продолжают лежать в сейфе, в дальнем конце гардеробной. Целехоньки, если только жена не стащила часть на платья и прочую дребедень. – Он взмахивает рукой и смотрит на Эдварда своими задумчивыми глазами под тяжелыми веками. – Иногда ничегонеделание бывает лучшим видом действий. Если правильно помню, именно это мне и советовали те смышленные ребята из вашего банка. – Он хмыкает и прикладывается к стакану.

– Знаете, Бартон, по странной иронии мистер Коулрой днем пытался дозвониться до меня. Сомневаюсь, что он еще на работе, но вы не возражаете, если я все-таки попробую ему позвонить?

– Конечно, – вздыхает Бартон. – Мне пора возвращаться к обеду, не то Лиззи задаст мне такого перца, что мало не покажется. Просто хотел убедиться, что у вас все в порядке. Вы один, а тут эта финансовая чехарда. – Бартон залпом допивает виски.

– Спасибо за заботу, – говорит Эдвард, переминаясь с ноги на ногу.

Ему не терпится позвонить Коулрою и в то же время не хочется быть неучтивым. Бартон и Лиззи показали себя надежными друзьями и соседями. Лучшими из всех.

Проводив Бартона, Эдвард снимает телефонную трубку и просит соединить его с кабинетом мистера Коулроя в банке «Коулрой и Мак». К его удивлению, банкир все еще там.

– Добрый вечер, мистер Коулрой. Я... уж и не надеялся застать вас на работе, но рад, что застал. Я получил записку о вашем дневном звонке. Надеюсь, что все по-прежнему в порядке? – начинает он разговор.

– Профессор Хэмилтон? Рад, что вы позвонили. Но... мне очень жаль... у меня есть новости. Весьма плохие новости. – Эдвард слышит шумное, хриплое дыхание банкира и ждет продолжения разговора. – Все кончено, – говорит мистер Коулрой. – Наш банк рухнул! – Коулрой даже не пытается скрыть отчаяние.

– Что? – Эдварда обдаёт жаркой волной, у него слабеют ноги. – Что значит «рухнул»?

– Все потеряно... Цены на биржах взлетели. Наша структура уничтожена. Вкладчики поголовно забрали свои деньги...

– Но я-то их не забрал! – повышает голос Эдвард. Паника сотнями иголочек вонзается в его тело. – Мы же с вами недавно встречались за ланчем. Вы говорили, что моим вкладам ничего не грозит. И наличности тоже!

– Я ошибался. – Голос Коулроя звучит сухо. – Никто не мог предсказать масштаб потерь. Мы не представляли, что на нас надвигается. Боюсь, ваши вложения полностью обесценились.

– А мои наличные деньги? С ними-то должно все быть в порядке?

Эхо в телефонной линии возвращает ему вопрос: «В порядке, в порядке, в порядке...» Эдвард вспотел. Его мутит. В мозгу проносится лавина мыслей. Его начинает охватывать паника. Если он лишился денег, чем тогда оплачивать содержание Брук-Энда, чем платить за квартиру? Что будет с Элиной? А слуги? Ведь все они зависят от него. Все. Его университетского жалованья и тех денег, которые он получает за образовательную программу для местных муниципальных служащих, не хватит для покрытия всех расходов. Наконец, чем он будет платить за Портера?

– Мне очень жаль, – повторяет Коулрой. – Банк подал заявление о банкротстве. Теперь слишком поздно. У нас не осталось денег. Вам, как и остальным вкладчикам, придется встать в очередь на получение скромной компенсации, которую назначит ликвидационная комиссия.

Коулрой продолжает говорить, но Эдвард уже не слушает. Его мозг силится впитать смысл услышанного, повторяя единственную мысль, от которой замирает сердце: «Я потерял отцовские сбережения. Деньги, ради которых он трудился всю жизнь. Они исчезли за один проклятый день».

Все пропало. Вначале он потерял дочь, затем жену, а теперь и деньги. Эдвард на деревянных ногах возвращается в гостиную, где дрожащими руками наливает себе еще одну большую порцию виски.

Утопить свои беды в выпивке? А что ему остается?

Через несколько минут в гостиную, даже не постучавшись, влетает миссис Фолкс и выпаливает с порога:

– Профессор! Она здесь!

– Кто? – недоумевает Эдвард, поворачиваясь к миссис Фолкс.

– Миссис Хэмилтон! – восклицает она.

Эдвард чувствует, что пол уходит у него из-под ног.

Они сидят в гостиной по обе стороны от пылающего камина. Эдварду не отделаться от ощущения нереальности этого вечера. Сначала разговор с Коулроем и известие о крахе банка. Теперь Элина, отсутствовавшая почти полтора месяца, сидит в нескольких футах от него. Он смотрит на жену, не зная, с чего начать и как вообще начать с ней разговор. Нужно ли сразу же рассказать ей о деньгах? Нет, лучше обождать. Он осторожно следит за движениями жены, словно она призрак, способный исчезнуть от одного его неверного слова. Элина

отпивает глоток красного вина и смотрит на языки пламени. После шокирующего разговора с мистером Коулроем эмоции бурлят внутри Эдварда, как кипящая вода в кастрюле.

Элино́р дома. Это важнее потерянных денег.

Но захочет ли она остаться?

Что в ее сердце? Ненависть и презрение к нему? Или она найдет силы его простить? Будет ли она по-прежнему его любить, когда у него больше нет ни денег, ни прежнего статуса?

И Мейбл. Мейбл здесь. Спит под крышей его дома в своей комнате, как и должно быть. Элино́р вернулась час назад, никому не сообщив о своем приезде. Мейбл, завернутая в одеяла, крепко спала на заднем сиденье машины. Элино́р сидела рядом с шофером – тем самым французом Марселем, встречи с которым он избегал вплоть до сегодняшнего вечера.

Миссис Беллами стояла у кухонной двери с открытым ртом, явно думая, сколько еще незваных гостей может сегодня явиться на обед. Увидев, кто приехал, она заулыбалась во весь рот. Прежде Эдвард никогда не видел, чтобы их повариха улыбалась.

Элис принялась спешно готовить постель для Мейбл. Элино́р отправилась взглянуть на Джимми. Эдвард сам отнес дочь в ее комнату и осторожно положил на кровать, сумев не разбудить. Глядя на нее, он не мог сдержать слез, струящихся по щекам. Полтора месяца подряд у Мейбл не было припадков, и все это благодаря мужеству и упорству Элино́р.

Съев сэндвич, приготовленный миссис Беллами без ее обычного ворчания, Марсель отправился в Лондон – конечный пункт этого долгого путешествия. Эдвард понял, что Марсель вез Элино́р, Мейбл и их багаж из самого Прованса и теперь торопится к Роуз. Элино́р сообщила мужу о помолвке сестры. Недавние события настолько ошеломили Эдварда, что он мог лишь пробормотать: «Мои поздравления». Этот француз оказался совсем не таким, каким Эдвард его представлял. Марсель по-настоящему заботился об Элино́р и Мейбл. Еще один человек, мнение о котором ему нужно пересмотреть.

– Почему ты не сообщила, что возвращаешься в Англию? – спрашивает Эдвард, набравшись смелости для разговора.

Элино́р поворачивается к нему и внимательно смотрит. Вид у нее усталый, но в глазах – спокойствие, какого Эдвард не видел очень

давно.

– Я так и так собиралась возвращаться, – медленно говорит она, – поскольку состояние Мейбл значительно улучшилось. Но Марсель приехал к своим на несколько дней и предложил отвезти нас в Брук-Энд. Он добрейший и щедрейший человек. Надеюсь, со временем ты в этом убедишься. Я хотела послать телеграмму, но потом... – Она вздыхает. – Подумала, вдруг ты начнешь возражать против того, чтобы я ехала с Марселем. Поэтому... Как бы то ни было, мы уже здесь. – Она пожимает плечами и неуверенно улыбается.

Эдвард молчит, пытаясь собраться с мыслями и перевести их в слова.

– Как Джимми? – спрашивает Элинор, разряжая напряженность в гостиной. – Смотрю, он так вырос.

– Он... довольный. Веселый. Здоровый, но...

– Но – что?

– Ему не хватает матери.

– Знаю. – Элинор поворачивается и ставит бокал на кофейный столик. – Эдвард, я...

– Элинор, я очень виноват перед тобой! – перебивает ее Эдвард, поскольку дальнейшие слова могут разбить ему сердце. – Прости, что лгал тебе. Прости, что мешал забрать Мейбл из колонии. Прости, что не прислушивался к твоим словам. Я был таким непроходимым глупцом! Если ты не захочешь оставаться со мной, я это пойму. Но я никогда...

– Я знаю. Эдвард, давай не будем сейчас об этом. Я знаю, что ты виноват. Я ужасно скучала по дому. И по тебе тоже скучала.

Эдвард смотрит на жену. Из-за слез очертания ее лица размыты.

– Значит, ты меня простила? Значит, ты останешься со мной?

– Да, – после недолгого молчания отвечает она.

Он шумно выдыхает:

– Невзирая на то, что из-за постыдной истории с медалями мое имя могут смешать с грязью?

– Невзирая на это.

– Невзирая на то, что о рыцарском звании не может быть и речи?

– Это меня особенно радует!

Она вдруг вскакивает и оказывается в его объятиях. Ее слезы капают ему на рубашку.

– Элиноор... – устало произносит он и, чувствуя подступающую тошноту, делает глубокий вдох. – Есть еще одна новость, и она гораздо хуже остальных.

Элиноор отходит на шаг и внимательно смотрит на него:

– И что же это за новость?

– «Коулрой и Мак» обанкротились. Похоже, остальным вкладчикам хватило ума вовремя забрать оттуда свои деньги. Я опоздал. Я потерял все или бóльшую часть наличных денег. Пока мне все это известно лишь в общих чертах. Перед твоим приездом я коротко переговорил по телефону с мистером Коулроем. Завтра с утра я поеду в банк.

Он сглатывает. Элиноор зажимает рот, ее глаза округляются. Он чувствует, как сутулятся его плечи, как все тело наливается тяжестью.

– Ох, Эдвард, какой ужас! – шепчет Элиноор.

– Возможно, нам придется продать Брук-Энд, – дрогнувшим голосом произносит Эдвард и обводит глазами гостиную.

Этот дом очень дорог ему. Они с Элиноор, Мейбл, Джимми. Жизни всех четверых переплетены с этим местом.

Элиноор молчит. В голове Эдварда отдается тиканье напольных часов из коридора. Невзирая на человеческие взлеты и падения, невзирая на мирские потрясения, время продолжает течь. Природе нет дела до человеческих трагедий.

Элиноор подходит к мужу и гладит его по щеке:

– Эдвард, это не так страшно. Мы найдем способ выжить. Я люблю этот дом, но где бы нам ни пришлось жить, тебе, мне, Мейбл, Джимми... там и дом. Меня не волнует, будет это фургон или деревянная хижина. Пока все мы здоровы – это самое главное. И потом, я могу пойти работать. У тебя есть работа и доход. Мы не будем голодать.

– А как же слуги? – Эдвард берет ее за руки, довольный тем, что он присутствует в ее картине будущего, даже если им действительно придется жить в фургоне или хижине. – Как я смогу...

– Тсс! – Элиноор подносит палец к его губам. – Не сейчас. С проблемами будем справляться по мере их появления. Помнишь, я уже так делала? – Она устало улыбается. – А сегодня давай... просто жить.

– Да, – кивает Эдвард. – И еще... Элиноор, я сделаю все, чтобы больше тебя не подводить. – Сейчас он, как никогда, готов исполнить

обещание. – Ты и дети значите для меня все.

Глава 33

Элино́р

Лето 1931 года

Элино́р наблюдает за детьми. Взяв Джимми за руку, Мейбл ведет его между кустами роз, стараясь не зацепиться своим красивым платьем за шипы. Возле самого большого куста, усыпанного чудесными розовыми цветами, девочка приседает на корточки. Джимми подражает сестре. Игра захватывает его, хотя он еще не совсем понимает правила игры в прятки и почему нужно скрываться за кустом. Ему нравится играть в любую игру со старшей сестрой. Джимми хихикает. Мейбл высовывает голову из-за куста – проверить, не слышал ли кто, – затем подносит палец к губам.

– Восемь... Девять... Десять! Я иду искать. Кто не спрятался, я не виновата! – громко, чтобы слышали дети, кричит Элино́р.

В ответ раздается писк Джимми. Элино́р выходит из-за старого раскидистого дуба и смотрит на Брук-Энд – надежную, спокойную гавань в этом беспокойном и ненадежном мире. Элино́р поворачивается и делает вид, будто ищет детей в траве, окаймляющей лужайку.

– И куда же они могли спрятаться? – спрашивает она себя.

В этот момент на ступеньках террасы мелькает золотистая шерсть Байрона. Крупный пес напрямик мчит к кусту, за которым прячутся дети. Он лает, виляя хвостом, и принимается облизывать брата и сестру, пока те не выдерживают и не начинают пищать и смеяться.

– Несносный Байрон! – смеется Мейбл, когда Элино́р подходит и разыгрывает удивление, обнаружив их за кустом. – Он нас выдал!

– Несносный Байрон, – повторяет Джимми, пританцовывая на коротких ножках и похлопывая пса по спине. – Несносный, несносный Байрон!

Элино́р улыбается и обнимает их всех, даже Байрона, успевшего от избытка чувств лизнуть ее в щеку.

– Не знаю, как вы, а я что-то устала после всех этих прятков. Пойдемте в дом, выпьем по стакану прохладной воды, а заодно

проверим, готов ли для вас чай. Мисс Хардинг и миссис Беллами, наверное, уже вас ждут.

Дети послушно идут с ней на кухню, моют руки и усаживаются за большой дубовый стол с шершавой столешницей. Оба болтают ногами. Задняя дверь остается открытой, и солнечные пятна играют на плитках пола. Миссис Беллами ставит перед ними тарелки, а сама, встав у теплой плиты, устраивает себе перерыв, попивая чай и растирая саднящую спину.

– Я хочу это, – говорит Джимми, указывая на тарелку Мейбл и оттопыривая нижнюю губу.

Он угрюмо смотрит на свою тарелку с сэндвичами и помидорами с огорода. Мейбл подали тщательно отмеренную порцию пищи: яйцо с беконом и немного сливок. Как всегда, Джимми находит такое угощение привлекательнее своего.

– Ты же знаешь: Мейбл для здоровья надо есть особую пищу, – говорит мисс Хардинг и наливает Джимми стакан молока, а Мейбл – стакан воды. – Джимми, я устала напоминать тебе об этом каждый раз, когда ты садишься за стол. Ешь сэндвичи, если хочешь вырасти большим и сильным. Твой папа сказал: если ты будешь хорошо себя вести, то в выходные он возьмет тебя на рыбалку.

Элинор оставляет детей на кухне под неусыпным надзором мисс Хардинг, а сама идет в кабинет Эдварда. Теперь это их общий кабинет. У каждого – свой письменный стол. Работая, оба могут любоваться садом за окном и поглядывать друг на друга.

На столе Эдварда стоит фотография, запечатлевшая его вместе с рядовым Портером на скромной церемонии награждения. Они ездили туда вместе с Вайолет и ее семьей. Через три недели Портера не стало. Элинор берет фотографию и проводит пальцами по изуродованному лицу солдата. Мужество, с каким он столько лет выдерживал боль своих страшных ран, показало неукротимую стойкость его духа. Хорошо, что он успел дожить до запоздалого признания его подвига в Пашендейле.

Элинор помнит и другой день, когда из Военного министерства пришло письмо, извещающее Эдварда о его участии. Письмо было кратким и предельно деловым.

Уважаемый профессор Хэмилтон!

Проведя соответствующие расследования и учитывая обстоятельства представления к наградам, которые поддерживали Вашу версию событий, имевших место в Пашендейле в ноябре 1917 г., что привело к награждению Вас несколькими медалями за храбрость, мы пришли к следующему решению.

Хотя обстоятельства Вашего дела достойны сожаления и не лучшим образом характеризуют Вас как офицера британской армии, мы признаем, что Вы добровольно отправились служить своей стране, когда она нуждалась в Вас; что во всем остальном Вы служили достойно и что причиной Вашего поступка явилась значительная душевная травма. По этой причине и принимая во внимание Ваше добровольное признание, мы пришли к решению не лишать Вас почетного увольнения из армии. Однако, учитывая то, сколько продолжительное время Вам понадобилось, чтобы сделать это признание, мы решили лишить Вас звания, с которым Вы уходили в отставку. Таким образом, Вы более не имеете права употреблять применительно к себе звание «капитан».

В случае, если Вы пожелаете оспорить принятое решение, просим обратиться к генерал-майору Бриггсу-Нортону по вышеупомянутому адресу. В противном случае вопрос будет считаться исчерпанным.

Искренне Ваш,

генерал-майор Бриггс-Нортон

Это письмо принесло Эдварду громадное облегчение. Наконец-то он смог оставить позади мрачный эпизод прошлого и жить дальше. Фотография на столе означает, что он не хочет забывать ни о рядовом Портере, ни о своем поступке, но теперь ему легче спится по ночам, и его кошмары все дальше отходят в прошлое. Элинор это очень обнадеживает.

Эдвард каждый вечер приезжает в Брук-Энд, поскольку лондонской квартиры у него больше нет. После банкротства банка «Коулрой и Мак» он вынужден был продать квартиру. К счастью, у

него осталось несколько правительственных облигаций, продажа которых помогла семье продержаться какое-то время. Они также продали торговцу недвижимостью яблоневый сад и Луг бабочек, что позволило им сохранить Брук-Энд и выплачивать жалованье миссис Беллами, Элис и мисс Хардинг. Уилсон переучился на автомеханика и теперь ремонтирует машины в Гилфорде. Чета Фолкс заявила, что они так и так собирались уйти на покой. Деньги, получаемые Эдвардом в университете и за работу в местном муниципалитете, а также скромные доходы от продажи его книг пока позволяют семье жить в Брук-Энде.

Когда начался обвал на фондовых биржах, это вызвало всеобщий ужас, однако тогда никто и подумать не мог, что кризис затянется. Никаких признаков его окончания не наблюдается и сейчас, хотя прошло уже почти два года. Взгляд Элинора падает на номер «Таймс» у нее на столе. «Лейбористское правительство уходит в отставку! Его сменяет правительство национального единства, возглавляемое Макдональдом. Является ли политика совместных усилий единственным способом остановить падение экономики?»... «Кризис немецкой банковской системы. Безработица в Америке возросла вдвое. Крах автомобильной промышленности. Машины становятся непозволительной роскошью».

Она откладывает газету. Подобное чтение вгоняет в депрессию. Такое ощущение, будто мир катится к концу. Остается лишь гадать, каким образом Англия и весь мир в целом выберутся из этого кризиса и выберутся ли вообще. Ответом на отчаяние народа становятся лекции и дебаты, проходящие по всей стране. На них обсуждаются способы излечения больной экономики. Вместе с Роуз и Марселем Элинор побывала на нескольких таких собраниях в Лондоне, где устроители ратовали за социалистический путь развития, проклиная богатых за чрезмерные накопления и нежелание поступиться хотя бы частью своего богатства. Единственным способом излечения там называлась социальная справедливость. Но Элинор посетила и другую встречу, на которой выступал сэр Освальд Мосли, недавно ушедший из потерявшего бразды правления лейбористского правительства. Он говорил о своем меморандуме. По мнению сэра Освальда, единственным способом спасения экономики была бы защита Британии от растущей глобализации, закрытие границ и устранение

межклассовых конфликтов. У Элинор сложилось мнение, что без плановой экономики дальнейшее развитие невозможно. Из сталинского Советского Союза эта идея распространяется по всей Европе, включая Италию, где правит Муссолини, и Германию, где ее активно поддерживает набирающая силу национал-социалистическая партия.

Вопреки желанию одних и нежеланию других перемены все равно грядут. И никто не знает, принесут они благо или новые беды.

Элинор вздыхает. Ей уже доводилось переживать тяжелые времена: гибель братьев, смерть отца, жестокое убийство матери, болезнь Мейбл, трудности в отношениях с Эдвардом. Но они с Роуз не пропали, а затем ее брак с Эдвардом помог пережить все тяготы. Самое важное, что Мейбл хорошо себя чувствует. Дочь совсем не напоминает ту заторможенную девочку с неясной речью и ограниченным набором слов, какой была в колонии. Вряд ли учеба будет даваться ей легко, да и ее жизненный путь вряд ли окажется усыпанным розами. Но Мейбл умеет смеяться, умеет любить, а в ее глазах ярко светится искорка интереса к жизни.

И сейчас, в конце дня, Элинор не мечтает ни о чем другом. Что бы ни ожидало ее семью впереди, вместе они все преодолют.

Что касается Эдварда, он медленно и осторожно распрямляет перекрученные нити своей жизни. Теперь его жизнь не проходит на виду. Он тихо и незаметно трудится, разрабатывая образовательную политику страны. Его исследования посвящены созданию методик обучения для тех, кого считают неспособными к учебе. Он более не сосредоточивается только на одаренных детях. Он занимается устройством специальных школ, где дети, не блещущие умственными способностями, могут получить необходимые навыки и затем приобрести профессию, какой бы заурядной она ни была.

Элинор смотрит на часы. Где-то через полчаса лондонский поезд привезет Эдварда, Роуз и Марсея.

Она начинает писать.

Дорогой доктор Эверсли!

Мне было приятно получить Ваше письмо и узнать об успешном строительстве нового здания на месте Младенческого замка. Я очень обрадована, что деньги,

собранные в результате моей благотворительной кампании «Лучшая жизнь для детей из колонии Хит», пошли на столь благое дело. Я в долгу перед моей дорогой подругой Софи и ее новым мужем лордом Мэттьюзом, сделавшими очень много для информирования общественности и поддержки проекта. Ваше описание того, насколько продуманным и удобным будет новое здание, впечатляет.

Еще больше меня порадовало известие о расширении программы по кетогенной диете и планах принять на полную ставку квалифицированную медсестру, которая будет помогать в осуществлении программы. Как вы знаете, мы строго следуем диете, предписанной нашей дорогой Мейбл, и ее состояние продолжает улучшаться. Припадки ее не беспокоят. Говорит она гораздо больше и обожает играть с младшим братишкой. Боюсь, скоро он опередит ее в развитии, поскольку малыш оченьмышленый и все быстро схватывает. Впрочем, это я так. Главное, что каждый день Мейбл делает шаг вперед.

И наконец, должна поздравить Вас, мой дорогой доктор Эверсли, с Вашей новой должностью главного консультанта по детской эпилепсии в Лондонской королевской больнице. Вы вполне заслуживаете столь престижную должность.

Теперь о вопросе, который мы обсуждали во время нашей последней встречи. Я всесторонне его обдумала и надеюсь, что моя дорогая сестра с ее связями в газетном мире поможет мне опубликовать серию очерков и они изменят в лучшую сторону отношение общества к эпилептикам и тем, кого называют слабоумными. Помимо моей благотворительной работы я буду рада и впредь сотрудничать с Вами, делая все, чтобы кетогенная диета, меняющая жизнь больных эпилепсией, становилась широко известной и более доступной.

Итак, до встречи в следующем месяце.

Искренне Ваша,

Элино́р Хэ́милтон

Из коридора слышится неистовый лай, сопровождаемый царапанием пола. Должно быть, Байрон услышал машину, возвращающуюся со станции.

Так оно и есть. Эдвард сидит за рулем «санбима». За его спиной, на заднем сиденье, едва виднеются головы Роуз и Марселя.

– Мама! Мама! – кричит бегущая к ней Мейбл. – Папа приехал!

– Папа приехал! – вторит сестре Джимми.

Улыбаясь, она берет детей за руки, и они втроем бегут встречать машину, остановившуюся перед домом.

После дневной тишины дом наполняется какофонией звуков. Хлопают двери, слышатся восклицания «Привет всем!», «Как приятно вернуться домой!» и «Роуз, осторожнее!». Байрон повизгивает и шумно дышит, дети смеются. Марсель помогает Роуз выйти из автомобиля. Она на седьмом месяце, и живот уже выпирает из-под платья. Вид у нее радостный и счастливый.

Улыбающийся Эдвард подходит к Элинор, обнимает ее и детей. Она вдыхает его знакомый древесный запах, чувствует его сильные руки на своей талии и знает: что бы ни случилось в неустойчивом внешнем мире, здесь, в этом маленьком его уголке она окружена семьей. И это все, что ей необходимо для ощущения счастья и безопасности.

Послесловие автора

Эта книга началась одиннадцать лет назад со стихотворения. Его я написала на самой ранней стадии болезни моей дочери. Ей исполнилось всего два года, как откуда ни возьмись у нее начались изнурительные припадки. Ее заболевание не поддавалось действию никаких обычных лекарств. Я не стану повторять здесь все стихотворение, приведу лишь наиболее значимые строки:

Ты так мала, но ты – моя на раны соль,
И лишь любовь твоя мою снимает боль.
Я знаю: не поддашься ты судьбе,
Не подчинишься чудищу в тебе.

Именно так это и виделось: чудовище, завладевшее нашим ребенком. Я читала отчеты других людей, где они часто описывали свою болезнь в таких терминах, как «посетительница» или «она». Подобно тому, как рак иногда называют врагом, с которым необходимо сражаться, эпилепсия имеет личность. Полагаю, это и побудило меня дать ей высказаться на страницах книги.

Мы до сих пор не знаем причин, вызвавших эпилепсию у нашей дочери. Более года она страдала от повторяющихся припадков. Если их было около тридцати, день считался хорошим. В плохой число припадков переваливало за сто. Мы перепробовали различные лекарства, которые ничем не помогали нашей малышке, а лишь вызывали ужасные побочные эффекты. Эпилепсию у нашей дочери отнесли к категории трудноизлечимых. Она находилась в неконвульсивном эпилептическом статусе, то есть не выходила из эпилептического состояния, что катастрофически сказывалось на ее развивающемся мозге. День за днем мы наблюдали ее регресс. Из разговорчивой, игривой, любопытной маленькой девочки с парадоксальным чувством юмора она превращалась в трагическую тень себя прежней. Она стала утрачивать все свои навыки: речь, способность играть, умение проситься в туалет. Во время ходьбы она спотыкалась и падала. Смотреть на ее угасание было пыткой. Когда

лечащий невролог перепробовала на ней действие всех лекарств (принятие одного из них сопровождалось страданиями, очень похожими на страдания Мейбл, хотя я не ставлю знака равенства), эта женщина в качестве последнего средства упомянула кетогенную диету.

Тогда я впервые услышала об этой диете и занялась поисками. Я узнала, что кетогенная диета была широко распространена в 1920-х годах, пока не появились другие противосудорожные препараты. Ее предали забвению, которое продолжалось до конца девяностых годов, когда эту диету снова стали применять для лечения детей, чья эпилепсия не поддавалась воздействию обычных лекарств. Это был луч надежды. Результаты лечения выглядели обнадеживающими. Однако этот луч быстро погас, когда мы узнали о длинном списке ожидающих кетогенного лечения. Очередь растянулась на полтора года. Поскольку в то время диета считалась экстремальной, ее проведение должно было начинаться в больнице, под наблюдением специально подготовленных медсестер, а такие тогда встречались очень редко. Мы, конечно же, снова впали в отчаяние.

Нашей дочери исполнилось три года. Пока мы ждали своей очереди, ей стали давать другое лекарство, считавшееся в то время весьма необычным, – *леветирацетам*. И, о чудо, оно помогло! Последний припадок у нашей дочери в тот год случился в Пасхальное воскресенье, и с тех пор они не повторялись. Таким образом, диета ей вообще не понадобилась. Однако мне известно о большом количестве детей, на которых не действовали никакие лекарства, но которым помогла кетогенная диета. Один из этих детей ныне уже подросток; он по-прежнему находится на диете и ведет полноценную, здоровую жизнь, свободную от припадков.

Итак, мы избавились от кошмара припадков, но ими не исчерпывались невзгоды, ожидавшие нас. В возрасте трех с половиной лет развитие нашей дочери соответствовало уровню десятимесячного младенца. Нам говорили о том, что обучение будет даваться ей с громадным трудом, и предупреждали, что она вряд ли сможет жить самостоятельно. На мой вопрос, чем мы можем ей помочь, консультант ответил: «Чем больше усилий вы приложите, чем больше объем примененной терапии, тем лучший результат вы получите».

И тогда мы начали обучать дочь всему, чему только могли. Это затрагивало как умственный, так и физический план. В девятилетнем

возрасте она полностью прекратила прием лекарств, и сегодня, в свои тринадцать лет, не страдает от припадков. Нам повезло. За эти годы здоровье нашей дочери значительно улучшилось. Ей и нам это далось нелегко, и ее дальнейший жизненный путь по-прежнему изобилует преградами, но ее достижения удивительны. Мы не только вернули нашу замечательную девочку с ее парадоксальным чувством юмора; она превратилась в упорную и пытливую юную леди, которая имеет достижения в спорте, посещает обычную школу и окружена множеством друзей. И хотя наша история развивается благоприятно, наследие той болезни остается не только в дочери, но и во всех нас. Наша семья хранит шрамы от глубоких ран, нанесенных этой чудовищной эпилепсией каждому из нас.

Не могу отделаться от грустной мысли: родись наша дочь на сто лет раньше, ее, вне всякого сомнения, еще в детстве поместили бы в заведение для эпилептиков, где, скорее всего, она провела бы и всю дальнейшую жизнь. Даже во второй половине двадцатого века эпилептиков продолжали изолировать от общества, несмотря на то что огромное большинство этих людей не имели когнитивных нарушений. Клеймо эпилептика и маргинализация больных эпилепсией существуют и в наши дни. Отчасти мы это испытали на отношении окружающего мира к нашей дочери.

Евгеническое движение

Общие темы, представления, философия мышления и исторический контекст этой книги являются фактологически точными. Некоторые специфические особенности были изменены или адаптированы под сюжет и хронологию. До того как я начала собирать материал для романа, все мои мысли о евгенике касались исключительно нацистской Германии. Собирая материал для моего предыдущего романа «Дочь рейха», действие которого разворачивается в Германии во время прихода Гитлера к власти, я познакомилась с рядом публикаций о лженауке, именуемой евгеникой, но в них нигде не говорилось, что ее истоки лежат за пределами нацистской Германии. Поэтому я испытала некоторый шок, начав исследовать идеи, которые в 1920-х годах легли в основу

антигуманного обращения с людьми, страдающими душевными расстройствами, включая эпилепсию. Тогда-то я и обнаружила, что нацистская Германия лишь заимствовала принципы евгеники, широко известные и признанные как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Евгеническое движение зародилось в Англии в конце XIX века, в XX веке оно было необычайно широко распространено в течение первых тридцати с лишним лет. Оно активно распространилось по Соединенным Штатам, где некоторые штаты пошли дальше Англии в принятии законов, базирующихся на принципах евгеники. Это движение превалировало также в нескольких европейских странах и, как все мы знаем, было с энтузиазмом воспринято нацистской партией в Германии. Но в отличие от нацистской Германии и Соединенных Штатов, где главной движущей силой местных евгенистов была раса, в Англии такой силой был класс.

Фразеология и само понятие евгеники впервые были приняты в конце XIX века сэром Фрэнсисом Галтоном, двоюродным братом Чарльза Дарвина. Он заимствовал у своего знаменитого родственника идею об улучшении пород скота и посчитал, что аналогичный принцип должен быть применен и к людям для улучшения их способностей. Концепция избавления от «никчемных людей» и увеличение пропорции «ценных членов общества» в общей численности населения приобрела значительную популярность во всем тогдашнем политическом спектре. В поддержку движения выступали не только правые, но и известные социалисты, такие как Сидней и Беатриса Уэбб, Джон Мейнард Кейнс, Вирджиния Вулф, Джордж Бернард Шоу, Уильям Беверидж, Г. Дж. Уэллс, Мэри Стоупс и многие другие.

Естественно, находились и противники, но их было немного. Для предотвращения деградации населения Англии в 1907 году было создано Общество евгенического просвещения, которое повело кампанию за стерилизацию и ограничения по вступлению в брак для тех, кого считали «непригодными». В 1912 году в Лондоне прошла первая международная конференция по евгенике. На ней председательствовал Леонард Дарвин, младший сын Чарльза Дарвина. Он возглавлял движение, впоследствии переименованное в Евгеническое общество, вплоть до 1929 года. Сторонниками движения являлись многие известные политические деятели, включая Уинстона Черчилля и лорда Бальфура. Было предложено принять

законодательство о насильственной стерилизации и изоляции «слабоумных». Под это широкое понятие попадали все, имеющие трудности с обучением, а также эпилептики, преступники, асоциальные элементы, алкоголики и те, кого сочтут «никчемными» и вредными для здоровья населения в целом.

Законопроект встретил почти всеобщую поддержку, но к 1913 году, когда он получил статус закона («Акт об умственной дефективности»), его содержание было существенно выхолощено благодаря героическим усилиям Джозаи Веджвуда, члена парламента от либеральной партии. Он получил поддержку на основании двух приведенных им аргументов: во-первых, непомерные и пока неизвестные затраты на сегрегацию и стерилизацию значительных слоев населения; во-вторых, нарушение свободы личности, подавляемой государством. Другие аргументы, такие как лженаука, на которой была выстроена вся концепция, а также невозможность точно определить, кто и каким образом подпадает под статьи законодательства, остались не услышанными.

Первая мировая война (1914–1918) отвлекла внимание от евгенического движения, но к середине двадцатых годов о евгенике заговорили вновь. Хотя экономика полностью оправилась от последствий войны, многие страны столкнулись с невиданным ростом безработицы. К этому добавилась растущая озабоченность диспропорцией в росте численности разных слоев населения. В семьях бедняков было по семь-восемь детей, тогда как в семьях среднего класса и высших слоев только по два-три ребенка. Со дня революции в России не прошло и десяти лет, и в Англии всерьез боялись повторения «русского сценария». Двадцатые годы прошлого века характеризовались значительными экономическими и социальными потрясениями и бурными дебатами о неустойчивом будущем привычной жизни. Говорилось об обреченности капитализма и западной демократии, и люди испытывали неподдельный страх. Просто поразительно, как отголоски тех лет перекликаются с нашим временем.

Евгеническое движение вновь набрало силу. Соединенные Штаты пошли дальше всех. Сотни и тысячи людей были изолированы от общества под весьма сомнительными предлогами, а десятки тысяч – насильственно стерилизованы. В штате Нью-Йорк, на Лонг-Айленде,

существовал Евгенический архив, возглавляемый Чарльзом Давенпортом и Гарри Лафлином (оба фигурируют в моем романе). Одна из глав в книге Лафлина называлась «Образец евгенического закона о стерилизации». На основании ее текста в нескольких штатах было принято соответствующее законодательство. Дело Кэрри Бак, в котором Гарри Лафлин выступал экспертом, – это реальный судебный процесс. Ни разу не видев этой женщины, Лафлин написал о необходимости ее стерилизации. В составленный им список тех, кто подлежит изоляции и стерилизации, включены и эпилептики, хотя он сам страдал эпилепсией.

В 1933 году немецкий рейхстаг принял «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями», почти целиком основанный на модели Лафлина. Сам Лафлин удостоился почетной степени в Гейдельбергском университете за свой вклад в науку о расовой чистоте.

Концепция высшей арийской расы, ставшая государственной политикой Германии, тоже впервые появилась не на немецкой земле. За несколько десятилетий до этого в Калифорнии культивировались идеи о превосходстве светловолосых и голубоглазых людей нордической расы – расы господ. Все это щедро финансировалось филантропическими организациями, такими как фонды Карнеги, Рокфеллера и Гарримана. Фонд Рокфеллера также финансировал немецкую евгеническую программу, включая и изучение близнецов, проводимое Йозефом Менгеле, пока тот не перенес его в Освенцим.

Как известно, расовая политика нацистов закончилась для них Нюрнбергским процессом, где рассматривался геноцид и преступления против человечества. В числе прочих были предъявлены обвинения о жестоком обращении с людьми в период, предшествующий началу войны в 1939 году. Эти зверства стали возможны благодаря американской программе насильственной стерилизации «никчемных». На процессе обвиняемые пытались защищаться, хотя и безуспешно, ссылаясь на калифорнийские евгенические организации. В Англии в 1931 году парламентарий-лейборист Арчибальд Чёрч представил еще один законопроект о стерилизации пациентов с определенными душевными заболеваниями. Закон так и не был принят, но «добровольная» стерилизация в принудительном порядке наверняка проводилась. В любом случае

изоляция больших групп людей, проводимая на основе законодательства 1913 года (этот закон не был отменен вплоть до принятия в 1959 году Закона о психическом здоровье), эффективно предотвращала нежелательные браки и скрывала от глаз общественности всевозможных «непригодных».

Персонажи и местоположение

В этом романе действуют как реальные, так и вымышленные персонажи. Элинор и Мейбл целиком придуманы мной. Ряд второстепенных персонажей – сторонников евгенического движения – реально существовали. К их числу относятся Гарри Лафлин, Чарльз Давенпорт, Рокфеллер-младший, Леонард Дарвин, Мэри Стоупс и Маргарет Сэнгер. Эдвард имеет некоторое сходство с сэром Сирилом Бертом, известным в то время евгенистом и психологом, работавшим в сфере образования. Но я изменила столько всего связанного с ним, что поневоле была обязана вывести его под другим именем. Происхождение Эдварда, его роль во время войны и его личность целиком являются плодом моего воображения. Эдвард пересмотрел свои воззрения на евгеническое движение (в реальном мире бывает, что известные люди меняют свои взгляды), однако настоящий сэр Сирил всю жизнь оставался сторонником евгеники. Мой герой фальсифицирует результаты данных, касающихся приемных детей. После смерти сэра Сирила Берта выяснилось, что он *якобы* фальсифицировал данные по исследованию близнецов, чтобы подкрепить ими свою теорию о наследовании умственных способностей. Более ранняя его работа, которая не подвергалась сомнению и на основе которой была выстроена система средних школ в Англии, а также его методика проверки умственных способностей в одиннадцатилетнем возрасте были встречены с большим одобрением и принесли ему рыцарское звание. Однако методология, применяемая им в исследованиях, тоже подверглась сомнению. В лучшем случае его обвиняли в поспешности, а в худшем – в халатности и даже в намеренном искажении ряда данных, хотя подобные обвинения остаются недоказанными.

Колония, описанная в моей книге, тоже вымышленная, но имеет своим прототипом реально существовавшую колонию. Я дала ей другое название и изменила местонахождение, поскольку настоящая колония по-прежнему существует, хотя и перестала быть колонией, превратившись в школу для детей с серьезными случаями эпилепсии. Я признательна работникам этого места, благосклонно встретившим меня и открывшим мне свой архив. В реальной колонии действительно существовали Младенческий замок (правда, он был закрыт в 1923 году как не отвечающий необходимым требованиям для проживания малолетних детей) и центр Красного Креста для контуженных ветеранов Первой мировой войны. Колония, выдуманная мной, представляет собой скорее смесь колонии и психиатрической клиники, поскольку я уверена, что настоящая колония была более светлым и радостным местом, чем моя, хотя и там имелись свои особенности. В колонии жили те, чьи когнитивные способности были нарушены лишь в незначительной степени и чей коэффициент умственного развития соответствовал минимальному уровню. Те же, у кого он был ниже, не считались пригодными для проживания в колонии. Родители могли свободно забрать своих детей из колонии, но, как ни печально, большинство родителей не следовали примеру Элинор.

Я провела обширное изучение материалов по другой местной колонии, закрытой в 1990-х годах, а также приюта для душевнобольных. Это были страшные материалы, от чтения которых разрывалось сердце. Я прочла о маленькой девочке, мать которой сказала ей, что оставит ее в детском доме всего на ночь, а утром заберет. С тех пор прошло более семидесяти лет. Несчастливая женщина по-прежнему находилась в стенах заведения, так больше и не увидев своей матери. В папках с делами пациентов мне встречались их рисунки, и каждый – повествование о печальной, забытой жизни, зримо лишенной любви и семейной заботы. По ним можно было составить представление об отношении персонала к пациентам: в лучшем случае равнодушное, а в худшем – неприязненное, раздражительное и жестокое. Я почувствовала желание извлечь из забвения жизни этих пациентов и показать, что их помнят. И потому эту книгу я отчасти написала и для них.

Евгеническая философия пользуется поддержкой и в наши дни, когда требуются аргументы против тех, кто принял решение родить детей, зная, что эти дети появятся на свет с генетическим нарушением или инвалидностью. Но понятие инвалидности само по себе спорное; состояние, которое один человек может считать инвалидностью, другой воспринимает просто как некоторое отличие. Мы научились проводить предимплантационную диагностику эмбрионов и получили возможность предсказывать, какой из них окажется более умственно развитым. Таким образом, мы можем выбирать, какой из эмбрионов отвергнуть.

Некоторые общества и правительства имеют совсем иную точку зрения по сравнению с той, что принята в Британии и Америке, и считают, что интересы личности должны подчиняться интересам нации. Такие страны стремятся улучшить состав своего населения посредством евгенических принципов. Их программа существенно расходится с нашей нынешней идеологией.

Выскажу свою личную точку зрения. Хотя я и понимаю пользу от уменьшения или устранения определенных наследственных болезней, нам следует проявлять осторожность при вмешательстве в природу, поскольку мы не знаем, куда оно может завести. Достаточно заглянуть в историю, чтобы увидеть все опасности такого вмешательства, когда оно принимало крайние формы.

Благодарности

Благодарю потрясающую команду издательства «Head of Zeus» за все. Особая благодарность моему изумительному издателю Ханне Смит, которой я так признательна за ее поддержку, проницательность и видение перспективы. Это было настоящей командной работой! Благодарю бесподобного литературного редактора Кэти Николл за ее тщательную работу, за проверку всех исследований, о которых упоминается в романе, и за вдумчивые комментарии. Благодарю моего прекрасного нового редактора Ханну Тодд, а также Викторину Джосс, Кейт Эплтон и многих других, чьими стараниями этот роман превратился из зародыша идеи в осязаемую книгу, доступную читателям. Благодарю талантливых художников по обложке, печатников, распространителей и продавцов. Каждому из вас я безмерно благодарна.

Моя искренняя благодарность потрясающему литературному агенту Кэролайн Хардман, которая всегда, особенно в последний, самый трудный год, спокойно и преданно поддерживала меня. Уверена, я не единственная, кого эта пандемия неоднократно вышибала из колеи, но Кэролайн всегда оставалась спокойным голосом разума, подбадривала меня, а порой и выступала в роли психотерапевта! Благодарю Терезу Коэн, сделавшую так, чтобы мой роман читали во многих странах, а также всю команду «Hardman & Swainson», сумевшую великолепно приспособиться к этим трудным условиям.

Мне посчастливилось заниматься сбором материалов для романа в благословенное время, когда мы еще ничего не знали о COVID и локдаунах. Я безмерно благодарна сотрудникам Центра истории графства Суррей, которые существенно мне помогли, предоставив доступ к документам по давно закрытым приютам и колониям для эпилептиков. Я также благодарю Сью Тёрнер и Элис Рейнольдс за щедрое разрешение воспользоваться их архивом. Считаю своим долгом поблагодарить еще одного человека, чье имя я называть не вправе. Он посоветовал мне обратиться к армейским материалам, касающимся награждения, лишения наград и наказаний, подобно

тому, что могло ожидать Эдварда. Думаю, этот человек поймет, о ком речь!

Что касается моего сбора материалов, для тех, кого это интересует более углубленно, сообщаю: очень много информации по кетогенной диете я почерпнула из онлайн-библиотеки Wiley, а по евгенике – из евгенического архива в The Wellcome Library. Я прочла объемистую книгу сэра Сирила Берта «Малолетний преступник». Я также читала различные публикации о жизни, политике, социальных переменах и мышлении в эпоху двадцатых и начала тридцатых годов XX века, а также о биржевой катастрофе, разразившейся в 1929 году.

Особого упоминания заслуживает группа авторов The D20 Authors (ищите нас в Twitter – @TheD20Authors). Все авторы нашей группы опубликовали свои дебютные романы в 2020 году, когда повсюду закрывались книжные магазины и отменялись встречи, которых мы ждали с таким нетерпением. Нас связывали не только еженедельные беседы в Zoom, но и поддержка друг друга и наших книг по всем социальным сетям. Группа буквально спасла меня в этом году. В действительности мы все спасали друг друга. Мы объединились не только для встреч, проходящих в Интернете, фестивалей и промоакций, но и для взаимной поддержки и празднования успехов каждого из нас. Авторы D20, все вы – настоящая скала!

И наконец, моя величайшая благодарность моей семье. Мы оказались запертыми вместе на несколько месяцев. Написание этой книги пришлось на время, трудное не только для меня, но и по-своему трудное для каждого из вас. Но вы превзошли себя. Спасибо за выслушивание моих жалоб по поводу сюжета и персонажей. Вы помогали чем могли. Спасибо за то, что были моими первыми читателями, оберегали и поддерживали меня. Спасибо за еду, приготовленную вами, за чистоту и порядок, которые вы поддерживали. Без вас я бы никогда не довела свой замысел до конца.

Содержание

Часть первая. Июль 1928 года 11

Часть вторая. Январь 1929 года 137

Часть третья. Июль 1929 года 319

Часть четвертая. Сентябрь 1929 года 403

Послесловие автора 497

Благодарности 508

notes

Примечания

1

Старинная английская детская песенка, появившаяся еще в 1770-е годы. Автор приводит одну из многочисленных версий. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Модницей (*фр.*).

3

В переводе с английского это имя означает «грациозность», «изящество».

4

Жилье (*фр.*).

Дело, слушавшееся в Верховном суде США (1927) и подтвердившее законность положения о принудительной стерилизации «неполноценных» людей, включая умственно отсталых, с целью «защиты и здоровья нации».

Имеется в виду любовница английского вице-адмирала Горацио Нельсона. По устоявшейся традиции ее фамилия пишется несколько иначе – Гамильтон.

Роман Вирджинии Вулф, вышедший в 1925 г.

Начало известного стихотворения английского поэта Эдварда Лира (1812–1888).

Я восхищен (*фр.*).

10

Известная колыбельная, написанная Иоганнесом Брамсом.

Не так ли? *(фр.)*

Мне очень жаль (*φρ.*).

Впечатляющий (*фр.*).

Итак... Мейбл, дорогая, ешь, пожалуйста (*фр.*).

15

Очень хорошо (*фр.*).